

Мальчик и гоблин

Антон Боровицкий

Содержание

Часть первая	3
Глава 1 — Мальчик и девочка	5
Глава 2 — Мальчик и колдун	14
Глава 3 — Мальчик и тайна	21
Глава 4 — Мальчик и подземелье	31
Глава 5 — Мальчик и Долг	47
Часть вторая	65
Глава 6 — Мальчик и зеркало	67
Глава 7 — Мальчик и Город	83
Глава 8 — Мальчик и враг	103
Глава 9 — Мальчик и папа	124
Глава 10 — Мальчик и пленник	140
Глава 11 — Мальчик и Старшие	156
Глава 12 — Мальчик и Номос	176
Глава 13 — Мальчик и Фея	203
Глава 14 — Мальчик и гоблин	216
Сцены после титров	227
Первая	229
Вторая	229

Посвящается моим детям.

Часть первая

Глава 1 — Мальчик и девочка

— Я так больше не могу, — сказала мама. — Нам надо пожить отдельно, Лёша.

Папа тяжело вздохнул и опустился на диван, уставившись перед собой.

— О Гошке подумала? — тихо спросил он. — Пацану скоро десять, а мы ему на день рождения — развод?

— Это не развод, — вздохнув, ответила мама, — это...

— Вот именно, — перебил папа. — Ты сама не знаешь чего хочешь.

Он мрачно прошёлся по комнате, остановившись у окна.

— Я понимаю, что служба отнимает много времени. Но мы не должны и не можем разрушать семью! Понимаешь?

— Служба отнимает всё твоё время, — тихо ответила мама. — Наше время. Мы тебя почти не видим!

— Нельзя думать лишь о себе, Люда! — обернулся к ней папа. — Если каждый будет...

— Только не начинай про страну, — поморщилась мама. — Союза больше нет, зато есть сын, которому нужен отец. Твои командировки... ты рискуешь жизнью в мирное время. Зачем?

— Затем, чтобы ты могла спокойно спать и ходить по улицам, — нахмурился папа. — И Гошка — мог, и другие пацаны и девчата! Какое мирное время, Люда, ты давно телевизор не включала? Знаешь, сколько кругом...

Он недоговорил. Махнув рукой и заиграв желваками, папа устался в угол. Мама замерла у стола, задумчиво и грустно скрестив на груди руки. Она казалась маленькой, потерянной и незащищённой. Увидев это, папа встал и положил руку ей на плечо, но мама отстранилась, сделав шаг назад.

— Мы просто возьмём паузу, — твёрдо произнесла она. — Сейчас лето, возьмём отпуск подлиннее и разъедемся. Мне дадут точно, ты тоже заслужил. Надо подумать, как жить дальше. А Гоша ничего не узнает и не поймёт. Отправим его к бабушке в деревню, он только рад будет.

Но Гоша узнал и понял, потому что подслушивал и подсматривал сквозь неплотно прикрытую дверь комнаты. Развод, как у Кольки в семье. И у Наташки. Её родители тоже вот так разъехались, а больше не съехались. Никогда. Теперь Наташка видит папу раз в неделю, а у колькиного отца в новой семье родилась дочь. Колька ещё говорил, что терпеть её не может. И что навещает его папа всё реже.

Ошеломлённый свалившимися на голову вестями, Гоша присел на край кровати. В салоне стало тихо. Немного погодя мама ушла в душ, а папа включил электрический чайник. Подслушивать было нечего, и мальчик прилёг, накрывшись с головой одеялом.

Развод. Гадкое, словно осиное жало, слово. И звучит под стать: «раз-з-звод». Слово осиный рой влетел в комнату и свил гнездо под потолком. Что делать? Как помирить родителей? Говорить, что всё слышал, нельзя. Не такой он дурак, чтобы говорить! Скажет — они ещё больше занервничают и наделают глупостей. А папа всегда учил, что в трудной ситуации нужно успокоиться и действовать хладнокровно.

Хладнокровно... попробуй тут хладнокровно, когда душу терзает липкая тревога. Что будет с ним? С родителями? Неужели папа тоже заведёт новую семью и забудет про Гошу?

Мысли пропали, уступив место тёмному тревожному чувству. Спустия пару минут мальчик, поворочавшись, уснул.

— Подъём, Гошка! — разбудил утром папа. — Хорош бока отлёживать, восемь почти. Поднимайся — и марш зубы чистить, пока спичка не догорела, — он улыбался и вёл себя, как обычно, но Гоша заметил, что в папиных глазах притаилась, как говорила мама, «грустинка».

Мама тоже вела себя обычно, подав, правда, на завтрак любимые Гошей гренки. Она делала их редко, называя почему-то мудрёным словом «калорийные». А сегодня — пожарила, что было неспроста.

Гоша молчал как партизан, делая вид, что всё в порядке. И родители делали, правда, не очень успешно. За столом повисла пауза.

— Гошка, мы хотим отправить тебя на лето к бабе Соне, — переглянувшись с мамой, нарушил затянувшееся молчание папа. — Накупаешься, загорись, к школе сил наберёшься. Да и пацаны тамошние по тебе, поди, соскучились. Что скажешь?

А что говорить? У бабы Сони здорово, последний раз Гоша был у неё давно. Только вот...

— А разве она не болеет? — уточнил мальчик. Пару лет назад бабушка захворала и даже приезжала к ним в Москву, чтобы ходить по врачам. Спустя пару недель ей всё надоело, и бабушка уехала, как она выразилась, «на малую родину».

— Уже нет, — серьёзно ответил папа, — вылечилась. Говорит, народной медициной. Поедешь туда и всё разузнаешь, потом доложишь по форме. Мы с ней уже пообщались, она ждёт не дожждётся любимого внука. Ну так что, по рукам, рядовой Георгий?

Папа называл его «рядовым Георгием» когда был в хорошем настроении. Но сегодня он в нём не был, и Гоша это чувствовал.

— По рукам, — серьёзно кивнул мальчик. Мысль о поездке в деревню немного приободрила. Накануне, когда подслушивал, он не придал этому значения, не до того было. А сейчас, узнав, что бабушка выздоровела, Гошка обрадовался.

— А вы? — спросил он с невинным видом у родителей. — В Москве останетесь?

— Я — да, — невесело улыбнулся папа. — Дела у меня, брат, образовались, срочные. А мама в отпуск поедет, развеяться немножко. Устала она с двумя оболтусами нянчиться.

Мама молчала, уставившись в чашку с недопитым кофе.

— Ма-ам, — позвал её Гоша. Вскинувшись, она посмотрела на сына.

— Да, Гошенька?

— Мам, а ты... — Гоша замялся, поняв, что сейчас брякнет лишнего. — Ты отдыхай, мам. Набирайся сил. Я себя хорошо буду вести, обещаю. И бабушке помогать.

— Следующая станция — «Силикатная», — произнёс из динамиков голос электронной тётки.

Загудев, вагоны тронулись с места. В вагоне было не продохнуть несмотря на дующий из открытых форточек ветерок. Мама обмахивалась купленной на вокзале газетой, словно веером. Гоша молча и мрачно потел.

Через вагон один за другим проходили торговцы, музыканты и попрошайки.

— Пирожки, горячие пирожки!..

— Уважаемые пассажиры, спешу предложить вашему вниманию...

— А белый лебедь на пруду-у-у...

Какой-то мужчина в потёртой кожаной куртке плюхнулся на освободившееся напротив место. Внимательно оглядев маму, он приступил к решительным действиям:

— Девушка, а что это вы такая красивая и одна? Может быть, познакомимся?

Гоша съёжился. Ему не нравился этот тучный, краснолицый дядька с большими мозолистыми ладонями. Не нравился идущий от него запах пива и беляшей, а ещё очень не нравилось, как он смотрит на маму. Будь с ними папа, мужику бы не поздоровилось.

«А что, если мама согласится? — пронзила сознание неприятная мысль. — Они же с папой теперь не вместе. Вдруг она сейчас...».

— Мужчина, я замужем и с ребёнком, — смерив краснолицего взглядом, ледяным тоном ответила мама. У Гоши отлегло от сердца, но мужик не унимался:

— Ну и что, что замужем? — притворно весёлым голосом спросил он, прищурившись. — Муж не стенка, подвинется. А детей я люблю. Хочешь, мальчик, конфетку? — обратился он к Гоше.

— Не хочу, — буркнул Гоша.

— Пожалуйста, оставьте нас в покое! — повысила голос мама.

— Да ладно тебе, чё ты ломаешься? — злобно прошипел, наклонившись к маме, мужик. Гоша окаменел, ему было очень страшно.

— Слышь, уважаемый, — донеслось откуда-то сверху. — Оставь в покое женщину, сказали же тебе.

Гоша обернулся. Над дядькой нависал крепкий светловолосый парень в тренировочном костюме, недобро глядящий на прилипчивого ухажёра. Криво улыбнувшись, мужик поднял руки:

— Понял. Я — что? Я ничего. О, а вот и остановка моя.

Злобно зыркнув на Гошу, краснолицый вышел в тамбур.

— Спасибо вам, — кивнула мама. — Он бы не отстал.

— Да чего там, — махнул, присаживаясь на освободившееся место, парень. — Не люблю таких... потёртых. Ну, — подмигнул он Гоше, — может, познакомимся? Ты не бойся, я к маме приставать не буду.

— Меня Гоша зовут, — пожал протянутую руку мальчик.

— Людмила, — улыбнувшись и поправив причёску, представилась мама.

— Очень приятно, — серьёзно кивнул парень. — А я — дядя Олег. Куда едете, Людмила? Если не секрет, конечно.

— Мы до Телепино, — ответил вместо мамы Гоша.

— Телепино? — присвистнул парень. — Так и я туда же! У вас там никого знакомого нет? — обратился он к маме. — Я в отпуск в кои-то веки выбрался, на работе друзья сказали, у вас там озеро шикарное. Ещё говорили, дом снять проще простого. А я вот теперь думаю — вдруг не пустят? — он широко улыбнулся, сверкнув ровными белыми зубами.

— Вы не волнуйтесь, — быстро ответила мама, — без крова над головой не останетесь. У меня там свекровь, она всех в деревне знает. Если что, могу попросить её сдать вам комнату.

— Благодарю, — серьёзно ответил попутчик, — не хотелось бы стеснять.

— Вовсе вы не стесняете, — улынулась мама. — Я оставлю Гошу у бабушки, а сама уеду. Живите на здоровье.

— Ну, тогда ладно, — рассмеялся дядя Олег. — Но ко мне друзья приехать могут, порыбачить и даже переночевать. Вы не думайте, мы люди приличные. Без музыки и гулянок. Ну, почти, — подмигнул он мальчику.

— Договорились, — засмеялась в ответ мама. И Гоша подозрительно посмотрел на неё.

— «Телепино». Следующая станция... — недослушав электронную тётю, Гоша выскочил за мамой на одиноко стоящую в поле платформу. Вечерело, в небе проступили первые звёзды. В лицо подул тёплый, приятный ветерок, наполненный запахами цветущих трав.

— Вы что, сама его нести собрались? — удивлённо спросил дядя Олег, вынося на перрон мамин чемодан. — Как представитель малого бизнеса не могу допустить.

— Не стоит, он не тяжёлый, — принялась отнекиваться мама. — Мы его на колёсиках...

— На колёсиках? Ну-ну, — хмыкнул дядя Олег, скептически оглядывая битый асфальт дорожки. — Отлетят ваши колёсики, тут нести надо.

Взяв чемодан, он легко поднял его за боковую ручку. Гоша с удивлением понял, что дядя Олег очень сильный. Почти как папа.

— Спасибо вам, — прижала руки к груди мама. — Обычно муж помогает, но в этот раз ему пришлось остаться в Москве.

— А кем муж работает, если не секрет? — заинтересовался дядя Олег.

— Он не работает, служит. Он офицер.

— Офице-ер, — уважительно присвистнул дядя Олег. — Больше вопросов не имею. Кому охота нарушать режим секретности? — подмигнул он Гоше.

Идти надо было далеко. Обычно по разбитой, ведущей от станции грунтовке пылили грузовики, которые могли подбросить до деревни, но в этот раз дорога как на грех была пуста. Тяжёлый рюкзачок натирал плечи, но Гоша терпел, беря пример с непринуждённо беседующего с мамой дяди Олега.

— Виды у вас какие, — не переставал радоваться тот. — А воздух, м-м-м. Чудо, а не воздух! Дурак я был, что друзей не слушал. Давно надо было приехать.

Сняв спортивную куртку, дядя Олег обмотал её вокруг пояса и остался в чистой, белоснежной футболке. Он вообще был аккуратный и выглаженный, словно военный на параде.

Пройдя пару километров, они поднялись на небольшой холм, откуда открывался вид на деревню и прилегающее озеро. На тихой глади застыли несколько лодочек, окошки домов приветливо мерцали в вечерних сумерках. Где-то протяжно мычала корова.

— Ничего себе озерцо, — остановившись, чтобы передохнуть, удивлённо произнёс дядя Олег. — Да в нём атомную подлодку спрятать можно!

— Я все места для рыбалки знаю, — важно заметил Гоша. — Могу показать, если хотите.

— Тю, Гошка, — спохватился дядя Олег. — Ты устал поди, брат. Садись на плечи.

— Что вы, — протестующе замахала руками мама, — не стоит! Он вполне может пройти сам. Гоша, не вздумай!..

— Давай, давай, — не обращая внимания на маму, настаивал дядя Олег. Опустившись на корточки, он помог Гоше вскарабкаться себе на закорки, после чего, крикнув, распрямылся.

Дядя Олег был крепким и жилистым. Сидя на нём, мальчик чувствовал себя великаном. Ему вдруг тоже захотелось стать большим и сильным. Чтобы ничего не бояться, чтобы всегда быть уверенным в себе. А ещё — чтобы помирить родителей!

— Го-ошенька! — поприветствовала их бабушка Соня. Опираясь на палочку, она бочком спустилась с крыльца и захромала через участок.

— Внучок мой ненаглядный! — прижала она мальчика к груди. Только сейчас Гоша понял, как соскучился за эти несколько лет. Прильнув к ней, мальчик услышал, как бьётся бабушкино сердце. И лекарствами от неё больше не пахло.

— Вы уж простите, что не встретила, — начала оправдываться баба Соня.

— Что вы, Софья Матвеевна! — перебила её мама. — Какое «встретила»! Вам бы отдыхать, а мы свалились как снег на голову. Уверены, что справитесь?

— Слышать ничего не хочу, — махнула рукой бабушка. — Ты не смотри, что я с этим, — приподняла она палочку. — Выздоровливаю, точно тебе говорю. Низкий поклон Валерию Кузьмичу, что на ноги поставил, — кивнула баба Соня на стоящую далеко на отшибе избу.

Гоша поёжился. Валерия Кузьмича в деревне небезосновательно считали колдуном и побаивались. Угрюмый заросший бородой дед жил на отшибе и почти ни с кем не общался. Как-то раз Гоша услышал, что старик знает с «нечистой силой». Что такое «нечистая сила» Гоша не знал, но полагал, что это какие-то грязные, вонючие создания.

— Кстати, Софья Матвеевна, — вспомнила вдруг мама. — Это Олег, наш попугайчик. Приехал в отпуск, ищет комнату на съём. Может быть...

— Не надо, — смущённо запротестовал дядя Олег. — У вас и так хлопот прибавится, а тут ещё я. Найду что-нибудь, не переживайте.

— А чего ж искать, коли уже нашёл? — улыбнулась Софья Матвеевна. — Есть у меня комната, и даже баня. Мы гостям всегда рады. По хозяйству поможешь? Дров наколоть, в магазин сходить, если потребуется?

— Обижаете, — обаятельно улыбнулся дядя Олег. — Я вообще рукастый. Могу, к примеру, забор подремонтировать, — кивнул он на покосившиеся жерди.

— Это хорошо, что рукастый, — серьёзно оглядела его бабушка. — Тогда, мил человек, живи хоть всё лето. Ну, проходите, — махнула она гостям. — Чего на пороге-то стоять?

Гоша проснулся рано утром от кукареканья петуха. Лучик солнца приятно грел кончик носа и подбородок, в открытое окно поддувало тёплым, летним ветерком. Сладко потянувшись, мальчик вскочил с постели и выглянул на улицу. На протянутой к забору верёвке трепыхалось выстиранное бельё. Вверху, в ослепительно голубом небе плыли клочковатые, мохнатые облака.

— Здорово, сосед! — поприветствовал стоящий неподалёку с прыгалкой в руках дядя Олег. — Ишь, как задрых на свежем воздухе. Мама твоя уже час, как уехала, поэтому дуй, давай умываться и завтракать, а не то зарядку делать заставлю, — он шутливо ткнул в Гошу сложенной прыгалкой, и мальчик только сейчас заметил, что дядя Олег был весь покрыт бисеринками пота.

— А вы спортом занимаетесь? — спросил Гоша. Вопрос был откровенно дурацким, но ему очень хотелось посмотреть, как дядя Олег тренируется. Поняв с полуслова, тот подмигнул мальчику и отбросил прыгалку.

— Конечно, спортом, — серьёзно ответил он. — Но не только. Мужчина, брат, должен и за себя постоять уметь.

Сосредоточенно нахмурившись, дядя Олег запрыгал на месте, приняв боксёрскую стойку. Сделав пару выпадов, быстро и плавно ушёл в сторону и нанёс воображаемому врагу несколько ударов, закончив связку хлестким апперкотом. Открыв рот, Гоша восхищённо наблюдал за происходящим.

— А... вы меня так научите? — робко спросил он. Засмеявшись, дядя Олег подошёл к окну и взъерошил мальчику вихры.

— Кое-чему научу, но не всё сразу. Тут долго тренироваться надо и, главное, упорно. А ещё некоторые приёмы могут быть опасны. Смертельно.

Гоша разочарованно вздохнул. Дядя Олег был не только похож на папу, но и отвечал примерно так же.

— Где вы так драться научились? — поинтересовался он.

— В секции, потом ещё в армии. Я в десанте служил, — серьёзно ответил дядя Олег. — Ух, как там гоняли! И вставать надо рано, и ложиться вовремя. Дисциплина, брат, знаешь, что такое?

Мальчик кивнул. Про дисциплину от папы приходилось слышать немало, особенно когда Гоша ленился убираться в комнате и чистить зубы.

— Внучек, ты уже встал? — послышался из-за двери голос бабушки.

— Иду, бабуль! — нетерпеливо крикнул Гоша. Повернувшись к дяде Олегу, он хотел было что-то спросить, но сосед жестом остановил его:

— Всё, иди, нехорошо ждать заставляешь. Как позавтракаешь — милости прошу колоть дрова. Точнее, колоть буду я, а ты мне компанию составишь. Лады?

— Лады, — с чувством собственного достоинства ответил Гоша и пожал протянутую руку.

После завтрака он тут же помчался во двор, к поленнице, где уже вовсю трудился дядя Олег. Сосед колот дрова весело и с азартом, так, будто занимался самой интересной на свете работой.

— В жизни что важно? — приговаривал он. — В жизни важно уметь себя увлечь. Многие сейчас в смартфонах и гаджетах сидят, а потом, когда их выключают, уже ничего не хотят. Это, брат, для мозгов — как наркотик, они быстро привыкают и требуют ещё. А чтобы такого не произошло, надо их, мозги, тренировать. Даже если скучно, даже если просто дрова колоть, — разогнувшись, дядя Олег отёр пот и продолжил, — то и в этом нужно что-то интересное найти. Как игру придумать, понимаешь? Я вот, например, стараюсь колоть как можно аккуратнее, чтобы полешки поровнее выходили. Вроде ерунда, а тут и техника требуется и внимательность.

Хэкнув, он энергично расколот очередной чурбан. Поленья у него и правда выходили что надо.

Остановившись, чтобы перевести дух, дядя Олег стянул с себя майку. На плече у него Гоша заметил небольшую татуировку — парашют и летучую мышь, а под ними — странную аббревиатуру.

— О... Бе... Э... — шевеля губами, сосредоточенно принялся читать мальчик. Заметив это, дядя Олег усмехнулся.

— ОБСН, — закончил он. — Отдельная гвардейская бригада специального назначения. Да, были времена... но тебе рановато об этом, — он ласково потрепал Гошу по голове и кивнул в сторону забора:

— Мне кажется, к нам пожаловали гости.

Спохватившись, что совсем забыл про деревенских друзей, Гоша смущённо обернулся. К своему удивлению, ни Женьки, ни Серёжки он не увидел. У забора, опустив подбородок на сложенные поверх жердей руки, стояла, задумчиво их разглядывая, незнакомая девочка. Её голова была плотно обмотана красивым платочком, на глазах утнезились очки с непривычно толстыми линзами.

— Здравствуйте, милая дама, — нарушил затянувшееся молчание сосед. — Я так понимаю, — быстро глянул он на Гошу, — вы незнакомы. Меня зовут дядя Олег, это Георгий. А вас как звать-величать?

— Юля, — тихо и серьёзно ответила девочка.

— Красивое имя! — подмигнул Гоше дядя Олег. — Чем обязаны визиту прекрасной незнакомки?

— Ничем, — пожалала плечами девочка. — Я недавно приехала и скучаю. А девчонки со мной не играют, потому что... — она осеклась и на секунду отвернулась.

Что-то в её голосе больно резануло по сердцу. Забыв про дядю Олега, Гоша подошёл к забору и открыл калитку.

— Заходи.

Поправив платочек, девочка зашла. Осмотревшись по сторонам, повернулась к Гоше:

— Ты тоже из Москвы?

Мальчик кивнул, не сводя с Юли взгляда. Какой-то она была не такой, слишком, по-взрослому вдумчивой и спокойной. Несмотря на это, Гоша сразу понял, что Юля — свой человек. С которым, как говорил папа, «можно в разведку».

— Блины будешь? — предложил он. — Бабушка сегодня испекла. Кстати, если хотите... — смущённо повернулся Гоша к дяде Олегу, но тот отрицательно покачал головой:

— Спасибо, брат, но от блинов откажусь. Возраст уже, надо быть в форме, — двумя пальцами он ущипнул себя за тоненькую складку жира на животе и шутливо оттянул её, демонстрируя детям.

— Наелись? Или добавочки принести? — спросила бабушка, когда Гоша обессиленно откинулся на спинку стула, чувствуя, что вот-вот лопнет.

— Спасибо, — вежливо и серьёзно ответила Юля. — Мне кажется, мы наелись.

— Ну смотрите, — засуетилась бабушка, собирая в стопку тарелки. — Очень приятно было познакомиться, Юленька. Ты заходи к нам, заглядывай. Мы тебе всегда рады.

Её голос отчего-то прозвучал сочувственно. Удивлённо глянув на бабушку, Гоша заметил, что и смотрит она на Юлю как-то грустно. Девочка тоже это заметила и опустила глаза, словно ей было неприятно. Спohватившись и отведя взгляд, бабушка собрала посуду и ушла на кухню.

— Погуляем? — тихо спросила Юля.

— Конечно, — загорелся Гоша. — Идём!

Выйдя за калитку, они бодро двинулись по направлению к озеру.

— А твои родители... — начала было Юля, но её перебил раздавшийся за спиной громкий голос:

— Гошка, стой!

Обернувшись, Гоша увидел догоняющих Женьку и Серёжку. Подбежав, они подозрительно посмотрели на девочку.

— Привет, а это кто? — мотнул головой Серёжка.

— Это Юля, — улыбнулся друзьям Гоша. — Из Москвы. Новенькая, хочет подружиться.

— А чего не с девчонками? — протянул Женька. — Пусть с девчонками играет.

— Они не хотят с ней играть, — вступился за Юлю мальчик.

— Тю, а почему? — заинтересовался Женька.

— Не твоё дело! — нахмурился Гоша. — Не хотят — и всё.

Женька набычился, сподлбья глядя на друга. Назревала ссора.

— Не надо ругаться, — спокойно сказала, встав между ними, Юля. — Я лучше пойду.

— Подожди, — внезапно остановил её Серёжка. — Это из-за волос? — кивнул он на платочек.

— Да, — удивилась девочка, — а ты откуда знаешь?

— У тётки такое было, — объяснил Серёжка.

— Что было? — недоумённо переспросил Гоша.

— Рак, — буднично ответил Серёжка. — Когда лечиться начала, волосы выпали, тоже в платочке ходила. А потом...

Он недоговорил, но всем и так всё стало ясно. Гоша стоял, как громом поражённый. Так вот почему бабушка ТАК смотрела на Юлю... А он, лапоть, даже не понял!

— Небольшая опухоль в районе зрительного нерва. Я прошла курс лечения, самочувствие улучшилось, врачи сказали, что прогноз положительный, — отстранённо повторяя чужие взрослые слова, объяснила Юля. — Осенью снова химиотерапия. А пока в деревню отправили, набираться сил. Раньше мы за границу ездили, теперь мне летать нельзя.

Гоша лихорадочно соображал, что ответить девочке. Пожалеть? Нужна ей эта жалость! Кому приятно, когда на тебя смотрят, как на умирающего? И понятно теперь, почему она так спокойна. Успокойсья, когда тебе жить, может, осталось считанные месяцы!

А он ещё себя жалел. Думал, весь мир рухнул, думал, хуже быть не может. Оказалось — может, да ещё как! И если Гошу после подслушанного вечером терзал страх за своё будущее, то какого было Юле — узнать? Он-то, по крайней мере, ничем не рискует, с мамой или папой — но будет жить. А Юля, возможно, нет! И вот это «возможно» показалось вдруг страшнее, чем «нет». Потому что, когда «нет» — то хотя бы всё ясно. А вот если не ясно, то, получается, есть надежда. Которую в любой момент могут отобрать дяди и тётки в белых, пахнущих болезнями и бедой, халатах.

В душе поднялась злость. На себя, на друзей, и на весь мир, так подло обошедшийся с хорошей и смелой девчонкой. Не бывать этому, не бывать — и точка. И жалеть Гоша её не будет, и на тот свет спроваживать — тоже. Сам не будет и никому не даст!

— Ты с нами теперь, — твёрдо сказал он Юле и посмотрел на друзей. — А кто не согласен — может валить на все четыре.

Секунду помолчав, Женька с Серёжкой кивнули. А Юля впервые с момента их знакомства улыбнулась.

Девочка быстро влилась в мальчишескую компанию. В догонялки играть ей было тяжело, но вот в прятках Юле равных не было. Она оказалась настоящим мастером маскировки, умудряясь бесследно растворяться даже в деревне, где Серёжка и Женька знали каждый куст. А уж когда игра переносилась в цеха стоящего неподалёку, заброшенного ещё царских времён завода, то найти Юлю становилось задачей почти невыполнимой.

Ещё Юлька была абсолютно бесстрашной. От жутких историй, которыми пацаны так любят пугать друг друга на сон грядущий, она лишь хохотала. И тут же рассказывала другую, с додуманными жуткими деталями, от которых Серёжка бледнел, а впечатлительный Женька затыкал уши и просил перестать.

Дни бежали размеренно и весело, унося прочь воспоминания о плохом. Разговор родителей вспоминался всё реже, начиная казаться дурным сном. Да и некогда было думать с таким плотным, как у Гоши, графиком. Утром — дуракаваляние, футбол с Юлей на воротах или купание в озере. Вечером — прятки или лазанье по заводу. Несколько раз, невзирая на неудовольствие бабушек и дедушек, они уходили вечером в лес и даже разводили костёр. Серёжка и Женька к ним не присоединялись — то ли лень была тащиться, то ли Юля

слишком пугала своими страшилками. А может, просто хотели поторчать дома в телефонах, что на ходу сделать затруднительно. Гошин телефон был обычным, «кнопочным», на таком особо не поиграешь, а у Юли родители вообще отобрали все гаджеты, опасаясь за севшее зрение.

В тот вечер они вновь условились идти в поход. В назначенный час Гоша с рюкзачком ждал подругу у калитки. Девочка, против обыкновения, сильно опоздала.

— Ты чего? — удивлённо спросил Гоша, увидев, что та как-то странно на него смотрит.

— Гошка, — подойдя поближе, сдавленным голосом произнесла Юля. — Там такое... такое... Я думала — показалось, а оно не показалось!

От этих слов Гоше стало не по себе. Юлю трудно испугать, это он знал точно, да и на мнительность девочка не жаловалась. А уж ТАКОЙ он её не видел вообще никогда! Сделав, как учил папа, глубокий вдох, он как можно увереннее посмотрел на подругу:

— Что «такое»? Яснее говори!

Замотав головой, та махнула в сторону озера:

— Пойдём. Сам увидишь!

Спустившись закоулками к берегу, Юля потащила его в прибрежные заросли. В наступающих сумерках Гоша пару раз ойкнул, больно напорвшись на острые ветки каких-то кустов. Не обращая на него ни малейшего внимания, Юля сосредоточенно продолжала ползти вперёд.

— Долго ещё? — недовольно проворчал Гоша, но девочка, обернувшись, приложила к губам палец.

Продравшись через прибрежные заросли и до смерти напугав парочку прыснувших в стороны мышей, они выползли к возвышавшемуся над берегом небольшому обрыву. Неподдалёку журчал впадающий в озеро ручей, в водной глади осторожно проглянула луна.

Посмотрев на Гошу, Юля выразительно приложила к уху ладошку и ткнула пальцем вниз. Прислушавшись, Гоша понял, что снизу доносится тихое мерное тарахтение. Осторожно перегнувшись через край, он выглянул, думая увидеть забытую кем-то игрушку. Но, к своему удивлению разглядел описывающего возле берега ровные восьмёрки... бобра!

— Он как будто неживой, — горячо и щекотно зашептала на ухо Юля. — Я когда к тебе шла, решила вдоль озера прогуляться. Потом в небе что-то пролетело, низко, аж ветер подул. Я испугалась, спряталась. К берегу подползла, а там — ничего. Потом слышу — стучит что-то и бобёр этот плавает. Пригляделась — а это он стучит и на одном месте вертится.

Присмотревшись, Гоша не поверил глазам. Бобёр не только тарахтел! От коричневой, влажной шкурки поднимался едва заметный столбик не то дыма, не то пара. Живые существа не дымят и не тарахтят, это Гоша знал точно. И значит — Юля права.

— Что будем... — начала было Юля, но тут случилось неожиданное. Всмотриваясь, Гоша подполз к самому краю. Не выдержав веса, кусок земли подломился, и Гоша полетел в воду как раз в тот момент, когда внизу заканчивал очередной разворот дымящий бобёр.

Раздался оглушительный «бултых», что-то зашипело. Треснувшись животом о дно, Гоша почувствовал, как в бок впивается жёсткое и горячее. Пошарив под собой, он выдернул из воды зажатую в руке добычу — застывшего в неестественно изломанной позе зверька. Тонко звякнув, левый глаз бобра отлетел далеко в сторону. Из пустой глазницы выскочила, весело запрыгав, тугая пружинка.

— Что это? — ахнула подбежавшая Юля.

— Не знаю, — потерянно ответил Гоша. Он всё ещё силился собраться с мыслями после странной, не поддающейся никакой логике находки.

— Надо его спрятать, — решительно сказала Юля, — а дома разобраться. Убери его в рюкзак и выходи, ты же весь мокрый!

Выбравшись на берег, Гоша спрятал парового бобра в рюкзак и грустно осмотрел вымокшую до нитки одежду.

— Домой надо, — мрачно подытожил он. — Поздно, бабушка заругает.

Как и всякая уважающая себя бабушка, Софья Матвеевна панически боялась, что внучок простудится и заболит. И хотя ночи в Телепино стояли тёплые, это никак не спасало его от потенциальной головной боли.

Они не успели пройти и нескольких шагов, как на плечо Гоши опустилась морщинистая, сильная рука.

— Вы что тут делаете, шалопаи? — произнёс кто-то. Гоша замер от страха, поняв, что голос принадлежит Валерию Кузьмичу. Тому самому деду-колдуну, которого побаивалась вся деревня.

— Ничего, гуляем, — робко выдавил из себя мальчик. Юля испуганно молчала, зачем-то схватив его за руку.

— Гуляете? — недоверчиво переспросил старик. — Почему так поздно? Ты что, купался? — прищурился он на Гошу. — А ну, говори, что вы тут забыли?

— Остынь, отец, — раздался вдруг голос дяди Олега. Спустившись с ведущей вдоль берега тропинки, он, набычившись и воинственно перехватив удочку, подошёл и загородил собой детей.

— Чего к пацану привязался? — тихим, угрожающим голосом осведомился дядя Олег. Гоша торжествовал — сейчас вредный дед получит, или хотя бы порядком струхнёт.

Но дед оказался не робкого десятка. Смерив дядю Олега недобрым взглядом, он молча повернулся и пошёл в сторону деревни. И хотя старик отступил, Гоша ясно понимал, что точка в странной истории ещё не поставлена.

— Что, детвора, испугались? — усмехнулся дядя Олег. — Придётся проводить вас домой, а то как бы этот старикан не подстерёг вас в деревне. Эх, плакала моя ночная рыбалка! А тебя, — кивнул он Гоше, — надо прикрыть от гнева Софьи Матвеевны. Ничего, по дороге что-нибудь сообразим. Айда за мной, пацаны и девчата!

Уходя, они не заметили, как высоко над ночным озером зажглась призрачная звёздочка. Спустя минуту неподалёку засветилась другая, затем ещё одна, образуя равностороннюю фигуру. Немного помедлив, бесплотный треугольник тихо рванулся к поверхности воды. В центре «созвездия» угрожающе заалело багровое пятнышко, выпустившее затем тонкий красновато-оранжевый луч, похожий на лазер или сильно сфокусированный прожектор.

Обшарив поверхность озера, луч «мазнул» по берегам, на секунду замерев на месте падения в воду Гоши. Подсветив обломанный песчаный край, «лазер» немного расфокусировался, захватив несколько метров вокруг, после чего отключился.

Багровое пятно погасло, огоньки на вершинах зловещего треугольника побледнели и растворились. Послышалось едва различимое гудение. Кроны деревьев зашелестели от порыва ветра, после чего на озере воцарилась прерываемая лишь стрекотом сверчков тишина.

Глава 2 — Мальчик и колдун

— Гошенька! — ахнула ждущая на крыльце бабушка, увидев возвращающегося мокрого до нитки внука.

— Софья Матвеевна, сдаёмся, не велите казнить, — шутливо поднял руки дядя Олег. — Тут такое дело... В общем, это я виноват. Заприметил товарища по пути домой и захотел, понимаете, рыбалке поучить. Дал удочку, показал, как забрасывать. Георгий размахнулся, да следом и улетел. И дно ещё как на грех скользким оказалось! Но вы не переживайте, он относительно чистый. А если что из одежды порвал — обязуюсь возместить.

Охая и причитая, бабушка потащила Гошу в ванную.

— Куда мокрый кидаешь? — прикрикнула она, увидев, как тот забросил рюкзак себе в комнату.

— Не волнуйся, бабуль, он почти сухой, — соврал в ответ Гоша. Он ужасно не любил обманывать, но нельзя же позволить, чтобы бабушка нашла механического бобра с пустой глазницей!

— Куда вас только на ночь понесло, — беззлобно приговаривала бабушка, помогая раздеться. — Вот накажу тебя, сорванца, будешь знать! А Олегу вообще запрещаю тебя на озеро таскать, а то ишь!

Гоша терпеливо молчал. Наказания он не боялся, бабушка прощала внуку мелкие шалости. Было немного неприятно за соседа, но мальчику почему-то казалось, что и там обойдётся небольшим ворчанием. Квартирант дядя Олег — золотой, за проведённую в Телепино неделю он умудрился переделать по дому кучу всего. Бабушка не могла на него нарадоваться, и вряд ли небольшое происшествие всерьёз испортит её отношение к жильцу.

Кое-как вытершись, Гоша в одних трусиках помчался в комнату. Он едва успел спрятать бобра под кровать, как в дверь постучались. Отдав бабушке грязный хлюпающий рюкзак, Гоша прыгнул в постель и выключил свет.

— Гошка! — раздался шёпот. Приоткрыв глаз, мальчик увидел дядю Олега, стоящего возле распахнутого окна.

— Всё нормально? — озабоченно спросил сосед. — Не заругали?

— Всё хорошо, — улыбнулся Гоша. — Не переживайте.

— Рад слышать, — серьёзно кивнул дядя Олег. — Слушай, а ты что под кровать-то прятал? Только не думай, я не подсматривал. Случайно заметил.

Сердце нехорошо ёкнуло. Похоже, снова придётся врать.

— Камешек нашёл красивый, — немного покраснев, ответил мальчик. — Боялся, что бабушка отберёт.

— Понял, — улыбнулся дядя Олег, — всё понял. Не хочешь — не говори. Ну, спокойной ночи!

Приветственно махнув на прощание, дядя Олег исчез. Немного выждав, Гоша тихонько соскочил с кровати и вытащил из-под неё находку.

Брезгливо морщась, мальчик осторожно ощупал зверька. Бобёр был мокрым и скользким, как и положено настоящему бобру. Если бы не выскочивший глаз и проступающие из-под мягкой шкурки жёсткие рёбра, то в жизни не догадаешься.

«Кто же его построил? — пронеслось в голове у Гоши. — И для чего?»

Ничего не придумав, он перевернул зверька на спину и аккуратно промял брюшко. В тишине что-то отчётливо щёлкнуло. Хвост бобра угрожающе задёргался.

От неожиданности Гоша, зажмурившись, отпрянул. Выждав пару секунд, он осторожно приоткрыл глаз и ахнул. От лежащего на полу зверька осталась лишь спина, всё остальное раскрылось десятками повисших на тоненьких пружинках пластинок. Присмотревшись, Гоша понял, что пластинки, подобно пазлу, точно подходят друг к другу, бесшовно собираясь в переднюю часть таинственного робота.

Он тихонько потрогал один из лепестков. Металл мягко пружинил, создавая иллюзию живой ткани. Шкурка оставалась мокрой и немного склизкой, хотя уже должна была подсохнуть.

Рассмотрев начинку механического грызуна, Гоша в который раз обомлел. Внутренний корпус «бобра» был усеян крохотными шестерёнками и пружинками. Присмотревшись, мальчик заметил в районе хвоста небольшую металлическую сферу, из которой выглядывал миниатюрный, прикреплённый к зубчатым колёсикам поршень.

Помня о валившем из бобра дымке, Гоша осторожно потрогал сферу. Капсула оказалась холодной. Решившись, мальчик на цыпочках, чтобы не топтать, подкрался к столу и взял валяющуюся там отвёртку, которой он любил развинчивать всякую рухлядь. Вернувшись к разобранному бобру, Гоша аккуратно поддел отвёрткой тонкий, идущий по периметру сферы шовчик. Тихонько звякнув, капсула распахнулась, катапультировав на пол беленький, похожий на кусочек рафинада кубик. Осторожно подняв его, Гоша внимательно осмотрел «рафинад». Кубик был твёрдый, гладкий и чувствительно врезался в пальцы остренькими гранями.

Озадаченно положив его на пол, Гоша присмотрелся к сфере. Половина объёма была занята блестящим цилиндром, к которому от «шкурки» вела тоненькая трубочка, заканчивающаяся в нижней части причудливого механического робота. Из другого конца цилиндрика выходила такая же, ведущая куда-то к спинке бобра. Как раз туда, откуда и валил белый пар.

«Паровая машина!» — понял Гоша. Он читал про них в книжках и даже просил папу купить такую, не зная ещё, что подобные механизмы больше нигде не используются.

«А тут, значит, используется, — подумалось ему. — Но кем? И главное — где у неё источник энергии?»

Гоша любил это мудрёное словосочетание: «Источник энергии». Вычитав его в какой-то из папиных книжек, он одно время вставлял его везде, где только можно. Впрочем, сейчас вопрос был уместен. И получалось, что источником энергии у бобра служил тот самый странный кубик.

Гоша недоверчиво посмотрел на таинственную вещицу. На уголь непохоже, дрова тоже исключаются. Бензин? В твёрдом виде? Тогда, может, спиртовые брикеты? Но от них узнаваемо пахнет, а у кубика запаха нет. И главное — ни бензина, ни ацетона на бобра не хватит, они быстро прогорят. А кубик, получается, горит медленно?

Гоша задумался, отчаянно поглядывая на дверь. Рискнуть, или?.. Если что-то пойдёт не так, то ему влетит уже по-настоящему.

Решившись, он тихонько приоткрыл дверь и прислушался. Баба Соня спала, сладко посапывая. Телевизор молчал, а значит, риска, что бабушка внезапно проснётся от громкой рекламы, не было никакого.

Проскользнув в дверь, Гоша на цыпочках прокрался в кухню. Он ступал бесшумно, стараясь, чтобы не скрипели половицы. На ум пришли бойцы спецназа, в которых он с пацанами любил иногда играть. Мысль была настолько пронзительной, что мальчик весь подобрался и напряжился, будто и вправду готовился штурмовать объект противника.

Осторожно придвинув табуретку, он достал с полки шкафа металлическую миску для салата и щипцы. Тихонько выдвинув ящик, выудил зажигалку. Подумав, прихватил ещё крышку от большой кастрюли и стоящий на столе старомодный графин с водой.

Вернув табуретку на место и двигаясь, словно заправский «коммандо», Гоша вернулся в спальню и плотно прикрыл дверь. Бросив взгляд на окно, юркнул к темнеющему проёму и осмотрелся. Снаружи было темно и тихо. Дядя Олег, разумеется, давно ушёл к себе.

Вернувшись к разобранному бобру, Гоша осторожно положил кубик в миску, держа его, зачем-то, щипцами. Рассеянно щёлкнув зажигалкой, подскочил к столу и схватил, комкая,

старый тетрадный листок.

«Спички детям не игрушки», — вспомнилось некстати. Это точно, что не игрушки. А бобёр — разве игрушка?

Тихонько выдохнув, он поджёт бумагу и бросил в салатницу горящий комок. Схватив похолодевшими пальцами крышку, поднёс к миске, готовясь, если что, накрыть рвущееся к деревянному потолку пламя.

Из салатницы дохнуло жаром, но пламя к потолку не рванулось. «Рафинад» горел ровным белым огнём, выделяя ощутимое количество тепла. Боязливо подцепив загадочный кубик щипцами, Гоша поднял его повыше, чтобы рассмотреть. Ни копоти, ни запаха, зато брови слегка обожгло, будто поднёс лицо к печке.

С минуту заворожённо посмотрев на язычок пламени, Гоша осторожно полил миску водой из графина. С тихим шипением огонь погас, не оставив дыма. От горения «рафинад» ничуть не обуглился, всё так же напоминая кусочек сахара. Осторожно потрогав его пальцем, Гоша убедился, что «сахар» почти не нагрелся.

Аккуратно вернув посуду на кухню, Гоша прокрался в комнату и крепко задумался. Получалась полная чертовщина, а именно: что в Телепинском озере он случайно поймал механического бобра на паровой тяге. Приводимого к тому же в движение загадочной, как сказала бы мама, «субстанцией».

Папа всегда говорил, что в сложной ситуации надо перестать дёргаться и действовать планомерно. И хотя с подобным он наверняка не сталкивался, совет пришёлся весьма кстати. Впрочем, планомерно — это хорошо. Понять бы ещё, что делать?

Гоша задумался, пытаясь припомнить что-нибудь дельное. Спустя мгновение его осенило. Как-то после совместной уборки папа посоветовал снова пройтись по комнате взглядом, чтобы заметить лежащие не на месте игрушки. Он объяснял это особым устройством человеческого зрения, неспособного «схватить» все детали сразу. Ещё папа советовал при осмотре мысленно разбивать комнату на участки, и не «перепрыгивать» на следующий, пока тщательно не осмотрен предыдущий.

Решив применить уборочный опыт в новых условиях, Гоша ещё раз внимательно осмотрел бобра. В районе головы он заметил маленькую катушку с плотно намотанной плёнкой, как в старом-престаром папином фотоаппарате. Размотав плёнку, Гоша прищурился, пытаясь разглядеть изображение. Ничего не увидев, смотал катушку и аккуратно воткнул её на место.

В центре механизма обнаружился небольшой барабан, состоящий из множества плотно подогнанных друг к другу зубчатых колёсиков. Потыкав в них отвёрткой, Гоша с силой надавил на одну из шестерёнок. С тихим щелчком колёсико перескочило в новое положение. Правая лапка бобра при этом конвульсивно дёрнулась.

Больше ничего интересного в бобре не оказалось, если, конечно, не считать самого бобра. Но тут, как говорит папа, «чем дальше в лес, тем толще партизаны». Осматривай «тушку», не осматривай — вопросов от этого только больше.

Так ничего и не придумав, Гоша спрятал находку за лежащим под кроватью чемоданом и прыгнул в постель.

Спал он плохо, всю ночь его мучили кошмары. Бобёр выползал из-за чемодана и с кошмарным жужжанием карабкался по ножке кровати, пытаясь зачем-то откусить Гоше нос. В окно хмуро заглядывал Валерий Кузьмич, уступая затем место улыбающемуся дяде Олегу. Смеясь, сосед трепал Гошу по голове, после чего, раскрывшись лепестками, принимался устрашающе щёлкать огромными шестерёнками.

Не выдержав ужасного зрелища, мальчик проснулся. Было светло, в отдалении бодро кукарекал петух. Секунду Гоша лежал спокойно, затем в памяти всплыло вчерашнее приключение.

Что делать? К кому идти? Может, дядя Олег сможет помочь?

Гоша нахмурился и принялся задумчиво тереть губу. Сосед, конечно, поможет, только кто их знает, этих взрослых? Понаедет полиция с журналистами, бобра отберут, и так Гоша ничего и не узнает. Папе бы он выложил всё, но папа далеко и занят. Позвонить? Но тут разговор непростой, тут показать требуется. Можно сфотографировать, но камера в телефоне откровенно слабая. Взять смартфон у Женьки или Серёжки? Тогда придётся им всё объяснить, а Женька пугливый и может растрепать родителям. Понять его можно, Гоше самому не по себе, но идти на поклон к взрослым пока рановато. От всей истории пахло большим и волнующим приключением, это мальчик понимал отчётливо. И отдавать бобра заботливым дядям и тётям Гоша абсолютно не желал.

Так что теперь, действовать самому? Но один ведь в поле не воин. Зато про две головы, которые лучше — это каждый ребёнок знает. Юлька, вот кто ему нужен! Надёжная, бесстрашная — как раз то, что требуется. Уж если она разболтает, то вообще неясно, кому тогда доверять. Да и не разболтает она, точно не разболтает!

Вскочив с кровати, Гоша с каким-то остервенением кинулся умываться. Набив рот оладьями и наскоро запив их обжигающим утром чаем, он чмокнул в щёку удивлённую бабушку и выскочил за калитку. Юлин дом был неблизко, и он едва сдерживался, чтобы не побежать. Но бежать нельзя, это ему понятно. Бобёр ведь не из воздуха соткался, и значит, кому-то принадлежит. Человек этот «кто-то», без сомнения, серьёзный, и робота в озеро запустил не для игр. Если Гоша будет носиться по деревне с вытаращенными глазами, то неизбежно привлечёт к себе внимание неведомого инженера. А дальше — слежка, обыск и выуженный из-под кровати распотрошённый бобёр, точь-в-точь как пишут в любимых детективах.

Выдохнув, он перешёл на спокойный шаг и не спеша подошёл к калитке Юлиного дома. Во дворе было пусто, что выглядело странно. Валентина Павловна, Юлина бабушка, обычно возилась на огороде, а дедушка вечно что-то мастерил в покосившемся сарае.

— Ю-уль! Юля, выходи! — прокричал Гоша. В окне промелькнул тёмный силуэт, дверь приоткрылась, и из неё высунулась бледная Валентина Павловна.

— Здравствуй, Гоша, — тихо и встревоженно поздоровалась она с мальчиком. — Юленька сегодня не выйдет. Ты иди домой, завтра, может, с ней увидишься.

— А что случилось? — спросил, холодея от нехорошего предчувствия, Гоша. Валентина Павловна подошла к забору и тихо, скороговоркой произнесла:

— Юленьке хуже. Лежит с утра, не встаёт. Может быть, в Москву придётся вернуться. Ты не кричи, пожалуйста, под окнами, ей отдыхать нужно. Мы Валерия Кузьмича позвали, он ей помочь пытается.

— Чем мог — помог, — донёсся с крыльца слабый голос Валерия Кузьмича. Выйдя из дома, он шаркающей походкой подошёл к Валентине Павловне и пристально посмотрел на Гошу.

— Как Юленька? — вскинулась бабушка.

— Лучше, — тяжело кивнул колдун. — Это не обострение, слабенькая она просто. В Москву пока не надо — залечат. Если что, я приду.

— Поняла, — засуетилась Валентина Павловна. — Иди Гоша, иди, я Юленьке скажу, что ты заходил.

Мальчик расстроился, поняв, что в ближайшие дни Юлю может не увидеть. Он собрался было уходить, но внезапно подмога пришла с совершенно неожиданной стороны.

— Вы не гоните мальчонку-то, — ласково сказал вдруг Валерий Кузьмич. — Юле одной сейчас невесело, нахлебалась она больниц. Пусть поговорят, даже могут на улицу выйти. Но ты смотри, — сурово помахал он перед Гошиным носом узловатым пальцем, — чтобы никаких пока игр!

Попроцавшись, Валерий Кузьмич не спеша побрёл домой. Он был какой-то измождённый, словно не девочку лечил, а весь день таскал мешки. Что это, интересно, с ним?

— Ладно, Гоша, — с сомнением произнесла Валентина Павловна. — К Юле я тебя пушу, но чтобы как Валерий Кузьмич сказал — не бегать и не прыгать. Будете баловаться — отправлю домой без разговоров. Тебе всё понятно?

Гоша радостно кивнул. Дурак он, что ли, в игры с больным человеком играть? Он вообще будет тише воды, ниже травы. Лишь бы пустили!

Девочка молча и внимательно выслушала сбивчивый рассказ друга. Они сидели на сколоченной Юлиным дедушкой скамеечке в уютном закутке между забором и сараем. Юля сразу повела туда Гошу, поняв, что разговор намечается серьёзный.

— Ты уверен? — сосредоточенно спросила она, когда Гоша закончил живописать свои приключения. — Может, всё-таки игрушка? Не детская, а для взрослых. Как бензиновые машинки или самолёты на радиоуправлении, у меня дядя этим увлекается. У него чего только нет, он даже конструкторы покупает.

— Да какая игрушка, — раздосадованно отнёс сомнения Гоша. — Говорю тебе, на вид — как живой. А внутри — ни батареек, ни микросхем, одни шестерёнки и кубик этот горящий. Кто такие игрушки делать станет, даже если для взрослых? Они, представляешь, сколько стоят? И потом, если это чья-то игрушка, то где хозяева? Вышли бы сразу и отобрали. А там — ни души, сама же помнишь.

Юля молчала, тихо ковыряя сухим прутиком землю. Гоша расстроено вздохнул. Что он, собственно, хотел от девчонки?

— А если это не игрушка? — спросила вдруг та изменившимся голосом, странно глянув на друга.

— А что тогда? — тихо уточнил мальчик, чувствуя, как внутри нехорошо сжимается.

— Например, разведчик. Беспилотный. Дрон.

— Скажешь тоже, — отмахнулся Гоша. — Дроны — они в небе, а тут какой-то бобёр.

— И вовсе не только в небе, — серьёзно возразила Юля. — Мой дядя, тот, что самолётами и машинками увлекается, для военных такие штуки делает. Он про них рассказывал и даже на экскурсию к себе водил. Так вот, они, между прочим, разные бывают — и летающие, и плавающие, и даже четвероногие, как собачки. Дядя мне ролик показывал про американскую компанию, там такие выпускают.

— Кто же в беспилотники, — вспомнил Гоша мудрёное слово, — шестерёнки пихать будет? Там всё на электронике. Техника сейчас — знаешь какая? Компьютер на компьютере!

— Нет, ты подожди, — тихо, но твёрдо остановила его Юля. — Сам же говорил, что у него в голове катушка. А зачем нужна плёнка, если не фотографировать?

— Да что фотографировать-то? — удивился Гоша. — Он же на месте кругами плавал.

— Он так плавал, потому что сломался, — настаивала девочка. — А так мы не знаем, куда и откуда он направлялся. Может, тут у военных база?

— Скажешь тоже! — оторопело посмотрел на неё Гоша. — Деревня тут и озеро, а больше ничего. Нет здесь никаких баз, спроси кого хочешь.

— Базы разные бывают, — упрямо мотнула головой Юля. — В том числе и секретные. А что это за секретная база, про которую все знают? Может, тут подземный... — она задумалась, вспоминая слово, — комплекс находится. А бобёр за ним — шпионил! Мне дядя рассказывал, что военные сейчас так делают. Людей не посылают, а посылают такие машинки, которые всё фотографируют и изучают, чтобы знать потом, где и что. Это, кстати, и шестерёнки объясняет.

Гоша уставился на Юлю широко раскрытыми глазами. Он уже ничего не понимал.

— Сам подумай, — продолжала девочка. — Всё секретное хорошо охраняют. Мне дядя рассказывал, что против беспилотников тоже используют всякую технику. Она их сигналы засекает и глушит, не даёт ими управлять. Ещё дядя говорил, что электронику можно специальными приборами заметить, ну, как радаром. А бобра...

— ...нельзя засечь, потому что он механический! — обалдело закончил фразу Гоша.

— Совершенно верно, — важно кивнула Юля. — И выходит...

— ...что кто-то за кем-то следит с помощью таких машинок, — снова перебил Гоша. — Которые, кстати, только внутри допотопные. А снаружи — прекрасно сделаны, от живых не отличишь. И наверняка жутко дорогие!

— Нам сейчас осторожно надо, — заметила Юля. — Ты его кому-нибудь показывал? Или, может, рассказывал?

— Никому и ничего, — покачал головой Гоша. — Даже Женьке с Серёжкой.

Юля молча, как-то по-особенному глянула на друга и быстро отвела глаза. Спустя мгновение, она продолжила:

— Надо понять, как теперь дальше. Сам что думаешь?

Этим вопросом она застала друга врасплох. А правда, что теперь? Показать бобра взрослым — отберут. Самим искать таинственных злодеев? Непонятно как, да и страшновато. Если рядом и вправду стоит секретная база, то кто может за ней следить? Наверное, иностранцы, про которых иногда показывают в новостях. Гоша представил зловещих, говорящих с акцентом шпионов в плащах и чёрных очках, и ему стало не по себе.

— А что, если найти эту базу и отдать бобра? — быстро спросил он. — Расскажем, где нашли, покажем. Они всё узнают и будут осторожнее. А нам, может, благодарность объявят.

Он на секунду замечтался, представляя, как это будет. Их вызовут в Кремль, где важный дядя или тётя поблагодарит Гошу и Юлю в большом, полном журналистов зале. Потом ещё дадут медали, а затем устроят банкет с газировкой и огромным тортом. Вот было бы здорово!

— С ума сошёл, — вернула с небес на землю Юля. — Мы даже не знаем, где их искать. Хотя... — она снова задумалась, — а может так быть, что у них в деревне кто-то есть?

— Зачем? — искренне удивился Гоша.

— Затем, чтобы подозрительных людей отслеживать, — объяснила Юля. — Они ведь если что, в Телепино приедут, например, как туристы. Тут их сразу и заметят.

— Но кто это может быть? — недоумевал Гоша.

— А что, если Валерий Кузьмич? — тихо, словно боясь, что услышат, спросила Юля.

— С чего это вдруг?

— А с того. Вспомни, кто нас возле озера поймал? И допрашивал, будто мы шпионы. Если бы не дядя Олег...

А и верно! Что этот старикан вообще там делал? Гулял? Рыбачил? Вот дядя Олег рыбачил, а Валерия Кузьмича неясно, каким ветром туда занесло.

— Он, вообще-то, тебе помог, на ноги поставил, — заметил Гоша. — Нехорошо получается.

— Нехорошо, — кивнула Юля. — Только знаешь, какой он страшный? Когда пришёл, бабушку и дедушку из комнаты выгнал, а сам рядом сел и ладонь мне на голову положил. Она сначала тёплая была, затем горячей стала, аж больно. И дышал так шумно, — девочка засопела носом, изображая, — а потом мне показалось, будто воздух дрожит, как от костра. Мне кажется, я даже сознание потеряла. И вообще, мы же ничего плохого не делаем. Если он про эту базу знает, отдадим ему бобра, и всё.

Гоша загрустил. Не будет, похоже, Кремля и банкетов. Но зато и таинственных шпионов не будет! Что он, правда, сам их по телепинскому лесу ловить должен? Его дело маленькое: сообщить о находке куда следует. А остальным пусть взрослые занимаются.

— Только мы ведь не знаем, что это именно Валерий Кузьмич, — погрузился Гоша. — Что же ему, просто так бобра отдавать?

— Просто так — нет, — серьёзно ответила девочка. — Сначала проверим. Будем за ним следить, пока не убедимся. Если он озеро охраняет, то, может, и с этими, что с базы, там встречается. Как только их увидим — сразу всё отдадим. Я думаю, стоит рискнуть. А если что — мы же дети, какой с нас спрос? — Юля хитро улыбнулась.

Гоша задумался. Так себе, конечно, план, но другого всё равно нет. Похоже, приключение отменялось. Впрочем, может, и к лучшему.

— Ладно, Юль, ты отдыхай, — хлопнул он себя по коленкам вставая. — Завтра выйдешь?

— Если не будет ухудшения, — снова ответила Юля чужими, взрослыми словами. — Я постараюсь. Правда.

Погружённый в мысли, Гоша рассеянно брёл домой, пиная лежащие на дороге камешки. Бобёр, шпионы, военная база... События последних дней сплелись в огромный клубок, решительно не желавший распутываться. Хорошо, всё же, что есть Юлька, голова у неё варит что надо. Но если ей станет хуже и она уедет в Москву, то Гоша останется один. И тогда, хочешь не хочешь, придётся обращаться к помощи папы и дяди Олега.

По дороге мальчик встретил Женьку и Серёжку, позвавших играть на старый завод. Решив немножко развеяться, Гоша согласился. Какой, в самом деле, толк сидеть дома и «вариться» в мрачных думах? Наоборот, надо думать конструктивно. Юля завтра выйдет, ну, или послезавтра. Вместе они проследят за дедом-колдуном и, если надо, отдадут ему бобра. А дальше можно снова играть и купаться в озере с друзьями. До конца лета ведь ещё ох, как далеко!

Домой он вернулся уже под вечер, чумазый, повеселевший и изрядно проголодавшийся. Съев двойную порцию блинов с мясом, Гоша крепко обнял бабушку и отправился в ванную. С наслаждением вымывшись и почистив зубы, он вдруг понял, как жутко устал.

Добредя до комнаты и переодевшись в пижаму, Гоша решил ещё раз взглянуть на бобра. Запустив руку под кровать, он пошарил в дальнем, пыльном углу. Нахмурившись, лёг на пол и отодвинул чемодан в сторону.

В одно мгновение сонливость и усталость сняло, как рукой. Бобра не было.

Бобёр исчез!

Глава 3 — Мальчик и тайна

Взяв себя в руки, Гоша ещё раз внимательно пошарил под кроватью. Решив, что ошибся, вытащил пыльный чемодан и открыл его, проверяя, не положил ли бобра туда. В ноздри ударила слежавшаяся пыль. Не удержавшись, мальчик пару раз яростно чихнул.

Задвинув чемодан обратно, он уселся на кровать и принялся отчаянно думать. Кто взял бобра? Бабушка? Но почему она ничего не сказала? Нет, баба Соня молчать бы не стала. Получается, что кто-то чужой пробрался в комнату и незаметно умыкнул находку. Так, что никто даже не заметил!

Гоша вспомнил о шпионах и ему стало не по себе. Он рванулся было закрыть настежь распахнутое окно, но вовремя остановился. Паника уступила место незнакомому холодному чувству, в голове прояснилось. Что он, в самом деле, мечется? А если тот, кто взял бобра, сейчас за ним наблюдает? А в комнате, между прочим, свет горит, и снаружи всё видно как на ладони!

В любимых Гошиных детективах попавшие в трудную ситуацию герои старались вести себя обычно, чтобы не вызвать подозрений. Он и сам ведь об этом вспомнил, когда сдержался и не побежал к Юлиному дому, опасаясь, что разыскивающие бобра злодеи возьмут его на заметку. Вспомнил да забыл!

Медленно поднявшись, Гоша расстроено оглянулся и не спеша подошёл к заваленному всякой всячиной столу. Порывшись в грудке бумажек, игрушек, и мелких деталей, картинно хлопнул себя по лбу и, выдвинув ящик, достал старенькие электронные часы. Сосредоточенно потрогав кнопки, кинул часы обратно и скучающе посмотрел в окно. Зевнув, выключил свет и лёг в кровать, отвернувшись к стене.

Вот теперь порядок. Если кто и наблюдает, то ничего особенного не увидит. Поискал он, дескать, бобра, не нашёл, решил, что его забрала бабушка и, немного расстроившись, переключился на другую игрушку. Не знает он ничего и не ведаёт, а на странности внимания не обратил или не придал значения. К счастью, бобра он закрыл, придав тому первозданный вид. И даже завернул в пакет.

Спал Гоша, как и в прошлый раз, плохо. Попробуй усни, когда у тебя в комнате побывал невесть кто! Спустя пару часов он, наконец, погрузился в лишённый сновидений сон. Точнее, почти лишённый, ведь один сон всё-таки приснился. Мечась по кровати, мальчик наблюдал за тихонько вползающим в комнату незнакомцем в чёрном призрачном комбинезоне. Плавнo подойдя к кровати, безликая фигура протянула руку прямо к его плечу. Что-то кольнуло, потом зачесалось и Гоша, проснувшись, словно ошпаренный слетел на пол.

В комнате было тихо, пусто и темно. Плечо зудело, но, включив свет, Гоша не обнаружил ничего, кроме небольшой припухлости. Комаров этим летом было мало, спасибо расплодившимся стрекозам, но выжившие кусались отчаянно. Почесавшись и поискав на стене засевшее гадкое насекомое, мальчик снова улёгся спать. Больше в ту ночь ему не снилось ничего.

Утром он встал разбитым и в ужасном настроении. Делать ничего не хотелось, а тут ещё на небо набежали серые тяжёлые облака. Мелкими каплями барабанил дождь, на подоконнике разлилась небольшая лужица.

Несколько минут Гоша мрачно лежал, рассматривая трещины в потолке. Как теперь быть? Что делать? А если те, кто украл бобра, скоро придут и за ним? В детективах таких, как он, называли «опасными свидетелями», и ничего хорошего подобным персонажам не светило.

«А Юлька? — пронзила мозг тревожная мысль. — Её, получается, тоже?..».

В душе поднялась злость. Девчонку он в обиду не даст и выход обязательно найдёт. Для начала надо выяснить, кто украл парового бобра. Ну не призрак же похититель в самом деле, да и бабушка весь день дома была. Понять сначала это, а уж потом...

— Георгий! — тихо позвал выросший в оконном проёме дядя Олег. Отвлёкшись от размышлений, Гоша торопливо подошёл к заговорщицки оглянувшемуся по сторонам соседу.

— Слушай, тут такое дело, — нерешительно начал тот. — Во-первых — это ничего, что я к тебе в окно, как к себе домой?..

Гоша нетерпеливо помахал головой. Какие, мол, разговоры между своими людьми?

— Я насчёт твоей находки, — кивнул дядя Олег в сторону кровати. — Да не красней так, что ты там прятал — меня не касается. Я ведь тебе тоже не все тайны рассказываю, — улыбнулся он мальчику. — Ты, как мне думается, что-то важное потерял, потому что вчера ночью по комнате словно укушенный метался. Я с рыбалки шёл, а тебя в окне издали видеть. Хотел подойти, спросить, а потом думаю — не моё это, в общем, дело.

Гоша грустно отвёл глаза. Получается, ночная конспирация была напрасной, если даже проходящий мимо сосед так быстро всё понял.

— В общем, — продолжал тот, — если ты что потерял, то знай, что это Валерий Кузьмич. Он вчера к бабушке приходил, лекарство ей принёс. Я в огороде забор ремонтировал и краем глаза его заметил. Мне этот дед давно не нравится. Суётся везде, на всех рычит, к тебе с Юлей тогда пристал. И вчера, когда пришёл, как-то нехорошо в твоё окно зыркнул. Затаился я, значит, за поленницей, смотрю в оба, а тут он к тебе в комнату и зашёл. Я хотел ему крикнуть, а потом думаю — вдруг его Софья Матвеевна попросила? Он ещё себя так по-хозяйски вёл, осмотрелся, ящики пооткрывал, кровать отодвинул. Достал какой-то свёрток, кровать на место вернул и ушёл. Даже половичок ногой расправил, чтобы следов не оставлять. Ты прости, что его не остановил. А ещё так выходит, будто я за тобой слежу, что ли. Но я не специально, честно. Просто от соседей что-то скрыть трудно, а мы же с тобой они и есть.

Он улыбнулся, потрепал Гошу за вихры и протянул в знак примирения руку, которую мальчик тут же пожал. За что, правда, дядя Олег извиняется? За то, что помог и за комнатой присмотрел?

— Какой-то ты помятый, Георгий, — сочувственно оглядел мальчика сосед. — У тебя всё хорошо? Может, помощь нужна? Ты говори, не стесняйся.

Секунду Гоша боролся с искушением выложить всё, что случилось с момента приезда к бабушке. Победив себя, он отрицательно мотнул головой и улыбнулся. Не надо впутывать взрослых, сами с Юлькой разберутся, тем более что главный подозреваемый уже определён. А если что-то пойдёт не так, попросить о помощи они всегда успеют.

Задержав на Гоше внимательный взгляд, дядя Олег улыбнулся и кивнул.

— На нет и суда нет. Я бы на твоём месте бабушку спросил, по какому праву этот товарищ у вас дома шастает. А если опять приставать будет, я ему...

Приняв боксёрскую стойку, он провёл серию ударов, метя в воображаемого деда. Снова улыбку и помахав на прощание, дядя Олег ушёл к себе.

[.text-center] ***

— Бабуль, а Валерий Кузьмич приходил? — невинно спросил за завтраком Гоша.

— Приходил, как не приходило, — закивала бабушка. — Лекарство вот принёс, — встав из-за стола, Софья Матвеевна подошла к буфету и достала наполненную прозрачной жидкостью скляночку.

— Что за лекарство? — заинтересовался Гоша.

— Не знаю, внучок, — задумчиво ответила баба Соня. — Но точно не химия. На вкус как вода и не пахнет. Я выпила ложечку, меня-то и сморило. Так спала хорошо — не передать. Перед Валерием Кузьмичом, правда, неудобно, я ведь его обедом накормить собиралась.

Заснула, значит. Как раз когда колдун рылся в комнате! А что, если он специально чем-то бабушку опоил? Что, если...

— Можно посмотреть? — борясь с подступающим волнением, спросил мальчик.

— Смотри, там и смотреть-то нечего, — пожала плечами бабушка, собирая со стола тарелки.
— Только пить не вздумай! — грозно предупредила она, уходя на кухню.

Взяв загадочный пузырёк, Гоша вытащил пробку и принялся. Запаха никакого, да и на вид бесцветная жидкость неотличима от воды. Может, и правда вода? Может, Валерий Кузьмич — обычный шарлатан, как часто называла экстрасенсов мама? Хотя какой же он шарлатан, если с Юлькой такое устроил?

В кухне звякнула посуда, громко зашипела побежавшая из крана вода. Бабушка мыла тарелки, весело напевая под нос старую мелодию. Последний раз Гоша видел её такой несколько лет назад. Похоже, Валерий Кузьмич действительно помог бабе Соне. Но что это за лекарство такое волшебное? Настой на травах, что иногда покупала в аптеке мама? Но те непрозрачные и резко пахнут, а здесь ничего такого не наблюдается.

Подняв нагрешуюся от тепла ладоней склянку, Гоша прищурился. Спустя мгновение ему показалось, что по флакончику пробежал солнечный зайчик. Удивлённо мигнув, мальчик присмотрелся повнимательнее. Слово в ответ пузырёк засветился и тихонько зажужжал, словно поставленный на режим вибрации телефон. По ладоням пробежало живительное тепло, свечение усилилось. Пузырёк уже не светился — сиял, словно маленькая звёздочка. И гудел так, будто в руках завёлся дизельный моторчик.

— И чего ты в него вцепился? — с улыбкой спросила вернувшаяся бабушка. Вздрогнув, Гоша отвёл взгляд от флакона, краем глаза заметив, что свечение тут же померкло. Он глянул на бабушку, ожидая, что та удивится произошедшей с пузырьком метаморфозе, но Софья Матвеевна не повела и глазом. Складывалось впечатление, что случившееся осталось для неё невидимым.

— Шёл бы, погулял, — проворчала баба Соня, отбирая у внука флакончик. — Юлю бы заодно проведаль. Я вчера Валентину Павловну встретила, говорит, приступ был у девочки. Хорошо, Валерий Кузьмич подсобил, а то увезли бы в Москву.

Гоша промолчал. Про старика говорить не хотелось, про Юлю тем более. Накинув по бабушкиному настоянию ветровку, мальчик вышел на улицу, задумчиво почёсывая всё ещё зудящее плечо.

— А ещё он, представляешь, светился! — размахивая руками, рассказывал Гоша. — Я его в руки взял, хотел рассмотреть, а он вдруг загудел, как паровоз. Потом бабушка зашла, я думал, увидит и испугается, а она даже не заметила! Что это за лекарство такое?

— Не слышала я про такие лекарства, — покачала головой Юля, — и не видела.

Сердце кольнула жалость. Юлька, поди, на подобные пузырьки до тошноты насмотрелась. И всё же он был рад, что ей лучше и можно вот так, сидя на пустом берегу, делиться с ней сокровенным. Гоша подумал, что привязался к Юле так, как ещё ни к кому не привязывался. От внезапного осознания на душе стало тепло и слегка волнительно.

— У тебя же мама врач, — вспомнила Юля. — Может, она что-то рассказывала?

Гоша покачал головой. Не рассказывала и не упоминала. Да и к чему лекарству гудеть и светиться? Больному ведь от этого не лучше.

— Ничего не понимаю, — задумчиво произнесла девочка, бросая в озеро подвернувшийся под руку камешек. С тихим «бульком» голыш ушёл в чистую воду, по спокойной глади пошли гулять круги.

— Я думаю дяде Олегу рассказать, — решил Гоша. — Сначала не хотел, а теперь, мне кажется, — слишком много странного творится.

— Не надо ему рассказывать, — серьёзно посмотрела Юля. — Ты его совсем не знаешь.

— Я не знаю?! — задохнулся от возмущения Гоша. — Он маму в электричке защитил, бабушке помогает, вора выследил. Да если бы не он, мы бы так и гадали, кто бобра украл!

— Всё равно — не надо, — отрезала Юля. — Тем более что ничего не изменилось. Теперь мы знаем, что правильно Валерия Кузьмича подозревали. Значит, и следить за ним будем, как и собирались.

— Подожди, — нахмурился Гоша. — Если он украл бобра, то уже вернул хозяевам. Зачем тогда следить?

— А лекарство? — прищурилась Юля. — Откуда оно?

— Ну как, — заупрямился Гоша. — Валерий Кузьмич его, наверное, дома делает. Сама же рассказывала: когда этот дед тебя лечил, аж воздух дрожал. Мало ли, что он ещё умеет.

— То, что Валерий Кузьмич экстрасенс — это понятно, — принялась растолковывать Юля. — Таких много, в одной передаче они даже соревнуются. Но вот чтобы экстрасенсы лекарства делали — это редкость. И потом, почему он Софью Матвеевну сразу не вылечил? Чего ждал?

Гоша задумался. Действительно, почему старик помог бабушке лишь спустя несколько лет? Он что, курсы повышения квалификации закончил?

— Ты хочешь сказать, что это лекарство...

— Не его. — спокойно кивнула Юля. — Что он его где-то берёт. Вполне возможно, на той самой базе.

— Глупо как-то, — заметил Гоша. — Не складывается.

— Это почему ещё? — надула губы девочка.

— Ты не обижайся, сама подумай, — зачастил озарённый смутной догадкой мальчик. — Зачем секретным военным помогать моей бабушке? Их же это не касается, а тут ещё вопросы пойдут. И потом, кто им Валерий Кузьмич? Да никто, считай, сторож. Получается, приходит он к ним и говорит: «Дайте-ка мне засекреченное лекарство, соседке хочу помочь». А они ему р-раз — и выдали? Да они с ним и разговаривать не станут, точно тебе говорю. Не военные это, а кто-то ещё.

— Кто? — тихо спросила Юля. Гоша понял, что ей не по себе. Да и самому, честно говоря, становилось страшновато.

— Пришельцы, — решил он наконец.

— С чего ты взял? — еле слышно уточнила девочка. Было видно, что ей отчаянно не хочется верить.

— Сама подумай, — воровато оглянувшись, придвинулся к подруге мальчик. — Помнишь ту ночь, когда мы бобра нашли? Ты ещё рассказывала, что у тебя над головой будто невидимое что-то пронеслось. А что, если это они? Тогда очень логично получается. Валерий Кузьмич вступил с ними в контакт, экстрасенсы ведь часто рассказывают, как с инопланетянами общаются. А они ему и помогли. Может, за так, а может, он что-то для них сделал.

— Что... сделал? — растерянно переспросила Юля.

— Я не знаю, например, образцы добыл. Воды, почвы, или там... корову.

— Ну ты фантазёр! — рассмеялась Юля. — Зачем же им корова?

— Для изучения. Они, говорят, в Америке коров похищают целыми стадами, чтобы...

— Хватит, Гошка, не пугай меня, — замахала руками девочка.

— Я не пугаю, — обиделся Гоша. — Просто думаю, что если они бабушке помогли, то, может... и тебе помогут?

— Не надо так шутить, — грустно отвернулась Юлька. — Даже если это пришельцы, станут они мне помогать.

— Станут, — ткнул кулаком в песок Гоша. — А не станут — так я их заставлю! Из-под земли вытащу. Ну, или с орбиты!

Девочка удивлённо посмотрела на друга, словно видела его впервые. Он и сам не мог понять, откуда в нём эта суровая решимость. Но точно знал одно — Юле он поможет. Чего бы это ни стоило!

— Короче, план такой, — решительно продолжил мальчик. — Колдуна я беру на себя, а ты пока отдыхаешь. Как что узнаю — сразу сообщу.

— Ещё чего! — вскинулась Юля. — Не собираюсь я дома сидеть, пока ты за ним следишь. Во-первых, так нечестно. Во-вторых, одного он быстро заметит. В-третьих, меня это, между прочим, напрямую касается. А в-четвёртых, если с тобой что-то... В общем, даже не думай!

Гоша понял, что спорить бесполезно. Да и права Юлька, целиком и полностью. Общее это дело, не его одного. И заставлять её сидеть дома и переживать, пока он будет невесть где пропадать — неправильно.

— И потом, — продолжила Юля, — как ты собираешься за ним следить? В деревне ещё ладно, а если он к озеру пойдёт? Ты что, на велике за ним поедешь? Там тебя за километр видно.

— И что ты предлагаешь? — озадаченно спросил Гоша.

— Предлагаю не брать нахрапом, — подняла пальчик Юля. — Тут система нужна.

— Это что? — презрительно покосился Гоша на игрушечную рацию. Розовую и покрытую отвратительными для любого пацана стразами.

— Связь, — с нажимом ответила Юля. — Других нет, извини. Дедушка на день рождения подарил, у них, между прочим, дальность больше километра. А на цвет не смотри, самой тошно. Я выкинуть хотела, да дедушка расстроится.

Гоша брезгливо взял протянутый приборчик. Переборов отвращение, щёлкнул кнопкой:

— Приём.

«Приём», — хрустнуло из динамика Юлькиной рации. Качество звука было хорошим, даром что «мейд ин Чайна».

— Батарейки я свежие вставила, — озабоченно сообщила девочка. — Теперь давай план набросаем.

Гоша подобрался. Похоже, не один он любил детективы. Сейчас они распределят роли и будут, сменяя друг друга и переодеваясь, неотступно следовать за колдуном, пока тот не выведет на замаскированный корабль инопланетян.

— Наблюдать будем сверху, — ошарашила девочка.

— С дерева, что ли? — изумился Гоша.

— Возле озера есть старая церковь, — принялась как неразумному объяснять Юля. — Я туда разок лазила, с неё всё видно. Будем там посменно дежурить. Скучно, конечно. Кто его знает, сколько времени просидим, пока Валерий Кузьмич куда-нибудь пойдёт. Зато точно нас не заметит.

— Не, я не согласен, — уныло протянул Гоша. — А если он месяц дома проторчит?

— Не знаю, — развела руками Юля. — А как тогда?

— Не надо нигде сидеть, — щёлкнул пальцами мальчик. — Зачем, если мы приблизительно знаем время контакта? У бабушки лекарства хватает на неделю, потом он ей новый флакон приносит. Значит, примерно тогда с друзьями своими и встречается.

— И что ты предлагаешь? — скептически хмыкнула Юля. — Заявиться туда следом и поздороваться? А если они тебя тоже... как корову? Я же говорила, нахрапом действовать опасно. Надо аккуратно и не торопясь. Лучше лишнюю неделю потерять, это во-первых. А во-вторых, важно понять, что мы ищем.

— В смысле? — удивился Гоша. — Пришельцев ищем.

— Ты, по-моему, кино пересмотрел. — улыбнулась Юля. — Ну, допустим, это инопланетяне. Как они выглядят? Как передают ему лекарство?

А действительно — как? Приходит старик на поляну, в небе вспыхивают огни, а в руки красиво спускается наполненный гудящим составом пузырёк? Ерунда какая-то. Так действительно только в фильмах бывает.

— В общем, ты прав — подытожила Юля. — Куковать там днями напролёт не стоит. Будем следить за ним после того, как у бабушки закончится лекарство. Новое он, скорее всего, получает ночью, днём его могут обнаружить. Ты как, сможешь ночь не спать?

Гоша кивнул.

— Я с тобой пойду, — продолжала Юля. — Если что заметим...

— Не надо, — махнул головой Гоша. — Тебе отдыхать надо, вот и отдыхай. Рацию рядом с кроватью положи, а я, если что увижу, сразу сообщу.

Подумав, Юля кивнула.

— Обещаешь, без меня ничего делать? — строго уточнила она.

— Честное слово, — заверил Гоша. — Даже не пикну.

— Хорошо, — вздохнула Юля. — На ночь крепкого чаю выпей, чтобы спать не тянуло. Хотя я тебе лучше в термосе заварю. И бутерброды сделаю, чтобы не проголодался. Вдруг тебе утра придётся лежать? Да, и надень что-нибудь старенькое. Если запачкаешь и порвёшь, не так обидно. И взрослым не так заметно.

— Не переживай, — коротко кивнул Гоша. — Исполню в лучшем виде.

— Ну что, готов? — критически осмотрев друга, спросила девочка. — Вырядился-то как...

— Сама же говорила — надеть старое, — насупился Гоша, оглядывая заштопанную футболку с выцветшим изображением летающей тарелки и старенькие протёртые джинсы, извлечённые из недр бабушкиного сарая.

— Говорила, — пытаюсь спрятать улыбку, кивнула Юля. На её щеках проступили весёлые, задорные ямочки. — Ладно, давай к делу. Вот термос, вот бутерброды. Чай заварила зелёный, покрепче. И без сахара, от него в сон тянет. Рацию положу у кровати, сама надену наушники, чтобы бабушку с дедушкой не будить. Ты нашёл, что я просила?

Гоша молча извлёк из рюкзака старый, подаренный папой бинокль. В городе смотреть в него некуда, а вот в деревне виды что надо. И никаких тебе многоэтажек, нервные жители которых почему-то убеждены, что соседский мальчик обязательно за ними подглядывает.

— Дай-ка, — протянула руку Юля. Придирчиво осмотрев бинокль, она сосредоточенно кивнула и подняла взгляд. — Всё, я пошла, дальше работаем по плану. Ничего не забыл?

— Не забыл, не бойся, — отмахнулся Гоша. План был скрупулёзен и утверждён на совместном военном совете. Бабушке было сказано, что они с Юлей уходят в лесной поход и вернуться по обыкновению поздно. В эти дни Софья Матвеевна ложилась спать пораньше — от принесённого колдуном лекарства её клонило в сон. Скрепя сердце, она согласилась отпустить внука, вручив тяжёлый ключ от входной двери, болтавшийся сейчас у Гоши на шее. Разумеется, потребовав дать честное слово, что он вернётся вовремя.

— Тогда всё, — кивнула Юля и вдруг, не сдержавшись, схватила ладонь друга холодными пальчиками.

— Будь осторожен, понял? — очень серьёзно сказала она. — И смотри у меня, Гошка. Только попробуй не разбудить!

Шмыгнув в ночь, Юля оставила мальчика одного. Вздохнув, тот окинул взглядом видневшуюся неподалёку церковь и, подхватив термос и пакет с бутербродами, направился к зияющему проёму входа.

Внутри было темно, хоть выколи глаз. Споткнувшись о твёрдое, Гоша чертыхнулся и достал из кармана фонарик. Пятно света выхватило из темноты обшарпанные стены с видневшимися из-под остатков древних росписей кирпичами и закиданный строительным мусором пол.

«А вдруг тут кто-то есть? — подумал Гоша. — К примеру, сбежавшие преступники или бездомные?»

Воображение живо нарисовало залёгших в ночи небритых суровых бандитов, скрывающихся от полиции. Поборов приступ паники, Гоша мысленно отчитал себя за трусость. Какие в Телепино бандиты? Тут не Москва, все про всех знают. Если в церкви кто-то поселится, об этом мигом станет известно всей деревне.

Повея фонариком по сторонам, он нашёл, что искал — деревянные, невесть кем и когда брошенные строительные леса с грубо сработанной приставной лестницей. Часть перекладин отсутствовала, оставшиеся внешним видом тоже не вызвали доверия. Церковь давно пытались реставрировать, несколько раз даже начинались работы, которые затем по разным причинам сворачивали.

Осторожно потрогав разошедшуюся балку, Гоша осветил фонариком вверх. Высоко над головой луч упёрся в тёмные доски, выглядевшие не сильно лучше ступенек. Выбирать, впрочем, не приходилось.

Гоша поёжился. Лезть на верхотуру по старой, грозящей обрушиться лестнице страшновато, но отступать некуда. К тому же Юлька лазила туда совсем недавно и уверяла, что это «ни чуточки не страшно». Сжав зубы, Гоша ступил на угрожающе скрипнувшую перекладину. Потом на ещё одну. И ещё. Папа всегда говорил, что если дело кажется большим и сложным, нужно мысленно разбить его на маленькие, выполнимые кусочки. И он снова оказался прав!

Купольный свод приблизился, страх понемногу отступил. Главное сейчас — не смотреть вниз, но делать этого Гоша не собирался. Набравшись смелости, он осторожно вскарабкался наверх и боязливо ступил на деревянный настил. Старые доски затрещали, но выдержали. Первый этап остался позади.

Достав из рюкзака термос, бутерброды, рацию и бинокль, Гоша, словно заправский разведчик, аккуратно разложил всё на полу. Подсветив циферблат часов, отметил время. Взяв бинокль и наведя резкость, быстро осмотрел виднеющуюся неподалёку деревню, ища свой дом.

Свет у бабушки не горел, телевизор был выключен. Пока всё шло по плану.

Немного подкрутив колёсико резкости, Гоша навёл бинокль на дом колдуна. Судя по освещённым окнам и мелькавшему в них силуэту, Валерий Кузьмич не спал и был чем-то занят.

«Собирается», — догадался Гоша. Хорошо, если так. Торчать на верхотуре всю ночь, рискуя получить нагоняй от бабушки, ему вовсе не улыбалось.

Окна дома погасли. Спустя минуту Валерий Кузьмич вышел на крыльцо и, сунув руки в карманы потёртого пиджака, не торопясь побрёл к калитке.

«Вот и началось, — напряжённо подумал мальчик. — Сейчас он пойдёт к озеру, а там...» Что будет «там» Гоша не знал. Но твёрдо был уверен, что — будет.

Воровато оглянувшись, колдун пересёк улицу и нырнул в тёмный, змеящийся между заборами проулок. Присмотревшись, Гоша заметил, что пиджак Валерия Кузьмича сильно оттопырен справа.

Пройдя по дорожке, старик спустился к озеру и вышел на освещённый полной луной берег. Гоша напрягся, ожидая увидеть прибытие корабля или распахнувшийся вход на секретный объект, но ничего подобного не произошло. С минуту Валерий Кузьмич внимательно рассматривал небо, а затем, развернувшись, побрёл по направлению к дому.

Гоша почувствовал прилив разочарования. И ради этого они с Юлькой всё затеяли? Но что колдун делал на озере, зачем он вообще туда ходил?

Не зная, что думать, Гоша решил удостовериться, что старик вернётся домой. Но тот, судя по всему, домой не собирался. Вместо этого, свернув на идущую по околице Телепино тропинку, Валерий Кузьмич двинулся... прямёхонько к церкви!

Гоша похолодел. Бежать? А что, если старик пройдёт мимо?

«Не дёргайся, — резко осадил себя мальчик. — Что он, убьёт тебя, что ли? Скажешь, что играл в разведчика, и дело с концом. Да и не сюда он идёт, нечего ему тут делать».

Но Валерий Кузьмич шёл именно к церкви. Приблизившись, он исчез из поля зрения. Спустя мгновение снизу послышались шаги.

Гоша залёг возле края настила, искренне надеясь, что колдун пришёл в церковь не любоваться окрестными видами и наверх лезть не собирается.

Равнодушно пройдя мимо лестницы, Валерий Кузьмич пересёк храм и исчез в боковой, ведущей к алтарю комнатке. Через пару секунд там что-то сверкнуло и наступила тишина.

Затаив дыхание, Гоша с полчаса отчаянно вслушивался. Набравшись решимости, он спустился по лестнице и осторожно заглянул внутрь помещения, боясь, что оттуда выскочит притаившийся в темноте колдун.

«Ризница», — вспомнил мальчик услышанное по телевизору слово. Кажется, именно так в церквях называются кладовые.

В ризнице было пусто, если не считать всё того же валявшегося на полу мусора. Боковой, ведущий к алтарю проход был завален обломками кирпичей и щебёнкой. Пошарив фонариком по стенам, Гоша убедился, что прятаться Валерию Кузьмичу при всём желании негде.

Решившись, он достал из рюкзака рацию и нажал на кнопку передачи.

— Юля, приём, — тихо, почти шепча, произнёс он в микрофон. Девочка молчала.

— Ю-уль, — уныло повторил Гоша. Похоже, она заснула, а кричать, рискуя привлечь внимание невесть куда пропавшего колдуна, не хотелось. Спустя мгновение Гоша догадался нажать на кнопку вызова, подающую адресату пронзительный звуковой сигнал.

— Я тут, — отозвалась сонным голосом подруга. — Что случилось?

— Приходи, — просипел Гоша. — Колдун пропал.

— Иду, — быстро ответила Юля. — Я скоро.

Спустя некоторое количество томительных минут снаружи тренькнул велосипедный звонок.

— Гошка, — заглянув церковь, негромко позвала девочка. — Гошка, ты тут?

— Тут, — громким шёпотом ответил Гоша, освещая путь. — Осторожно, здесь чего только не накидано.

Кивнув, Юля поднесла руку к голове. Вниз ударил яркий луч налобного фонаря.

— Рассказывай, — сонно позёвывая, присела она рядом. — Куда это он пропал?

— Выключи, сплит, — сощурившись, попросил мальчик и быстро пересказал Юле всё случившееся.

— Может, он домой ушёл? — задумчиво уточнила девочка. — А ты просто не увидел.

— Ну да, домой, — съязвил Гоша. — Прогуляться решил на ночь, сначала на озеро, затем сюда. И потом, когда Валерий Кузьмич зашёл, я его видел и слышал прекрасно, а затем — как отрезало. Он что, стелс режим включил?

— Может, и включил... — задумалась Юля. — Сам же говорил, что он с пришельцами общается. Вдруг они ему прибор такой подарили?

— Что же он этим прибором по пути сюда не воспользовался? — ехидно уточнил Гоша. — Странная невидимость, тебе не кажется?

— Кажется, — вздохнув, согласилась Юля. — Но какие ещё объяснения? Не прячется же он, в самом деле.

— Если бы прятался, давно бы меня сцапал, — заметил мальчик. — Да и нет его тут. Вот, смотри.

Приложив ладони ко рту, он громко крикнул. Втянув голову в плечи, Юля испуганно оглянулась, но на шум никто не вышел.

— Вот, я же говорил, — победоносно улыбнулся Гоша. — Пусто.

— А ты точно всё обыскал?

— Если не веришь, сама посмотри — обиделся Гоша. Рассеянно кивнув, Юля включила фонарик и крадучись зашла в комнатку.

— Тут, наверное, келья была, — произнесла она оглядываясь.

— Скажешь тоже, — прыснул Гоша. — Кельи только в монастырях, а это... здесь, наверное, инвентарь хранили.

— Утварь, — поправила Юля, внимательно обшаривая лучом стены, пол и даже потолок. Если не считать маленького зарешеченного окна и заваленного бокового выхода, в помещении не было ничего подозрительного.

— Вспоминай, — повернувшись к другу, тихо и серьёзно сказала она.

— Что вспоминать? — удивился Гоша.

— Всё, что случилось в момент исчезновения, — нетерпеливо объяснила девочка. — Что ты видел?

— Я же сказал, — задумался Гоша. — Он зашёл в церковь, потом в комнатку, и пропал. Всё.

— Невозможно, — помотала головой Юля. — Получается, он растворился в воздухе. А так не бывает.

— Я уже вообще не знаю, как бывает, — разозлился Гоша. — Можно подумать, механические бобры сплошь и рядом встречаются! Не понимаю я, что тут случилось и куда он делся. И вообще, домой пора.

— Ты не кричи, — урезонила Юля. — А всё-таки подумай. Домой мы успеем, но тогда выходит, что всё было зря. А это, между прочим, обидно.

— Была одна странность, — подумав, произнёс Гоша. — Вспышка. Когда он исчез, мне показалось, будто сверкнуло. Как... — он замер, поражённый внезапной догадкой.

— Пошли! — потянул он за руку Юлю.

— Куда?

— Пойдём-пойдём.

Зайдя в ризницу, Гоша встал посередине.

— Подойди, — шепнул он. Недоумевая, девочка приблизилась и замерла, удивлённо глядя на друга.

Вспомнив волшебный пузырёк, Гоша внимательно всмотрелся в темноту, словно пытаясь проникнуть в её суть. Откликнувшись, пустота тихонько загудела. Воздух вокруг слабо замерцал.

— Ты что делаешь? — испуганно прошептала Юля.

— Тихо, — шикнул мальчик, продолжая таращиться в пространство. Вытянув руки, он попробовал прикоснуться к свечению, в котором обозначилась чёткая, похожая на проход трещина.

— Перестань, — шепнула Юля, — мне стра...

Комната вспыхнула и растворилась, пол ушёл из-под ног, и дети с криком провалились в пустоту, упав на мягкое и липкое. Застонав и раскрыв глаза, Гоша с удивлением обнаружил, что лежит на чём-то, напоминающем шляпку исполинского гриба.

— Вы что тут делаете, сорванцы?! — раздался громкий голос Валерия Кузьмича. Резко обернувшись, дети ошеломлённо раскрыли рты. На входе в большую, полную грибов пещеру, в окружении остроухих зелёных созданий стоял, уперев руки в бока, колдун.

— Как вы тут оказались, я вас спрашиваю?! — грозно повторил Валерий Кузьмич.

— Гошка, — прошептала Юля, не в силах отвести взгляд от странных спутников колдуна. — Гошка, это же гоблины!

Глава 4 — Мальчик и подземелье

Сырую тишину прорезал воинственный вопль. Кубарем скатившись с огромной шляпки, Гоша сорвал с шеи медный ключ и, зажав его в руке подобно маленькому кинжалу, принялся рубить тёплый, насыщенный влагой воздух.

— Не подходи! Не подходи!

Его захлестнул страх. Непонятные существа действительно смахивали на гоблинов — зелёная блестящая кожа, пасти с острыми зубами... Картину дополняли венчавшие плоские головы треугольные, торчащие в стороны уши, уродливые руки с неестественно длинными пальцами, и короткие кривые ноги с вывернутыми чуть в стороны коленками.

— Только троньте! — яростно орал Гоша пытавшемуся что-то сказать старику. — Только попробуйте!

Страх прошёл, уступив место дикой, первобытной ярости, подобной которой он ещё не испытывал. Тело наполнила бурлящая злая сила, готовая, казалось, испепелить всё подобно ядерному взрыву. Сейчас Гоша не боялся ни колдуна, ни гоблинов, ни, как сказал бы папа: «Чёрта лысого». Он даже смерти не боялся, собираясь, если потребуется, принять бой со всеми чудовищами на свете.

Глубоко в душе он удивлялся и радовался невероятному, освобождающему от сомнений и тревог бесстрашию. Теперь — или пан, или пропал. И пусть они с Юлькой пропали, но зато и тайн больше не будет. Вон они, тайны — сгрудились вокруг злого старика, зыряка на непрошенных гостей огромными и отчего-то очень умными глазами.

Успокаивающе выставив руки, Валерий Кузьмич шагнул к мальчику. Существа застыли, пристально наблюдая за происходящим. Несмотря на ужас ситуации, Гоша почему-то заметил, как чутко подёргивались их зелёные уши.

— ... — сказал Валерий Кузьмич. Не желая слушать, Гоша нечленораздельно проорал и попятился, выставив перед собой ключ.левой рукой он пытался нащупать Юлю, чтобы заслонить и защитить её от колдуна и прислуживающих ему демонических созданий. И хотя он понимал, что Юле вряд ли поможет, но, тем не менее, готов был драться до конца.

Чья-то рука коснулась плеча. Не желая отвлекаться, Гоша раздражённо сбросил ладонь и, нащупав девочку, подтолкнул её назад, по направлению к грибному «лесу». Внезапно уперевшись, та принялась тормозить защитника.

— Чего? — раздражённо повернулся Гоша, не выпуская из поля зрения колдуна.

— Остынь!

— Сдурела?! Они сожрут нас сейчас!

Вместо ответа Юля, вздохнув, залепила ему пощёчину. Левую щёку чувствительно обожгло. Отшатнувшись, Гоша зарычал и, уже ничего не соображая, кинулся на колдуна. Наперерез с неожиданной резвостью выскочило одно из созданий, подняв над головой лапу с растопыренными тонкими пальцами. Время замедлилось, превратившись в тягучий, застывающий на глазах кисель. Мальчик рванулся, пытаясь вывернуться из вязкой, спеленавшей по рукам и ногам массы. Силы покинули его, конечности превратились в тонкие спутанные макароны. Дёрнувшись, словно попавшая в сеть рыбка, он сдался и закрыл глаза. В ту же секунду накатила тьма.

Что-то приятное и влажное осторожно касалось лба. Тяжело протонав, Гоша приоткрыл глаз. Внезапно, как это бывает после пробуждения, он вспомнил всё и резко сел.

— Тихо, тихо, — улыбнулся в усы Валерий Кузьмич. — Как самочувствие, боец? Я уж, грешным делом, думал, ты нас всех там поубиваешь.

— Юля... где она? — прохрипел мальчик.

— Всё хорошо с ней, не волнуйся, — успокоил Валерий Кузьмич. — За дверью ждёт и, кстати, — очень переживает. Говорит, никогда тебя таким не видела. Оно и правда — разве можно так себя доводить?

— Можно, — буркнул Гоша, с вызовом уставившись на старика. Ему-то, может, и смешно, а вот Гоше не до смеха.

Мальчик огляделся. Он лежал в уютной комнате с неровными каменными стенами. Похоже, комнатка вырублена прямо в скале.

Возле кровати лежал пёстрый коврик, в углу стоял деревянный стол, заваленный самыми обыкновенными бумажками. Над ним висело несколько полок, плотно забитых книгами. Рядом было пробито круглое окно с закрытыми ставнями, напротив виднелась такая же

круглая дверь из массивных, плотно подогнанных друг к другу досок. Всё в этой комнатке было уменьшенным, словно сделанным для ребёнка или подростка. Потолок, однако, высоты был приличной, так что даже колдуну не приходилось нагибаться.

— Где я? — закончив осматриваться, спросил Гоша. Сил сопротивляться не было, впрочем, как и желания.

— У друзей, — подумав, ответил колдун. — Это главное. Здесь ты увидишь много такого, что трудно понять и принять. Что-то может показаться странным, что-то страшным, но никто, запомни, никто не причинит вам вреда. Ты меня понимаешь?

Не своя со старика настороженного взгляда, Гоша медленно кивнул.

— Вот и славно, — кивнул в ответ тот и, повернувшись, крикнул: «Заходите!»

Дверь осторожно приоткрылась, пропуская внутрь двух гоблинов. Ошарашенный Гоша вжался спиной в твёрдую шершавую стенку.

Увидев созданий, он побледнел и натянул до подбородка одеяло. Заметив испуг, существа застыли и переглянулись с колдуном. Тот кивнул, словно разрешая проделать что-то заранее условленное. Один из гоблинов открыл пасть и, по смешному искривив язык, произнёс по-русски:

— Не бойся, мальчик.

От этого с натугой произнесённого «мальчика» стало легко и немного забавно. Каким-то шестым чувством Гоша понял, что ему нечего опасаться зелёных созданий.

Он с любопытством оглядел вошедших, подметив ряд упущенных раньше деталей. Во-первых — одежда. Существа носили короткие, кожаные на вид штаны, усеянные россыпью карманов, такой же фактуры и цвета куртки, чем-то напоминавшие лётные, и невысокие то ли ботинки, то ли полусапоги. В дополнение к этому у одного из них на лбу красовались здоровенные очки-консервы.

Обращало на себя внимание и содержимое карманов, топорщившихся от диковинных инструментов, запчастей и мотков металлического троса. Приглядевшись, Гоша заметил нечто похожее на арифмометр и штангенциркуль в одном флаконе, парочку линейек, ватерпас и даже рулетку. В нагрудном кармашке одного из гостей Гоша усмотрел заляпанные чёрным блокнот и ручку. Гоблины вообще с ног до головы были чем-то перепачканы, из-за чего парочка походила на дикую помесь слесаря из ЖЭКа с безумным учёным.

В-третьих, мальчик вдруг понял, что создания разного возраста. Уши «авиатора» покрывала редкая седая щетина, в то время как у второго ушки были гладкие, да и сам он ростом был поменьше.

Гоблин помладше (это именно он сказал Гоше не бояться) сделал шаг навстречу и важно ткнул себя пальцем в грудь:

— Я — Хнуп. Это, — кивнул он на «седого», — дедушка Грых. Не бойся, мы... — Хнуп запнулся, вспоминая, — не кусаемся, — закончил он заученную фразу и гордо посмотрел на Валерия Кузьмича, ожидая похвалы.

От несурзанности ситуации стало ужасно смешно. С огромным трудом подавив улыбку, мальчик сдержанно кивнул и коротко представился:

— Гоша.

— Приветствую тебя, Гоша, — приятным баритоном произнёс Грых. — Как ты себя чувствуешь?

— Я? — от простого вопроса Гоша слегка растерялся. Из-за увиденного он совершенно забыл о себе. — Вроде нормально, ничего не болит. Нет, точно нормально. Правда.

— Очень хорошо, — покивал Грых. — У тебя, наверное, много вопросов. Мы ответим на что можем, но сначала хочу спросить тебя, как ты здесь очутился. Это важно.

Он говорил неторопливо и рассудительно, словно индейский вождь. Пританцовывающий рядом Хнуп, казалось, от нетерпения скоро провертит в полу дырку.

— Можно? — просунулась в открытую дверь Юля. Увидев друга, она радостно улыбнулась и, не дожидаясь разрешения, вошла.

— Гошка, ты их не бойся, — присела она на кровать. — Они добрые и не страшные. Больше нашего испугались, когда ты с ключом кинулся.

— Ты зачем меня ударила? — хмуро уточнил Гоша. — Я, между прочим, тебя защищал.

— Знаю, — вздохнула Юля. — Кроме этого ничего в голову не пришло. Мы с Валерием Кузьмичом кричали, но ты не слышал. Натуральный берсерк, это воины такие у викингов. Они сначала в бой рвались, а после победы засыпали, прямо как ты. И бесстрашные совсем.

Гоша насупился. Ему не понравилось это «мы с Валерием Кузьмичом». Быстро же они сошлись!

В повисшей тишине осторожно кашлянул дедушка Грых. Вспомнив о заданном вопросе, Гоша повернулся к гоблину.

— Я не знаю, как мы к вам провалились. Мне..., — он запнулся, — будто нашептало что-то. Сначала с пузырьком, потом в церкви.

— Что ты при этом чувствовал? — подавшись вперёд, тихо уточнил Валерий Кузьмич.

— Ну... не знаю, — Гоша окончательно смутился и запутался. — Там, в пузырьке, будто тайна была. Я вдруг понял, что если внимательно всмотреться, можно *увидеть*. Ну и всмотрелся, а он вдруг засветился и загудел. Потом бабушка вошла, я думал, она ругаться будет, а она — ничего.

— *Крух*, — причудливо щёлкнул языком Грых, переглянувшись с Валерием Кузьмичом. И добавил ещё одно гортанное, незнакомое слово: «уцк».

— Что? — не понял Гоша.

— Не обращай внимания, — отмахнулся Валерий Кузьмич. — Ты говоришь, что-то увидел? А в церкви тоже — увидел?

— В церкви сначала нет, — покачал головой мальчик вспоминая. — Я долго не мог понять, куда вы исчезли. Потом вспомнил, что сверкнуло точь-в-точь как от пузырька. Решил всмотреться, вдруг что получится? И получилось... Будто проход в воздухе повис или трещина. И светится весь, мерцает. А ещё греет приятно. Я за края зацепился, потянул, раздвинул и... всё.

— Ты тоже это видела? — повернулся к Юле старик. Та отрицательно покачала головой.

— Ладно, — решительно произнёс, вставая, колдун. — Если ты пришёл в себя, можете отправляться на экскурсию, иначе от любопытства ведь умрёте. Только уговор — наверху об этом никому. Ни слова, ни словечка, иначе плохо придётся всем. Уяснили, щеглы?

«Щеглы» заворожённо кивнули. Поняв, что формальности соблюдены, сорвавшийся с места Хнуп потянул их за дверь.

— Подождите, — обернулся к старику Гоша, — а как же бабушка? Она проснётся, а нас нет.

— Не волнуйся, — хитро усмехнулся Валерий Кузьмич. — Ничего Софья Матвеевна не узнает. Слово колдуна.

Прикрыв дверь, Хнуп повёл детей по извилистому, вырубленному в скале коридору. Открыв рот, Гоша разглядывал разноцветные двери, ответвления, лестницы и глубокие, обдувающие лицо потоком тёплого воздуха колодцы.

— Мы, наверное, очень глубоко, — шепнула на ухо Юля.

— Это почему ещё? — тихо уточнил мальчик.

— Под Телепино откуда скалы? А тут смотри, кругом камень. Значит, мы неплохо провалились.

Провалились... Понять бы ещё, КАК. Может быть, потайной ход? Какой-нибудь скрытый лифт или распахивающийся створками пол? Ничего подобного Гоша не помнил, зато хорошо помнил свечение и таинственную призрачную трещину.

— Здесь у нас школа, — объявил Хнуп, кивая на широкую дверь. — Здесь я учусь.

Осторожно заглянув, дети увидели длинные, усыпанные всякой всячиной верстаки, подле которых суетились собратья Хнупа. В центре мастерской стояло нечто отдалённо напоминающее шахтёрскую вагонетку, пол вокруг был усыпан деталями. Воздух гудел от непрерывающегося гомона, а от мельтешения вооружённых разнокалиберными инструментами гоблинов рябило в глазах.

Сверху, гремя ржавыми звеньями, слетела толстенная цепь с приделанным на конце мощным крюком. Висящий на нём гоблин соскочил на пол и принялся споро прилаживать его к петле на «вагонетке». Посыпались искры, собравшиеся вокруг коллеги радостно заурали. В дальнем углу сверкнуло и бахнуло.

— Это вы так учитесь? — недоверчиво переспросила Юля, оглядывая происходящее. — Такое чувство, что просто хулиганите.

— Учимся, — прижав к голове уши, кивнул Хнуп. — Сначала здесь, очень потом становимся мас-герами. Как дедушка.

— А учителя у вас есть? Почему никто не следит за порядком? — настаивала Юля. — Вы технику безопасности соблюдаете вообще?

— Тех-хнику... — запнулся Хнуп, запутавшись в сложном слове. — А что это?

— Это чтобы никто не пострадал, — пришёл на выручку Гоша. — Не поранился, понимаешь? У вас тут опасно, искры. А если кому-то в глаз попадёт?

— Не попадёт, — удивлённо воззрился на него Хнуп. — Зачем?

— У вас что, не было несчастных случаев? — недоверчиво переспросил Гоша. — Так не бывает. Особенно если беспорядок.

— Порядок есть, — обиделся гоблин. — Всё в порядке.

— Что-то не верится, — скептически хмыкнула Юля, но Гоша незаметно дёрнул её за руку. Присмотревшись к происходящему, он начал понимать Хнупа. В кажущемся хаосе мастерской проступили очертания чёткой, хоть и непонятной ему системы. И пусть в ней не было места прямым линиям и строгой дисциплине, она, тем не менее, работала что надо.

Прыгающие, бабахющие и радостно верещащие то там, то здесь гоблины действовали словно единое целое, прекрасно обходясь без начальников, командиров и старших по цеху. В этой слаженности было что-то завораживающее, словно Гоша наблюдал за огромным муравейником, где каждый знал своё место и задачу. «Наверху» он не видел ничего подобного. Даже когда класс водили показывать тренировку районной пожарной команды.

Инструменты и запчасти перекидывались из лап в лапы быстро и точно, и также быстро и точно пускались в ход. Искры и «бабахи» не причиняли ученикам ни малейшего вреда.

По невероятному наитию все работающие вокруг опасных мест молниеносно смещались в укрытие или отскакивали в сторону, тут же возвращаясь на исходную после того, как угроза миновала. Они походили даже не на муравьёв, а на ловко скачущих по веткам мартышек. Умудрявшихся при этом заниматься сложной и непонятной Гоше работой.

— Пойдём, — нетерпеливо потянул за руку Хнуп. Свернув в боковой проход, они поднялись по узкой извилистой лесенке и вышли на широкую открытую площадку. В лицо ударил на удивление свежий ветерок, а внизу... Гоша и Юля ахнули, увидев простирающийся в гигантской пещере город с кривоватыми, но симпатичными домами, башенками и даже парочкой фонтанов. Центральная улица кишела спешащими по делам гоблинами и пузатыми, навьюченными тюками созданиями. Тяжело пыхтя, по проложенной среди домов железной дороге чадил паровоз. Высоко над головой, прямо под сводами, кружила парочка подозрительно смахивающих на вертолёты летающих машин.

— Наш город, — подняв глаза, гордо сообщил Хнуп. — Тут мы живём.

— С ума сойти, — прошептала Юля, оглядывая фантасмагорический пейзаж. — Гошка, прямо не верится. Как в сказку попали!

Гоша не ответил. Да и что было отвечать? Увиденное и впрямь походило на сказку вроде «Семи подземных королей». Это что же, где-то под Телепино раскинулся подземный город неизвестных науке созданий?

Мальчик скосил глаза на Хнупа. Не удержавшись, положил ему руку на плечо, пытаясь удостовериться, что это не галлюцинация. Почувствовав прикосновение, Хнуп недоумённо повернулся и... улыбнулся, сверкнув острыми зубками. Маленький, по грудь Гоше, он был невероятно, щемяще реален. И плечо у него настоящее — тёплое и крепкое. Такое же, как у Женьки или Серёжки.

«И вовсе они не уродливые, — подумал мальчик. — Просто другие». А он-то себе напридумывал! Правильно говорят: «У страха глаза велики». Хотя, по правде, было отчего испугаться.

— Вы же голодные, — спохватился Хнуп. — Есть?

— Есть, — кивнул Гоша. От пережитого в животе и правда предательски заурчало.

Спустившись по широкой винтовой лестнице, они вышли на запруженную гоблинами улицу. В нос ударило пряным, на возвышавшейся поодаль башне забило подобие часов с четырьмя стрелками и поделённым на разноцветные сектора циферблатом.

— Гоша! — окликнул зазевавшегося мальчика Хнуп. Он своеобразно тянул гласные, так что вместо «Гоши» у него выходило «Го-о-ша». То же самое он проделывал и с малознакомыми словами, что придавало его речи особенный, ни с чем не сравнимый оттенок.

Опомнившись, Гоша кинулся догонять, испытал уже на себе необъяснимую слаженность гоблинов. Улица была забита практически под завязку, но вокруг него образовался небольшой пузырик пустого пространства. Завидев торопившегося мальчика, прохожие неуловимо смещались в сторону, тут же смыкаясь в плотную толпу за спиной. Никто не толкался, не шарахался и не глазел на невесть как попавших сюда детей. Никто вообще не выказывал ни малейшего удивления.

— Есть, — кивнул Хнуп, указав на ведущую в подвал ближайшего дома лесенку. Спустившись, дети обнаружили нечто, удивительно напоминающее столовую общепита. Взору предстали длинные приземистые столы со скамьями, занятыми аппетитно жующими гоблинами.

Пройдя на раздачу, Гоша и Юля получили по тарелке, наполненной чем-то густым и зеленоватым.

— Подожди, — остановился мальчик, увидев, что Хнуп уже идёт искать место. — А платить разве не надо?

— Пла-тить? — удивился Хнуп. — Не знаю. Не надо. Тут не платят. — Сообразив, о чём речь, он уверенно закрутил плоской чешуйчатой головой. — Идём!

Найдя свободное место, они расселись. Гошу вновь поразило, насколько сидящие рядом не интересуются их персонами. Пара любопытных взглядов, несколько вежливых, немного комично смотрящихся кивков — и всё.

Принюхавшись к лежащей на тарелке массе, мальчик осторожно попробовал её на вкус, благо столовые приборы не сильно отличались от человеческих. Зеленоватое «пюре» оказалось недурным и очень сытным.

— Вкусно, — удивлённо констатировала отхлебнувшая с кончика ложки Юля. — А что это?

— Ка-а-ша, — проглотив ложку «каши», Хнуп зажмурился и прижал к голове уши. — Грибная. Из грибов, — пояснил он недоумённо вытаращившимся детям.

— Погоди, погоди, — перебил Гоша. — А разве из грибов варят кашу?

— Всё варят, — степенно кивнул гоблин. Кашу, хлеб. Мясо.

— Что значит — мясо? — вмешалась Юля. — Как можно варить мясо из грибов?

— Можно, — не сдавался Хнуп. — Всё можно. Даже тарелки.

«Что за бред?» — подумал Гоша. Не желая обижать гоблина расспросами, он быстро и внимательно оглядел посуду. Обычные тарелки, немного, правда, различающиеся по цвету и форме. Складывалось впечатление, что их делали вручную.

— Погоди, — вспомнил он. — Когда мы сюда провалились, упали как раз на грибы. Это те самые?..

— Они, — подтвердил Хнуп. — Есть ещё, много разных. Я покажу.

— Хнуп, а как ты выучил русский? — перевела тему Юля. — Или у вас все на нём говорят?

— Сначала дедушка, потом мне помог, — слегка нескладно ответил гоблин. — Я маленький, уцк пока не умею. Дедушка умеет. Другие не говорят, если надо — выучат. Русский несложный.

— И как долго вы учились? — уточнил задетый «несложным русским» Гоша. — Год, два?

— Два, — кивнул Хнуп. — Дня.

— Как это? — поперхнулся мальчик. — Ты, наверное, что-то путаешь. Нельзя выучить русский за два дня. Невозможно!

— Воз-можно, — от волнения Хнуп стал ещё больше тянуть слова. — Вчера знал, — принялся он загибать пальцы, — поза-вчера тоже. А до не знал, дедушка знал. Он целый день учил. Почти.

— А... как вы это делаете? — от волнения Гоша начал слегка заикаться. Он представил, как возвращается после каникул в школу и отвечает нелюбимой им Инессе Петровне на превосходном английском.

— Крух, — беззаботно повторил Хнуп загадочное слово. Увидев, что его не понимают, достал из-за шиворота болтающийся на цепочке кристаллик и продемонстрировал его гостям. — Я плохо умею, маленький. Дедушка знает.

Доев кашу, Хнуп поднял тарелку и внезапно... откусил от неё.

— Вкушно, — с набитым ртом сообщил он. — Офень!

Взяв тарелку, мальчик осторожно попробовал её на зуб. Твёрдая, но съедобная, на вкус подозрительно напоминающая...

— Хлеб, — подняв палец, гордо воскликнул Хнуп. — Вспомнил!

— Вы что, и хлеб выращиваете? — прожевав посуду, уставилась на него Юля.

— Вы-рациваем, — подтвердил Хнуп. — Из грибов. Уже.

— Тоже два дня как? — хмыкнул Гоша, но гоблин не понял сарказма. Вместо этого он принялся загибать пальцы, сосредоточенно шевеля губами.

— Три месяца, — гордо сообщил он, закончив подсчёты. — Валерий Кузичь научил.

— Кузьмич, — машинально поправил Гоша, переваривая услышанное. — А вы что, всё из грибов делаете?

— Не всё, — покачал головой Хнуп, — но много. Еду, одежду. Молоко-о, — мечтательно прищурившись, он причмокнул губами, будто представляя невероятный деликатес. Не выдержав, Юля прыснула.

— Ты что, так любишь молоко-о? — беззлобно передразнила она. Покраснев, Гоша наступил ей на ногу, но девочка уже взяла себя в руки. Гоблин, впрочем, не обиделся.

— Молоко очень вкусное, — оскалился он в широкой улыбке. — Мы раньше не знали. Теперь знаем.

— Дай я угадаю, — вздохнул уже ничему не удивляющийся Гоша. — Валерий Кузьмич показал?

— Не показал, принёс. Бан-ку, — уточнил Хнуп. — Мы грибы научили, теперь они нам делают. Молоко-о...

— В следующий раз захвачу тебе парного, — улыбнулась Юля. — У бабушки с дедушкой корова.

— Слушай, Хнуп, — перебил Гоша, у которого голова пухла от вопросов, — а как вы так научились? Ну, с грибами, например? Ведь это же, получается, генная инженерия — молоко из них добывать! Я передачу недавно смотрел, про то, как растения выводят с разными полезными свойствами. Берут гены и пересаживают от одного к другому. У нас учёные тоже ого-го, но такое... Тут целые институты работать должны, наука, наверное, на высоте.

— Наука? Нет науки, — пожал плечами маленький гоблин. — Зачем? Есть гриб-ники, они сделали.

— Как это — нет науки? — начал горячиться Гоша. — Что значит — сделали? Если нет науки, откуда биотехнологии? — вспомнил он мудрёное слово из телевизора.

— Био-ге... — Хнуп сбился и растерянно посмотрел на Гошу. — Не знаю. Науки нет. Раньше была, — просветлел он. — Дедушка рассказывал. Теперь не нужна. Теперь *уцк*.

— А что такое *уцк*? — вклинилась в разговор Юля. — То, что ты на шее носишь, да?

— Нет, — помахал головой Хнуп. — Это, — снова достал он висящий на цепочке кристаллик, — *р'рих*. *Уцк* — другое. Совсем. Для *уцк* нужен *крух*, для *крух* нужен *р'рих*. Я не знаю пока, маленький. Дедушка знает. Дедушка — мас-тер.

— Можно посмотреть? — попросил Гоша. Кивнув, Хнуп снял с шеи цепочку и передал мальчику.

Осторожно приняв кристаллик, Гоша внимательно его осмотрел. На первый взгляд ничего особенного, похоже на обычную стекляшку. Повинуясь знакомому наитию, он прищурился, пристально всматриваясь в *р'рих*. Вдруг получится?

...Кристалл взорвался тёплой яркой вспышкой, озарив пространство вокруг. Мысли обрели потрясающую чёткость, мир сжался и стал до боли прост и понятен. Ощущая невероятный прилив сил и сосредоточенности, Гоша обернулся к Юле, чтобы поделиться радостью

и внезапно увидел, что та словно застыла. Растерянно оглянувшись, Гоша понял, что остановилось и замолкло вообще всё. Осторожно положив *p'rix* на столешницу, он зажмурился и медленно разжал пальцы.

В уши ударил прежний гомон, Юля и Хнуп ожили и задвигались. Тихонько выдохнув, мальчик пододвинул кристалл гоблину:

— Держи. Спасибо.

Кивнув, Хнуп шустрым движением надел цепочку. Гоше показалось, что гoblin на мгновение задержал на нём внимательный взгляд.

— Хотите паровоз? — спросил Хнуп, закончив доедать ложку.

— Паровоз? Зачем? — улыбнулась Юля, начавшая уже привыкать к странной манере общения.

— Паровоз, — озадаченно повторил Хнуп, морща лоб. — Поедем посмотреть. Грибы.

— Не зна-аю, — протянула Юля. Судя по всему, грибы её не прельщали.

— Мы поедем, — перебил Гоша. — Это, наверное, жуть, как интересно!

Гоша лукавил, грибы его не интересовали. Гораздо важнее хоть немного приподнять завесу тайны над странным, сказочным миром. Нутром он чувствовал, что не стоит спрашивать «в лоб» о случившемся в столовой. Что действовать надо, как говаривал папа, «посмекалистее».

Выйдя на улицу, они свернули вбок и спустились по одной из многочисленных лесенок, направляясь к бурлящему гоблинами вокзалу. Пройдя сквозь привычно неосязаемую толпу, вышли на перрон.

— Чи'ит-ор, — бросив взгляд на циферблат больших, висящих под потолком разноцветных часов, сообщил детям Хнуп. — Синий—два. Успели. Сейчас поезд.

— А место будет? — усомнился, оглядев забитый гоблинами перрон, Гоша.

— Будет, — подвигав ушами, растерялся Хнуп. — Всегда бывает. Иначе зачем идти?

Спустя минуту к перрону подошёл поезд, управляемый весёлым, с такими же, как у Грыха, очками, гоблином-машинистом. Дав короткий свисток, состав замер. Из открытых вагонов высыпала быстро рассеивающаяся толпа, спустя мгновение в двери повалили новые пассажиры. Присмотревшись, Гоша заметил немало женщин и девушек, носящих на руках и шеях красивые бусики. От мужчин они отличались формой и размером ушей, а точнее — ушек.

Зайдя в вагон, Хнуп уверенно провёл их к свободному, расположенному у окна сиденью. Осмотревшись, Гоша понял, что на места никто не претендует, словно их оставили специально для неожиданных гостей.

Уступив Юле, он сел между ней и Хнупом. Через мгновение, дав гудок, поезд тронулся.

— На чём он едет? — невинно поинтересовался Гоша. — На угле?

— Не на угле, — покачал головой Хнуп. — Уголь грязный, трудно дышать. Мы делаем *x'tak*. Из грибов.

— *X'tak*? — озадаченно переспросил мальчик. — Что это такое?

— Это... — гoblin замолчал, а затем, просяив, извлёк из кармана курточки белый, уже знакомый по бобру, кубик.

— *X'tak*, — повторил Хнуп, демонстрируя загадочный «рафинад». — Хорошо горит, греет. И чистый, не пачкает.

— Можно его взять? С собой? — взмолился Гоша. Ему ужасно хотелось оставить кубик на память.

— Бери, — радостно кивнул Хнуп. — Конечно.

Ускорившись, паровоз въехал в город. И хотя машинист пару раз дудел свистком, делал он это, скорее, по традиции. Снующие через железную дорогу ловко расходились перед идущим на полном ходу составом, даже не глядя в его сторону. Точно так же, как до этого расступались перед Гошей.

— Хнуп, а почему паровоз? — спросил мальчик. — Ничего лучше не изобрели?

— Зачем? — пожал плечами Хнуп. — Если работает — хорошо. Паровоз работает. А ещё, — глаза гоблина загорелись весёлой сумасшедшинкой, — там пар. Кипит, бабахает!

— А бобёр тоже бабахает? — не удержавшись, уточнил Гоша. — Вы зачем его сделали? Да ещё на шестерёнках?

— Бобёр не бабахает, — обиженно вскинулся Хнуп. — Один раз сломался. Дедушка сделал, — с гордостью закончил он.

— Для чего? — Мальчик начал терять терпение. — И почему он механический? У вас что, электроники нет? Микросхем? Хотя бы простого электричества?

— Дедушка сделал, чтобы смотреть. Снаружи, — спокойно ответил гоблин. — У вас интересно. Мы смотрим, учимся. Везде, куда приходим. Электричество есть, но дедушка смог без него. Проще. Микро-схем нет, электро-о-ники тоже. Плохо, не нужно. Бобёр работает.

— Ты сказал — «приходите»? — вмешалась Юля. — Откуда?

— Оттуда, — кивнул в окно Хнуп. Синхронно повернувшись, дети увидели большую площадь с идущей от овального каменного портала дорогой. Рядом возвышалась изображающая пожилого, согбенного гоблина статуя. Удивительным образом скульптор смог передать его взгляд — молодой, полный сил и энергии.

— Откуда «оттуда»? — удивлённо переспросил Гоша, рассматривая проплывающий мимо портал. — Там же нет ничего.

— Сейчас нет, — согласился Хнуп. — Раньше — было. Путь. Мы по нему пришли.

— Ничего не понимаю, — развела руками девочка. — Так вы не отсюда?

— Отсюда — не отсюда, всё равно, — беззаботно сообщил Хнуп. — Раньше были там, теперь здесь. Дедушка пришёл, я пришёл. Мама с папой не успели, — он внезапно погрустнел. — Путь... сломался. Теперь нет. Чинят, не получается.

— А что случилось? — сочувственно поинтересовался Гоша. — Почему сломалась?

— Не знаю, — развёл лапками Хнуп. — Дедушка говорит — специально. Другие. Там. — Он ткнул вверх длинным пальцем.

— Скажешь тоже, — не поверил Гоша. — С чего кому-то ломать ваш путь? Да и как?

— Не знаю, — грустно повторил Хнуп. — Дедушка говорит, другим надо.

— Погоди, а в церкви тоже Путь? — начал соображать Гоша.

— Похоже. Маленький. Тут — большой. Маленький легко делать. Большой нет.

Гоблин расстроено опустил ушки и замолчал. Было видно, что он скучал по родителям.

— Хнуп, а чей это памятник? — поспешила перевести тему Юля. — Наверное, кто-то известный?

— Известный, — согласился гоблин. — Это Гташ. Правитель... нет, направитель... э-э-э, учитель. — Он, наконец, подобрал нужное слово. — Гташ был очень раньше. Помог.

— Чем именно? — заинтересовалась девочка. — Что-то изобрёл?

— Изобрёл, — кивнул Хнуп. — *Уцк*. Я не знаю, дедушка знает.

...И тут Гоша окончательно уверился, что гоблин чего-то недоговаривает.

— Смотри, — дёрнула за рукав Юля. — Там стройка!

Они проезжали возле пустыря, где кипело строительство чего-то многоэтажного. В клубах каменной пыли мелькали ушастые фигурки, повсюду носилась ревущая и плюющаяся горячим паром техника. Здание росло на глазах — за время, что поезд проходил мимо, гоблины умудрились закончить этаж и принялись возводить следующий.

Огромный кран быстро и грациозно опустил каменный блок, тут же разворачиваясь за следующим. Увидев это, парочка гоблинов со сверхзвуковой прытью переместилась к монолиту и принялась что-то шустро в нём выдалбливать. Раздался дробный стук, в воздух взметнулась крошка. Кран тем временем уже опускал рядом следующую обтёсанную глыбу, ничуть не боясь задеть кого-то из строителей.

— Как в Перу, — прошептала Юля. — Там такие же камни в древних крепостях. Хнуп, а как у них получается так быстро работать?

Гоблины и впрямь носились, словно в ускоренной перемотке. Те двое, что взялись за блок, выдолбили в нём идеально ровный оконный проём и перескочили на новый участок. Прежде чем гоблин ответил, кто-то уже вставил в окно стекло и раму. Работающие по соседству ударными темпами возводили из крупных кирпичей стены. Где-то на чудовищных скоростях взвизгнула пила.

— Это *уцк*, — многозначительно растолковал Хнуп. — Они *уцк* делают. Мас-стера.

— *Уцк* — так *уцк*, — махнул Гоша, отчаявшись что-то понять. — А грибы скоро?

— Скоро, — спохватился Хнуп. — Сейчас. Выходим.

Шипя и выпуская облака дыма, паровоз не спеша остановился у скрытого внутри небольшой каверны перрона. Гоша обратил внимание, как плавно и точно остановился вагон — будто составом управляла современная автоматика. Выйдя на перрон, он словно невзначай зыркнул в кабину машиниста, думая увидеть пульт или хотя бы парочку индикаторов. Но ни пульта, ни индикаторов внутри не оказалось. Похоже, весёлый гоблин управлял поездом исключительно с помощью рычагов и вентиляей.

«И, конечно же, — *уцка*», — мрачно подумал Гоша, поняв, что эту головоломку разгадает ещё нескоро. Он, конечно, любил загадки, но город подбрасывал их в таких количествах, что голова начинала трещать. Ничего не придумав, он поспешил за Хнупом, который вместе с Юлей успел уйти немного вперёд.

— Слушай, Юль, — спросил он, перестав стесняться зеленоухого товарища, — а как ты поняла, что гоблины добрые? Даже пощёчину мне влпила, чтобы успокоился.

— Трудно сказать, — пожала плечами девочка улыбнувшись. — Я когда их увидела, почему-то совсем не испугалась. Будто голос подсказал — «не бойся». А потом вдруг поняла, что они напуганы больше нашего, особенно когда ты ключом на них замахал. Правда, вы испугались, Хнуп?

— Правда, — кивнул Хнуп. — Меня там не было, дедушка был. Он Гошу затормозил... заморозил... не знаю. Потом дедушка переживал. Боялся, что плохо будет. Сразу пришёл, когда Валерий Кузьмич разрешил. И я пришёл.

— Я когда Валерия Кузьмича увидела, вообще успокоилась — продолжила Юля. — Не съедят же нас у него на глазах, в самом деле!

— Есть? Зачем? — искренне удивился Хнуп. — Мы людей не едим, мы грибы едим. И всё, что из грибов. А людей есть нельзя. И невкусно, наверное — подумав, зловеще уточнил он.

Они снова шли извилистыми коридорами. Двери, проходы, лестницы, ответвления. Таблички со странными, напоминающими кардиограмму надписями. Шум, гомон, приятные запахи готовой еды. Мимо пробежали стайки играющих в подобие салочек гоблинят. Несколько раз пришлось посторониться, пропуская навьюченных тюками «верблюдов», как прозвал этих созданий Гоша, в сопровождении важных погонщиков. Что-то в облике пузанов было не так, но мальчик не успел понять, что.

— Нам сюда, — приглашающе кивнул Хнуп на широкую, огороженную невысокими бортиками площадку. Дождавшись, когда все зайдут, он потянул за торчащий из пола рычаг. Заурчав, конструкция медленно тронулась вниз.

— Лифт, — удивлённо произнесла Юлька.

Гоша промолчал. Чего удивляться обычному лифту после всего увиденного? Он не успел похвалить себя за невозмутимость, как тут же забыл обо всём, узрев открывающийся внизу пейзаж.

В огромной, размерами не уступающей городу пещере раскинулось бескрайнее, освещённое мягко мерцающим потолком поле. Тысячи грибов разных цветов и калибров ровными полосами усеивали аккуратно разбитое на квадраты пространство. По пересекающим гигантскую теплицу тропинкам сновали гоблины, среди огромных шляпок тут и там виднелись лёгкие подвесные мостики, где также кипела бурная деятельность. Несколько навьюченных пузанов и погонщиков терпеливо поджидали лифт внизу, новые всё прибывали.

Скрипнув, платформа остановилась. Торопливо выйдя, чтобы не задерживать спешащих наверх, Гоша с Юлей устремились вслед за Хнупом. Здесь было заметно жарче, чем в городе, шляпки грибов жирно лоснились от насыщающей воздух влаги. Подмышки взмокли, дышать стало труднее, но Гоша, помня, что мужчина, не подавал виду.

Рядом послышались неприятные чавкающие звуки. Струдившиеся подле огромного гриба гоблины сноровисто извлекали что-то из раскрывшегося в толстой мясистой ножке отверстия. Удивительный процесс сильно напоминал роды.

Смачно всхлипнув, гриб изверг увесистый белоснежный кубик *х'така*, который тут же укатили на заранее приготовленной тележке в сторону переминавшегося с ноги на ногу «верблюда». Деловито проконтролировав погрузку, погонщик кивнул и, положив лапку на морду пузана, что-то прошептал. Заурчав и вздрогнув, создание неторопливо зашагало в сторону лифта.

— Погодите, — озарило Гошу. — У него же нет рта!

— Совершенно верно, — невозмутимо подтвердил вынырнувший из зарослей гоблин. — Рот *грумму* не требуется, он ведь не животное. Обычный гриб.

— Что?! — воскликнули дети. — Что значит — обычный гриб?!

— Не совсем, конечно, обычный, — поправился гоблин. — Но гриб. Это, если можно так выразиться, гибрид растительного и животного миров, хотя всё, безусловно, несколько сложнее. Над созданием *груммов*, кстати, работала моя пра-пра-пра-прабабушка. Ах да, — спохватился он, — я же не представился. Меня зовут Брух, я, если по вашему, учёный. Селекционер или, скорее, биолог. А вы, наверное, Гоша и Юля.

Ошарашенные «гибридом растительного и животного» дети молча кивнули.

— Очень приятно, — интеллигентно поклонился гоблин. — Грых дал знать, что вместе с внуком прийдёт гостей на небольшую экскурсию. Итак, что вы хотите знать?

В течение следующего получаса Брух терпеливо отвечал на шквал вопросов. По-русски он говорил почти идеально — так, что если закрыть глаза, то и не поймёшь, кто перед тобой. Воспользовавшись этим, дети вцепились в него как бульдоги. Первым пунктом повестки были, само собой, *груммы*.

— Мы можем использовать зверей для грязной работы, но не хотим, — втолковывал гоблин-биолог. — Они рождены жить на воле, одомашнивать их — значит подвергать ненужным мучениям. А ещё их трудно... брать с собой. Они не привыкли к Пути, он их пугает. Наши предки силой загоняли в пещеры животных, тогда это было жестокой необходимостью. Впрочем, мы тоже не отличались гуманизмом. Бедные звери очень страдали. — Брух горестно вздохнул. — Поэтому мы и создали *груммов*. По сути научив грибы ходить и выполнять простейшие команды. Сознания у них нет, боли они не чувствуют, следовательно, их допустимо использовать в любых условиях, особенно там, где трудно изыскать другие транспортные средства. Можно, конечно, проложить сюда железную дорогу, но мы, простите за пафос, пытаемся быть поближе к природе и не брать лишнего.

— Ваши предки были жестокими? — уцепился за сказанное Гоша.

— А ваши разве не были? — вопросом на вопрос ответил Брух. — Жестокость, к сожалению — часть истории, от этого никуда не деться. Легко судить задним числом, когда все ответы известны. Наши предки не знали того, что знаем мы, и действовали в своих исторических обстоятельствах.

— А всё-таки, откуда и куда вы путешествуете? — уточнила Юля. — Хнуп тоже говорил о Пути, ещё о Гташе и много раз — об *уцке*. Кто вы? Как попали сюда?

— Мы... — задумавшись, Брух сделал долгую паузу. — Понимаете, это просто и в то же время — сложно. Понять Путь, *уцк* и Гташа вам будет крайне нелегко. Прошу, не обижайтесь, — умоляюще прижал он к груди лапки. — Вам лучше обратиться к уважаемому Валерию Кузьмичу.

— Никто не обижается, — успокоил Гоша. — Мы понимаем. А про себя расскажете? Например, что тут делаете, чем занимаетесь? Хнуп говорил, вы из грибов даже молоко добывать научились.

— Можно и так сказать, — вежливо улыбнулся гоблин. — Но лучше, как говорится, один раз увидеть. Пойдёмте, я покажу.

Пройдя по тропинке несколько сот метров, они свернули к плантации коричневатых приземистых грибов чуть пониже Гошиного роста. В воздухе разлился отчётливый запах парного молока. Хнуп, облизываясь, повёл носом.

Перебросившись парой фраз с коллегами, Брух подвёл гостей к одному из грибов и гордо похлопал его по шляпке:

— Этот шампиньон-переросток способен заменить целую корову. Хнуп, соизволь принести стаканы.

Задумавшись над «соизволь», Хнуп кивнул и кинулся в стоящий неподалёку сарайчик. Вынеся оттуда несколько съедобных сосудов, он шустро подал их детям и встал рядом, вождьенно замерев.

— Итак, — с видом фокусника продолжил Брух, — позвольте вас немного угостить.

Подставив «стакан» под основание шляпки, он осторожно подёргал гриб за пластинку. Спустя секунду из шляпки закапало, а затем полилось самое настоящее...

— Молоко-о, — утробно простонал Хнуп, пристально следя за каждой каплей. Воспитание, однако, не позволило ему встрять поперёк гостей, поэтому первый стакан достался Юле.

— Настоящее, парное, — сообщила она, немного отпив. — Попробуй!

Недоверчиво взяв стакан, Гоша отхлебнул. Молоко было вкусным и тёплым, словно только что надоенным.

— И правда, — удивился он. — Чудеса! Держи, Хнуп, — спохватился мальчик, передавая гоблину сосуд. — Угощайся. Я потом в деревне попью.

Не веря счастью, Хнуп бережно, будто великую драгоценность, принял эстафету. Утробно, словно котёнок, урча, он осторожно осушил и прожевал стакан.

— Спасибо, — признательно посмотрел он на Гошу. — Мне много нельзя, дедушка ругает. А я люблю, очень. Ты дедушке не говори, ладно?

— Не буду, — подмигнул Гоша.

— Ой, а что он делает? — воскликнула Юля.

Забыв о гостях, Брух с отсутствующим видом ковырялся в недрах гриба. Непостижимым образом его лапы вросли в плоть ножки, оставив ту совершенно неповреждённой. Спустя пару мгновений он, что-то нащупав, с усилием выдернул чёрный пульсирующий комок, брезгливо отшвырнув его в сторону.

— Брух, всё в порядке? — нерешительно спросила Юля. Повернувшись, гoblin пришёл было в себя, но затем его взгляд снова застыл. Быстрым движением он подскочил к девочке, осторожно, но решительно схватив её за руку.

— Э, ты чего? — вскинулся Гоша, но гoblin быстрым жестом остановил его. Бережно поднеся Юлину кисть к лицу, он принялся нежно поглаживать её второй лапкой и что-то нащёптывать.

— Ты болеешь, — глухим, полным сострадания голосом произнёс он. — Бедная. А я тут голову морочу.

Спустя мгновение Юлька вдруг заплакала, утирая слёзы свободной ладошкой. Осторожно подцепив на палец слезинку Брух, закрыв глаза, замер. Его мордочка искривилась, зубки стиснулись, словно от непереносимой боли.

Не зная, что сказать, Гоша растерянно перевёл взгляд на Хнупа, но тот лишь молча наблюдал за происходящим.

— Юль, что с тобой? — кинулся он к девочке, увидев, что Брух отпустил руку и пришёл в себя.

— Всё нормально, — улыбнулась, шмыгая носом, Юля. — Сама не знаю, чего это я... Он такой нежный, сочувствует. Мне полегче стало.

— Легче, говоришь? — раздался знакомый суровый голос. Раздвигая плечами грибы, к ним решительно шагал Валерий Кузьмич. Следом, едва поспевая, семенил Грых. Подойдя к детям, колдун внимательно осмотрел Юлю. Его брови сдвинулись, глаза засверкали.

— Что ж ты творишь, уважаемый? — гневно обратился он к гоблину. — Разве так можно?

На Бруха было больно смотреть. Интеллигентный биолог посерел, сжался в комок и попытался закрыть мордочку ушами. Всем своим видом он показывал, что совершил что-то плохое и ужасно раскаивается.

— Я... я ничего, — лепетал он. — Я не хотел...

— Хотел, не хотел, — отмахнулся, как от мухи Валерий Кузьмич, осторожно беря Юлю за подбородок.

— Ты как, дочка? — ласково спросил он, рассматривая влажные дорожки на щеках девочки.

— Не больно?

— Всё хорошо, — посерьёзна Юлька. — И вовсе не больно, с чего вы взяли?

— Да есть тут у нас... умельцы-торопыги. — Колдун погрозил несчастному Бруху кулаком. — Я тебе говорил детей не трогать? Говорил? Сильно он тебе голову заморочил-то? — снова повернулся он к девочке.

— Не обижайте Бруха, — насупилась Юлька. — Он хороший.

Отведя руку, она решительно шагнула к биологу, приобняв его за плечо.

— Ничего он не морочил, — продолжила она, исподлобья глядя на колдуна. — Рассказывал, экскурсию проводил, интересно между прочим. И вообще, зачем вы так грубо себя ведёте?

Валерий Кузьмич смешался и замолчал. Подумав, он устало взъерошил седые волосы и, ссутулившись, выдохнул. Гоша с удивлением понял, что старик крайне взволнован.

— Простите, — тихо сказал тот, посмотрев на детей. — И ты, Брух, дружище. Понимаешь ведь, чего я взбеленился. Знаешь за собой эту слабость.

— Я понимаю, — воспрянул духом Брух, осторожно выглянув из-за ушей. — Я иногда... Но я бы ни за что... — разволновался он, всплеснув лапками. — Я всего лишь думал...

— Ладно, дело прошлое, — перебил Валерий Кузьмич, поворачиваясь к детям. — Ну что, щеглы, на первый раз, думаю, хватит. Пойдём потихоньку?

— А мы сможем вернуться? — с комком в горле уточнил Гоша. Ему страшно хотелось снова побывать в весёлом городе.

— Не знаю, — с напускной серьёзностью ответил Валерий Кузьмич, глянув на Грыха. — Как думаешь, можно им заскочить к вам на огонёк?

— Думаю, да, — так же серьёзно ответил Грых и тут же, не выдержав, расплылся в широкой улыбке. — Конечно, можно. Мы всегда вам рады, Гоша и Юля. Мы вообще всем рады. Единственное, о чём просим — не рассказывать о нас наверху. Пока.

— Почему «пока»? — уточнил мальчик, пытаясь унять нехороший, пробежавший по спине холодок.

— Их ищут, — ответил Валерий Кузьмич. — Не знаю кто, но возможности у них серьёзные. Для вашего же блага больше рассказать не могу. И они, — кивнул старик на гоблинов, — тоже.

«Теперь понятно, чего они темнят, — сообразил Гоша. — Кажется, тайна начинает проясняться. Или, наоборот — запутываться».

— В общем, так, щеглы. — Колдун присел на корточки, обводя детей внимательным взглядом. — Сюда входить только со мной. Бабушек, дедушек и прочих родителей я беру на себя. Увижу, что самовольничаете — голову оторву. Если что — обращайтесь, только чур на людях не фамильярничать, а то начнутся вопросы. Вы меня бояться должны, я же всё-таки колдун. Вот и ведите себя так, чтобы никто не заподозрил. Усвоили?

Выйдя на тропинку, они подошли к одной из боковых пещер, плотно засаженной грибами. Место показалось Гоше знакомым.

— Тут у них, собственно, выход, — улыбнулся Валерий Кузьмич. — Когда Грых проход пробивал, грибов ещё не было, это они потом расширились. Зато падать не больно, шляпки у них почище батута. Что, вспомнил, как ключом размахивал? — подмигнул он Гоше.

Вспомнив «берсерка» и «заморозку», тот мрачно кивнул.

— Ну ничего, ничего, — потрепал по голове старик. — Я когда их впервые увидел тоже, знаешь ли, не обрадовался. Это потом уже привык. Ну, давайте закругляться. Пора и честь знать.

— Пока, Хнуп, — неуклюже махнул Гоша, не зная, как у гоблинов положено прощаться. Хнуп, однако, не смутился. Кивнув, он вдруг крепко обнял мальчика, прижавшись к нему всем телом. Гоша почувствовал странный неритмичный перестук чужого сердца. Мелкие чешуйки непривычно щекотали кожу.

— Да ладно, ты чего, — смущённо отстранился мальчик. — Как в последний раз, ей-богу...

— Мне показалось, тебе надо, — в привычной неуклюжей манере ответил Хнуп. — Тебе одного... однобоко... оди-ноко, — подобрал он, наконец, слово и прежде чем Гоша успел возразить, протянул слегка замасленную бумажку, испещрённую похожими на кардиограмму каракулями.

— Что это? — удивился мальчик.

— Подарок. Стихи. Мои. — ответил Хнуп и потупился. — С бабушкой написали. Я сочинил, бабушка помог.

Аккуратно развернув похожий на пергамент лист, Гоша попытался вчитаться в написанное.

— Даже не думай, — усмехнулся Валерий Кузьмич. — Там чёрт ногу сло...

Бумажка засветилась, письма вспорхнули в воздух и повисли причудливой голограммой. Гоша не знал языка гоблинов, но он *понял*. И, поняв, с восторгом принялся декламировать, наблюдая, как ряды «каракулей» накладываются друг на друга, формируя несколько смысловых слоёв. Стихи ему понравились, они были о дружбе, понимании и таком, что трудно перевести, наверное, на любой язык. Сердце сладко защемило, в душе словно повеяло весной.

— Нам пора, — нахмурившись, положил руку на плечо старик. — И пожалуйста *там*, — он ткнул пальцем в потолок, — никому это не показывай.

Попроцавшись, дети шагнули в «щель», тут же оказавшись в заваленной строительным хламом ризнице. Увидев, что вокруг всё так же темно, Гоша недоверчиво глянул на часы. С момента ухода в подземный город «наверху» прошло не больше пяти минут.

На следующий день они почти не разговаривали о случившемся, приходя в себя после невероятных ночных приключений. Допоздна пробесившись на свежем воздухе, Гоша вернулся домой грязным, уставшим и счастливым. Во дворе тихонько брэнчала гитара, вокруг небольшого костра, раскачиваясь под музыку бардовской песни, сидели несколько парней и девушек.

— Какие люди! — Отложив гитару, дядя Олег приветливо помахал, приглашая подойти.

— Дамы и господа, это Георгий, мой товарищ — серьёзно представил он засмущавшегося мальчика. — Прошу любить и жаловать. А кто его обидит, тот, как говорится, и трёх дней не проживёт.

«Дамы и господа» не менее серьёзно кивнули.

— Пётр, — протянул руку один из парней. — Ну или дядя Петя.

— Степан, — важно представился второй.

— Света, — очаровательно улыбнулась девушка. — А это — Тамара. — Она кивнула на строгую и сдержанную темноволосую подругу. Помедлив, та крепко пожала Гошину руку.

— Это, Георгий, мои бывшие однокурсники, — объяснил дядя Олег. — Приехали погостить, порыбачить, в общем, отдохнуть от большого города. Мы друг за друга — горой, ну и за тебя, само собой. Поэтому, если что — обращайся. Мы в обиду не дадим!

Пожевав у костра печёной картошки, Гоша вежливо попрощался и побрёл спать. Помывшись и упав в постель, он застонал от удовольствия — настолько, оказывается, он устал.

Провалившись в сон, мальчик не услышал, как тихонько скрипнул подоконник. Спустя мгновение призрачная тень метнулась к кровати, и чья-то сильная рука зажала рот, впечатав в подушку так, что жалобно заскрипели пружины.

Глава 5 — Мальчик и Долг

Мгновенно проснувшись, Гоша замычал, отчаянно выворачиваясь. Ничего не вышло: чужая рука держала крепко. Отказываясь сдаваться, мальчик попытался лягнуть захватчика, но тот ловко перехватил коленку и придавил её локтем, лишая возможности двигаться.

— Тише ты! — прошипела тень голосом дяди Олега. Не в силах понять происходящее, Гоша испуганно замолчал.

— Я сейчас уберу руку, а ты, пожалуйста, не ори, — сказала тень и продолжила: — Кивни, если слышишь.

Секунду подумав, Гоша дёрнул головой. Выбирать не приходилось.

Помедлив, сосед убрал руку. Освободившись, Гоша судорожно вздохнул и сел, не сводя глаз с ночного визитёра.

— Все вопросы — потом, — предупредил тот. — Сначала нужно поговорить.

— Давайте, — робко ответил Гоша, не зная, что думать.

— В трусах не комильфо, — улыбнулся дядя Олег. — Неудобно, что люди скажут? Так что одевайся и выходи. И не через дверь!

Лихо перемахнув через подоконник, он исчез. Поняв, что времени в обрез, Гоша ринулся одеваться. Его не смущала абсурдность ситуации. Во-первых, события последних дней изрядно поменяли представления о норме, а во-вторых, на него снова повеяло *дыханием тайны*.

Кое-как натянув джинсы, он осторожно перелез через подоконник. Ждущий за калиткой дядя Олег нетерпеливо помахал рукой. Чуть поодаль кучковались приехавшие из Москвы институтские друзья.

Рысью перелетев огород, Гоша выскочил на улицу. Бросив взгляд на новых знакомых, он поразился произошедшей с теми перемене. Улыбки и веселье испарились. Пётр, Тамара, Степан и Светлана были собраны и серьёзны, будто находились не на отдыхе, а на опасном задании.

— Тамара, — бросил дядя Олег не оборачиваясь. Коротко кивнув, девушка вынула телефон и пробежалась наманикюренными пальцами по экрану. Воздух вокруг сгустился и слегка завибрировал, накрыв компанию подобием призрачного купола.

— Вот теперь порядок, — кивнул сосед. — Спасибо, что пришёл. Решать придётся быстро, времени немного. Для начала хочу извиниться за вторжение и за то, что напугал. Как ты сам, думаю, понимаешь, у меня были для этого основания. Ведь понимаешь?

Гоша кивнул. Без веской причины в чужие комнаты не лезут.

— Ещё один момент, — серьёзно отчеканил дядя Олег. — Я не тот, за кого себя выдаю. И они, — кивнул он на «друзей» — тоже. Водить тебя за нос нечестно. Мы детей не обманываем.

— Так о чём вы хотели поговорить? — решился мальчик, в котором любопытство окончательно пересилило страх.

— Понимаешь, в чём дело, — протянул дядя Олег. — Беседовать прямо здесь нет смысла, иначе всё, что я скажу, покажется несусветной ересью. Тебе придётся поверить мне на слово и кое-куда пройти. Тут недалеко, у озера. Если беспокоишься насчёт бабушки — она крепко спит и до утра не проснётся. За себя также можешь не опасаться. Даю слово.

— Я вам верю, — жалобно произнёс Гоша. — Только очень устал и спать хочу. Может, в другой раз?

— Прости, брат, но нет, — твёрдо ответил дядя Олег, делая жест кому-то из сопровождающих. Гоша почувствовал лёгкий укол в шею. Дёрнувшись, он обернулся, увидев что-то прячущую в карман Светлану.

— Не бойся, это стимулятор, — успокоила она. — Усталость как рукой снимет.

В голове и правда прояснилось, сонливость исчезла как не бывало.

— Если от меня что-то нужно, то я готов, — решительно произнёс Гоша. Дяде Олегу он доверял целиком и полностью.

— Молодец, парень, — одобрительно кивнул тот. — Всегда знал, что ты мужик, а не манная каша.

...И от этой неожиданной похвалы мальчику стало ужасно приятно.

Выйдя на улицу, они двинулись по направлению к озеру. В одном из домов горели окна и шумела музыка — хозяева праздновали свадьбу сына. Дверь избы отворилась, и на крыльцо вышел дядя Митя, бабушкин сосед.

— Здрасьте! — машинально поприветствовал его Гоша, но сосед не ответил. Вставив в рот папиросу, дядя Митя затянулся и выпустил вверх облачко сизого дыма. Он вёл себя так, словно рядом никого не было.

— Что, не замечает? — усмехнулся дядя Олег. — И Рекс, обрати внимание, молчит.

Действительно, почему молчит невзлюбивший и вечно облаивающий Гошу пёс? Вон же он, беззаботно дремлет в будке. Глянул на дядю Митю, привстал, завилял хвостом. Оно и понятно, с соседом у них мир, тот Рекса даже подкармливает. А Гоша, получается, стал призраком?

— Они что же, меня...

— Не видят и не слышат, — подтвердил дядя Олег. — Мы сейчас, брат, полностью замаскированы. Да не переживай, ты не умер. Активный камуфляж и никакой мистики. Все, кто находятся за пределами круга, — ткнул он в вибрирующий воздушный «купол», — видят вместо нас пустое пространство. Только, пожалуйста, не выходи за границы сферы. Выскочишь из ниоткуда перед шальной бабушкой — и всё, инфаркт обеспечен.

Гоша улыбнулся, с облегчением отметив, что дядя Олег вновь принялся шутить. Разговор, правда, не клеился, поэтому он, вспомнив ещё один папин совет, решил пока помолчать.

Спустившись к озеру, они свернули на идущую вдоль берега тропинку, углубившись затем в густые прибрежные заросли.

— Чёрт бы вас... — ругался, продираясь сквозь дебри, дядя Олег, недобро поглядывая на «друзей». — Куда ведёте, сусанины недоделанные?!

— Боялись лишних глаз, — начал оправдываться Пётр. — На пляже опасно оставлять.

— Да кто её тронет, там охранных систем как в банке!

Продравшись сквозь жёсткие кусты, они вышли на небольшой, окружённый зарослями пятачок. На воде в ярком лунном свете покачивалась влажными бортами надувная лодка.

— Садись, — сделал приглашающий жест сосед. Дождавшись, когда мальчик устроится на носу, он быстро сел рядом. Следом разместились остальные. Гоша заметил, что лодка почему-то не просела под весом пассажиров. И даже не закачалась.

— Ну что, готов? — спросил дядя Олег так, будто в космос отправлял.

— А вёсла? — робко уточнил Гоша, ведь мотора на лодке не наблюдалось.

— Всё нормально, не волнуйся, — подал голос Степан. — И главное — не пугайся.

Покачнувшись, лодка тихонько зашелестела по водной глади. Сама и без посторонней помощи! За кормой вспенилась потревоженная вода, в лицо дунуло сырой прохладой. Гоша поёжился, больше от волнения, чем от холода. Странное поведение дяди Олега, сфера невидимости, плывущая «без руля и ветрил» лодка... Отступить, правда, поздно, но отступить Гоша и не собирался, твёрдо намереваясь сдержать обещание.

Лодку ощутимо потрянуло, послышался тихий, отчётливый «хлоп». Глянув вниз, Гоша понял, что лодка уже не плывёт, а летит, почти касаясь воды. Гладкие борта опали и стекла, обнажив хищный, заострённый корпус, сильно смахивающий на американские стелс-бомбардировщики. Гоша побледнел и вжался в сиденье, бросив отчаянный взгляд на соседа. То, что он увидел, заставило испугаться ещё больше. Подобно лодке, одежда взрослых шла волнами, на глазах превращаясь во что-то тёмное.

— Тихо, Георгий, всё хорошо, — подмигнул покрытый рябью дядя Олег, видя, что мальчик того и гляди сиганёт в воду. — Тебе же сказали — не бойся. Видишь, всё уже кончилось.

Жутковатая трансформация завершилась. Теперь на дяде Олеге красовался чёрный дымчатый камуфляж с необычным шевроном в виде трёх парящих над стилизованной Землёй звёзд в обрамлении надписи «Vigilo confido». Удивительная форма выпадала из поля зрения, норовя слиться с фоном. Силясь разглядеть её, Гоша прищурился. От напряжения у него быстро закружилась голова.

Долетев до середины озера, «стелс-лодка» плавно остановилась, повиснув в метре над водой. Их никто не встречал. Вокруг было безлюдно и тихо.

— Авторизация: «Даркстар-6-3», — произнёс в никуда дядя Олег. В пустоте над головой вспыхнули три призрачных, разнесённых друг от друга на десятки метров прожектора. Посередине невидимого треугольника заалело багровое пятно, выпустившее похожий на лазер луч, быстро мазнувший по лицам прибывших.

— Это что, космический корабль? — пролепетал Гоша.

— Он самый, — любуясь произведённым эффектом, ответил дядя Олег. — Третье поколение, только со стапелей. Красавец!

Поражённый Гоша замолчал. По сравнению с ЭТИМ меркли даже гоблины!

Спустя мгновение в воздухе распахнулся квадратный проём. Легонько вздрогнув, «лодка» принялась вертикально подниматься. Через несколько секунд Гоша очутился в просторном, возникшем из ниоткуда ангаре, заставленном «стелс-платформами». С тихим шелестом створки сомкнулись. Потолок замерцал ярким, но не режущим глаза светом.

— Вот мы и дома. — Дядя Олег посерьёзнел. — Вылезай, Георгий. Нас ждут великие дела.

Перемахнув через бортик, он помог Гоше выбраться и споро взлетел по небольшой лесенке на прямоугольную, возвышающуюся над ангаром площадку.

— Пошли-пошли, успеешь ещё поглазеть, — усмехнулся он, видя, как Гоша разинув рот осматривает содержимое ангара. Обернувшись, мальчик послушно прошёл через беспшумно раздвинувшуюся дверь.

По металлическому коридору они направились к лифту, разминувшись с бегущими навстречу людьми в чёрной боевой экипировке.

— Всё в порядке, — подмигнул дядя Олег. — Рутинное боевое патрулирование.

— Патрулирование чего? — глядя вслед смахивающим на роботов солдатам, уточнил мальчик.

— Много будешь знать — скоро состаришься, — хохотнул, заходя в лифт, сосед, и тут же бросил куда-то вверх: — Мостик.

Двери сомкнулись, с лёгким шипением кабина устремилась вверх. Не успел Гоша моргнуть, как створки вновь распахнулись, открывая взору просторное помещение, заполненное людьми в чёрной форме. Часть сгрудилась возле мерцающей в центре зала голограммы, изображающей покрытую разноцветными значками Землю. Остальные разместились за расставленными рядами металлических пультов с сенсорными панелями и висящими над ними голограммами поменьше.

— Свободны, — обратился к «институтским друзьям» дядя Олег. Кивнув, те споро разошлись по местам, сразу же забыв о Гошином существовании.

— Echelon Niner, this is Darkstar Six-Three taking off from the following coordinates... — на идеальном английском произнесла в микрофон Тамара. Ответа Гоша не услышал и вообще ничего не понял. Единственное, что успел разобрать — «dark star», что по-английски означало «тёмная звезда». Дядя Олег тоже зачем-то сказал «dark star» перед тем, как включился луч. Всё это было так сложно, что голова, как и в городе гоблинов, начинала трещать от распирающих вопросов.

— Хватит глазеть, идём, — подтолкнул к дальней двери дядя Олег. — На все вопросы отвечу. Я ж не зверь.

Проследовав за ним, Гоша очутился в уютно обставленном кабинете. Пол устилал ковролин, в углу, возле забитого книгами шкафа, тикали самые настоящие ходики. Указав на удобное кресло, дядя Олег сел за широкий деревянный стол.

«Наверное, это всё-таки каюта, — подумал Гоша, осторожно присаживаясь. — Мостик бывает только на кораблях».

— Ну что, пухнет от вопросов головушка? — улыбнулся сосед, по-свойски пригнувшись. — Я тебя, брат, отлично понимаю. Сам когда-то был на твоём месте. Закончил, помнится, Рязанское гвардейское, получил лейтенанта. Я ведь десантник, татуировочку мою ты видел. Отслужил как все, повоевал немного. Вышел на гражданку и веришь — натурально закис. Ни работать, ни учиться не мог, а чего хотел — ещё не понимал. А хотелось мне, Георгий, тайны, так же как и тебе. Позвонил я, помнится, парочке друзей, узнать про лекарство от скуки для бывалых вояк. И в тот же вечер — звонок с незнакомого номера. Пятнадцать лет как один день пронеслись. И вот был я зелёным лейтёхой, а стал капитаном, да не по званию, а настоящим. А теперь, прежде чем ответить на вопросы, я тебе кое-что покажу. Сам ведь знаешь — лучше один раз увидеть...

Он прикоснулся к столешнице. Тёмное, твёрдое дерево пошло волнами, превращаясь в разноцветную сенсорную панель точно так же, как до этого сбросила обличье лодки летающая платформа. Задержав с видом фокусника руку, дядя Олег подмигнул гостю и повёл вбок ладонью.

Испуганно ойкнув, Гоша поджал ноги и вцепился в подлокотники. Пол исчез, вместо него раскинулось тёмное, усеянное огоньками звёзд космическое пространство. Далеко внизу виднелся голубоватый мячик размером не больше теннисного. Присмотревшись, мальчик с ужасом понял, что это Земля.

— Ладно, побаловались и хватит. — Дядя Олег убрал руку с пульта, и под ногами вновь материализовался пол. — Водички тебе? Может, чайку?

Бледный ошеломлённый Гоша отрицательно покачал головой.

— М-да, перестарался я с театральными эффектами. Ты, брат, успокойся, соберись с мыслями, — в голосе дядя Олега звучала неподдельная озабоченность. — А то помрёшь с перепуга, а я за тебя отвечай. Не помрёшь? Точно? Тогда позволь я начну.

Он снова пробежался по панели, и в воздухе замерцала голограмма чёрного треугольного аппарата с огоньками по вершинам. Заворожённый мальчик подался вперёд.

— Итак, Георгий, перед тобой — проект «Анадырь», он же «Радий», позже переименованный в «Аврору», — дядя Олег обошёл стол и, присев на столешницу, принялся водить указательным пальцем по объёмному изображению. — Знаешь такие?

Не в силах оторваться от голограммы, Гоша медленно кивнул. Ещё бы не знать, если по телевизору все уши прожужжали про эти штуковины. Наблюдают их везде, от Бразилии до Камчатки, а в девяностых парочка треугольников наделала шуму, появившись не где-нибудь, а над Брюсселем с расположенной в нём штаб-квартирой НАТО! Одно время Гоша серьёзно интересовался загадочными аппаратами и даже спрашивал папу, не завалились ли у него секретные документы по теме. Отец, впрочем, обсуждать это отказался, заверив, что «углы» являются не чем иным, как плодом коллективного помешательства. Интересно, что бы он сказал сейчас.

— Разработан в семидесятых, испытания прошёл на спецполигоне «Сахалин-9», — продолжал тем временем дядя Олег. — В Википедии можешь не искать, там совсем про другой «Сахалин», а этот ни в интернете, ни в секретных документах не значится. Данные аппараты по лётным характеристикам превосходят всё, что создано человечеством. Скорости развивают запредельные, перегрузку в них не чувствуешь, поскольку работают они, как принято говорить, «на иных физических принципах». Долететь на такой птичке можно хоть до Плутона, причём за считанные часы. На дне морском данная машина тоже чувствует себя отлично, ей ни вода, ни вакуум, ни воздух не помеха. Да что я тебе говорю, ты же сам видел, как мы за несколько секунд ушли на геосинхронную орбиту.

— Дядя Олег, а вы что, инопланетянин? — спросил единственное, что пришло на ум, несчастный Гоша.

Секунду подумав, сосед замахал руками и согнулся от смеха. Придя в себя, он попытался придать лицу серьёзное выражение, но, не сдержавшись, пару раз хрюкнул.

— Ну ты даёшь, — вытер он из уголков глаз слёзы. — Свой я, свой, что называется, в доску. Хотя тебя отлично понимаю. Действительно, откуда взялись такие аппараты, если не от пришельцев? Если земная наука, само собой, ничего подобного родить не могла? И тут мы подходим к главному: а кто я, собственно, такой? Приехал под чужой личиной, напросился, понимаешь, на постой. Очаровывал всячески, друга изображал, а потом р-раз — забрал невесть куда невесть на чём, да и форма эта, — постучал он себя пальцем по шеврону, — доверия не вызывает. Но перед тем как раскрыть свою тайну, позволь для начала раскрыть твою. Согласись, нечестно, если я как на ладони, а ты кое-что скрываешь. Я имею в виду твоих зелёных ушастых друзей.

Гоша похолодел. Он что, знает про гоблинов? Но как? Но откуда?

— Не волнуйся, тебя никто не выдал, — словно прочитав мысли, пояснил дядя Олег. — И твоей вины тут тоже нет. Рукав левый задери, будь добр. Помнишь, как комарик укусил?

Ничего не понимая, мальчик послушно задрал футболку. Достав из кармана напоминающий зеркальце квадрат, дядя Олег поднёс его к плечу.

— Сейчас неприятно будет, — предупредил он.

Плечо покраснело и начало зудеть. Боязливо скосив глаза, Гоша беспомощно наблюдал, как из-под кожи выпорхнула небольшая ртутная капелька, тут же, словно живая, перетёкшая на поверхность «зеркальца» и слившаяся с ним в единое целое.

Заговорщицки подмигнув, дядя Олег вернулся за стол и пробежался пальцами по сенсорам.

— Гошка, — чётко, как на студийной записи, произнёс голосом Юли невидимый динамик. — Гошка, это же гоблины!

Мальчика словно током ударило. От ярости в ушах тяжело и шумно забухало.

— Вы... вы что? Подслушивали?! Да как... Да кто вам право дал?!

Злые слова срывались с языка словно молнии, готовые, казалось, прошить дядю Олега насквозь. Но тот, несмотря ни на что, остался невозмутим. Лишь немного посуровел и перестал улыбаться.

— А ты как думал? — негромко спросил он, когда обессиленный мальчик, дрожа от злости, упал в кресло.

— Что? — переспросил Гоша, пытаясь перевести дух и успокоиться.

— Я говорю, как ты думал? — спокойно повторил дядя Олег, твёрдо глядя в глаза. — Что получится сохранить всё в тайне? От бабушки, от родителей, от людей? Почему ты решил, что можешь утаивать от человечества ТАКОЕ? Кто тебе, сопляку, дал право?

«Сопляк» прозвучало обидно. Прозвучало — как пощёчина! Оцепеневший Гоша вжался в кресло, исподлобья уставившись на ставшего чужим и жутковатым дядю Олега. До него стала доходить серьёзность ситуации. С этих в чёрной форме станется и в открытый космос выкинуть несмотря на возраст и прочие смягчающие, но никого, похоже, не волнующие обстоятельства. А как же мама? И папа? Неужели это конец?

— Ты, Георгий, волчком не смотри, — сказал дядя Олег и, внезапно подойдя, ласково потрепал за вихры. — Думаешь, я тебя предал? Тайну выведал, шпионил? Только я ведь не развлечения ради. Причины у меня есть, и серьёзные.

— Какие могут быть причины, чтобы... вот так? — тихо, почти неслышно, спросил мальчик.

— Гошка, Гошка, — покачал головой дядя Олег. — Пацан ты наивный, чёрт.. Как тебя угораздило в такое влипнуть? Скажи лучше, ты в пришельцев веришь? Хотя зачем я спрашиваю, если ты даже меня заподозрил. Конечно, веришь, и правильно делаешь! Есть они, эти пришельцы, и их весьма немало. К большому сожалению — немало!

— Почему — к сожалению? — В слегка оттаявшем Гоше проснулось любопытство. Заметив это, дядя Олег усмехнулся краешком рта.

— Про Оумуамуа слышал? — задал он встречный вопрос. — Про астероид, что к нам с далёких звёзд пожаловал? Много шума было, говорили, что он траекторию меняет, а значит, может быть искусственного происхождения.

Гоша кивнул. И в интернете, и по телевизору о летящем по причудливой орбите скитальце спорили до хрипоты. Только при чём здесь это?

— Ну, коли слышал, то пересказывать не буду. — Вернувшись за стол, дядя Олег вновь прикоснулся к пульта. — А теперь, как говорится, внимание на экран.

Мигнув, голограмма потемнела и покрылась огоньками звёзд. Вверху тускло зажёгся мячик Солнца, Земля не просматривалась вообще. До слуха донеслись искажённые статикой радиопереговоры:

— Комета, я Страж. 42-й и 44-й — отметки пропали. Доложите обстановку.

— 37-й — Стражу, борт 42 и 44 сбиты. Подловили командира, твари. Командование эскадрильей принял, приступаю к abordажу. Прошу обеспечить прикрытие.

— Принял, 37-й. Страж — Стреле, прикройте Комету. Как поняли?

— Вас понял, Страж. Звенья 2 и 6 перенаправлены. Больше не могу, у нас тут жарко.

...Гоша почти не слушал. Его внимание было приковано к исполинской, висящей в космическом пространстве машине с мерцающим, переливающимся всеми цветами радуги «носом».

Камера приблизилась, мимо пронеслось несколько идущих строем треугольников. На поверхности напоминающей металлический огурец громадины что-то сверкнуло, и один

из треугольников, завертевшись юлой, взорвался. Оставшиеся, мгновенно перестроившись, сердито засверкали вспышками. К поверхности «огурца» рванулись серебристые рыбки торпед. Космос озарили немые взрывы, в пустоту взметнулись осколки.

— Это был мой друг, — поставив запись на паузу, хрипло произнёс дядя Олег. — Серёжка. Мы с ним огонь и воду... Эти твари выжгли протонами почти треть эскадрильи. Тогда мы не знали, что пучковое оружие может достигать таких мощностей. Но ничего, наши тоже в грязь лицом не ударили.

— Так это... — прошептал, холодея, мальчик.

— Тот самый астероид, — мрачно подтвердил дядя Олег. — С весёленьким названьцем.

— Подождите, но он же до сих пор летит, — пролепетал Гоша. — И вроде от Земли отдаляется.

— Конечно, отдаляется, — хмыкнул дядя Олег. — То, что от него осталось. А как не удалиться, если маневрировать нечем? Пусть летит, голубок. В назидание остальным.

— Каким остальным? — Гоша уже ничего не понимал.

— А вот этим, — дядя Олег поколдовал над пультом, и запись возобновилась.

Разинув рот, мальчик смотрел на покрытое «снегом» помех голографическое изображение огромного, причудливо извивающегося коридора с множеством ветвлений. В этот раз переговоры отчасти велись по-английски.

— Берег, говорит Монгол, движемся в секторе 12. У нас трёхсотый.

— Bereg, this is Raptor, contact in sector 5. Rerouting drones from...

В отдалении полыхнуло и взорвалось, в эфире выругались по-китайски.

— Странник — Берегу, — зашипело в динамике. — Обнаружен противник в секторе 7. Требуется поддержка.

— Приняла, — раздался сосредоточенный женский голос. — Держитесь, направляю резервы.

— Есть держаться.

— Берег, это Монгол, — повторил невидимый оператор. — У нас трёхсотый, требуется...

Из-за поворота выскочила нечто, напоминающее огромную, закованную в тёмный металл пиявку. Голограмму озарила серия вспышек, истерзанное попаданием существо отшвырнуло к стене. Конвульсивно подёргавшись, робо-пиявка свернулась калачиком и замерла. До слуха донёлся тоскливый, леденящий душу вой. В невесомости поплыли зелёные вязкие капли.

Подбежав поближе, «Монгол» сфокусировал камеру на противнике.

— Что это? — выдохнул Гоша, осматривая покрытого суставчатой бронёй червяка.

— Это — «ленты», — охотно пояснил дядя Олег. — По нашей классификации. Знаем о них немного, язык у них зубодробительный, а информации после нашего удара на борту почти не осталось — мы выжгли практически всю электронику. Уверены в одном: эти милашки на всех парах рвались к Земле. Почему? А потому, что своей планеты у них больше нет. Что у них стряслось — мы не знаем, но факт в том, что стокилометровый корабль содержал больше десяти миллионов одних личинок. Судя по анатомии, «ленты» — хищники, и прожорливые. При этом весьма развиты технологически и плодятся быстрее кроликов. Дорвись они до Земли, от человечества остались бы рожки да ножки несмотря на все арсеналы. А чем они помогут, если эти червячки с ходу внедряются километров на пять в глубину, чтобы оттуда приступить к весьма агрессивной колонизации? Но самое страшное — это то, что подобные «ковчеги» появляются у наших дверей каждые несколько десятилетий. И если бы не мы, то... Да сам понимаешь — что!

Дядя Олег остановился, чтобы перевести дух. В наступившей тишине стало слышно, как тихонько отсчитывают время часы.

— Но подождите, — собравшись с мыслями, упёрся Гоша. — Оумуамуа маленький совсем, метров двести в длину. Как эти пришельцы смогли замаскировать под него такую громадину?

— Молодец, варит котелок, — похвалил сосед. — На нос внимание обратил?

Вспомнив «радужный» нос корабля, Гоша кивнул.

— Эти твари подстраховались, — объяснил дядя Олег. — Они знали, что если корабль засекут, то могут попытаться уничтожить на дальних подступах. Например, спешно переоборудованными баллистическими ракетами. А им во что бы то ни стало требовалось прорваться к поверхности, чтобы с ходу, прямо с орбиты, внедриться глубоко под землю, надолго обезопасившись от удара возмездия. Теперь, как говорят фокусники, «следите за руками». Они разворачиваются к Земле узкой носовой частью и начинают менять альбедо, то есть отражающие характеристики поверхности, отчего подслеповатые телескопы увидят лишь тусклое, мерцающее пятнышко. Астрономы сделают вывод, что к нам пожаловал небольшой, вращающийся вокруг своей оси астероид. Червячки же, воспользовавшись моментом, чтобы собрать с близкого расстояния побольше информации и понять, что Земля к полноценному отпору не готова, на максимальном ускорении рванули бы к планете. Дальше додумай сам. По расчётам аналитиков, конец цивилизации наступал года через два. Если, конечно, не учитывать нас. И «ленты» — не учли! А как нас учтёшь, коли о нас ни фильмы, ни радиопередачи не снимают? Земля — она ведь фонит радиоизлучением на миллионы километров, и не исключено, что червяки ещё на подлёте смотрели «Спокойной ночи, малыши» годов эдак восьмидесятых. Смотрели, чтобы оценить военно-технический потенциал, и ничего такого не увидели, кроме репортажей о победах коммунизма, или, скажем, войне в Афганистане. Мы, Георгий, не зря прячемся, и такие, как «ленты» бывают весьма удивлены, когда из ниоткуда на них обрушивается готовый дратья до последней капли противник.

— А кто вы такие? — задал напрашивающийся вопрос Гоша. Серьёзно кивнув, сосед вновь присел на краешек столешницы, скрестив на груди руки.

— Мы называемся «Полигон», — начал он. — Странное обозначение, согласен, а ещё на «Пентагон» смахивает. Но к Пентагону мы отношения не имеем, а обозначение такое к нам перешло от военных, ещё советских полигонов, где испытывались первые образцы техники. Про «Сахалин-9» я говорил, но были и другие, к примеру, «Армавир-600». Оттуда же начались первые боевые вылеты. Организация у нас, кстати, международная, и в каждой стране именуется по-своему, ведь официального названия у нас нет. Операции совместные, тот же «червивый» корабль кто только не штурмовал — и мы, и американцы, и китайцы, даже парочка немцев затесалась. Наша задача: оборона человечества от желающих прописаться на чужой жилплощади квартирантов, для чего у нас имеются опережающие технологии. Получили мы их... из разных источников, сейчас это не важно. А важно то, что мне, то есть нам, необходима твоя помощь.

От потока ошеломительных откровений голова пошла кругом. С трудом сосредоточившись, Гоша нашёл в себе силы задать главный вопрос.

— Почему нельзя договориться? — упрямо спросил он. — Зачем воевать? У этих... существ беда стряслась, неужели нельзя пустить их к себе? Сотрудничать, технологиями обмениваться? Пусть вон Марс забирают или Луну. Они же бесхозные.

— Ну ты, конечно, дипломат, — криво усмехнулся дядя Олег. — А ты их спрашивал, согласны ли они взять что поплоше? Пойми, такие, как «ленты» в пространстве летят не столетиями даже, а тысячи лет. Они не имеют права на ошибку, и обязаны найти себе новый дом, пусть

даже ценой захвата чужого. А мы свой — обязаны отстоять, раз за разом сходясь с подобными созданиями не на жизнь, а на смерть. Такая вот, Георгий, загогулина! И потом,пустишь ты их в Солнечную, дашь обосноваться, а дальше? Поговорку про двух медведей в одной берлоге знаешь? Мы, конечно, и сами не подарок, но это наш дом. Наш — и точка! Понимаешь?

— Понимаю, — еле слышно ответил Гоша, не сводя с дяди Олега напряжённого взгляда. — А если нам завтра... так же придётся?

— Тогда и будем думать, — отрезал сосед. — Ты, конечно, прав. Случись на Земле катаклизм — и в роли бездомных окажется уже человечество. Но мы не можем так рассуждать. Жалость к врагу — это слабость, которой он обязательно воспользуется. И будь уверен, что если придётся выцарапывать тебе с Юлькой новый дом — я пойду на всё.

Он мрачно замолчал, уставившись в сторону. Спустя мгновение, глухо продолжил:

— Я понимаю, что ты обо мне думаешь. Ты хороший пацан, и добрый. Но это — взрослые дела, в которых мальчишке не разобраться. Раз за разом на пороге Солнечной объявляются рвущиеся к Земле ковчеги. Иногда одни, иногда — небольшие флотилии. Хорошо замаскированные, очень неплохо вооружённые и полные абсолютно отчаявшихся, измученных существ. Нет у них ни времени, ни ресурсов колонизировать Марс и Венеру. И действовать приходится быстро, потому что гигантское межзвёздное пространство не под силу патрулировать даже нам. Всё, что мы можем — это засекать таких бродяг на подлёте. Когда они, видя перед собой желанную цель, дерутся как львы, отказываясь сдаваться в плен. Те немногие, кто всё же попадает к нам в руки — молчат, а, поняв, что всё кончено, лишаются воли к жизни и тихо сдыхают. Лечить их, не зная ни анатомии, ни биохимии, возможным не представляется, да и понять чужих с их мозговыми вывертами крайне тяжело. Некоторым, всё же, удалось развязать язык, но ничего нового мы не узнали. Кто-то уничтожил планету в войне, у кого-то грозит взорваться звезда. Подходящих для колонизации миров немного, а наша Земля — вообще подарок судьбы. Неудивительно, что все рвутся именно сюда. Последние десятилетия их стало больше благодаря генерируемому человечеством радиоизлучению, служащему идеальной приманкой. И хотя влияния у нас немало, тут мы, к сожалению, бессильны. Заставить людей отказаться от одного из величайших изобретений не сможет никто. Вот и приходится, высунув язык, мотаться от Цереры до Сатурна. Впрочем, это семечки по сравнению с тем, что случилось в, а точнее под, Телепино, — дядя Олег прервался и посмотрел на Гошу так, что у мальчика душа ушла в пятки. — А случилась у нас, Георгий суцая беда, даже катастрофа. Случился — вариант «Омега»!

Подобравшись, Гоша уставился на дядю Олега. Что же случилось у «Полигона», что они так забегали? И главное — при чём здесь он? Хотя в душе он уже догадывался — причём. Просто боялся себе в этом признаться.

— Это — фотографии, сделанные внедрённым тебе подкожным зондом, — взял быка за рога сосед, кивая на подёрнувшуюся новым изображением голограмму. — Качество, конечно, не ахти, учитывая, что у «капли» нет объектива, но в целом, думаю, всё понятно.

Гоша внимательно всмотрелся в слегка размытый снимок той самой пещеры. Цвета выглядели слегка неестественно, будто чёрно-белое изображение позже раскрасили. В остальном неведомая «капля» не ошиблась.

Дядя Олег легонько повёл пальцами. Панорама поплыла в сторону, остановившись на окружённом гоблинами Валерии Кузьмиче. Среди них привыкший к созданиям мальчик без труда узнал Грыха.

— Знатно ты тогда заорал, я аж чай расплескал, когда прослушивал, — уважительно хмыкнул дядя Олег. — Инстинкты у тебя, что надо. Не побоялся ни старика, ни зелёной нечисти, чтобы защитить себя и девочку. Попёр на противника не задумываясь. Не каждый так сможет, а ты — смог.

— Почему они «нечисть»? — вскинулся Гоша. — Гоблины хорошие! Я поначалу испугался, а потом, когда разобрался... Хнуп меня даже обнял. И стихи на прощание подарил! Ничего такого гоблины не делают, просто живут и работают. Они бы и рады уйти, да не могут, что-то сломалось. У Хнупа родители ТАМ остались, он скучает, ждёт, когда Путь починят.

— Хорошие, говоришь... — зловеще протянул дядя Олег. — Обнял, по родителям скучает, стихи подарил. Ждёт, когда Путь починят... Чтобы по тому пути полчища собратьев ринулись? Ты на морды их глянь, благородная душа. Неужели не видишь, что это — самые настоящие хищники? Зубы, пасти, уши, чтобы жертву за километр слышать. Согласись, мало похоже на травоядных. И с чего им спрашивается с тобой обниматься? С потенциальной-то добычей?

— Ну и что? — нашёлся Гоша. — Человек тоже хищник, значит, нас тоже все бояться должны?

— Само собой, — серьёзно кивнул дядя Олег. — Человек — существо опасное и непредсказуемое. Сколько видов мы истребили, сколько войн устроили? Живи ты на другой планете, захотел бы иметь таких соседей?

Гоша задумался. Пожалуй, нет.

— Ладно, чёрт с ними, с мордами, — отмахнулся дядя Олег. — С лица воды не пить. И всё равно, удивляешь ты меня. Такой вроде начитанный, а элементарного не разглядел. Неужели не додумался, кто они такие?

— К-кто? — выдохнул Гоша.

— Инопланетная, вторгшаяся на Землю раса. — с нажимом произнёс сосед. — С непонятными, но явно враждебными намерениями. А главное — принципиально новым, малоизвестным нам способом. Хнуп, конечно, навешал лапши про Путь и всякие *уцки*, только вот дело в другом. Они пришли через мост Эйнштейна-Розена. Если по-простому, то через пробитую в пространстве червоточину, позволяющую перемещаться на колоссальные расстояния за мгновения. И если бы не Полигон, вовремя засекший и обрушивший сию конструкцию, нам бы несдобровать.

Гоша молчал. Удивляться уже не было сил.

— Мы долго их искали, — устало сообщил дядя Олег. — Несколько месяцев. Сложно вычислить точку перехода, когда речь идёт о многомерном пространстве. А с этих стало бы скакнуть в прошлое или даже в будущее. Помнишь, как из весёлого городка ты вернулся домой практически во время отбытия? Кажется невозможным, но факт. Космос для них — детская игрушка. Наши корабли тоже умеют схлопывать пространство, развивая невозможное для реактивных аппаратов ускорение. Но по сравнению с ЭТИМ — мы просто дети малые. К сожалению, нам не удалось разорвать кротовую нору до уточнения её местоположения. Судя по данным, полученным «каплей», за это время сюда успели перебраться несколько тысяч особей. Их могли быть миллионы, и тогда — пиши пропало. К счастью, у нас есть технология закупорки подобных туннелей, хотя никогда раньше использовать её не приходилось. Мы надеялись, что и не придётся. И надеялись, как выясняется, зря. Мы сорвали планы врага. Но что будет дальше? Отыскать колонию не удалось. Физических, ведущих к ней туннелей не существует. Да и к чему им что-то рыть, когда они дырявят пространство будто швейцарский сыр? Самое плохое, что эти локальные порталы не засекаются нашими средствами. Мы всё перевернули, пытаюсь хоть что-то отыскать. Целая эскадра работала, обнюхивая каждый куст и камень. Сенсоры от перегрузок плавильсь! И что в итоге? Если бы не бобёр, мы бы так и не взяли след. Тут нам, конечно, повезло. Точнее, мне. По наитию действовал, честное слово. Я ведь сразу понял, что ты что-то прячешь. Не придал поначалу значения, а потом в голове как щёлкнуло. Залез к тебе, грешен, да зверушку механическую и отыскал. Просканировали мы её, рассмотрели начинку и обомлели. Это она с виду допотопная, а на деле вислоухие умудрились построить полноценный робот на примитивном механическом вычислителе! Хитрые твари, ничего не скажешь. Знали, что электронику мы засечём.

— Опять обзываетесь? — обиделся Гоша. — Они ничего плохого не сделали!

— Не сделали? — фыркнул дядя Олег, доставая из кармана что-то белое. — Дурака они из тебя сделали, Георгий. Ты хоть знаешь, что это такое?

— Это *х'так*, — пожал плечами мальчик, глянув на лежащий на столе кубик. — Вы его из бобра достали. Ну и что? Грых сделал игрушку, запустил её в озеро поплавать и виды сфотографировать. Разве плохо? *Х'так* гоблины добывают из грибов, они мне показывали. И что?

— Твой *х'так* на деле не что иное, как сжатый до сверхмалых объёмов твёрдый водород, — отчеканил дядя Олег. — Причём с функцией медленного высвобождения. И всё это, заметь, производится генетически модифицированным грибом! Это даже для нас фантастика, что уж говорить про остальное человечество. Создать ТАКОЕ без мощнейшей науки и техники невозможно. А Хнуп в ответ на прямой вопрос навешал лапши, что, дескать, наука им не требуется, а требуется только *уцк* и ничего больше. Что за *уцк* — мы не знаем, но представляется, что это чистой воды выдумка. Не хотели они ничего объяснять. А не тронули вас потому, что вы для них — единственная связь с поверхностью. Одурачили гоблины и тебя, и Юлю, и колдуна. Не нравится мне этот старикан, но в данной ситуации он сам жертва. Не понял, с каким огнём играет, недооценил. Если бы мы не вмешались, бог знает, что бы началось. Они ведь, между прочим, рептилии, из чего можно предположить, что чувств гоблины не испытывают. Нет у них в мозгах такой системы, она позже сформировалась, у млекопитающих! Зато сами мозги есть, и весьма мощные. Разведчики им нужны, а вы для этой цели лучше всего подходите. Кто на детей подумает? Сначала обнимались, потом попросили бы помочь. Маячок, например, на поверхности поставить, чтобы своих на планету навести. Они ведь хитрые, знают, что их ищут. Вот и прикинулись добренькими, чтобы под свою дудку заставить плясать. А ляг карта по-другому — то и прихлопнули бы всех прямо на месте. А может, ещё что похуже, ведь чёрт их знает, как они устроены. Хнуп тебя и тут вокруг пальца обвёл росказнями про семью. Какие, к чёрту, папа с мамой? Какой дедушка? Они, поди, яйцекладкой размножаются, а слабое потомство ещё и съедают. А что, если они вообще паразиты? Скормили бы вас личинкам, и дело с концом. Понимаешь теперь, как вы рисковали?

Гошу передёрнуло. Он не мог поверить, что Хнуп, Грых и Брух — хладнокровные обманщики. В душе зашевелился гадкий червячок сомнения. А что, если дядя Олег прав?

— Я тебя понимаю, Георгий, — ласково, по-отечески посмотрел в глаза тот. — Прости, если был резковат. Ты ни в чём не виноват, наоборот — парень смелый и умный. И сейчас, чёрт знает в какой ситуации оказавшись, голову не потерял. Я же вижу: ты друзей выдавать не хочешь. И уважаю тебя за это, а на твоём месте ровно так же бы поступил. Только пойми, гоблины — не друзья. Они — угроза, и крайне серьёзная. Существа, подчинившие пространство и время, способные выучить русский за день и владеющие запредельными биотехнологиями, при этом их логика и мотивация нам недоступны. Ты же не думаешь, что они пришли к нам просто так, из интереса? Вот и я не верю. И Полигон — не верит. С таким мы не сталкивались за всю историю, хоть и готовились к подобному варианту. И если честно — наши сейчас стоят на ушах.

— Дядя Олег, но как они могли так притворяться? — растерянно спросил Гоша. — Там же всё настоящее. Да и гоблины ведь... добрые и весёлые.

— Нам уже встречались и телепаты, и метаморфы, — мрачно ответил дядя Олег вспоминая. — Могущие кем угодно притворится и что угодно внушить. Ты не представляешь, на что способны оказавшиеся на грани исчезновения. Что им один одуроченный мальчишка? И девчонка, кстати, тоже.

— Что будет с Юлей? — вздрогнул Гоша. — Ведь она...

— Ничего подобного, — успокоил дядя Олег. — Она совершенно ни при чём. Я бы и тебя не дёргал, если бы не обстоятельства. Но они, к сожалению, силы являются непреодолимой,

поэтому ты оказался тут. Помощь нам нужна, парень, и серьёзная. Ты мужик, это сразу видно, поэтому я уверен, что не подведёшь. А требуется нам выманить одного из гоблинов на поверхность. Например, Хнупа. Говори ему что угодно, лишь бы повёлся. Если я прав насчёт их науки, они что-нибудь придумают. Не смогут пройти мимо такого шанса! Трогать его мы не станем, обещаю. Просканируем аккуратно, посмотрим, что да как. Если они и впрямь такие ванильные, то попробуем вступить в контакт и договориться по-хорошему. У нас, собственно, выбора немного.

Гоша задумался. Помочь Полигону, предав гоблинов? Предавать нельзя, это он знал твёрдо. Но разве есть выбор, когда на кону родная планета? Какое, в самом деле, право он имеет решать за человечество? И потом, дядя Олег никогда не врал. А он обещает, что Хнупа не тронут.

— Что, если я соглашусь? — с тяжёлым сердцем вздохнул мальчик. — Вы точно не причините им вреда?

— Я же сказал, — поморщился дядя Олег. — Воевать себе дороже, поэтому можешь не волноваться. Если они пришли с миром, попробуем разобраться. Только и всего.

— А почему вы мне так доверяете? — уточнил, вспомнив детективы, Гоша. — Я же, получается, опасный свидетель. Вдруг всё разболтаю?

— Молодец, соображаешь, — улыбнулся дядя Олег. — Но бояться тебе нечего. Хотя бы потому, что...

— Тебе всё равно никто не поверит, — произнесли за спиной. Обернувшись, мальчик увидел, как в раскрывшиеся двери каюты вплыл странно изменившийся Степан.

С грохотом отодвинув кресло, дядя Олег вытянулся в струнку. Мальчик удивлённо оглядел вошедшего. Точнее, не вошедшего, а влетевшего, ведь Степан парил невысоко над полом, слегка подогнув ноги. Его глаза сменили цвет, став из карих ярко-голубыми, словно подсвеченными изнутри. Светлые волосы удлиннились и спадали на плечи идеально расчёсанными прядями. Во всём облике Степана сквозила властная грация, как у эльфов из сказок.

— Простите, я не знал, что вы на борту, — звенящим голосом произнёс дядя Олег. — Готов немедленно передать командование.

— Не стоит, — улыбнувшись, мягко ответил гость. — Это ваш корабль. К тому же я присутствовал здесь тайно и не вправе рассчитывать на почести. Вы позволите сесть, капитан?

Дядя Олег судорожно кивнул. Кротко улыбнувшись, «Степан» опустился в соседнее кресло и смерил Гошу спокойным, внимательным взглядом, проникающим, казалось, прямо в мозг.

— Вы рассказывали ему о нас? — обернулся «эльф» к дяде Олегу. — Да что же вы стоите? Садитесь.

Быстро сев, дядя Олег отрицательно покачал головой:

— Я не думал, что ему стоит знать. Мы и так вывалили на мальчика слишком много.

— Согласен, — величественно кивнул гость. — Но мы и просим немало — предать друзей. Я понимаю и разделяю его растерянность. Надеюсь, — повернулся он к Гоше, — сомнения уйдут, когда ты узнаешь всё.

Гоша уже ничего не понимал. Получается, что рассказанное до этого — ещё не «всё»?!

— Начнём по порядку, — положив на подлокотники руки, размеренно произнёс «Степан». — Я, как ты уже понял, не человек. Среди землян за нами укрепилось прозвище «Старшие»,

поскольку выговорить наше самоназвание человек не в состоянии. Пока понятно? Если что, не бойся спрашивать, я не кусаюсь.

«Хнуп тоже так говорил, — вспомнил Гоша. — Издеваются они, что ли?» Но вслух ничего не сказал, лишь молча кивнул.

— Мы вступили в контакт с человечеством давно, — продолжал Старший. — Правильнее будет сказать «с незапамятных времён», когда твои предки ещё жили в пещерах. Мы сразу поняли, что в вас заложен огромный потенциал. И взяли над вами, если можно так выразиться, шефство. Веками и тысячелетиям мы терпеливо направляли вас по пути прогресса, пытаясь вырастить из людей равных себе.

— А как же войны? — не сдержавшись, перебил Гоша. — Первая Мировая, Великая Отечественная. Столько людей погибло, а вы, получается, ничего не сделали.

— Не сделали, — кивнул Старший. — Потому что свобода выбора для нас священна. Мы не можем заставлять, только наставлять. А заставь мы прекратить кровопролитие силой, вы бы не усвоили жестоких, но нужных уроков. И потом, прогресс никогда не бывает линейным. На два шага вперёд приходится шаг назад. Порой очень болезненный.

— Откуда вы? — уточнил притихший Гоша. — Со звёзд?

— К сожалению, нет, — грустно улыбнулся Старший. — Наша цивилизация развилась на Каллисто, это луна Юпитера. Подобно вам наши предки плескались в подлёдном океане, но вместо суши они выползли в ледяные пещеры, где спустя сотни тысяч лет эволюции возникли первые примитивные поселения. В целом наша история похожа на земную, но есть одно «но». Мы, не в обиду будет сказано, никогда не воевали. Не потому, хорошие, а потому, что любая война уничтожила бы хрупкую, упорно цепляющуюся за жизнь цивилизацию. Этим же объяснялся ускоренный прогресс науки и техники — у нас попросту не было выбора. Со временем мы окрепли и вышли на поверхность, колонизировав несколько соседних лун. К сожалению, мы не вечны, и время наше утекает. Каллисто умирает, его ресурсы исчерпаны, а большинство доступных планет не подходят для заселения ввиду высокой гравитации. Нам требуется новый дом, которого не найти в Солнечной системе. Открыть же способ преодоления межзвёздных расстояний мы, увы, не смогли, отчего были вынуждены законсервироваться. К счастью, на тот момент Земля достигла необходимого уровня развития, и наши агенты смогли создать международную организацию, получившую в твоей стране название «Полигон». Теперь она, а не мы, занимается охраной человечества от внеземных угроз.

— Гоблины — это их шанс, — вступил дядя Олег. — Ты не представляешь, насколько мы обязаны Старшим. Эти твои... друзья перебрасывают мосты между звёздными системами, будто дорогу в соседний город прокладывают. Старшие так не могут, а они смогли! И надо понять — как. Понимаешь?

— Мы не можем требовать, только просить, — жестом остановил его «Степан». — Мы уважаем выбор любого, особенно ребёнка. Обещаю, что в случае отказа ты не пострадаешь. Но прежде, чем вынесешь окончательное решение — позволь тебе кое-что показать.

Грациозно взмыв с кресла, Старший подплыл к Гоше и легонько притронулся пальцами ко лбу мальчика. В ушах загудело, к горлу подступил комок. На мгновение ему показалось, что он проваливается в бездонную пропасть.

— Не пугайся, это абсолютно безопасно, — раздался в голове приятный, волевой голос. — Расслабься и смотри.

Серая пелена рассеялась, обнажив панораму прекрасного города, расположенного под сводом гигантской ледяной пещеры. Ажурные здания, купола, арки и переходы. Невероятные, возносящиеся на много километров конструкции, похожие на цветы и деревья одновременно. Город был прекрасен — и пуст. Город молчал.

— Это — наша историческая столица, — напёпывал Старший. — С целью экономии ресурсов она обесточена, а население переведено в долговременный стазис. Мы не знаем, что будет дальше. Мы вверяем себя в твои руки.

Мираж рассеялся, и Гоша вновь очутился в капитанской каюте. С лёгкой, доброжелательной улыбкой Старший разглядывал мальчика. Дядя Олег напряжённо молчал, уставившись в стол.

Молчал и Гоша, не зная, что решить. В голове хаотично пронеслись события последних дней. Юля и Хнуп, Грых и Брух. Стихи и прощальные объятия. Ему не верилось, что гоблины представляют угрозу. Не хотелось верить!

«А что ты думал? — прорезался в душе злой и умный внутренний голосок. — Инопланетная цивилизация прибыла на Землю с непонятными намерениями и ждёт не дожждётся, когда Гошенька с ними подружится? Что, если гоблины и впрямь едва сдерживались, чтобы не откусить тебе голову? Ведь ушёл же Брух от вопроса про жестоких предков! Опять же, *уцки* эти, *крухи* и *р'рихи*. Сам ведь заметил, что гоблины не так просты, как кажутся. И самому это не понравилось! И вот, пожалуйста — разумное объяснение. Вопрос лишь в том, имеешь ли ты право предавать? Даже ради всего человечества?»

— У тебя отец — военный, — взорвался дядя Олег, видя сомнения мальчика. — Думаешь, он бы на твоём месте колебался? Когда ставки так высоки?

От упоминания папы Гоша дёрнулся. Старший сочувственно кивнул.

— Я же сказал, они не друзья! — напирал дядя Олег. — Они пришли бог знает откуда, бог знает зачем! Мы для них — никто, кормовая база. Хочешь быть кормовой базой, вместе с мамой, папой и бабушкой? Хочешь, чтобы на месте уничтоженной, сожжённой Москвы вырос мерзкий улей? А может, мне позвать тётю Тамару? Она расскажет, что такие вот бездомные сотворили с её экипажем. И если бы не Старшие...

— Достаточно, — вновь прервал «Степан». — Мальчику нелегко. Он должен решить сам и только сам. Ваше слово, Георгий.

Старший явно мог просить по-другому, и даже заставить. Но не стал, доказав тем самым, что уважает чужой выбор. И даже неожиданно разозлившийся дядя Олег больше не пугал. Ведь не просто так он злился. По делу — злился!

Последние сомнения ушли. Подняв глаза на «эльфа», Гоша кивнул.

— Я согласен, но только если обещаете решить всё миром.

— Разумеется, — серьёзно кивнул Старший.

— Молодец, Георгий, — добавил дядя Олег. — Не подвёл.

— Не думаю, что это хорошая идея, — покачал головой Валерий Кузьмич. — Я же говорил, что вас ищут.

— Мне тоже кажется, что это не вовремя, — вступила в разговор молчавшая до сих пор Юля. — Что, если его поймут те, другие?

Они сидели за круглым деревянным столом в принадлежащей Бруху квартирке-норе. Очень похожей на ту, где очнулся «размороженный» Гоша.

— Думаю, это и впрямь небезопасно, — рассудительно произнёс Грых. — С другой стороны, не сидеть же здесь вечно? Хнуп пообщается с детьми, узнает их поближе. Для нас это важно. А для него — особенно.

— Как он сможет общаться? — опешила Юля. — Вы представляете, что начнётся, если его кто-то увидит?

— Не увидит, — возразил Брух. — Есть возможность замаскировать Хнупа под человеческого мальчика.

«Они что-нибудь придумают», — вспомнил Гоша. И действительно ведь — придумали!

— А... зачем же тогда бобры? — искренне удивился он. — Если вы в людей можете?..

— Это неэтично, — терпеливо пояснил Брух. — Мы не желаем шпионить. Бобры были вынужденной мерой, но ни одной цивилизации не понравится, когда за ней наблюдают вблизи, да ещё и маскируясь под местных. Мы не хотим вызывать подозрений подобным поведением. Мы пришли с миром и на поверхность выйдем только по приглашению. Или не выйдем, как знать. К сожалению, те, кто перекрыл Путь, сами не дают нам покинуть Землю. В этой тупиковой ситуации мне кажется допустимым отправить Хнупа на поверхность, учитывая, что как минимум трое людей будут знать о его истинной природе и намерениях.

— Согласен, — спокойно кивнул Грых. — И потом, он всегда сможет вернуться. Если те, кто разрушил Путь, не закрыли коридор в церкви, значит, ничего о нём не знают.

«Ещё как знают!» — подумал Гоша, и по спине пробежал неприятный холодок. Впрочем, и хорошо, что знают! А то, что Брух так красиво распинался про этику — так это просто слова и ничего более. Где, правда, доказательства добрых намерений? Нет их, а следовательно — всё это может быть просто уловкой, рассчитанной на доверчивого мальчишку.

— Только смотри, — погрозил пальцем Валерий Кузьмич. — Я возле вас тереться не смогу, так что всё под твою ответственность. Уверен, что справишься?

— Конечно! Ну что, Хнуп, выйдешь погулять? — бодро обратился к гоблину Гоша, тщательно стараясь скрыть нервозность.

— Выйду! — радостно улыбнулся Хнуп. — Очень хочется увидеть вашу жизнь. А позже я обязательно напишу про увиденное стихи!

— Это вот Женька, это Серёжка, — представил Хнупа Гоша. — А это Х... — он запнулся, вспомнив, что не знает имён на букву «Х».

— ...аритон! — пришла на помощь Юлия. — Харитон, имя такое, старое. В Москве очень модное... было.

— Встретились на озере, познакомились, — зачастил Гоша по заранее выученной легенде. — Тоже из Москвы. Пацан что надо. Дай, думаю, с вами познакомлю.

— Ну здорово, — протянул руку Серёжка. Радостно улыбнувшись, гоблин пожал протянутую пятерню. «Харитон» выглядел, как самый обыкновенный мальчишка, даже одет был, как все: в шорты, старенькие кроссовки и футболку. Из какого гриба Брух это достал, оставалось тайной.

— Что делать будем? — уточнил Хнуп у Серёжки, как у старого знакомого. — Может, искупаемся?

— Это можно, — кивнул Серёжка. — Пошли, я тут место знаю. Там ветка над водой, мы на неё верёвку приладили. Бултыхи — закачаешься!

Добежав до озера, они скинули одежду и с весёлым гиканьем рванули к выступающему над водной гладью стволу кряжистой ивы.

— Чур, я первая! — звонко крикнула Юлия и, схватившись за привязанную к потёртому канату палку, сиганула в воду. В последнее время ей стало заметно лучше. Интересно, это Брух постарался? Тогда, на грибной плантации?

Он недодумал, потому что думать не хотелось. Хотелось — купаться! Вцепившись в потёртую деревяшку, Гоша, зажмурившись, оттолкнулся от земли. Долетев до крайней точки, он

разжал руки и с визгом полетел в тёплую чистую воду. Вынырнув и отплёвываясь, мальчик почувствовал, как рядом, подняв фонтан брызг, плюхнулся кто-то большой и тяжёлый. Продрав глаза, Гоша недоумённо узрел перед собой весело плещущегося дядю Олега.

— Привет пловцам! — радостно поприветствовал он детей. — А это что за незнакомец? Харитон, я не ослышался?

Дядя Олег был настолько не похож на себя ночного, что Гоша на секунду засомневался. Не привиделось ли ему случившееся? Может, приснился обычный кошмар?

И всё же это был не кошмар. Во-первых, промелькнувшая по лицу соседа тень, тут же сменившаяся привычной улыбкой. А во-вторых... это было трудно объяснить, но каким-то шестым чувством Гоша понимал, что прямо сейчас над ними висела призрачная громадина «Тёмной звезды».

— Ну что, парни и девчонки, а не сыграть ли нам в футбол? — спросил, накупавшись, дядя Олег, тут же выскакивая на берег. Гоша вновь поразился, насколько талантливо он играет свою роль. Даже на Харитона он смотрел по-отечески тепло. Притом что не испытывал к гоблину никаких добрых чувств.

— Давайте! — заулыбался Хнуп, явно симпатизировавший первому встреченному им взрослому. — Я очень люблю футбол!

— Тогда пошли, — подмигнул сосед и вдруг потрепал «Харитона» по волосам, точь-в-точь как Гошу. — У меня и мяч имеется.

Гоша не заметил, как над Телепино зажглись первые звёзды. Потеряв счёт времени, он с гиканьем носился по импровизированному полю.

— Ну, Георгий, ну! — азартно вопил дядя Олег, передавая мяч. — Забивай!

И Гоша забивал, остервенело лупя по Юлькиным воротам. Вопреки обыкновению, в этот раз они оказались в разных командах.

Юлька туго знала своё дело, забить ей было непросто. Бойкая и юркая, она отчаянно ловила летящие мячи, растягиваясь в пыли многострадальными локтями и коленками. Из-под сбившейся косынки градом лил пот. Как и Гоша, она отдавалась игре с невероятным задором. Будто в последний раз.

Харитон играл неумело, но старательно. Маленький гоблин бодро носился по полю, отчаянно пытаясь забить мяч в ворота Гошиной команды. Исподволь наблюдая за ним, мальчик с удивлением понял, что Хнуп неподдельно счастлив. Он прямо лучился тёплой, искренней радостью, в которой хотелось плескаться, как в озере.

— Ну... ну... го-ол! — заорал, прыгая от радости, дядя Олег, кинувшись обниматься с Гошей и Серёжкой. — А, что? Сделали мы вас? Сделали?!

Женька и Харитон, тяжело дыша, утирали пот. Напившись, Юля бросила им захваченную из дома бутылку и подошла к одержавшим победу соперникам.

— Отличная игра, — серьёзно протянула она руку. — А ты, Гошка, вообще сражался как лев. Я тебя таким ещё не видела.

— Да ладно, — отмахнулся Гоша, которому отчего-то стало неловко. — Ты не обижайся, Юль, это же просто...

— Всё, мы пошли! — крикнул Серёжка прощаясь. — Поздно уже, мама заругает.

— Счастливо, парни! — улыбнулся дядя Олег, пожимая Юлькину ладошку. — Ну а ты не скромничай. Тебя пробить — это ж семь потов сойдёт. Силовое поле, а не вратарь!

Стрекот сверчков нарушила тихая трель. Нахмурившись, дядя Олег вытащил из кармана телефон и отошёл.

— Мне тоже пора, — сообщил он вернувшись. — Из офиса звонили, просили кое-что проверить. Так оно — на удалёнке работать, отпуск-то закончился. Ну, до завтра!

От сердца отлегло. Похоже, самое страшное позади.

Немного отойдя, сосед, что-то вспомнив, обернулся.

— Харитон, забыл тебя спросить. Можешь подойти? — поманил он Хнупа пальцем.

Не чувствуя подвоха, «Харитон» подбежал к дяде Олегу, вопросительно глядя на взрослого.

— Ты вот тут встань, мы быстро. — произнёс тот, и Гоша вдруг с ужасом понял, что сейчас произойдёт.

Дальнейшие события слились в бесконечное мучительное мгновение. Невысоко над полем вспыхнули три ярких огня, фокусируя снопы света на Хнупе. В небе, тихонько загудев, обозначился эфемерный силуэт огромного треугольника.

— Нет! — надсадно заорал Гоша, чувствуя, как из глаз брызнули слёзы. — Вы же обещали!

— Хнуп! — крикнула, рванулась в отчаянном прыжке Юлька, намертво вцепившись в растерянного «Харитона». В слепящих лучах блеснули упавшие в траву очки.

— Прости, Георгий. По-другому никак, — тихо, но очень слышно сказал дядя Олег, не сводя с мальчика пристального взгляда.

Вокруг сверкнуло, в лицо дохнуло горячим. Что-то бесшумно рванулось вверх, прошивая облака. В вечерних сумерках сгустилась пронзительная, удушающая тишина.

Гоша застыл, ошеломлённо глядя туда, где ещё минуту назад стояли друзья. Теперь, кроме примятой травы и треснутых, запачканных грязью очков о них не напоминало ничего.

Что делать? Куда и к кому идти? Как вообще теперь быть?!

Ничего не придумав, он побрёл по направлению к дому. Что скажет Валерий Кузьмич? И Грых? И самое главное — как объяснить Юлиной бабушке, что её внучка пропала?!

Мысли исчезли, уступив место серому, глухому отчаянию. Как он мог? Что же он наделал?!

Вдали внезапно и грозно заревело. Спустя мгновение над головой пронеслось звено реактивных перехватчиков. Зажав уши ладонями, мальчик не сразу услышал приближающееся тарахтение винтов.

Он спохватился слишком поздно. Несколько пузатых вертолётов зависли над полем, отсекая путь к отступлению. В траву мягко упали тросы, вниз заскользили облачённые в камуфляж и бронжилеты фигуры.

Не ожидая от вновь прибывших ничего хорошего, Гоша попятился. Заметив его, один из солдат рысью кинулся наперерез. Заорав, Гоша бросился бежать, но запнулся о корягу и растянулся в высокой душистой траве.

— Не надо! Не надо! — закричал, забился в истерике мальчик, видя, как сверху склонилась чёрная, с прорезями, маска-«балаклава».

— Спокойно, Георгий. Свои, — произнесла вдруг маска знакомым голосом.

Отстегнув шлем, папа легко, как пушинку, поднял мальчика и прижал к себе. Не выдержав, Гоша разрыдался, уткнувшись носом в шершавый ремень автомата. Ему больше не было страшно. Но стыдно и больно было по-прежнему.

Часть вторая

Глава 6 — Мальчик и зеркало

«Тайга, Тайга, я Рубин. Ответьте, Тайга. Ответьте...».

Шум вертолётных винтов. Бьющий в лицо ветер, насыщенный ароматами трав. Разбегающиеся, оцепляющие полянку люди в камуфляже. Женька и Серёжка. Харитон и Юлька. Дядя Олег и Старший...

После похитившей друзей вспышки в глазах плывут зеленоватые пятна. Глазам больно, но не от пятен. Больно от горячих, душащих слёз.

Обычно после этого приходил Хнуп. Затем — Юлька в привычной цветной косыночке и треснутых, запачканных грязью очках. Ещё являлся Грых вместе с укоризненно глядящим Валерием Кузьмичом. От этого взгляда Гоша готов был провалиться от жгучего, непереносимого стыда.

Сегодня приснился стоящий на берегу дядя Олег. Увидев беззаботную улыбку, Гоша заревел от ненависти и кинулся на предателя. Продолжая улыбаться, тот легко, точно песчинку, толкнул Гошу в воду. Отчаянно барахтаясь, мальчик камнем пошёл ко дну.

— Кто тебе, сопляку, дал право? — набатом загремело в ушах.

Поняв, что выплыть не получится, он закричал, пуская пузыри и задыхаясь.

— Кто тебе дал право? — повторил невидимый дядя Олег. — Кто? Кто?!

Упав на дно, он увяз в липком, тягучем иле. Сильные руки вцепились в лодыжки, утаскивая, в клейкое, мерзкое ничто. Забыв, что под водой, Гоша заорал и задёргался. Он не может, не имеет права утонуть. Юлька с Хнупом в беде, они пропадут без него! И из-за него!

— Гошка, — прошептала на ухо Юля. — Гошка, не плачь. Всё хорошо. Всё хорошо, Гошка.

— Юлька, прости. Прости, Юлька! — завыл, забился Гоша. — Я не хотел. Я не думал, понимаешь?

Не хотел. Не думал. Но сделал!

«Кто тебе дал право? Кто? Кто?!»

«Тайга, Тайга, я Рубин. Ответьте, Тайга. Ответьте...».

Судорожно вздохнув, Гоша открыл мокрые покрасневшие глаза. Сон, всего лишь сон. Навязчивый и надоевший.

Опёршись о подушку, он брезгливо отёрнул руку. Ну конечно, мокрая насквозь. Опять всю ночь рыдал, ещё и не выспался. Чёрт бы их побрал, эти сны. Почему они не оставляют в покое?

Участившиеся кошмары начинали изрядно бесить. Что он, в самом деле, заиклился на прошлом? Гоблины какие-то, бобры. Летающие треугольники. Надо ж такого напридумывать! И девчонка эта очкастая. Кто она, сестра, подруга? Он сто лет без неё жил и столько же проживёт. Про старика, прости господи, «колдуна» и говорить нечего. Заморочил голову буквально до зелёных чертей. Шарлатан, экстрасенс-недоучка. Тьфу!

Спрыгнув на пол, он пошлёпал умыться. Проходя мимо стола, бросил взгляд на недочитанную книгу про космос. Господи, какая чушь. Кому вообще интересно подобное? Кончился космос, не нужен никому, только отвлекает. А жизнь, между прочим, идёт, и ждать не будет. Пока дурачки о звёздах мечтают, умные люди карьеру делают. И Гоша делает, и жить будет припеваючи, потому что не дурачок и повзрослел. Пылящийся на балконе телескоп, кстати, надо продать. Много, конечно, не выручишь, но копеечка — она ведь рубль бережёт. И потом, не факт, что не выручишь. Вещь хорошая, эксплуатировалась

надлежаще. Если не удастся всучить астроному, найдутся любители подглядывать в чужие окна. Противно? Так не его это дело. Зато цену можно заломить побольше.

Умывшись, он вышел на кухню. Мама суежилась у плиты, вокруг витал божественный аромат свежих гренок. Папа допивал кофе, поглядывая в старенький, бормочущий утреннюю чушь телевизор.

— Бери от жизни всё, — продекламировал экран, демонстрируя красивую девушку на высоких каблуках. Лихо сорвав с упаковки сока крышечку, девушка принялась жадно пить. По щекам и подбородку весело потекли красные струи. Оторвавшись от пачки, красавица утёрлась и задорно подмигнула. Сморгцившись, словно от кислого лимона, папа выключил телевизор.

— Всё бы им потреблять, — проворчал он, раздражённо вытирая губы салфеткой. — А делать кто будет? А, Георгий?

Гоша пожал плечами. Прав телевизор, от жизни надо брать. А иначе зачем жить, спрашивается? Чтобы на дядю горбатиться? Нет уж, он не станет. Зато будут горбатиться на него. Умные всегда глупых использовали. Его вот тоже вокруг пальца обвели... дядя Олег, кажется. Что он сделал, Гоша помнил плохо. Одно знал точно: обманули его, и поделом. Он бы собой тогдашним тоже воспользовался. Юльку, правда, жалко, хотя... что он в ней, собственно, нашёл? В косынке, близорукая, одной ногой в могиле. К чему на таких тратить время, если вокруг полно здоровых девчонок?

В сердце кольнуло. Он поморщился, отгоняя непрошенные воспоминания. Юлька не отпускала, не хотела отпустить. Зарубцевавшаяся было рана запульсировала болью. Он ничего не испытывал к девчонке, нет. Но и забыть почему-то не мог, будто в ней была частичка его самого. Утратив которую он погрузится во мрак навсегда.

— Гренки будешь? — поставила на стол тарелку мама. Вежливо откусив, Гоша принялся размеренно жевать. Вкусно, но и... всё. Будто «вкусно» было лишь словом, простым ощущением. И вся жизнь стала простой, сероватой и до боли понятной. Всё встало на места, всё было уютно и предсказуемо. Школа, университет. Престижная профессия, карьера. Удачная женитьба и безбедная, не слишком яркая, но комфортная и спокойная жизнь.

— В кино ходим? — подмигнул папа. — «Гостя со звёзд» показывают, премьеры. Про дружбу мальчика и гуманоида. Что скажешь?

— Да ну, — поморщился Гоша. — Надоели эти тарелки и прищельцы со щупальцами. Ерунда нарисованная.

— Как скажешь, — удивился папа. — А ты с каких пор фантастику разлюбил?

— Я не разлюбил, — протянул Гоша. — Хотя нет, разлюбил. Глупость несусветная, никакой критики не выдерживает. Давай, может, на боевик? Или детектив?

— Ну, хоть детективы не отринул. — Папа облегчённо улыбнулся. И мама тоже улыбнулась. Она, похоже, простила папу и больше про развод не заговаривала. Отец, правда, тоже поменялся. Дома, по крайней мере, бывать стал значительно чаще, а первую неделю так вообще от Гошиной кровати не отходил.

Он плохо помнил, что случилось тогда. Помнил сильные руки, помнил, как папа мчал в Москву на новенькой, ревущей мотором «Шкоде». Сирены и отсветы мигалок машин военной полиции, расчищавших дорогу. И застывшую в дверном проёме маму с зажатым ладошкой ртом.

Его бережно уложили в кровать и раздели, потом вокруг ходили и тихо совещались какие-то люди. Затем всё стихло, и навалилась страшная, сковывающая сонливость. Но папа — папа был рядом. И мама тоже.

Радовался ли Гоша их примирению? Радовался, но не особо. Он вообще сильно не радовался, но, правда, и не огорчился. В душе стало серо и тихо, как в пыльной покинутой квартире. Плохо ли это? Наверное, нет. Эмоции ослепляют, а сейчас, в их отсутствие, он стал мыслить куда более рационально. Он обернулся в безразличие, словно в плотный кокон. Уютный и надёжный.

Как-то раз он вспомнил сказку про Дюймовочку и Крота, возжелавшего на ней жениться и навсегда затащить под землю. И если раньше он был на стороне Дюймовочки, то сейчас эту дурочку не понимал от слова «совсем». Подумаешь, в подземелье ей не хочется. Зато сухо, спокойно и непогода не страшна!

От воображаемой кротовой норки повеяло затхлым, но приятным теплом. Гоше не просто был на стороне Крота, он уже наполовину стал им. Зажиточным, рачительным, защищённым от бед и ненастий. А Дюймовочка... да бог с ней, пусть улетает на хромой кобыле, то есть ласточке, в поисках прекрасного идиота-принца. К Гоше, когда он станет Кротом, очередь из дамочек выстроится за километр. Мало их, что ли, сейчас?

Тогда при этой мысли почему-то накатило раздражение. Крота тянуло к Юле, то есть к Дюймовочке, и он не хотел её отпускать. Но и лететь с ней тоже — не хотел! Последнее время, правда, чувство притупилось. Нора затягивала всё сильнее, а Дюймовочка улетала всё дальше, почти совсем уже скрывшись за горизонтом.

— Лёш, Софья Матвеевна звонила, — сказала между делом мама. — Спрашивала, нельзя ли приехать. Говорит, опять прихватило, но от помощи отказывается. Я сказала, что тебя спрошу, но пока, наверное, рановато?

— Даже не знаю, — задумался папа. — Что скажешь сын?

— Полагаю, не стоит, — рассудительно ответил Гоша. — К чему бабушке напрягаться, особенно если плохо себя чувствует? Пусть отдыхает, сил набирается. А вы от меня привет передавайте.

Он говорил размеренно, точно машина. Нет, он любил бабушку, но спокойно и отстранённо. Чувства погасли, остались лишь медленно остывающие угольки. Интересно, что будет, когда они окончательно остынут?

— Какой-то ты... — прищурился папа. — Даже не пойму. Вроде правильные вещи говоришь, а сам в них не веришь. Ты скажи по-людски: хочешь, чтобы бабушка приехала или нет?

— Не трогай ребёнка, — бросила стоящая у плиты мама. — Дай ему отойти. Он такого натерпелся.

Отвернувшись, папа замолчал. Ободряюще улыбнувшись, Гоша невозмутимо дожевал гренку. Чего уж он, по сути, натерпелся? Ну, порыдал у папы на плече, ну, проспал несколько дней. Ничего особенного, если не считать назойливых, «слезоточивых» снов. Самое противное то, что он их почти не помнил. Так, обрывки видений да колотящееся поутру сердце. Он твёрдо знал, что кошмары уйдут, затянутся. Будто глубокие, оставшиеся после операции порезы.

В один из вечеров в гости заглянул папин сослуживец. Гоша его не знал и не обратил бы внимания, но спустя часок однополчанин постучался к нему в комнату.

— Можно зайти? — тихо спросил он, заглянув в приоткрытую дверь. Гоша, конечно, отказывать не стал, сообразив, что любопытство тут ни при чём. А уж когда гость принялся сочувственно расспрашивать о случившемся, сразу почувствовал неладное.

К счастью, разговор продлился недолго. В какой-то момент сослуживец (в память врезался его запах — крепкого одеколona и табака) выудил из кармана блестящую монетку и принялся убаюкивающе рассказывать, где её нашёл. «Пошёл налево, потом направо, потом

снова налево». Гошины глаза сомкнулись, но сны не пришли — он лишь глубже окунулся в серое «ничто». И больше — ничего не помнил.

Закончив, гость вернулся в родительскую комнату и плотно затворил дверь. Поняв, что говорить будут о нём, мальчик на цыпочках прокрался следом и прильнул ухом к створке.

— Что с ним? — спросила мама.

— На пост-травматический синдром непохоже, — подумав, ответил гость. — Можете поверить, я в Сирии на таких пацанов насмотрелся. По ночам не пишется?

— Нет, — ответил папа. — Не пишется. Но лучше бы писался.

— Плачет он, доктор, — с болью воскликнула мама. — Так плачет, вы бы слышали. Зубами скрипит, бьётся, чуть кровать не разломал. Юле кричит, простить умоляет. Я такого надрыва в жизни не слышала. И зовёт всё время то ли хлюпика, то ли хрупика.

— Что за Юля? — уточнил гость. — Та самая?

— Она, — подтвердил папа. — В Телепино у бабушки познакомились. Что у них произошло — никто не знает, но девочка пропала. По линии органов ведётся розыск, ну и мы... помогаем.

— В общем, так, — подытожил сослуживец. — Скорее всего, имел место сильный испуг, но, не зная причины, сказать что-либо сложно. Его надо оберегать от сильных эмоций и травмирующих воспоминаний. Никакой бабушки, никакого Телепино. Телефон — изъять, от интернета оградить категорически. Вместо новостей — книги и спокойные фильмы. Если объявится Юля — ни в коем случае не пускать, по крайней мере, без консультации со мной.

— Что за воспоминания? — тихо уточнил папа. — Он что-нибудь помнит?

— К сожалению, гипноз ничего не дал, — ответил гость. — Но мальчик упомянул о ярком свете и трёх огнях. Возможно, имел в виду какое-то созвездие. Поймите, его память сейчас — как улиточка, она спряталась в раковину, и пытаться извлечь её оттуда насильно крайне опасно.

— Ни в коем случае, — быстро сказал папа. — Просто мы надеялись помочь с кошмарами.

— Увы, с ними пока ничего не поделаешь, — разочаровал сослуживец. — Они — результат работы защитных механизмов психики, пытающейся адаптироваться к травмирующим воспоминаниям. Придёт время, и улиточка вылезет из раковины, после чего можно будет начать сеансы психотерапии. До тех пор могу прописать успокоительные. Правда, я бы не рекомендовал, особенно в таком нежном возрасте.

— Не надо, — сказала мама. — Попробуем для начала что-нибудь на травах.

— Мы справимся, — подтвердил папа. — Спасибо, доктор.

— Ну что, Георгий, на кружок поедем? Пора восстанавливаться, а то совсем, понимаешь, форму потерял, — бодро произнёс папа, отодвинув тарелку.

Гоша поморщился. Кружок, ну конечно. Он и забыл о нём, не до того было. А теперь, выходит, снова нарезать круги по стадиону. Впрочем, всё равно. Можно и на стадион.

— Я собираться, — отложив недоеденную гренку, кивнул Гоша. — Спасибо, мамочка. Очень вкусно.

Он вышел из кухни, не заметив, как родители обменялись недоумёнными взглядами. Гоша изменился, и не только внутренне. Он и внешне стал гладеньким и размеренным. Чересчур размеренным для подвижного мальчишки со светлой головой, неуёмной фантазией и добрым, открытым миру сердцем.

Аккуратно одевшись, он сообщил родителям, что будет ждать у подъезда. Спускаясь в лифте, заявил пытавшемуся войти соседу, что отказывается с ним ехать и закричит, если тот войдёт. Двери закрылись перед удивлённой соседской рожей, и мальчик недобро усмехнулся. Ему стало ужасно забавно, что он вот так, походя, поставил на место взрослого. Чувство было новым и незнакомым, но Гоше оно понравилось. Теперь можно не бояться: старина Крот отрастил зубки и готов показать окружающим, кто чего стоит!

Взгляд упал на висящее в кабине зеркало. Недоброе, полное сил и уверенности отражение с усмешкой смотрело на мальчика. Стекло пересекала глубокая трещина, и Гоше показалось, что и сам он треснул и раскололся на части. Будто это он выглядывал из Зазеркалья, взирая на поменявшегося с ним местами двойника. Слабея и растворяясь в призрачной, холодной амальгаме.

Вздвогнув, кабина остановилась. Встряхнувшись, Гоша отогнал морок. Нет в нём никакой трещины, наоборот, он стал, наконец, цельным! Насвистывая весёлую песенку, он легко сбежал по ступенькам. Сощурившись и прикрыв глаза ладонкой, глянул в голубое безоблачное небо. Солнце припекало, в лицо дул ветерок. Уже, правда, чувствовалось приближение осени: вечерами бывало прохладно. Оно и хорошо, меньше отвлекающих от дел соблазнов, вроде весело играющих на площадке знакомых пацанов.

— Гошка, давай к нам! — заметив друга, крикнул кто-то. Лениво взмахнув рукой, он прошёл мимо. Делать ему нечего, как мяч гонять. Нет, шалишь, время — деньги. Не успеешь оглянуться, как за такими футболами вся жизнь пройдёт. Стадион — это уж чёрт с ним, тут он с папой спорить не будет. А к подобной ребяческой ерунде больше не притронется. Не его уровень.

— Здравствуй, Гоша, — приветливо поздоровался сидящий на скамейке старичок.

— Здравствуйте, Ефим Тимофеевич, — вежливо кивнул Гоша. В отличие от других, Ефим Тимофеевич почему-то не раздражал. Старик перебрался в соседний дом недавно, но уже успел подружиться с местными мальчишками. Он был мечтателем, но мечтателем образованным, способным часами говорить о континентах, планетах и далёких галактиках, лихо перемежая интересными фактами из жизни каких-нибудь кузнечиков.

— Гуляешь? — ласково улыбнулся старичок, даже сидя опираясь на поставленную между ног трость.

— Гуляю, — подтвердил Гоша. Разговаривать не хотелось.

— Молодец, — улыбнулся Ефим Тимофеевич. — Давно тебя не видел, у тебя всё хорошо?

— Да всё нормально. На кружок вот сейчас поедем, — зачем-то сообщил Гоша, тут же мысленно дав себе подзатыльник. Последнее время он взял за правило никому ничего не рассказывать. Нечего всяким совать нос в его жизнь. Пусть о других вынюхивают!

— А в футбол чего?..

— Ефим Тимофеевич, — решительно перебил Гоша, чувствуя, как вернулся тот, из зеркала. — Не стоит так напирать. Я же не пристаю с расспросами о вашей жизни.

Дав жестокий залп, Гоша замолчал, пристально наблюдая за стариком. Что, съел? Сейчас, поди, нальёшься кровью, да и уберёшься обиженно восвояси. Но Ефим Тимофеевич отчего-то не обиделся.

— Понимаю, перегнул, — закивал он. — Тут много кто на меня косится — чего, мол, к детям привязывается? Я бы и со взрослыми поговорил, только кто меня слушать станет? Да и о чём я расскажу, о космосе? Или биологии, которой всю жизнь посвятил? Время другое, страна другая. Взрослеют люди быстро, а как повзрослеют — так всё, что в детстве знали, забывают. Ты вот, смотри, тоже повзрослел.

Вздыхнув и покачав головой, Ефим Тимофеевич замолчал. Внезапно Гоша вскинулся, осенённый гениальной идеей:

— Скажите, а вы телескоп купить не хотите? Мой, личный, в хорошем состоянии.

— А тебе он что, совсем-совсем не нужен? — печально уточнил старик.

— Совсем-совсем.

— Спасибо, Гоша, — подумав, ответил старичок. — Я обязательно куплю, чуть попозже. Пенсию получу — и куплю. А ты, пожалуйста, попридержи его пока. Вдруг передумаешь?

— Не передумаю, — небрежно отмахнулся мальчик. — Я уже всё решил.

— Приехали, — сообщил папа, аккуратно въезжая на парковку. Отец никогда не лихачил, всегда повторяя, что за руль надо садиться исключительно с холодной головой. Наверное, потому и запомнилась та ночь, когда он нёсся с сыном в Москву, выжимая всё из малолитражного двигателя.

«Тайга, Тайга, я Рубин. Ответьте, Тайга. Ответьте...».

К горлу подступил ком. Скривившись, Гоша отогнал назойливое воспоминание и поспешно вышел из машины, словно надеясь запереть неведомых тайгу с рубином в салоне.

— Здравствуйте, Алексей Семёнович, — поприветствовал их тренер Матвей Максимович: мускулистый, высокий, добрый парень с обаятельной белозубой улыбкой. — А это кто, неужели Гоша? Какой ты...

В голову ударила кровь. Как они надоели со своими комментариями!

— Я совершенно нормальный, — тихим, звенящим голосом сообщил Гоша. — Не надо меня оскорблять.

Тренер замешкался, улыбка сползла с его лица.

— Георгий, ты чего? — сжал плечо сына папа. — Беленой, что ли, гренки закусил?

— Всё нормально, Алексей Семёнович, — примирительно улыбнулся тренер. — Гоша, я хотел сказать, что ты загорел и подрост. Не обижайся.

Ах, вот оно что. М-да, нехорошо получилось.

— Извините, Матвей Максимович, — ровным тоном ответил Гоша. — У меня последнее время...

— Трудный период у нас, — закончил папа. — Долго объяснять, да и ни к чему. Вы, если можно, сегодня по облегчённой программе. А ты, — опустил отец на корточки, — чтобы вёл себя прилично и тренера слушался во всём. Дисциплина — на то и дисциплина, что всегда уместна, особенно в непростые времена. Ну всё, я пошёл, буду через полтора часа.

— До свидания, Алексей Семёнович, — серьёзно кивнул тренер. — Пойдём, Гоша.

— Сегодня не усердствуем, — сообщил он, когда Гоша вышел из раздевалки. — Немного разомнёшься, растяжку поделаешь, можешь на турниках повисеть. Если хочешь — пробежишь пару кругов, форсировать события не будем.

От приторного обращения Гоша начал звереть. Что он, больной или инвалид? Почему с ним нянчатся, будто он стеклянный? Нет уж, дудки!

— Матвей Максимович, вы не волнуйтесь, со мной всё хорошо. Я готов к обычной тренировке, — сдерживаясь изо всех сил, ответил он. Получилось неплохо — спокойно и без ноток раздражения.

— Ладно, посмотрим, — задумчиво ответил Матвей Максимович. — Давай я тебя для начала кое-кому представлю. Полина, подойди! Познакомься с Гошей.

— Привет, — подбежала пухлая, крепенькая хохотушка. — Полина, — очаровательно улыбнувшись, протянула она руку.

Новенькую Гоша невзлюбил с первого взгляда. Жизнерадостная Полина успела влиться в коллектив, став душой компании. И хотя Гоша, как он думал, потерял к стадиону всякий интерес, ему вдруг до зубовного скрежета захотелось поставить выскочку на место. Это его стадион, его ребята и девчонки. Это на НЕГО они должны смотреть и над ЕГО шутками смеяться. Только так и никак иначе! Потому что в жизни не бывает, чтобы посередине. Есть те, кто наверху, и все остальные: серая, тупая, скотская масса. И в хлев с ними Гоша не пойдёт. Умрёт, но займёт подходящее ему место!

— Гоша, — беря себя в руки, елеинным голосом представился он. — Очень приятно.

— Ой, какой серьёзный молодой человек, — хохотнула Полина, состроив глазки. — Ладно, Гоша, пошли к нам.

«К нам». К каким это, позвольте спросить, ВАМ? Пару месяцев назад духа твоего тут не было, а теперь, вишь ты, — «к нам»! Ещё и смеётся, дура. Ну ничего, ничего. Спокойнее.

— Так, всё, прекратили разговоры, — хлопнул в ладоши Матвей Максимович. — Давайте-ка на разогрев сделаем пару кружочков. И-и, начали!

«Бег, — подумал Гоша. — Ну конечно».

В голове созрел коварный план. Ежу понятно, что бегают жирдяйка не очень. А вот Гоша — бегают весьма прилично, даже после бабушкиных котлет.

— Пока, Полина, — зло помахал он толстухке, срываясь с места. — Пиши письма!

В ушах засвистело, сердце мерно колотилось, разгоняя по жилам адреналин. Он обойдёт дурёху, легко и красиво. Выведет на чистую воду, показав всем, чего она стоит на самом деле. А не стоит она — ничего. И пусть отправляется в стойло!

— Ты куда собрался? — весело спросила быстро догнавшая Полина. — Думал убежать? Не получится.

Ах, ты! Заскрежетав зубами, Гоша прибавил ходу. Быстрее, ещё быстрее. Но проклятая хохотушка не отставала, легко выдерживая темп! Бросив взгляд на её ноги, Гоша понял, что просчитался. Ножищи — тренированные, под кожей бугрятся упругие мячики мышц. Да и не такой уж жирдяйкой была новенькая, скорее крепкой и коренастой. Нет, так нельзя. Он не позволит!

— Ладно, скучно с тобой, — усмехнулась новенькая. — Увидимся на следующем круге. Пока, писатель!

Легко оторвавшись, Полина устремилась вперёд. Поняв, что её не догнать, Гоша сбавил темп и принялся лихорадочно думать.

Что делать? Сдаваться? Три ха-ха, ещё скажите — извиняться. Он ни в чём не виноват, это всё она. Намеренно спровоцировала, чтобы втереть в заведомо проигрышную гонку. Как же он сразу не понял, что с ним игрались, как кошка с неразумным мышонком? Вон она, мчит, как лань, заходя на второй круг. И если обгонит снова, то такого унижения он не переживёт. Да и ребята не простят, обрекая его на полную насмешек жизнь. Само собой, об этом быстро узнают во дворе и тогда — пиши пропало. Похоже, мерзкая гадина всё просчитала.

Гоша яростно засопел. Нет, он так просто не сдастся. Думай, думай! Голова — твоё самое страшное и единственное оружие. Чего хочет Полина? Ясно чего: унижить и растоптать соперника, заняв его место. А как не дать ей этого сделать? Красиво, похоже, уже никак. Но

если нельзя красиво, значит, можно и некрасиво. Даже если очень — некрасиво! Игра идёт по-крупному, ставки высоки. Теперь либо она, либо Гоша. И третьего, как говорится, не дано!

В голове заработал мощный компьютер. Треснутое отражение расправляло крылья, подминая, уничтожая хозяина. Что он имеет? Стадион, открытый всем ветрам. Тренер отошёл, говорит по телефону. Отлично, но остаются ещё ребята, коим лучше ничего не видеть. Для Гошиного авторитета — лучше. А это — самое главное.

Стадион просматривается насквозь, редкие сооружения — не в счёт. Думай, думай!

Ещё замедлившись, он пропустил ребят вперёд, картинно морщась и потирая ногу. Полина уже на подходе. Где она только так бегать научилась? Поди, ещё и разряд имеет, о чём, конечно, скромно умолчала. Что Матвей Максимович? Отвернулся, зажал ладонью ухо, прикрываясь от гудящего ветра. На трибунах чисто, прямо по курсу — футбольные ворота. Теперь, как говорили римляне: «Со щитом, или на щите»!

Дождавшись, когда соперница приблизится, Гоша громко охнул и завалился на гадкую девчонку, сильно, всем весом, толкнув её прямо на штангу ворот. Качнувшись, Полина попыталась увернуться, но не смогла и впечаталась всем телом в железку.

Раздался вскрик. Нелепо взмахнув руками, гадина волчком полетела на землю. Вместе с ней упал и Гоша. Упал, перекатился, и тут же вскочил, всем своим видом изображая озабоченность.

— Полина, ты в порядке? — заковылял, захромал он к девчонке. Он был доволен собой. В-первых, такой актёрской игре могли позавидовать в театре. А во-вторых, и это главное — расчёт сработал. Нянча ушибленную руку, тварь валялась на резиновом покрытии дорожки, плача от боли.

— Ты... зачем? — вскинулась она. — Зачем меня толкнул?

— Я не хотел, — с деланной растерянностью залепетал мальчик. — Нога подвернулась, судорога. Прости, пожалуйста, давай я тебе помогу.

— Не надо мне помогать, — сердито отдернула руку Полина и неуклюже поднялась, придерживаясь за ворота.

— Сдурел? — подбежал, толкнул Гошу один из мальчишек. — Я всё видел!

— Чё ты лезешь? — страшно ощерился Гоша. Так, что мальчишка отшатнулся. — То, что я упал — это всем плевать? А если солнышко Полиночка ножкой стукнулась — так это, конечно, трагедия.

В душе бушевала ярость. Так значит, да? Пусть он упал специально, пусть! Но почему никто не пожалел его, Гошу? Похоже, всё зашло слишком далеко, и здесь уже делать нечего. Пока он, как дурачок, отъедался у бабушки, хитрая змея пролезла на кружок и увела у него друзей.

Он забыл, что сам всё затеял. Забыл, что пару часов назад про стадион даже не вспоминал. Он вообще о многом забыл, выстраивая в голове нужную, оправдывающую гадкий поступок картину. И все попытки старого Гоши напомнить, как было на самом деле, ещё больше разжигали злость и напор Отражения.

— Что случилось? — подбежал встревоженный Матвей Максимович.

— Он меня толкнул! — противно взвизгнула девчонка, ткнув жирным, как сарделька, пальцем. — Сам начал, и сам толкнул.

— Неправда! — закричало, заливаясь крокодиловыми слезами Отражение. — Я бежал, потянул ногу. Упал, Полину нечаянно зацепил. Я помочь хотел, а она раскричалась, будто я специально!

— Врёшь ты, — сказали из толпы — Решил её обставить и не вышло. Сам виноват, нечего на других кидаться.

— Матвей Максимович, я не знаю, почему на меня все ополчились, — размазывая по щекам слёзы, посмотрел на тренера Гоша. — Я очевидно подвергаюсь травле. Позвоните, пожалуйста, отцу, пусть он меня заберёт.

Смерив Гошу брезгливым взглядом, Матвей Максимович медленно кивнул.

— Расходимся, дети. Полина — загляни к медсестре. Гоша — со мной.

— Можешь объяснить, зачем ты это сделал? — спросил тренер, ведя его к выходу.

— Я ничего не делал, — сердито фыркнул Гоша, уже почти убедивший себя, что произошедшее было несчастным случаем. — Она сама всё устроила.

— Ну да, ну да, — нехорошо усмехнулся Матвей Максимович. — И соревнование устроила, и продула в нём, и упала — тоже. Мне-то, пожалуйста, не заливай.

— Я не понимаю, о чём вы... — начал было Гоша, но тут тренер завёл его в закуток и остановился, пристально глядя в глаза.

— А тут нечего понимать. Ты поступил неспортивно, подло и не по-мужски. Трусливо и коварно ударил девочке в спину. Я тебя не узнаю!

— А мне всё равно, — с ехидной улыбочкой возразило Отражение. — Вы ничего не докажете, ясно? А эта корова на всю жизнь запомнит, что серьёзным людям дорогу переходить не надо.

— Каким это «серьёзным людям»? — брови Матвея Максимовича поползли вверх. — Тем, что врут по телевизору, воруют и слабых обижают? А может, ты откровенных бандитов имел в виду? Хорошенькие у тебя авторитеты, ничего не скажешь. Где ты этого мусора нахватался?

Спорить было бесполезно. Старый Гоша признавал правоту тренера и даже пытался извиниться, но окрепшее Отражение без труда взяло вверх. Какое этот дурак имеет право читать ему лекции? Кто он такой, чего добился? Катает по стадиону мячик, вытирая сопли придурковатым детишкам. А туда же — «врут по телевизору, деньги воруют». Да тебе до них как до Луны, осёл недоделанный. А может?..

У него перехватило дыхание. Ну конечно, как же он не догадался? Не просто так тренер защищает Полиночку! Там, поди, влиятельные родители, перед которыми он выслуживается. А что, верный способ сделать карьеру. Это у Гоши отец военный да мама врач, а за Полину, видать, есть кому заступиться. Вот Матвей Максимович и лепит из него виноватого. Имея при этом наглость читать мораль!

— Сейчас же отпустите, или я закричу, что вы ко мне пристаёте, — с перекошенным от ненависти лицом выдохнуло Отражение. — Я не позволю, ясно? Отведите меня к отцу, и нянчитесь со своей Полиночкой дальше. Я в гробу видал ваш стадион и ваш спорт!

Отшатнувшись, тренер ошарашенно замолчал. От взгляда Максима Матвеевича старый Гоша умер бы от стыда. Но Отражению было всё равно.

— Что случилось? — встревоженно спросил идущий по парковке папа. — Всё в порядке?

— Да как вам сказать... — протянул тренер. — Изменился ваш сын и боюсь, не в лучшую сторону.

— Папочка, он врёт! — взвизгнуло Отражение. — Они сговорились и покрывают эту дуру. Я ничего не делал и не хотел!

— Ну-ка, помолчи. — Папа глянул так, что Отражение прикусило язык. — Матвей Максимович, давайте отойдём. А ты подожди у машины.

Переговорив с тренером, папа вернулся чернее тучи. Не сказав ни слова, открыл дверь с таким видом, будто собирался уехать один. Притихшее Отражение юркнуло на заднее сиденье и быстро пристегнулось.

Тихо заурчал двигатель, из вентиляции забил тёплый, пахнувший новой машиной воздух. Весело забормотало радио, но папа тут же убавил громкость на «ноль».

— Объяснишь, что произошло?

— А разве Матвей Максимович тебе не сказал?

— Я задал вопрос, — в голосе папы прорезались стальные нотки. Отражению снова стало не по себе.

— Да что тут объяснять? — залебезил мальчик. — Я решил пробежаться с ребятами, а Полина привязалась и стала хвастаться. Потом обошла меня на круг, а я так бежал, что ногу свело. Я упал, её задел, а она...

— Хватит! — резко оборвал папа. — Как не стыдно? Все видели и знают, что ты её толкнул! Прямоёхонько на штангу.

— Неправда! — заблажило Отражение. — Они врут! Не могли они ничего видеть!

Гоша исчез, уступив место не-Гоше — жестокому и коварному двойнику. Прикусив язык, тот сообразил, что проболтался. Как глупо!

— Папочка, ты неправильно понял...

— Я всё понял правильно, — мрачно перебил папа. — И Матвей Максимович, и ребята. Не знаю, что тебе сделала Полина, но спровоцировал её именно ты. И толкнул намеренно, когда увидел, что она тебя обошла. Будто не знаешь, что победа не главное. А теперь ещё и врешь, да так, что я диву даюсь. Ты меня за идиота держишь?

— А я вообще не знаю, за кого тебя держать, — выпалило Отражение. — То ты в штабе, то с вертолётá сигаешь. Тоже нас с мамой за идиотов держишь?

— Да как ты... — повернувшись, папа разгневанно глянул на Гошу. — Что себе позволяешь, сопляк?

— А то! — от осознания собственной крутости бешено колотилось сердце. — Чего ты проповеди читаешь? «Победа не главное» и прочие банальности. Ты и твои дружки с автоматами — для вас победа тоже не главное? Пусть враг победит, зато мы чистенькие останемся?

— Это совершенно разные вещи, — неестественно спокойным голосом ответил папа. И что-то в этом спокойствии было такое, что Отражение поняло — шутки кончились и пора сбавить обороты.

— Мы были на учениях в двух сотнях километров, — продолжил, подумав, отец. — Начальство погнало из кабинетов, чтобы жирком не зарастали. Нас подняли по тревоге и перебросили к Телепино. Нагнали народу, техники, а зачем — никто не объяснил. Вот и всё.

— Ай, да какая разница, — махнув рукой, не-Гоша отвернулся к окну. — Я всё равно ничего в этом не понимаю. И вообще, ваша армия — совершенно дурацкое занятие. Жизнью рискуете за нищенскую зарплату. И плевать, если убьют, с этим пусть жёны разгребаются.

Машина вильнула.

— Жестокий ты стал, Георгий, — медленно произнёс папа. — Жестокий и холодный, будто подменили. Бьёшь продуманно и расчётливо, в кровь, и самых близких. Матвей Максимович сказал, что тебя не узнаёт. Вот и я тоже. Совсем.

Жестокий... жестокий... стал... или был? Или всё-таки стал?

Что с ним происходит? Почему его не узнают? Почему, чёрт возьми, он сам себя не узнаёт? Сейчас это было невероятно важно. Настолько, чтобы вдуматься и сфокусироваться.

Воздух озарился и загудел. Недовольно тренькнув, Отражение покрылось сеточкой трещин. Из-за ровного ледяного налёта проглянул настоящий, отчаянно борющийся за себя, Юльку и Хнупа, Гоша.

«Тага, Тайга, я Рубин. Ответьте, Тайга. Ответьте».

— Не знаю, что с ним творится, — сказал папа, раздражённо бросая на тумбочку ключи. — Как с ума сошёл, ей-богу.

— Да сами вы... — буркнул Гоша и, не дожидаясь ответа, прошмыгнул в комнату.

В голове царил полный раздрой. Зеркало змеилось трещинами, отчаянно пытаюсь срastись обратно.

«Тага, Тайга, я Рубин...».

Помучившись с подготовительными упражнениями, он отшвырнул учебник. Мозг отказывался повиноваться, сосредоточиться не получалось. Да что же с ним делается, люди добрые?

Приоткрыв дверь, он прислушался. Папа ушёл, мама готовила обед. Выйдя в салон, Гоша включил телевизор. Может, хоть так получится забыться?

Мультитки, спорт, новости. Тошнит уже от всего. Так, а это что? «Голливуд нашей молодости»? Ну-ка, посмотрим.

По тёмному экрану побежали вертикальные красные полосы. Послышалась мерная, словно чья-то тяжёлая поступь, музыка.

— Марио Кассар, — прогундосил телевизор. — Фильм Пола Верховена...

Что-то знакомое.

— Арнольд Шварценеггер в фильме «Вспомнить всё», — подсказал гнусавый переводчик.

Ну конечно, папа обещал этот фильм показать, когда Гоша будет постарше. Там главный герой узнает, что он — на самом деле кто-то другой. И всё, что про себя знал — лишь фальшивка, искусственно созданная память.

Может быть, Гоша тоже — не он, а Отражение? А кто тогда он? И как его найти?

В темени заныло от острой боли. Помотав головой, Гоша выключил телевизор. Натянув кроссовки, неслышно вышел в подъезд. Надо прогуляться, подышать воздухом. Привести себя в порядок, а то и с ума недолго сойти.

Зайдя в лифт, он отвернулся от зеркала. Ну его, треснутое, к лешему.

На улице вечерело, небо затянули облачка. Поёжившись от зябкого ветерка, Гоша поднял с земли палочку и побрёл куда глаза глядят, а если точнее — к стоящей в соседнем дворе одинокой, утопающей в давно не стриженных кустах скамейке. Идеальному для уединения месту.

Дойдя и усевшись, Гоша принялся ковырять палочкой землю, рисуя причудливые фигуры. Точь-в-точь как Юлька во время «военного совета» в той, прошлой жизни. Он не обратил внимания на тихо подъехавшую машину. Он вообще ничего не замечал.

— Можно, я присяду? — тихо, почти беззвучно спросила подошедшая тётя. — Ты же Гоша, да?

— Ну да, — настороженно ответил он обернувшись. — А вы кто?

— Ты не беспокойся, — быстро, почти испуганно сказала тётя. — Меня Светлана Андреевна зовут. Я — Юлина мама.

Сердце ушло в пятки, в лицо бросилась кровь, как будто Гоша был в чём-то виноват.

— Виноват, — уверил настоящий Гоша. — Юлька пропала из-за тебя.

— Ничего подобного, — вмешалось Отражение. — При чём тут ты? Можно подумать, её заставляли прыгать за этим Хнупом.

...И Гоша смалодушничал. Страшно признаваться себе в случившемся. Страшно и больно. Взбодрившееся Отражение тут же вползло в сознание, гася огонёк совести подобно тому, как разлившееся болото тушит разожжённый на берегу костерок. В душе поднялась злая, холодная уверенность. Юлька и Хнуп побледнели и растворились, словно в тумане.

— Да, я Гоша, — смерив женщину взглядом, с вызовом ответил он. — Садитесь, если хотите. Скамеечка не моя, общая она.

За развязным тоном пряталась неуверенность. Несмотря на силу, Отражение не смогло потушить костерок, и сейчас он тлел под стылой ряской, словно небольшой торфяной пожар.

— Спасибо, — кивнула Светлана Андреевна, осторожно присев.

— Так что вы хотели? — елеинно-развязным тоном спросило Отражение.

— Мне бы про Юленьку узнать. Хоть что-нибудь, — с затаённой болью произнесла женщина. Гоша понял, что она вот-вот заплачет. Но Отражение упорно сопротивлялось чужой беде, не желая соперживать и сострадать.

— Боюсь, не смогу вам помочь, — отчётливо, с расстановкой произнёс не-Гоша. — Увы, я сам почти ничего не помню.

В душе он упивался своим хладнокровием и вот этими безупречно выстроенными, красивыми фразочками. Так её, так. Ишь, пришла права качать. Не на того напала!

— Гошенька, миленький, — всплеснула руками Юлина мама. — Я знаю, как тебе тяжело. Но умоляю, пожалуйста. Попытайся вспомнить.

Шум винтов, тугой, бьющий в лицо ветер. Густые ароматы цветущих трав. За оцеплением — напряжённо глядящий Валерий Кузьмич. И хватающаяся за сердце бабушка. Шершавый автоматный ремень. Папино плечо, облачённое в новенький камуфляж. Марио Кассар. «Вспомнить всё». «Тайга, Тайга, я Рубин. Ответьте, Тайга...».

Костёр полыхал, испаря зловонную лужу. Гошу скрутило, сердце заколотилось. Но Отражение не желало сдаваться. Оно сражалось за своё существование.

— Что вам от меня надо? — зашипел, вскочил на ноги не-Гоша. Так, что несчастная Светлана Андреевна испуганно привстала. — Я ничего не знаю и не помню! У меня травма, мои родители вам запретили со мной разговаривать. А вы всё равно пришли. Зачем вы меня мучите? Зачем?! Я не виноват в том, что она пропала. Не виноват. Не виноват! Не виноват!!

Полный тёмной, первобытной ярости, он верещал и топал ногами. Кому и что он пытался доказать? Юлиной маме? Или себе?

— Я поняла, поняла, успокойся, — лепетала Светлана Андреевна, испуганно оглядываясь. — Я не хотела. Просто надеялась... думала... Можно попросить о последнем одолжении?

Изумлённо замолкшее Отражение кивнуло. Не-Гоша оказался не готов к такому, он был уверен, что наглая тётка испуганно ретируется.

— Я сейчас, — вскочив, Светлана Андреевна подбежала к припаркованной рядышком машине, помогая кому-то выбраться. Отражение прищурилось и... обмерло. Под руку с мамой к скамейке медленно шла Юля!

— Вот так, доченька, садись, — суетилась вокруг девочки мама.

Глядя перед собой, Юлька безучастно присела на скамейку. Маленькая и хрупкая, в чистой косыночке и новых очках.

— Ничего не помнит, ни на что не реагирует, — тихо плача, поделилась Светлана Андреевна.
— Я думала, может, тебя вспомнит. Юленька, помнишь Гошу?

Юля молчала.

— Чего она хочет? — надрывалось испуганное Отражение. — Как и зачем здесь оказалась? Дай мне прогнать её, и всё закончится. Девчонка уйдёт, и боль исчезнет. Никогда не будет больно, слышишь? Никогда! Разве не здорово?

— Не здорово, — сопротивлялся настоящий Гоша. — Совсем! Я виноват перед ней, её надо спасти.

— Не спасёшь, — захохотало, заухало Отражение. — Никого не спасёшь, только сам сгинешь. Ты бессилён, понял? Как ты собрался ей помочь? Ты понятия не имеешь, что с ней сделали на «Тёмной звезде»!

— Нашли её рядом с домом, на качелях, — горьким, отстранённым голосом рассказывала Юлина мама. — Никто ничего не видел — поздно было. И болезнь с тех пор прогрессирует. Я вот, знаешь, иногда думаю — может, и хорошо, что так? Будет легче...

— Что «легче»? — мысленно взвился старый Гоша. — Что будет легче?

— Как — что? Умирать, естественно, — довольно ослабилось Отражение. — Между прочим, из-за тебя. Это ведь ты всех подставил и в ловушку заманил. Скажешь — нет? Я, если хочешь знать, тоже правде в глаза смотрю и нисколько не отворачиваюсь. И говорю тебе как на духу: если не дашь мне волю, то всю жизнь проживёшь с этим грузом. А сможешь ли? Сомневаюсь. У тебя уже ножки подгибаются, а что будет через пару лет? Ты пойми, я как врач. Моё дело — диагноз поставить и лечение назначить. А если нельзя вылечить, то надо хотя бы обезболить. Ты согласен?

Обезболить... А Юльку тоже, получается, обезболили?

— Ну так что, по рукам? — уточнило Отражение. — Или будешь сопротивляться?

— Отстань, — взвился Гоша. — Себя лечи, гадина!

Снова звон, снова град осколков. Но проклятое зеркало выстояло!

— Смотри, — ухмыльнулось Отражение. — Вспомнишь ещё, на коленях приползёшь. Я — твой единственный союзник, запомни. А других у тебя не будет после того, что ты натворил.

— Прекрати... уйди!

— Как пожелаешь. Но анестезию, уж прости, заберу с собой!

Сердце резануло болью. Схватившись за голову, Гоша замычал и отвернулся, не в силах смотреть Светлане Андреевне в глаза. И Юльке, пусть даже та его не замечала. Но всё равно — замечала. В этом он почему-то был уверен.

— Что с тобой, Гоша? — перепугалась Светлана Андреевна.

— Уходите, — простонал он. — Пожалуйста... я не могу...

— А может, всё же обезболить? — услужливо прошептало Отражение. И не дожидаясь ответа, пустило по жилам успокаивающий яд.

— Уходите. Оставьте меня! — злобно рявкнул вернувшийся на мгновение не-Гоша. — И не возвращайтесь, слышите?

— Хорошо, — печально кивнула Светлана Андреевна. — Пойдём, Юленька.

Молча встав, она подвела дочку к машине и усадила на заднее сиденье. Пристегнув покорную, словно тряпичную куклу, девочку ремнём, Светлана Андреевна захлопнула дверь и повернулась.

— Прости нас, Гоша, — она попыталась улыбнуться, но потёкшая от слёз тушь выдавала её с головой. — Прости, что побеспокоили. Больше ты нас не увидишь. Обещаю.

Заурчав, машина скрылась за поворотом. Рванувшись, было, вслед, Гоша медленно опустился на скамейку. Чем он, правда, поможет? Да ничем. Право Отражение: невозможно тащить такой груз. Всю жизнь, между прочим, тащить! А если Юлька умрёт? Тогда уж лучше болото, чем вечные муки на костре больной совести!

— Не занято?

Не дожидаясь ответа, на скамейку, кряхтя, опустился Ефим Тимофеевич. Оглядев Гошу, он вынул из кармана белоснежный платок и молча протянул его мальчику.

— Зачем это? — буркнул Гоша.

— Нос у тебя распух, аллергия, наверное, — невозмутимо соврал Ефим Тимофеевич. — И глаза что-то красные.

— Ничего подобного, — проворчал Гоша, но платок взял. Отражение выжидаяще молчало.

— Я тут случайно подслушал ваш разговор, — глядя в сторону, протянул Ефим Тимофеевич.

— И что? — в ожидании упрёка внутри снова зашевелилось ослабевшее Отражение.

— Да собственно, ничего, — пожал плечами старичок. — Я мало что услышал и ещё меньше понял. Надеюсь, тебя никто не обидел? Хочешь, провожу домой?

— Не хочу, — покачал головой Гоша. — Надоели. Все.

— Понимаю, — покивал Ефим Тимофеевич. — Знакомо. Только если весь мир надоел, проблему надо искать в себе.

— Нет у меня проблем, — вяло огрызнулось Отражение. — И хватит об этом!

— Нет, так нет, — покивал Ефим Тимофеевич. — Тебе виднее.

В его облике было что-то убаюкивающе-мягкое. Настолько, что даже Отражению не хотелось спорить.

Они помолчали.

— А скажи, — начал вдруг Ефим Тимофеевич, — ты веришь, что у человека есть душа?

— Глупости, — фыркнул Гоша. — Вы ещё про бога спросите!

— Ну, про то никто не знает, это вопрос веры, — лукаво улыбнулся Ефим Тимофеевич. — А вот душа, мне кажется, есть. Иначе что же у тебя болит?

— Кто вам сказал?

— Никто, просто чувствую. — Ефим Тимофеевич пристально посмотрел на мальчика. — Потому что тоже душа имеется. С тобой давно что-то происходит, а сейчас тебе плохо. Очень.

— Ефим Тимофеевич... — запротестовало Отражение, но старик мягко и властно прервал его жестом.

— Подожди, я недоговорил. Я ведь любопытный, всех тут изучил. И тебя, уж прости. Про твоё воображение во дворе легенды ходят. И про то, что космосом бредишь, и что все хорошие книги перечитал. И вдруг ты телескоп продаёшь. Твой любимый, в который всю Луну изучил! Так как же такое может быть?

— Да кому нужен этот космос? — взвилось Отражение. — Звёзды эти — зачем? Далеко, не нужно. Холодные и пустые.

— Звёзды не холодные, — непривычно строго возразил старичок. — Они такие, какими их видят. Если внутри холодно, то и мир неприятен и пуст. А если душа светится, то вокруг полно тайн и чудес. И звёзды не просто так сияют. Понимаешь?

— Да не надо мне души, — со слезами воскликнул Гоша. — Больно это и плохо. Как аппендицит: лучше отрезать. Пока не умер от воспаления.

— Без души нельзя, — спокойно возразил Ефим Тимофеевич. — Даже если больно. Жизнь без души — не смерть даже, а хуже. Живёт такой человек, всё у него вроде хорошо. Только вот нет в нём света, и мечты нет. А есть — алчность и зависть. И злоба, что чего-то недополучил. Будто мир для того и создан, чтобы ему служить. А в том, что своего достичь не может — это, конечно, не он виноват. Это другие под ногами путаются. Надоели, понимаешь, ужасно. Только вот те, кто путается, так же рассуждают. И всё обычно кончается печально.

Гоша вспомнил недочитанную книжку. Чем он, правда, интересовался последнее время кроме уроков и телевизора?

— Я, знаешь, сколько таких встречал? — продолжал тем временем старичок. — И жестокости навиделся в этом мире, уж поверь. Но в людях не разочаровался. Нельзя разочаровываться, неправильно это. Иначе недолго при жизни умереть. А жить — нужно, только для души, понимаешь? Чтобы пела, радовалась. И болела тоже, без этого никуда. Я вот и космосом, и ботаникой увлекался. Биологом всю жизнь проработал, когда на пенсию вышел — загорелся, видишь ли, бобрами. И никогда ни о чём не жалел.

При упоминании бобров мальчик дёрнулся от воспоминаний. Отражение молчало. Гоше показалось, что от присутствия Ефима Тимофеевича оно тает, будто мартовский снег на солнце.

— А я тоже, получается, умер? — еле слышно спросил он.

— Ни в коем случае, — покачал головой старик. — Ты добрый и смелый. Просто устал, будто груз тащишь. Что-то тебя гложет.

— Вы правы, — грустно кивнул Гоша. Из глаз ручьём лились тёплые слёзы. Вымывающие из души последние осколки злобного, невесть как туда попавшего зеркала.

— Просто жизнь надо любить, понимаешь? — ласково потрепал по плечу старичок. — И себя, обязательно. Тепла в этом мире мало, а ты, Гоша, тёплый и светлый. И хоть и притворяешься, что та девочка тебе никто, но тебе ужасно больно за неё. И за себя — тоже больно. Почему — не знаю, не моё это дело. Но боли этой — её бояться не надо. Не болит только у покойников. И неважно, живых или мёртвых.

— Спасибо, Ефим Тимофеевич, — прошептал, утирая рукавом слёзы, Гоша. — Спасибо огромное. Вы извините, я пойду. Поздно уже, мама с папой, наверное, беспокоятся.

Дорогу домой он запомнил плохо. В голове шумело, попеременно бросало то в жар, то в холод. Кое-как поужинав, Гоша вышел освежиться на балкон.

«Тайга, Тайга, я Рубин...».

Телескоп стоял на месте. Ласково погладив металлический бок, Гоша невидяще уставился вдаль. Как он мог забыть про звёзды? Про любимые книжки, про Юльку? И где теперь искать её в огромном городе?

«„Вспомнить всё“... в фильме „Вспомнить всё“...».

Он ведь тоже забыл. Что-то очень важное. Но что?

«Кто тебе, сопляку, дал такое право?..».

«Авторизация: „Даркстар-6-3“».

Виски стиснуло болью, жар усилился. Неправда, всё неправда. Ничего не было, потому что это невозможно!

Но Отражение исчезло, и Гоша твёрдо знал, что — было. Ещё как было! Только кто-то постарался предать всё забвению. Навсегда утопив Гошу в топкой грязи безразличия.

«Мы вверяем себя в твои руки...».

Шатаясь и придерживаясь за стенку, он прошёл в свою комнату, не реагируя на вопросы встревоженных родителей. Взяв в руки первую попавшуюся книжку, упал на кровать, пытаясь отвлечься чтением.

«Мы вверяем себя в твои руки... Мы вверяем... Вверяем...».

«Кто тебе, сопляку, дал такое право?..».

«Авторизация: „Даркстар-6-3“».

«Тепла в этом мире мало... в этом мире... в этом...».

Мысли путались, буквы не складывались в слова. *Крух... р'рих...* Отражению не нравилось. А что, если...

Не замечая застывших на пороге родителей, он отчаянно вчитался в текст. Страница засветилась, строчки вспорхнули в воздух, накладываясь друг на друга причудливой вязью.

Шум винтов, рёв барражирующих в небе истребителей. Разбегающиеся по полю автоматчики, врубающиеся, раздвигающие в стороны толпу. Напряжённо смотрящий из-за оцепления Валерий Кузьмич.

Увешанный антеннами, маскировочного цвета «пазик» с приоткрытой дверью. Внутри — прильнувший к наушникам радист. И что-то напряжённо говорящий ему папа.

— Тайга, Тайга, я Рубин, — монотонно повторяет радист. — Ответьте, Тайга, ответьте.

Увидев Гошу, он захлопывает дверь. Папа — уже рядом, выскочил из «пазика» и что-то говорит сыну.

«Ответьте, Тайга. Ответьте». А через деревню, поднимая тучи пыли, мчатся армейские «камазы» и «уралы» с крытыми бортами.

Мир почернел и сузился до размеров точки. В окне вспыхнули три огня, слившихся в лицо дяди Олега. Скорчив злобную гримасу, он попытался что-то сказать, но тут же исчез. На его месте проступил озабоченный Ефим Тимофеевич. Показавшийся отчего-то таким тёплым и родным.

Облегчённо всхлипнув, Гоша провалился в чёрное забытё. Страшно не было, наоборот. Он твёрдо знал, что только в этой подступающей бездне сможет найти Юльку и Хнупа.

Глава 7 — Мальчик и Город

Гоша летел невесть куда по тёмному узкому тоннелю. Сердце забилося, к горлу подступило. Казалось, что проваливаешься в отвесный колодец, едва не обдирая бока о шершавые стенки. Он попытался закричать, но тут же оборвал себя. Страшно? Терпи, Юльке страшнее. И Хнупу — тоже! Если там, впереди, и вправду есть возможность помочь друзьям — он ей воспользуется. Чего бы это ни стоило!

Спуск оборвался, в глаза ударило ярко-оранжевым. Зажмурившись и сгруппировавшись, Гоша приготовился к падению, но внезапно понял, что стоит на земле. Это было настолько неожиданно, что мальчик инстинктивно присел.

Запрокинув голову, он поискал глазами туннель, но ничего не обнаружил. Вверху разливалось багровое, перечёркнутое тёмными облаками небо. Сквозь пыльное марево проглядывало тусклое светило. Присмотревшись, Гоша заметил летящие ровным строем точки, похожие на ворон.

Порыв ветра швырнул в лицо горсть остренького песка. Закашлявшись и отплёвываясь, Гоша отступил на несколько шагов и уткнулся спиной в твёрдое и шершавое. Быстро обернувшись, он обомлел. Над головой нависал настоящий небоскрёб, высотой этажей в тридцать, не меньше. Огромное строение было нежилым — стены обшарпаны, расположенные вразнобой окна выбиты. Внутри — ни огонька. И вообще ничего.

Откуда он здесь взялся? Кто его построил? Ища вход, Гоша обошёл небоскрёб по периметру, но тут поджидала очередная странность. Входа не было! За каждым углом тянулась всё та же серая стена. До окон первого этажа не достать — слишком высоко, на уровне третьего этажа обычных домов. И это, пожалуй, странность номер два. Влетают в них жильцы, что ли?

Небоскрёб был не один, был — одним из многих, расположенных аккуратным кварталом. Осторожно разведав окрестности, Гоша убедился, что другие здания так же заброшены — выбитые окна и ни души. Хорошо это или плохо, пока неясно. Но помочь Юльке с Хнупом, шарясь по заброшенному жилфонду, не получится.

Всё в окружающем пейзаже было неправильным. Бог с ними, с домами и расположенными не пойми как, разнокалиберными окнами. Но где, скажите на милость, дороги, школы, магазины и прочая городская инфраструктура? Занесло песком? Возможно, но не всё же! Главное, кто вообще так строит? Налепили однотипных башен, даже табличек не повесили. А может, и были они, да сдуло ветром и погребло в барханах? Правда, с такой «клонированной» архитектурой никакие таблички не помогут.

Гоша недоумевал. Что здесь стряслось? Ядерная война? Но дома целёхоньки, и нет ни воронок, ни кратеров. Может, население ушло, спасаясь от засухи? Но современная цивилизация — не майя и не ацтеки. Это те города бросали и в леса от недорода спасались. У нынешнего человечества возможности другие.

Ничего не придумав, он вскарабкался на подвернувшийся бархан и осмотрелся. Дома и кварталы, одинаковые словно две капли воды. Багровое небо, море песка. Ни людей, ни машин не видно. Да где же они? Как вообще здесь жили?

«Р-ро-м-м», — донёсся низкий, пробравший до костей рокот. От неожиданности Гоша дёрнулся. Что ещё за фокусы?

Внимание привлекли птицы. Немного разлетевшись, шеренга точек быстро собралась и рванулась к неведомой цели с удвоенной скоростью. Ей навстречу бесконечным пунктиром тянулась другая. словно на оживлённой воздушной трассе.

Птицы? Но те летают клиньями, а не дорожками, словно муравьи. Впрочем, гадать на кофейной гуще смысла нет. Нужно подняться повыше и осмотреться.

Легко сказать «подняться», когда в домах нет подъездной двери! Подивившись странному архитектурному решению, Гоша принялся методично обшаривать местность. Для начала стоит поискать обрушившиеся стены, типичные для заброшенных городов. Если действовать осторожно, то внутрь удастся пробраться по груде обломков.

Обрушившихся стен он не нашёл и вообще никакого мусора не обнаружил. Дома, как на грех, стояли целёхонькие, без трещин и прочих признаков разрушения. Казалось, небоскрёбы строили на века. И грозил им разве что скапливающийся повсюду песок.

В голове щёлкнуло. Песок! Нужно обойти квартал с подветренной стороны.

Гошины старания увенчались успехом. У одного из небоскрёбов намело высокий бархан, ведущий к небольшому окошку. Очередная загадка багрового мира. Почему, правда, дома не замело песком по крышу? Его же не убирают.

Решив не забивать голову, он вскарабкался по склону и осторожно заглянул внутрь. Помещение не отличалось от обычной московской квартиры, если не считать того факта, что стол стоял на потолке, а на стене, чуть ниже, угнездился перевёрнутый горизонтально шкаф. Напротив — покосившаяся приоткрытая дверь. Щуря глаза, Гоша осмотрел комнату ещё раз. На секунду показалось, что та подёрнулась и поменяла очертания, преобразившись в нечто многогранное и чужое. Дверь тоже расплылась в подобие шестиугольника. Гоша не успел удивиться: спустя мгновение комната вновь обрела первоначальный облик.

Спрыгнув с подоконника, Гоша отправился на разведку. Квартира (если, конечно, это квартира), имела весьма странную планировку. Сквозные проходы. Большие и малые, наклепленные друг за другом комнаты. Потолки разной высоты. А ещё здесь имелось целых три входных двери!

Решив не спешить, он тщательно обследовал каждую из них. Глазков не обнаружилось, цепочек, могучих сдержат напор затаившихся на площадке врагов, тоже. Что делать? Возвращаться? В пустыню?

Так ничего и не придумав, он решил рискнуть. Боязливо взявшись за ручку, Гоша осторожно выглянул наружу. На площадке не было ни души. Прикрыв, Гоша повторил эксперимент с оставшимися дверями. Стало ясно, что каждая ведёт на собственную лестничную клетку с причудливо изгибающимся, змеящимся между этажами проёмом. Кто так построил? И зачем?

Будь что будет. Выбрав дверь повнушительнее, Гоша смело шагнул за пределы квартиры. Наверх, ему нужно вверх. И кажется — это сюда.

В жизни он не видел такой сумасшедшей архитектуры. Если снаружи небоскрёб выглядел более-менее обычно, то внутри неведомые планировщики позабавились вовсю. Небоскрёб казался не построенным, а выращенным. Двери разбросаны по коридору как бог на душу положит. Одни выше, другие ниже, некоторые вообще в полу и на потолке. Такое чувство, что дом рисовал Сальвадор Дали, при этом, однако, аккуратно вплета в абстракцию правильные расчёты несущих конструкций. В противном случае небоскрёб давно сложился бы, словно картонный домик. Чего вовсе не наблюдалось.

Размышления прервал зияющий посреди лестницы провал, уходящий на несколько этажей вниз. Точнее, он зиял не в лестнице — последняя, элегантно изогнувшись, пробежала по боковой стене, возвращаясь на место сразу после. Что за ерунда? Гоша вспомнил, что уже видел несколько шахт, идущих, правда, с потолка. А теперь, получается, он поднялся выше.

Провал был нешироким, метра полтора, но перепрыгивать его не хотелось. Падать, если что, будет больно. И долго лететь.

«Хватит, — оборвал себя Гоша. — Трусить дома будешь!»

Мрачная решимость придала сил. Разбежавшись, он перескочил было на другую сторону, но тут левая нога предательски сорвалась. Замахав руками, Гоша едва успел восстановить равновесие. Перед глазами, казалось, промелькнула вся жизнь.

Слегка успокоившись, он присел, чтобы перевести дух, как вдруг узрел нечто поразительное. Провал исчез. Напрочь! Вместо него — «вернувшиеся» со стены на землю ступеньки. Что за чудеса?

Перед тем как продолжить путь, он опасливо постучал по лестнице ногой, проверяя на прочность. Ступенька была твёрдой и пропадать не собиралась. Гоша даже отбил о неё носок.

Шумно выдохнув, он продолжил подниматься. Лестничный марш выпрямился и задрался вверх, благо широкие ступеньки позволяли следовать причудливым изгибам без особого труда. Площадок и дверей стало меньше, при этом сами двери отчего-то укрупнились. Странно, что в высотном здании нет лифтов. Впрочем, несчастных пассажиров болтало бы во всех плоскостях.

Интересно, почему он не устал и не хочет пить? Может, это сон? Но тогда слишком реалистичный. И проснуться тоже отчего-то не получается.

За одной из дверей легонько громыкнуло. Застыв, Гоша наострил уши. Спустя мгновение шум повторился. Там кто-то есть? Или показалось?

Спокойно, спокойно. На цыпочках подкравшись к двери, Гоша прижался ухом к тёплой рассохшейся фанере. Тишина. Но ведь он точно что-то слышал! Интересно, заперто или нет? Похоже, что нет.

Медленно приоткрыв, он просунул нос внутрь. Аккуратно зайдя, двинулся через причудливую анфиладу комнат, как вдруг...

Всё произошло очень быстро. Из бокового проёма с воем набросилось нечто чёрное, толкая и обрушивая на запылённый пол.

Барахтаясь и отбиваясь, он отчаянно пытался рассмотреть врага. Полупрозрачная, призрачная тень. Но при этом немалых размеров и весьма сильная!

Яростно завывая, тень подгрела под себя перепуганного мальчика. Несмотря на призрачность, чёрные отростки были очень даже материальны. Больше всего создание напоминало исполинского жука или скорпиона. Впрочем, его форма постоянно менялась.

Гоша не сдавался, яростно борясь жизнью. Извернувшись, он тянул тень за одну из лап. Ощущение было таким, будто укусил шину грузовика. Призрачное насекомое даже не поморщилось.

Стреножив жертву, «жук» замер, мелко завибрировав. Из подобия головы высунулся длинный хоботок и потянулся к Гошиному лбу.

«Память, — сообразил мальчик, будто прочитав мысли чудовища. — Ему нужна моя память. Ну уж нет!»

Гоша взъярился. Он больше никому не позволит отнять у себя друзей. Тоже мне, тень отца Гамлета! И не такое, надо сказать, видали!

Ненавидяще уставившись на призрака, мальчик сконцентрировал всю свою волю.

— Не отдам, — яростно прохрипел он. — НЕ ОТДА-АМ!

Вспышка, будто под потолком взорвался мощный прожектор. Испуганно взвизгнув, тень отлетела, врезавшись в стену. Придерживаясь за дверной косяк, Гоша поднялся, продолжая бурлить врага суровым взглядом. Что, съел? Хочешь добавки?

Но тень не собиралась сражаться. Издав обиженный вопль, «жук» свернулся в колышущийся чёрный мяч и вылетел из расположенного в дальней стене окна.

Окно! И как раз на верхних этажах! Пригнувшись, Гоша подбежал к проёму и настороженно выглянул наружу, тут же забыв и про сражение, и про всё на свете. Открывшееся зрелище завораживало масштабом и сумрачной, холодной красотой. Открыв рот, Гоша смотрел на возносящуюся посреди небоскрёбов громадину исполинского, тёмного, как сама ночь, дворца.

Такого он не видел никогда, даже на изображениях чудес света. Больше всего дворец смахивал на крепость Саурана или иного злого властелина. Мощные стены с зубцами и контрфорсами, высокие, буравящие небо башни. Всё это венчал парящий над центральным шпилем огромный, тёмный кристалл.

До дворца было далеко, по прямой километров семьдесят. Это объясняло, почему Гоша не заметил его раньше. Сейчас, однако, ему было не до вычислений. Он вдруг понял, что летящие по небу «птицы» были вовсе не птицами. Были — тенями!

Сотни, тысячи теней ровными рядами слетались к Дворцу, исчезая внутри массивных, расположенных на приличной высоте ворот. Им навстречу тут же вылетали другие.

«Так же, как в небоскрёбах», — понял Гоша. Похоже, жильцы странных зданий и впрямь залетают сразу в окна!

Прибывающие тени несли в «лапах» небольшие, приятно светящиеся кубики. Покидающие же Дворец с усилием тащили тяжёлые каменные кубы. Каменоломня там у них, что ли? Но даже если так, что они приносят? Дары? Плату? Ритуальную жертву? И почему на удалении так хорошо видно? Похоже, в этом мире законы оптики не работают, и обычное волевое усилие помогает не хуже бинокля.

«Р-ро-м-м», — снова громыхнуло повсюду. Встрепенувшись, тени засуетились, отчаянно таща нелёгкую ношу. Внезапно одна, только что вылетевшая из Дворца, швырнула куб в пыль и, взвыв, кинулась прямо на хозяина. За ней, отбросив ненавистный груз, устремилась парочка других.

«Р-ро-м-м». Недовольно загудев, кристалл ударил тёмными, переливающимися огромной энергией молниями. Ревя и отчаянно кувыркаясь, тени рухнули вниз. Та, что была зачинщицей, издала полный страдания вопль и рванула в сторону заброшенных небоскрёбов. От удара молнии она истончилась и стала почти прозрачной, походя теперь на «жука». Проводив её взглядом, Гоша заметил, что не все небоскрёбы были покинуты. Часть смотрелась более презентабельно, и именно отсюда к Дворцу тянулась вереница покорных призрачных слуг.

«Р-ро-м-м», — в третий раз пророкотал кристалл, обращаясь к замершим, наблюдавшим за битвой подданным. Вздрогнув, те продолжили путь.

Заметно истаявшая, поддержавшая мятеж парочка уныло вернулась к брошенным кубам. Поколдовав над валявшимся грузом зачинщика, они разделили его пополам, добавив лишний вес к собственной ноше. Тяжело оторвавшись от земли, тени влились в вылетающий из Дворца бесконечный поток. Одна из них, словно не совладав с тяжёлым бременем, быстро отделилась от «стай» и приземлилась на крышу ближайшего небоскрёба.

Гоша всмотрелся повнимательней, картинка, дёрнувшись, приблизилась. Бережно опустив кубик, тень устало заколыхалась. Даже на таком расстоянии Гоша чувствовал боль и измученность призрачного существа. А ещё — безысходность. Тени ненавидели своё занятие. И кристалл, но тот был сильнее, вновь и вновь заставляя делать — что? Чем она занимается там, на крыше? И почему от этих манипуляций куб слегка замерцал и принялся потихоньку уменьшаться в размерах?

Чем-то тени напоминали Назгулов. Только те охотились за Кольцом Всевластия, а не таскали на горбах тяжёлые камни. Да и кристалл на Багровое око походил не сильно. Что же это за место? Какой сказочник скрестил постапокалипсис с плохим фэнтезийным романом? И самое главное, что в ней должен сделать...

— Го-о-ша, — тихим, полным страдания голосом произнёс из ниоткуда Хнуп. Вскочив как ужаленный, мальчик быстро обшарил глазами комнату. Никого.

— Хнуп, Хнупик! Где ты? — закричал он, но гоблин не ответил. Успокоившись, Гоша сообразил, что голос доносился издалека, со стороны Дворца. И хотя Хнуп почти шептал, он слышал каждое слово. Но как? Он что, телепат?

Рассуждать времени не было, да и не о чем рассуждать, когда друг в плену у Кристалла. Сорвавшись с места, Гоша кинулся к двери, но тут же замер, услышав ещё один, до боли знакомый голос.

— Гошка, — с отчаянием прошептала Юля. — Зачем... Зачем, Гошка?..

— Юля? Ты где? — он завертелся волчком, бешено озираясь. Юльки не было, как и Хнупа. Была — сломанная мебель и обшарпанные, желтоватые от нанесённого песка стены.

— Гошка... Зачем? Зачем?.. — с укором прошептала Юля. На глаза навернулись слёзы. Зачем, зачем... Дурак был, вот зачем. Всё, не время раскисать, Юльке слезами не поможешь. Пусть потом она заклеит предателем и бросит. Он поймёт, он заслужил. Но сейчас — выполнит долг. Не перед Полигоном или планетой, а перед попавшей в беду храброй и доброй девчонкой. А ещё перед несчастным ушастым Хнупом, в котором кто-то увидел коварного захватчика.

— Юлька, не молчи. Говори, Юлька!

Забыв обо всём, Гоша кинулся к выходу. Сначала он поможет Юльке, затем вернётся за гоблином, ведь вытащить его в разы тяжелее. И потом, у Хнупа есть *уцк* и загадочный *р'рих*, а у Юльки нет ничего кроме пожирающей мозг опухоли. Тут дорога каждая минута!

По совету папы он, как древние римляне, «поспешал медленно». Память о напавшей тени и загадочном провале была слишком свежа. Внимание горело, мозг работал на полную. Поворот, спуск, на развилке вправо. Шум за дверью или показалось? Ложная тревога, похоже, ветер. И всё равно, не рисковать и проскользнуть на цыпочках. Быстрее, быстрее! Не терять темп. Но и голову тоже — не терять!

Никого не встретив, он вылетел из окна и неуклюже съехал с бархана. Юлька, не молчи. Не разрывай последнюю, ведущую к тебе ниточку!

— Гошка... Зачем?..

Он виноват, Юлька, виноват ужасно. И отсюда тебя вытащит даже ценой...

Мысль пронзила подобно молнии. Гоша понял, что готов пожертвовать ради Юльки всем. Жизнь, здоровьем, свободой — всем! Не надо ему ни тайн, ни загадок. Не надо космических кораблей и блага человечества. Юлька — его человечество, и Хнуп, пусть и не человек. Между безжалостным Полигоном и гоблинами Гоша выбирает гоблинов. И будь прокляты те, кто предадут и обманывают детей!

На душе полегчало, словно собрался пазл. Спасителю планеты нетрудно подличать, на то и расчёт. Тем его и подкупили! А если убрать Старших и прочие треугольники, то всё ведь ясно. Пусть погибнет мир, но друга предавать нельзя. Нельзя — и точка! А коли предал — то смирись и постарайся исправить. Даже зная, что никто никогда не простит.

Юлькин шёпот слышался всё отчётливее. Покружив по городу, Гоша остановился возле небоскрёба. Кажется, здесь. Входа, само собой, нет. И окна, как на грех, даже выше обычного.

Время утекает. Что делать?

Обежав вокруг здания, он попытался допрыгнуть до окошка, но лишь оцарапал о стену коленки. В душе вскипело отчаяние и злость. Что же это такое? Что за дома дурацкие, куда ни войти без пожарной лестницы? Как туда попасть?!

Как?!

И вот это последнее «как» вдруг рванулось наружу волной энергии. Напружинившись, Гоша подпрыгнул и, взлетев на добрый десяток метров, уцепился за шероховатый подоконник.

Юлька, я иду!

Энергия схлынула, но дальше он справился сам. Подтянувшись и раскачавшись, Гоша, извиваясь червём, перевалился внутрь.

Потерпи, Юлька!

Немного отдышавшись, он рысью бросился к двери. Юлькин шёпот висел в затхлом пространстве безмолвной, раздирающей сердце мольбой. Время стремительно уходило.

Подъёмы, повороты. Черета дверей и дверок. Глазеть по сторонам некогда, тут бы в шахту не свалиться. Впрочем, это пустяки. Главное — найти Юльку!

Последний этаж, площадка. Зайти в дверь? Но Юлька не там, она выше. Придётся лезть на чердак, благо люк, то есть потолочная дверь, находится довольно низко.

Отплёвываясь и чихая, Гоша выполз на крышу. И — обомлел. Прямо перед ним, на обычных, земных, качелях сидела...

— Юлька! — радостно заорал он, выдираясь из узкого лаза на шероховатую запылённую кровлю.

Не помня себя от радости, он кинулся к девочке. Нашлась. Наконец — нашлась!

Подбежав, Гоша ухватился за тронутую ржавчиной штангу качелей. Не найдя опоры, рука провалилась в пустоту. Потеряв равновесие, Гоша клюнул носом и упал, больно стукнувшись о жёсткое, растрескавшееся покрытие. Недоумённо поднявшись, вернулся к безучастно сидящей на качелях Юле. Что за фокусы?

Гоша оглянулся. На огромной пустой крыше был тщательно воссоздан кусочек московского двора. И Юльку тоже нашли у дома. Это что, какая-то реконструкция?

Он попытался прикоснуться к Юле, но рука ничего не нащупала. Юлька была не настоящей. Была — голограммой. Как в фантастических фильмах.

Отчаяние захлестнуло Гошу. Что делать? Куда идти? Как...

За спиной послышался стук, будто с большой высоты сиганули каблуками на крышу. Не успев повернуться, Гоша получил мощный, опрокидывающий пинок. Пролетев сквозь голограмму, он больно шваркнулся коленками и локтями и перекатился, вскакивая в бойцовскую стойку. В душе кипела злость и обида. Нельзя так бить, нечестно и подло!

Не поверив глазам, он пару раз моргнул. Перед ним, оскалившись злобной ухмылкой, стояла Юлька. А возле неё Гоша увидел... себя!

Не в силах отвести взгляд от Юлькиной копии, он ошарашенно молчал. Откуда она здесь? Что за гаденькая улыбочка?

— Не узнал? — нарушил молчание двойник. — Неужто непохож?

Похож, ещё как! Но и... непохож. Перекошенное злобой лицо, тёмный костюм с галстуком. И бегущая поверх сеточка трещин, словно Гоша смотрелся в разбитое зеркало.

— Ты что, Отражение? — выдохнул мальчик.

— Оно самое, — с издёвкой поклонился не-Гоша. — Думал, разделался со мной? А я живее всех живых. Живее тебя!

— Как ты сюда пролез? — прошипела не-Юля. — Что здесь забыл?

— Не твоё дело, — огрызнулся Гоша, судорожно пытаюсь соображать. Вот так сюрприз. Всем сюрпризам — сюрприз! Но как двойник пролез в его мысли? И почему у Юльки тоже своё, облачённое в строгий брючный костюм Отражение? Выходит, и с ней проделали этот фокус? Но кто? Неужели...

Додумать он не успел. Сжав кулаки, отражения угрожающе приблизились. Не зная, что делать, Гоша попятился.

— Всё было хорошо, — злобно процедил не-Гоша. — Я почти справился, пока... Что ты в неё вцепился? Что в ней такого?

— А он влюбился, — мерзким голосом подсказала девчонка. — Он лысеньких любит. Кто ж перед такой устоит? — подмигнув, не-Юля с издёвкой тряхнула копной длинных волос.

— Не смей, — вскинулся Гоша. — Не смей так, слышишь?

— А что ты сделаешь? — хихикнула не-Юля. — Ударишь? Ну попробуй, вояка!

Разозлившись, Гоша сделал пару шагов. Он не собирался драться, он вообще никогда не бил девочек, но не-Гоша понял всё превратно. Подпрыгнув, двойник пружинисто ударил мальчика ногой в грудь, приземлившись на красивый шпагат.

Ощущение походило на удар кувалдой. Пролетев пару метров, Гоша волчком покатился по крыше, отчаянно гася руками мощную инерцию.

— Нравится? — ухмыльнулся не-Гоша, видя, как мальчик, пошатываясь, поднимается. — Прямо как в «Матрице». Помнишь, так же драться хотел?

Ещё хвастается. Агент Смит недоделанный!

— Что, больно? — усмехнулась не-Юля. — Так заслужил. Сидел бы дома, к школе готовился. Нет, потащился за этой плешивой.

Заревев от ненависти, Гоша вскочил. Что она себе позволяет? Кто вообще такая? Гнусная, невесть кем и зачем созданная копия. Он заставит её замолчать!

Краем глаза он заметил прыжок не-Гоши. Нет уж, не в этот раз. Новый всплеск энергии заставил время замедлиться. Чуть сместившись, Гоша увернулся от удара, шестым чувством уловив недоумение и досаду Отражения. Что, съел? А теперь настал черёд твоей подружки!

Не-Юля стояла спокойно, даже не пытаясь отступить. Подпустив разгневанного Гошу поближе, она вскинула руку и растопырила ладонь.

Телепино. Солнце. И всё — со стороны, глазами Юльки! Знакомство с Гошей, дядя Олег, бабушка. Симпатия, радость. И — ноющая, не отпускающая ни на минуту боль.

Сильный удар под дых вернул в реальность. Охнув, он кулём рухнул на крышу, беспомощно взирая на деловито потирающего костяшки двойника.

— Так-то лучше, — ухмыльнулся тот, опускаясь и сжимая Гошины виски. — Ты всё забудешь, понял? Всё!

В голове поплыло, чувства притупились, словно от наркоза. Этого нельзя допустить. Ни в коем случае!

Срывая ногти о бетон, Гоша судорожно наскрёб горсть песка и швырнул в потрескавшееся лицо Отражения. Закашлявшись, двойник ослабил хватку и отшатнулся. Ловко вывернувшись, Гоша вскочил, хватая случайно подвернувшуюся железку.

— Положи, — быстро сказал не-Гоша. Чего он так напрягся? И откуда на пустой крыше взялась увесистая арматура?

— Попробуй заberi. — Перехватив железку поудобнее, Гоша напружинился, широко расставив ноги. — В спину вы бить мастера. Посмотрим, чего стоите лицом к лицу.

Сплюнув, двойник ринулся в атаку. Ловко защищаясь, Гоша нанёс Отражению несколько ощутимых ударов. В пылу драки он допустил ошибку. Забыл о подкрадывающейся сзади не-Юле.

На виски легли холодные ладошки. Телепино. Папа и мама. Дядя Олег. Свет. Хнуп. Прыжок.

Кисть взорвалась болью, жалобно звякнула выбитая из рук железка. За этим последовала подсечка и удар лопатками о жёсткую кровлю. Сверху вновь навалился не-Гоша.

— Уходи. Забудь! — От напряжения двойник покраснел, будто силился поднять тяжёлый груз.

— Нет! — всем существом рывкнул мальчик. Вспышка! Высоко подлетев, не-Гоша грохнулся на крышу и, кувыркаясь, врубился спиной в дальний парапет.

— Тебе конец! — тигрицей кинулась в бой не-Юля. Не желая драться, Гоша схватил её за лицо, намереваясь оттолкнуть.

Под пальцами вспыхнуло. Заверещав, не-Юля отшатнулась, зажимая багровый, как от клейма, рубец. Она напоминала сарумановского урука с печатью Белой длани на морде. Впрочем, Гоше было не до аналогий. Силы пропали, и сейчас он беспомощно наблюдал, как его Отражение легко, без помощи рук, вскочило на ноги.

— Я убью тебя, — рычал не-Гоша. — Я убью тебя, слышишь?

Этот убьёт. Точно убьёт. И похоже, выбора не осталось.

Не дожидаясь развязки, Гоша обречённо шагнул через парапет. Было почти не страшно: наркоз Отражения ещё не отпустил. В ушах засвистело, глаза забил треклятый песок. Он зажмурился, понимая, что так даже лучше. Спокойнее.

Чьи-то руки подхватили и рванули вверх, унося прочь. Открыв глаза, он успел разглядеть заботливо приобнявшего не-Юлю двойника. Забывшего, казалось, обо всём на свете.

Он не сразу решился глянуть на спасителя. Сначала оглядел держащие его руки — тонкие и, кажется, женские. Настороженно подняв голову, Гоша, несмотря на пережитое, улыбнулся. Спасительницей оказалась симпатичная девушка-пчёлка, которую он сразу же окрестил Феей. Она и правда смахивала на Фею, в первую очередь из-за крылышек.

— Не бойся, — ласково сказала та. А он и не боялся. Интересно, как пчела может одновременно быть приятной на вид девушкой? Фея походила на персонаж детских мультиков: облегающее, выше колен, платье, высокие гольфы и симпатичная шапочка. Всё это — в чёрно-жёлтую полоску, а довершала картину пара коротеньких, растущих прямо из шапочки усиков. Ни жала, ни фасетчатых глаз, но девушка была именно пчелой, это Гоша понял твёрдо.

Он решил не сопротивляться. Во-первых, сил после битвы не осталось, а во-вторых, идти всё равно некуда. Похоже, туннель был дорогой в один конец, и выбраться отсюда будет нет так-то просто.

Фея несла довольно долго, оставив позади городские кварталы. Кругом тянулись сплошные пески, там и здесь мелькали крыши занесённых дюнами небоскрёбов. Пустыня наступала на город, пожирая всё, до чего могла дотянуться.

За грядой барханов показался небольшой квартал, окружённый красивой изгородью. Царившее вокруг запустение, словно по волшебству, обошло городок стороной. Чистенькие, ярко раскрашенные пятиэтажки резко контрастировали с мёртвыми небоскрёбами. Внизу

кипела бурная деятельность. Похожие на Фею пчёлки весело порхали между домами, ловко заползая в разнокалиберные окошки. Поодаль тянулись к небу высокие, в несколько этажей, цветы, густо облепленные собирающими нектар людьми–насекомыми. Натуральный пчелиный город. И тоже мульташный.

— Я скоро, — опустившись на центральную площадь, улыбнулась Фея. — Постой пока тут.

Засунув руки в карманы, он огляделся. Вокруг уже собиралась разношёрстная толпа. Пчёлки, взрослые и дети, смотрели с добродушным любопытством.

— Привет! — помахала рукой полосатая девочка. — Как тебя зовут?

— Гоша, — представился мальчик. — А тебя?

— А меня — ...

— Как?

— ... — повторила пчёлка. Её губы двигались, но звука не было, будто вырезали при дубляже. Что за ерунда?

— А вот и мы. — Фея опустилась рядом вместе с толстеньким усатым человеком–пчелой, очень похожим на Шера из «Лунтика». Гоше стало ужасно смешно, но из вежливости он сдержался. Тем более что «пчёл» был явно настроен серьёзно.

— Это — ... — представила Фея коллегу. — А меня зовут ...

— Простите, — развёл руками Гоша, — не могу ничего расслышать.

— Интересно, — заговорил человек–пчела. — А тебя как зовут?

— Гоша, — представился мальчик, заметив, что собеседник странно щурится, будто силась разглядеть его получше.

— Твоё имя мы слышим, — кивнул «генерал». — Уже неплохо. Можешь звать меня Председателем, потому что я здесь главный. А это... — он замешкался, не зная, как представить девушку.

— А как бы ты меня назвал? — кокетливо улыбнувшись, спросила та.

— Ф-фея, — покраснев, выдавил Гоша. — Потому что спасли и с крылышками, — тихо закончил он, понимая, какую ерунду сейчас порет.

— «Фея»? Мне нравится, — переглянувшись с Председателем, хихикнула девушка. — Пускай буду Фея.

— Как ты сюда попал, Гоша? — продолжая щуриться, спросил Председатель. — Что здесь делаешь?

— Как попал — не знаю, — признался Гоша. — А дело одно — спасти друзей. Они у вас... то есть, в вашем мире, в плену. Кстати, а как это место называется?

— Город, — ответил Председатель.

— А название у него есть? — уточнил Гоша.

— Нет, — пожал плечами Председатель. — Просто Город. Названия мы не помним. Никто не помнит.

— То есть как это — не помните? — изумился мальчик.

— Ты странный, — сказала вдруг Фея. — Неужели правда не отсюда?

— Нет, — честно ответил Гоша. — Я из города Москвы, из страны Россия с планеты Земля. В Москве нет песков, зато есть дороги, реки, фонтаны и метро. И парки с кинотеатрами имеются. И очень вкусное мороженое.

— Ты знаешь, как отсюда выбраться? — тихо спросил кто-то из собравшихся.

— Раз сюда попал, значит, и выбраться смогу, — беззаботно ответил Гоша. — Подождите, — он запнулся, озарённый нехорошей догадкой. — А вы что, не можете?

— Пойдём-ка, поговорим, — сурово прервал Председатель. — А вы — расходитесь, — обратился он к толпе. — Мы всё узнаем и расскажем. Обещаю.

Подхватив Гошу, Фея с Председателем влетели в одно из окон центральной пятиэтажки.

— Располагайся, — кивнул Председатель на деревянные, причудливой формы стулья. — Нектар будешь?

— Спасибо, я не голоден, — покачал головой Гоша. Кстати, а откуда у вас дерево? Кругом ведь пустыня.

— Дерево? — удивился Председатель. — Это не дерево, это...

— Ладно, — устало кивнул Гоша, поняв, что звук снова кто-то вырезал.

Люди-пчёлы уюстились напротив. Немного помолчали, рассматривая гостя.

— Моя дочка, — представил Фею Председатель. — И возможная преемница, тут уж как решит Посёлок. А теперь рассказывай: кто, откуда. Что за Москва такая с Россией? И эти, как их... фонтаны?

— Сначала вы, — вспомнив детективы, схитрил Гоша. — Я всё равно никуда не денусь.

— Боюсь разочаровать, — грустно протянула Фея, — но о Городе мы знаем самую малость.

— Как так? — опешил Гоша. — Вы же тут родились, живёте.

— Родились, — кивнул смягчившийся Председатель. — И живём. Только ничего не помним. Всё, что знали — Номос забрал.

— Что ещё за Номос?

— Кристалл над Чёрным дворцом. — Человек-пчела нахмурился. — Да не простой, а разумный. Когда-то давно наш народ его создал, зачем — не знаю. А Номос в благодарность поработил нас, превратив в тени.

— А зачем ему тени? — поинтересовался Гоша. — И что за кубики они с собой таскают?

— Увы, это нам неизвестно, — вступила Фея. — Да и какая разница? Рабство остаётся рабством.

— Предки пытались бунтовать, — хрипло сказал Председатель. — Они проиграли и подверглись жестокой каре. Номос умеет заглушать сознание, со временем лишая разума полностью. Две-три попытки — и ты теряешь себя навсегда. Забыв даже то малое, что помнил.

— На меня, кажется, напал такой. — От воспоминаний Гошу передёрнуло. — Хотел забрать у меня память.

— Может быть, — кивнула Фея. — Представь, каково это — проводить жизнь за монотонной работой, чтобы затем безумным призраком метаться по Городу. Он не понимал, что делает. И страшно мучился. Впрочем, лишившись разума, тени быстро развоплощаются окончательно.

Хорошенький мирок, ничего не скажешь. Жестокие кристаллы, призрачные рабы... Понять бы, что тут на самом деле творится. И очень жаль, что никто ничего не помнит.

— А откуда взялось столько руин? — спросил он. — Целые кварталы заброшены.

— Город приходит в упадок, — пояснил Председатель. — Многие тихо сошли с ума, другие пали жертвами Кристалла. Остались самые стойкие, но и те потихоньку сдают позиции. Брошенные кварталы заносит песком, а ведь раньше Город занимал весь мир. Сейчас же — кругом пустыня, будь она неладна.

— А как вы спаслись? — задумался Гоша. — Если с Кристаллом невозможно бороться?

— Невозможно, — подтвердил Председатель. — Поэтому предки отказались от борьбы и сбежали от Номоса в отдалённые заброшенные районы. Кристалл искал их, но через какое-то время оставил это занятие: у него и без нас проблем хватает. Оказавшись на свободе, мы начали постепенно обретать первоначальную форму, даже кое-что вспомнили. Так себе решение, ведь мы всё равно заперты в Городе и не можем спасти остальных. Лишившись всех слуг, Номос примется искать их. И найдёт, после чего снова поработит. Но мы стараемся не думать о плохом. Живём как можем, воспитываем детишек. Мы ведь в бытность теньями и не знали, каково это — иметь детей. Жить, правда, стали меньше, кто-то уже умер. Но, как по мне, то это — достойная плата даже за такую, куцую свободу.

— А отражения? — затаив дыхание, задал Гоша главный вопрос. — Вы знаете, кто они?

— Нет, — покачала головой Фея. — Но с ними лучше не связываться. Отражения сильны, коварны, и фанатично преданы Номосу. Взамен им дарована определённая свобода. Больше мы не знаем и, честно говоря, не стремимся. К счастью, далеко в пустыню они не заходят.

— А почему ты спрашиваешь? — пристально взглянул Председатель.

— Я спасла его от них, — вздохнув, призналась Фея. — Он сражался сразу с двумя, и сражался отчаянно. А когда стал проигрывать — прыгнул с крыши, решив не попадать им в лапы. Героический поступок и, между прочим, правильный.

— Как они выглядели? — подался вперёд Председатель, словно о чём-то догадавшись.

— По виду одно напоминало девочку, а второе... — Фея помолчала. — Как две капли воды похоже на него.

— Ты хоть понимаешь, что это значит?! — воскликнул человек-пчела, вскакивая со стула.

— Понимаю, — серьёзно кивнула Фея. — И не жалею о поступке.

— Ты рисковала, дочь — успокоившись, мрачно изрёк Председатель. — Не собой — всеми. Представляешь, что будет с Посёлком, если сюда наведаются отражения? Номос не тронул нас только потому, что мы вели себя тихо. И не лезли на рожон! А теперь, получается, всё насмарку? И ради чего?

— Ради того, чтобы не бросать его на смерть, — упрямо ответила Фея. — Ты прекрасно знаешь, на что способны отражения, если их разозлить. Он жизнью рисковал, спасая друзей, я обязана была помочь! Иначе чем мы лучше Номоса?

— «Обязана», — передразнил Председатель, поворачиваясь к гостю. — Твои друзья — кто они? Почему ты ищешь их именно здесь?

— Одна из них — девочка, — объяснил Гоша, поняв, что пришёл черёд рассказывать правду. — Второй... в общем, он гоблин. Ростом примерно с меня, но зелёный, с острыми ушами и в курточке. Я их услышал, гоблина из дворца, а девочку, Юлю — из Города. Нашёл небоскрёб, поднимаюсь — а там она. Только не настоящая, а голограмма. А потом эти напали, будто в засаде сидели.

— Гоб-лин, — промолвил Председатель, пробуя на вкус незнакомое слово. — Зелёный, в курточке. Интересно. И как же они сюда попали?

— Не знаю, — развёл руками Гоша. — Раньше мы были на Земле. Точнее, Хнуп не с Земли, но это неважно. Потом Юлю похитили, а когда она вернулась, то вела себя странно. Ни с кем не

говорила, никого не узнавала. И со мной что-то случилось, я злым стал ужасно. С Отражением разговаривал, будто оно в голове поселилось. Я тогда подумал, что с ума схожу. Потом смог его разбить, оно исчезло. Затем дома заснул, провалился сюда, и лицом к лицу сам с собой столкнулся. Понимаете?

Бред, конечно, первостатейный, но мультяшный Посёлок тоже логично не выглядел.

— Звучит знакомо, — кивнула Фея. — Номос так же отбирает память и чувства, превращая живых в рабов. Ты точно с ним раньше не сталкивался?

— Нет, — пожал плечами Гоша. — Юлю и Хнупа похитил Полигон, это организация международная, она Землю от пришельцев защищает. У них ещё корабли треугольные. А потом оказалось, что им другие пришельцы помогают, с Каллисто. Старшими называются. На вас не похожи и без крыльев. Правда, тоже парить умеют, но там какая-то техника.

— Старшие... Полигон... Ничего не понимаю, — пробормотал Председатель. — Значит, говоришь, никогда здесь не бывал?

Гоша помотал головой. Не бывал, мол, честное пионерское.

— Дела... — Председатель забарабанил по столешнице. — Что думаешь? — обратился он к дочке.

— Думаю, мы обязаны помочь.

— Обязаны? — взвился Председатель. — А кто поможет нам? Если он разозлит Номос, кристалл сотрёт нас в порошок. В мелкий!

— Я помогу, — твёрдо сказал Гоша. — А без друзей не уйду. Хоть на части режьте, хоть Номосу на съедение отдайте. Это раз. Но есть и два. Если спасу их, то и вас вытащу. Как-то же я сюда попал, значит, и обратно лазейка найдётся. Слово даю!

— Да верю я, — махнул рукой Председатель. — Видно, что парень ты смелый. Это ж додуматься надо — сигануть с крыши, чтобы живым не сдаваться! Но ты пойми, я ведь не о себе пекусь. У нас детей сколько, нельзя ими рисковать. И потом, отражения — коварные и жестокие, победить их нелегко. Да и двойник твой объявился в Городе неспроста.

— Понимаю, — кивнул Гоша. — Он как-то связан со мной.

— Разумеется, — важно поднял палец Председатель. — И значит, будет тебя искать. Уже ищет, поняв, что ты заглянул к нему в гости. Я не знаю, что случилось на крыше, но всё это крайне похоже на ловушку. Зачем носиться за тобой по Городу, если ты сам придёшь в нужное место? Если не сможешь не прийти?

— Но ловушка не сработала, — перебила Фея. — Он расшвырял их, а потом обжёт девчонке лицо. Вот так. — Пчёлка прикоснулась к лицу Председателя ладошкой. — После чего тот, второй, взъярился, и мальчик прыгнул.

— Их нельзя победить, — упёрся Председатель. — Никому ещё не удавалось! Случившееся было совпадением. Или ошибкой. И потом, если Юлю ещё можно освободить, то гоб-лина сторожит сам Номос. Не знаю...

— Зато я знаю, — с вызовом воскликнула Фея. — Гоша прав, хватит торчать в пустыне. Если есть хоть малейший шанс — надо его использовать. А там... да будь что будет!

— Ну-ну, — растерянно буркнул Председатель, скрестив на груди руки.

— Именно так, — решительно закончила Фея. И Гоша понял, что в этом споре она победила.

В пустой, расположенной на верхнем этаже брошенного небоскрёба комнатухе, у окна валялся старый рассохшийся шкаф, чудом сохранившийся после падения с потолка. Внутри, осторожно припав к широкой, смотрящей в окно щели, расположился Гоша. Можно было,

конечно, и без этого, учитывая, что здания разнесены достаточно далеко. Но рисковать не стоит, ведь отражения тоже могут обладать даром дальнорзости.

Прищурившись, он отчаянно наблюдал за происходящим на соседней крыше. Вокруг безучастно сидящей на качелях голограммы деловито сновала не-Юля, извлекая из воздуха новые детали Юлькиной памяти. Двор дополнился фрагментом комнаты с двухъярусной кроватью, стеной с красивым календарём, и небольшим письменным столом.

Внезапно голограмма мигнула и потемнела. Раздался короткий, похожий на пульс стук. Сквозь призрачный двор проглянуло нечто уродливое, напоминающее... опухоль? Затем голографическая Юля вновь обрела чёткость.

«Она её убивает, — понял Гоша. — Копаюсь в Юлькиной памяти, провоцирует разрастание опухоли. Дрянь, какая же дрянь!»

Вспомнив плачущую Светлану Андреевну, он тихо застонал от осознания беспомощности. Нельзя, надо взять себя в руки. Сейчас не время лезть на рожон. Не для того он здесь.

В одном из расположенных под крышей окон он заметил движение. Из проёма высунулся не-Гоша и внимательно осмотрел окрестности, словно чуя слежку. Не увидев мальчика, вылез на подоконник и, ловко примерясь, сиганул вверх, легко перемахнув через парапет. Вот, значит, как они его подстерегли. Засев в квартире этажом ниже!

Подойдя к не-Юле, двойник обменялся с ней парой слов. Не-Гоша был не в своей тарелке, хмуро наблюдая за работой напарницы. Он что, завидует? Сам-то, похоже, остался не у дел после Гошиной контратаки, вот и бесится. Это хорошо, пусть злится. Папа всегда говорил, что на войне проигрывает тот, кто поддаётся эмоциям.

Переговорив с подругой, не-Гоша скрылся в чердачном люке. Ждёт, он его ждёт. И не дожждётся. Гоша больше не сунется тигру в пасть. Тут надо действовать хитрее.

Борясь с чешущимся от пыли носом, он внимательно продолжал наблюдение. Сейчас ничего нельзя упустить.

Сейчас важна каждая деталь!

— Что ты видел? — спросил Председатель.

— Вы были правы, они устроили мне ловушку, — кивнул Гоша. — Дождались, когда я вылезу на крышу и запрыгнули с расположенного ниже окна. Не пойму только, почему не схватили меня на лестнице.

— Потому что он тебя ненавидит, — объяснил Председатель. — За то, что оказал ему сопротивление там, у себя. И за то, что растрескал его стеклянную физиономию! Ему мало тебя поймать, он хочет, чтобы ты помучился. Чтобы надеялся до последнего, думая, что спасёшь подругу! Но похоже, твой двойник просчитался. Дочка права, после того как ты увидел Юлю, в тебе проснулось... что-то, чего я не могу объяснить. Впрочем, я всё ещё не уверен, что ты сможешь победить.

— Не сможет, — подтвердила вдруг Фея. И объяснила удивлённому мальчику:

— Даже не думай справиться с обоими. Они сильны и дополняют друг дружку. Если хочешь спасти девочку, твоё Отражение я беру на себя. Так будет гораздо проще.

— Да вы что! — в ужасе вскинулся Гоша. — Я не могу... я не позволю! Вам нельзя так рисковать, он же вас убьёт!

— Он сейчас любого убьёт, — мрачно бросил Председатель. — После того, что ты сделал с его дамой, уверен — твой двойник вне себя. Дочка сможет вывернуться, а вот тебе он напоследок припомнит всё. Даже не сомневайся.

— Ты же хотел помощи? — улыбнулась Фея. — Вот она и подросла. Я доставила тебя в Город, помогла собрать информацию. Что же, бросить всё на полпути? Не-Гоша ждёт, когда ты пожуешь в гости. Значит, надо его отвлечь. Мне кажется, это вполне логично.

Гоша молчал, переваривая услышанное. Он не думал, что кто-то будет рисковать ради него жизнью.

— Ты зря расстраиваешься, что втравил меня в эту историю, — словно прочитала его мысли Фея. — Это мой выбор, и ничей другой. Я делаю это по собственной воле ради нашего будущего. И хватит многозначительно молчать.

«Она права, — подумал Гоша. — Каждый в этой жизни делает свой выбор. И нечего валить на других».

— Спасибо вам, — с признательностью посмотрел он на пчёл. — Спасибо за всё. Я не подведу. Обещаю!

Уединившись в одной из комнат, Гоша присел на табурет и невидящим взором уставился в окно. Какой странный, всё же, этот мир. Пески и тени, Дворец и отражения, и тут же, рядом — цветастая мультяшная жизнь. Хотя пёстрая она только на вид, а если подумать, то всё очень даже серьёзно. Какой, правда, выбор у пчёл? Куда им деваться? А то, что всех не убередили от Кристалла, так разве в этом их вина? Хоть кто-то спасся из рабства, и то хорошо. Да и Фея с Председателем тоже — серьёзнее некуда. Рискнуть будущим ради незнакомого, по сути, мальчишки — без пяти минут подвиг. А они рискнули несмотря на явную связь Гоши с Отражением. И значит, подвести их он не может. Не имеет права подвести!

Подумав об этом, он помрачнел. Легко сказать — не имеет права. А что, если не справится? Что, если не-Гоша всё же подоспеет на выручку? Ведь это — конец! И не только ему, но и всему весёлому пчелиному поселению.

Хнуп... Хнупик. Сосредоточившись, он мысленно рванулся к Дворцу. Отзовись, Хнуп. Ну, пожалуйста!

— Я здесь, Го-о-ша, — тихим, полным страдания голосом прошептал гоблин. — Как ты?

— Как я? — от изумления Гоша растерялся. Он ожидал чего угодно — ругани, упрёков, даже оскорблений. Но только не этих, полных искренней заботы и беспокойства о друге слов.

— Хнуп, я... прости меня, пожалуйста! Я спасу тебя, слышишь? Выручу Юльку и спасу!

— Всё хорошо, — Хнуп едва шептал. Было ясно, что ему ужасно тяжело и больно. — Всё хорошо, Го-о-ша, не волнуйся. Всё...

— Р-ро-м-м, — проскрежетало в голове, и связь оборвалась. Проклятый кристалл, чтобы ему ни дна ни крышки!

Вскочив с табуретки, Гоша с удивлением осознал, что на шее что-то болтается. Цепочка, а на ней...

Он обомлел. Р'рих, это же р'рих! Тот самый, могущий останавливать время кристаллик, что имеется каждого гоблина. Только в отличие от Номоса — тёплый и живой. Даже в такую минуту Хнуп пытался помочь. И это после всего, что Гоша натворил!

В глазах стало мокро, но он запретил себе плакать. Нечего ныть, надо расхлёбывать заваренную кашу. А Хнупа он вытащит. Обязательно!

Почувствовав решимость хозяина, кристаллик потеплел и налился тяжестью. В голове прояснилось, мозги заработали с удвоенной энергией. Гоша вспомнил капитана Алёхина из фильма «В августе 44-го». Вспомнил, как тот на пределе возможностей мысленно «прокачивал» немецких шпионов. Как взвешивал и анализировал каждую деталь,

одновременно прикидываясь недалёким помощником коменданта. Сосредоточенно ведя с врагом опасную, могучую в любой момент закончиться катастрофой игру!

«Качай их, Паша, качай». Так он, кажется, говорил? Вот и Гоша прокачает и победит отражения. Время пришло. Момент истины настал!

— Я готов, — вернувшись из добровольного заточения, уверенно сообщил он Фее.

— Я тоже, — коротко ответила та. И, посмотрев на Председателя, добавила:

— Не надо, отец. Я всё решила.

Не-Гоша быстро заметил пролетавшую Фею. Прервав разговор с не-Юлей, двойник, недолго думая, сиганул с крыши и кинулся догонять беззаботно летящую пчёлку, развив при этом весьма неплохую скорость. Очень быстро он скрылся из вида, и Гоша, досчитав до десяти, выскочил из укрытия и рванулся к небоскрёбу.

Потерпи, Юлька. Держись!

Прыжок. Теперь подтянуться и, перемахнув через запылённый подоконник, кинуться по знакомой лестнице наверх. Быстрее, ещё быстрее! Сердце бухало, но не от страха. От злости — бухало, а ещё — от предвкушения. Теперь не-Юля заплатит. За всё — заплатит! И сполна!

Сжимая в кулаке кристаллик, он выскочил на крышу. Стоящая спиной девчонка сосредоточенно занималась гнусной работой. Комната была почти закончена, рядом выростала изба Юлькиных дедушки и бабушки. Казалось, он смотрит на воссозданную в зале музея экспозицию чьей-то жизни. Только это не музей, а кусочки настоящей Юльки. Безучастно умирающей, пока двойник взламывает её мозг!

— Эй ты, стекляшка! — окликнул Гоша. — Не надоело?

Не-Юля рывком повернулась, демонстрируя обожжённое лицо. Похоже, ему удалось застать её врасплох. Впрочем, не-Юля быстро взяла себя в руки. На её лице заиграла привычная гаденькая ухмылочка.

— Что, вернулся за добавкой? — промурлыкала она, медленно перемещаясь поближе. — Зря ты это. Я ведь и одна с тобой справлюсь, уж поверь.

— Языком чесать легко, — недобро усмехнулся Гоша. — И чужую жизнь воровать — тоже. Оставь Юльку в покое. Последний раз предупреждаю!

Яростно зашипев, не-Юля кинулась в атаку. Вновь нахлынули ворованные воспоминания. Телепино. Бабушка и дедушка. Гоша, Женька, Серёжка. Интерес, перерастающий в симпатию. И боль. Тупая и гадкая.

Удар, затем ещё. Придя в себя, Гоша увернулся от мелькнувшей в воздухе руки. Нет, так не пойдёт! Продолжая сжимать *p'рих*, он перехватил очередную волну воспоминаний и обратил её против Отражения.

«Это не твоё, поняла? У тебя вообще нет памяти, и быть не может. Потому что Юлька — человек, а ты — никто и ничто. Вали к своему Номосу, дурацкий, никчёмный осколок!»

Закрутив образы словно пружину, Гоша метнул их в девчонку. Отшатнувшись, как от страшного удара, та заверещала и повалилась на кровлю.

— Не смей, не смей! — завопила она, пытаясь отползти. — Только я знаю... только я могу спасти!

Гоша не слушал. Яростно сопя, он обхватил виски Отражения ладонями и сконцентрировался. Девочек бить нельзя, но она не девочка. Она вообще не человек, и жалеть её не надо. Качай её, Гоша, качай! Краем глаза он заметил, как одежда ожила, превращаясь в форму времён

Великой Отечественной. Перейдя на визг, вопль Отражения распался на синтетические ноты.

Исказившись, гадина начала развоплощаться, разматываясь словно клубок. Вспорхнувшие в воздух нити сплелись в красивый узор, напоминающий схему нейронов мозга. Прищурившись, мальчик всмотрелся в переплетения контуров. Память, Юлькина память! А вот, кажется, её адрес. И даже телефон!

За спиной хлопнуло. Дёрнувшись, Гоша обернулся. Фантом двора исчез, взметнувшись стремительным пылевым вихрем. Голографическая Юлька пропала.

Переведя взгляд вниз, он испуганно отёрнул руки. Отражения больше не было. На запылённой кровле таял, стремительно распадаясь в песок, стеклянный манекен.

Вспомнив, где находится, он вскочил. Фея, где Фея? Она должна завести двойника подальше и там, оторвавшись от преследователя, прилететь за мальчиком. Похоже, обманный манёвр затянулся. Пора возвращаться в посёлок, пока не вернулся обозлённый до крайности не-Гоша.

Юлька. В воображении пронеслись фрагменты тёплых и добрых воспоминаний. Юля вообще была светлым человеком, даже болезнь её не сломила. Ей не было страшно, скорее грустно, а ещё не хотелось огорчать маму с папой. Гоша занимал в её памяти особое место, но он не собирался подглядывать. Он спасёт Юльку, обязательно. Уже спас, избавив от мерзкого гнёта Отражения. Теперь нужно вытащить Хнупа, победив проклятый кристалл. И Гоша — победит!

Спустившись с крыши, он в задумчивости остановился. Что делать в случае невозвращения Феи, они не договаривались. А до посёлка далеко даже по воздуху.

Идти пешком? Можно, конечно, и пешком, тем более что ни пить, ни есть не требовалось. А что, если?..

Встав на низкий старт, он сосредоточился. Бежать, стремительно. Быстрее ветра! Мышцы ног загудели, песок просел небольшой ямкой. И-и-и... пошёл!

Пространство размазалось, словно кисель, мимо понесли дома вперемешку с дюнами. Разогнавшись, он оттолкнулся от земли и перескочил оказавшуюся на пути крышу ушедшего в песок строения. Ещё быстрее. Ещё!

Воздух треснул и взорвался с оглушительным грохотом, подчистую снося окружающие барханы. Он что, перешёл звуковой барьер? Похоже на то!

Прокладывая в песке широкую колею, Гоша мчался к Посёлку. Фея наверняка уже там. И сейчас он порадует её хорошими известиями.

Вдали показалась знакомая цветастая изгородь. Лихо развернувшись, он затормозил, подняв песочную волну. Игравшие неподалёку малыши взвизгнули от восторга.

— Где Председатель? — спросил он у пчёлку.

— Я тут, — послышался знакомый голос. Повернувшись, Гоша увидел выглядывающего из окна центральной пятиэтажки «человека-пчелу».

— Я победил, — с гордостью сообщил мальчик, одним махом заскочив в расположенное на последнем этаже окно. — Я смог, понимаете?

— Молодец, — угрюмо кивнул, усаживаясь за письменный стол, Председатель. — Что смог.

— А что случилось? — с тревогой уточнил Гоша.

— То, чего я боялся. — Мрачно отвернувшись, Председатель помолчал. — Моя дочь не вернулась. А это значит, что Посёлок должен эвакуироваться. Немедленно.

— Подождите, — остановил его Гоша, быстро присаживаясь рядом. — Не надо паниковать. Она вернётся, вот увидите. И не нужно никуда эвакуироваться.

— Тебе легко рассуждать, — раздражённо бросил Председатель, и Гоша понял, что во всём случившемся он винит в первую очередь его. — Ты тут гость, не забывай. Сам же говорил, что заснул и проснулся здесь. А что, если и сейчас спишь? Тогда, получается, ничем не рискуешь. Даже когда прыгнул с крыши.

— Вы этого не знаете, — начал закипать Гоша. — Это я дома заснул, а как оказался здесь — вопрос. И прыжок был реален, уж поверьте. И оплеухи с тумачами тоже!

— Складно говоришь, — усмехнулся Председатель. — Да верится чем дальше, тем труднее. Откуда я знаю, что ты — не порождение Номоса? Такое же, как эти стеклянные создания?

— Да как вы... — задохнулся от гнева Гоша, но вовремя взял себя в руки. Спокойнее, спокойнее. Все взвинчены, все устали и напуганы. Председателя можно понять, он в ответе за весь Посёлок, а ещё беспокоится о дочке. Тут и не так параноить начнёшь.

— Подумайте сами, — сделал он примиряющий жест. — Будь я шпионом, Номос был бы уже тут. Разве нет?

Подумав, Председатель кивнул.

— Даже если ты не шпион, Фея не вернулась, это факт, — возразил он. — И значит...

— Да ничего это не значит! — с досадой прервал Гоша, доставая болтающийся на цепочке кристаллик. — Это видите? Подарок Хнупа, того самого гоблина. С помощью этой штуки я вытащу его из Дворца, а затем спасу вас. Власти Номоса конец. И вашему заточению — тоже!

— Что-то не верится. — Председатель скептически покачал головой. — Отражения — это одно, а Номос — совсем другое. Он в десятки, в сотни раз сильнее всех не-Гош и не-Юль, вместе взятых. Поэтому прости, твоя бравада выглядит самонадеянно. И потом, почему ты решил, что спасёшь нас, уничтожив кристалл? Что, если он создал этот мир? И, погибнув, заберёт его с собой?

Разочарованно махнув, Гоша встал.

— Я пришёл спасти друзей, и я их спасу. Отступить мне некуда, да и вам, между прочим, тоже. Фея права — невозможно сидеть в песках до окончания времён. А у нас ещё говорят: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях».

— Красивая фраза, только дочь она не вернёт, — буркнул Председатель.

— Не вернёт, — упрямо кивнул Гоша. — А я — верну, чего бы это ни стоило. Даже если я здесь всего лишь гость.

Уединившись в одной из комнат, он вновь попытался достучаться до Хнупа. Гоблин молчал, но Гоша всё равно ощущал, насколько Хнупу тяжело. Номос мучил его, пытаясь взломать и выпотрошить память точно так же, как отражения силились проникнуть в воспоминания Юли. Зачем? Поиздеваться? Но кристалл не был садистом, в это Гоша не верил. Всеми действиями Номоса руководила жестокая, но крайне рациональная логика. Знать бы ещё, какая.

Чтобы успокоиться, он попытался сосредоточиться на дыхании. Вдох-выдох, вдох-выдох. «Просто позволь дыханию дышать, — говорил папа. — И ни во что не вмешивайся». Чехарда мыслей замедлилась, в душе разлился покой. Вдох-выдох, вдох...

Медитацию прервал громкий стук. Недовольно поморщившись, Гоша поднялся и открыл дверь.

— Что случилось? — спросил он испуганно замершую на пороге пчёлку.

— Там... та-ам... — замахала девочка рукой.

Ничего не добившись, Гоша выглянул из окна и тут же до скрежета стиснул зубы. Возле изгороди, глядя прямо на мальчика, стоял двойник. Держа за шиворот пошатывающуюся, покрытую ссадинами и синяками Фею.

Ахнув, Гоша перемахнул через подоконник и камнем ухнул вниз, уйдя по щиколотку в землю. Наблюдавший за этим двойник, злобно усмехнувшись, толкнул Фею так, что та, не удержавшись, ударилась о ворота. Выскочившие пчёлки, боязливо косясь на Отражение, помогли Фее подняться и увели её вглубь Посёлка. Гоша и не-Гоша остались одни. Между ними повисла тяжёлая, предгрозовая тишина.

— Ненавижу, — сплюнув, протянул не-Гоша, буравя мальчика яростным взглядом. — Тебя, их, — кивнул он на Посёлок, — и весь этот душный мирок. Город, чёрт, — усмехнулся он. — Скорее, тюрьма или зоопарк. Но ты, — ткнул он в мальчика пальцем, — с тобой разговор отдельный. Ты смешал все карты, явился сюда без спроса. Я до сих пор не могу понять, откуда ты взялся. Как, чёрт возьми, здесь оказался?! Ты убил её, понимаешь? — Голос Отражения дрогнул и надломился. — Ради чего? Ради дурацкой девчонки?!

— Она не дурацкая, — заиграв желваками, набычился Гоша. — Она живая. В отличие от вас!

— Ты уверен? — осклабился не-Гоша. — Думаешь, мы так, иллюзорные осколки? Думаешь, я её не...

Он осёкся, смерив Гошу тяжёлым взглядом.

— В общем, так. Отсюда уйдёт только один. Ты, я — без разницы. Но один. Если откажешься или проиграешь — я вызову Номос, и он сотрёт с лица земли эту милую деревню. Понял, спаситель пчёл?

— А если одержу победу? — уточнил Гоша.

— Исполню любое желание, — усмехнулось Отражение. — Может быть, даже расскажу о себе. Ты ведь это хочешь знать, а, Ромео?

— Почему это... — начал было Гоша, но двойник резко прервал его:

— Хватит. Я жду ответа!

Отражение было настроено решительно. Подёрнутые сеткой трещин глаза глядели холодно и безжалостно, отвергая возможность договориться. И всё-таки стоит попробовать.

— Хорошо, я согласен, — кивнул Гоша. — Но я не хочу кровопролития. Сожалею о твоей утрате, но выбора у меня не было. Или моя Юлька, или твоя. А сейчас мы ведь можем...

Недослушав, двойник молниеносно сократил дистанцию и хлёстко ткнул в грудь кулаком. Пробив спиной забор, Гоша впечатался в стену пятиэтажки и с тяжёлым стоном сполз на землю.

— И это всё? — разочарованно протянул не-Гоша, привычным жестом потирая костяшки. — Это всё, на что ты способен? Я пришёл сюда, чтобы драться насмерть, а ты будешь читать проповеди о добре и выборе? Твоя подыхающая девчонка не стоила её мизинца, понял? Она...

С криком оттолкнувшись от стены, Гоша дотянулся до врага в чудовищно длинном прыжке. Удар! Кувыркнувшись, Отражение влетело в близлежащий бархан, полностью скрывшись в песке.

— Молодец, — довольно усмехнулся двойник, вылезая и отряхиваясь. — Чего-то стоишь, как я погляжу. Только этого мало. Категорически!

Вспомнив о *р'рихе*, Гоша схватил кристаллик и сосредоточился. Под пальцами запульсировало приятное тепло, подарок Хнупа дёрнулся и налился тяжестью. Гоша вспомнил о появившейся

ниоткуда железяке и затянувшимся провале. И там, и там надо было захотеть. Очень захотеть! И тогда... тогда...

Одежда пошла волнами, превращаясь в голубое обтягивающее трико. За спиной тяжело упал, разворачиваясь, красный плащ. Тело забугрилось мышцами, на груди отчётливо проступила красивая эмблема. Где-то торжественно протрубили фанфары.

— Такого достаточно? — прогремел Гоша, легко отрываясь от земли. — Может, всё же не будем?

— Нет, будем! — прошипел двойник. — Ты забыл, что я — это ты. И всё, что есть у тебя, есть и у меня!

Он рванул воротник, извлекая точную копию кристаллика. Лицо Отражения исказилось гримасой усилия, одежда превратилась в стильное трико наподобие Гошиного, но чёрное и без плаща.

— Меня готовили сражаться всю жизнь, — процедил двойник, тяжело поднимаясь в воздух. — А ты что умеешь? Бобров разводить?!

Его глаза налились красным, извергая испепеляющие лучи. Убийственная энергия толкнула прикрывшегося рукой мальчика назад и вниз. Так, что упёршиеся в землю ноги оставили в песке глубокие борозды.

— Всё могло быть иначе, — рявкнул не-Гоша. — Всё! Ты бы находился контролем, а ОНА была бы жива. Но нет, всё пошло кривь и вкось из-за одного слишком совестливого пацана!

— Меня... зовут... Гоша! — прохрипел мальчик.

Потерев обожжённый локоть, он легко взмыл в воздух. Спустя секунду, битва началась.

Напрягая силы, Гоша свечкой рванул вверх. За спиной хлопал по ветру плащ, внизу, превратившись в жёлтую плоскость, раскинулась пустыня. Атмосфера почему-то не кончалась, да и плоскость не становилась шариком. Повсюду, до самого горизонта, раскинулась всё та же бесконечная желтизна.

Решив, что взлетел достаточно высоко, Гоша развернулся и рыбкой нырнул на врага. От силы удара воздух вспучился гигантским пузырьём, будто кто-то подорвал мощную бомбу. Во все стороны хлестнул ураган, в уцелевших небоскрёбах ударной волной вышибло оставшиеся стёкла. Не выдержав, двойник, кувыряясь, ухнул вниз, превращаясь в маленькую точку. В падении он прошил навывлет пару домов и рухнул в песок, пропахав огромный кратер. Один из пробитых небоскрёбов со стоном принялся оседать. Из окон перепуганной стайкой рванулись тени, спасая драгоценные кубики.

— Остановись! — подлетел к врагу Гоша. — Хватит этого безумия!

Тяжело встав и потирая грудь, двойник поднял на него ненавидящий взгляд.

— Ни за что, понял? Или я, или ты!

Издав полный боли и злобы вопль, он рванулся в атаку, обрушивая град тяжёлых, чудовищной силы ударов. Один из них попал-таки в цель и Гоша, пролетев пару километров, врубился в заброшенный небоскрёб, прошибая стены и куроча переборки. Больно не было. Казалось, будто летишь сквозь плотный картон.

Затормозив, он рванулся навстречу подлетающему Отражению и, ухватив не-Гошу за ноги, раскрутил и швырнул его вниз, тут же кинувшись следом. Быстро придя в себя, не-Гоша прекратил вращаться и, в свою очередь, метнулся навстречу мальчику.

— Я... тебя... ненавижу! — глаза Отражения заалели багровым, но Гоша, напрягшись, тоже выстрелил из глаз смертоносной энергией. Лучи встретились, пытаясь перебороть друг друга.

От напряжения не-Гоша закричал, растрчивая последние силы. Точка соприкосновения лучей опасно сдвинулась в сторону Гоши, но мальчик не собирался сдаваться.

«У него своя Юлька, у меня — своя. И он прав, им двоим не бывать». — Простая, жестокая мысль принесла неожиданное облегчение. Жребий брошен, метания излишни. Третьего, как говорится, не дано.

Вокруг загудело, кристаллик тихонечко дрогнул. Замерев, Гошин луч прибавил мощности и, легко преодолев сопротивление, полоснул по двойнику. Вскрикнув, тот, словно подбитый самолёт, рухнул в песок. Чёрное трико обуглилось и пошло дырами. Всё вокруг дымилось и плавилось.

— Ты проиграл, — спустился к поверженному врагу Гоша, легко ступив на песок.

— Проиграл, — кряхтя, подтвердил не-Гоша, бессильно откинувшись на землю. — Поздравляю. Полагаю, ты хочешь знать, кто я такой? Я расскажу, если пообещаешь, что добьёшь меня.

— То есть как? — опешил Гоша. — И не подумая, даже не проси. Так нельзя!

— Не оставляй меня ему, — поморщившись, простонал двойник. — Пожалуйста!

— Да кому — ему? — взорвался Гоша. — Кристаллу? Старшим? Объясни по-человечески! Ты обещал.

— Я не знаю, кто такие Старшие, — пожал плечами двойник. — Меня создал кристалл, и её... тоже. Мы были теньями, нас выбрали из тысяч других, потому что мы лучше всего подходили на роль ваших слепков. Мы совместимы, понимаешь? Номос обещал отпустить нас, если мы узнаем ваши тайны. Куда отпустить — я не знаю, он сказал только про «внешний мир». Но мы не справились, и теперь меня будут разбирать по кусочкам, пытаюсь понять, где я просчитался. Номос знает, что мне будет больно, ведь связавшись с тобой, я и стал тобой. Но ему всё равно, и его хозяевам — тоже. Им всегда было всё равно.

— Что за хозяева? И что это за мир? — выкрикнул, не в силах сдерживаться, Гоша.

— Не знаю. Ничего не знаю, — тяжело помотал головой двойник. — Номос хранил это в секрете. Но он помнит о хозяевах. И боится их.

— А... не-Юля... то есть, твоя Юля, — прошептал, холодея от предчувствия, Гоша. — Ей, получается, было больно?

— Думаешь, нет? — криво ухмыльнулось Отражение. — Ещё как было. Впрочем, не кори себя. Ты честно заслужил победу.

— «Не кори себя», — опустил в песок Гоша, обхватив голову руками. — Это что же, я, получается... живого человека?

— Мы не совсем живые, — успокоил двойник. — Номос — это машина. Очень умная и древняя. И нас тоже сделал машинами, ну, почти. Кое-что от души всё же осталось. Но я тебя не корю, и она бы не стала. Свобода — невеликая цена за такую гадкую работёнку. Второй раз я бы не согласился. И потом, у тебя действительно не было выбора. Номос контролировал нас, понимаешь? Науськивал и заставлял, рисуя тебя в самом чёрном цвете. Это он так мотивирует. А сейчас, когда всё кончено, он...

Замерев, не-Гоша вдруг резко схватил мальчика за руку.

— Кристалл идёт в Посёлок. Когда ты победил, он замолчал, поняв, что я бесполезен. Но я смог к нему пробиться и прочитать его намерения. И про свободу он врал, у него там хватает исполнителей. Мы для него — никто, пыль под ногами. А ты — другой, лучше. Я теперь понимаю. Понимаю, как это — лучше.

Сорвав с груди копию кристаллика, двойник вложил его в Гошину руку.

— Возьми это. Вдруг пригодится? Здесь — вся моя сила. Мне она больше ни к чему.

Дёрнувшись, словно от боли, не-Гоша начал быстро превращаться в холодное, мёртвое стекло.

— Дерись с ним, — застывая, шевельнулись губы Отражения. — Напугай до чёртиков, чтобы он тебя выкинул. И спаси Юльку. Свою Юльку.

— «Р-ро-м-м», — грохнуло над головой. Гигантская тень накрыла Гошу. Вверху, на мгновение затмив тусклый диск солнца, пронёсся Номос. Вскочив на ноги, мальчик рванулся следом.

Он не успел. Накрывший посёлок кристалл, зависнув по центру, метал в пчёлку чёрные молнии. «Р-ро-м-м», обернулся призраком не успевший увернуться Председатель. «Р-ро-м-м», вспорхнула в небо стайка теней, бывших ещё недавно веселящимися в песочнице малышами.

Ловко уворачиваясь от молний, внизу металась Фея, пытаюсь укрыть и спасти. Ни секунды не медля, Гоша ринулся в атаку. Хлестнув по Номосу лазерами, он со всей силы ударил по блестящей переливающейся оболочке. Звякнув, в руку впился острый осколок, но Гоша не обратил внимания на боль.

Р-ро-м-м, — возмущённо прогудел Номос, выстреливая молнией. По сравнению с отражениями кристалл действительно был на порядок сильнее. Всё поплыло, на секунду подёрнувшись тенью. И этого хватило, чтобы безжалостный хозяин Дворца успел поразить Фею.

— Нет! — отчаянно прокричал Гоша.

— Это был мой выбор, — развоплощаясь, напонила пчёлка. — Только мой, запомни! Мой...

— Я тебе покажу, проклятый камень! — Взвыв, Гоша метнулся на кристалл с твёрдым намерением победить или погибнуть. Но тот не собирался сражаться с невесть откуда взявшимся в Городе супергероем. «Р-ро-м-м», громыхнул Номос, метнув в Гошу чем-то искрящимся.

— Я не хочу! — забился мальчик, чувствуя, как его засасывает в уже знакомый тоннель. — Я не...

Вокруг потемнело. Он снова летел по узкому, извивающемуся колодцу. Летел домой.

«Это был мой выбор. Только мой!» — пронеслись в голове слова Феи.

«Спаси Юльку. Свою Юльку», — прошептал, окончательно исчезая, не-Гоша.

Глава 8 — Мальчик и враг

Узкий туннель оборвался, но не так, как ожидал Гоша. Вместо комнаты он оказался в огромном сером ничто. Впрочем, он не застрял — мимо с приличной скоростью проносились... Больше всего это походило на подвешенные в пустоте острова. Или, точнее, островки, где в бесконечном повторе прокручивались вырванные из реальной жизни сцены. Как и в Городе, законы перспективы в сером пространстве не работали. Чуть напрягшись, Гоша рассмотрел происходящее на островках во всех подробностях. Вопрос только — что это за острова?

Какие-то люди поднимали за праздничным столом тост. Похоже, чья-то свадьба, но никого из присутствующих Гоша не узнал. Дальше промелькнул кусочек армейского плаца с крутящимися на турниках солдатами. Следом, похоже, шла война. Что-то взрывалось и густо чадило среди жарких песков. Идущие грозным клином вертолётыв давали залпы по мчащимся внизу пикапам с пулемётами. Накрытый ракетой джип подлетел в воздух, смешно, точно детская игрушка куваркаясь. В эфире неразборчиво кричали, будто Гоша вклинился в чужие радиопереговоры.

Квартира. Открытое окно с выпущенной в него струйкой сигаретного дыма. На фоне уныло бубнит телевизор. Уныло и неразборчиво. И тут же, набатом — звонок мобильного, будто подключённого к мощному звукоусилителю, телефона.

Затем Гоша увидел... себя. Не Отражение, настоящего себя. И почему-то бобра. И Юлю. И бабушку. Да что здесь, в конце концов, происходит?

Островки проносились всё быстрее. Один из них отличался от прочих, и Гоша понял, что прямо-таки обязан его рассмотреть.

Не придумав ничего лучше, он «поплыл» в нужном направлении, старательно загребая руками. Смотрелось, наверно, комично, но об этом он не думал. Всё внимание было приковано к приближающемуся острову со стоящим на нём... логистическим центром?

В том, что это логистический центр, Гоша не сомневался. Аккуратные белые ангары, замершие у погрузочных площадок грузовики. В Подмоскowie такого полно, но это место было другим. В нём чувствовался подвох, а ещё — угроза.

Сделав финальный рывок, он спрыгнул на ровный асфальт неподалёку от припаркованной фуры. Казалось, будто стоишь на потолке и вот-вот свалишься в небо. Требовалось прилагать усилия, чтобы ненароком не сорваться.

Он огляделся. Пусто. В отличие от «анимированных» собратьев, островок казался статичным и безжизненным. Вокруг царил густая, словно кисель, тишина.

Осторожно ступив, Гоша медленно подошёл к грузовику, положив руку на тёплый металлический бок фургона.

— Седьмая площадка, — лишённый эмоций женский голос звучал, казалось, отовсюду.

От неожиданности Гоша вздрогнул. Какая ещё площадка?

Додумать он не успел — под ногами затряслась земля. Присев, он испуганно наблюдал, как один из ангаров выдрался из фундамента и принялся медленно подниматься. По фуре забарабанили камни и крошка, но Гоша, словно замороженный, не сделал ни малейшей попытки защититься.

— Седьмая площадка. — Под днищем зависшего над головой строения вспыхнули три огня. Три ярких, образующих равносторонний треугольник, огня! Тихонько загудев, ангар взмыл вверх и исчез в пустоте. Рядом упало ещё несколько камушков, и снова наступила тишина.

— Седьмая площадка, — ласково повторила невидимая тётя и, подумав, добавила: «Р-р-о-о-м».

Словно порывом сильного ветра Гошу оторвало от земли и потащило прочь. Что-то подсказывало, что сопротивляться не стоит. Что он уже увидел самое важное. Серое ничто скрылось вдали, схлопнувшись в точку. Вздохнув, он открыл глаза.

— Гоша, сынок! — встревоженно трясла за плечо мама. — Что с тобой?

Папа сидел рядом, пристально рассматривая сына. От этого внимательного взгляда стало не по себе.

— Что случилось? Сколько я проспал? — прикинулся дурачком Гоша.

— Да нисколько, — протянул папа. — Пару минут. Ты с прогулки пришёл, бледный как полотно. Шатался как пьяный, аж за стенку держался. Потом упал на кровать, книжку схватил и отключился. Я ещё подумал, стоит дать тебе отдохнуть, а мама перепугалась. Говорит, на сотрясение мозга похоже. Кинулись будить, ты проснулся. Вот и весь сказ.

— Головой не бился? — частила мама. — Ничего не пил, не ел?

— Не курил?.. — подсказал папа.

— Перестань, Лёша! — вскинулась мама. — Это вовсе не смешно!

— Всё, всё. — Папа примирительно поднял руки. — Просто пытался разрядить обстановку. Что происходит, сын? Тебя кто-то обидел?

Очень хотелось рассказать папе правду, но... нельзя. Психолог уже был, а теперь будет и психиатр.

— Ничего не случилось, — равнодушно пожал плечами Гоша. — Просто устал. И голова болит... болела. Может, вирус ?

— Может, — закивала мама. — Они после ковида как с ума посходили. Температуры нет? Я вроде проверяла, — она приложила к Гошину лбу прохладную ладонь. — Пить, есть хочешь?

— Спать хочу, — честно признался Гоша. — А больше ничего.

— Пойдём, Лёша, — засуетилась мама.

— Это конечно, — кивнул, поднимаясь, папа. — Сон — лучшее лекарство. Спокойной ночи, Георгий. Утром поговорим.

Выключив свет, родители ушли. Не успев ни о чём подумать, Гоша крепко уснул.

В ту ночь почти ничего не снилось, если не считать явившегося под утро жуткого видения. Он парил под сводами огромной холодной пещеры, размером, наверное, с Москву. Повсюду, куда хватало глаз, вздымались корявые, похожие на недоделанные глиняные горшки сооружения. Казалось, неведомый гончар взялся за работу, да так и бросил заготовку прямо на круге.

Сооружения, однако, не были уродливыми. В них присутствовали недоступные обычному пониманию гармония и красота. Неведомые строители знали своё дело и потрудились на славу.

Исполинскими «заготовками» не ограничивалось. Стены, пол и даже свод пещеры были изрыты сетью больших и малых многоугольных отверстий. Некоторые были связаны друг с другом трубами неправильной формы, другие отсечены заглушками из причудливого металлического материала. Часть труб, сливаясь воедино, гармонично вращалась в верхушки недо-пирамид. Складывалось впечатление, что это гигантский подземный город. Но почему в нём так пусто и холодно?

Снедаемый любопытством, Гоша приблизился к стоящей неподалёку пирамиде. Подумав, влетел в одно из многочисленных, опоясывающих сооружение отверстий. Внутри — хитросплетения длинных, изогнутых коридоров, испещрённых большими и малыми проёмами. Свернув в один из них, Гоша зажмурился. Никогда в жизни он не видел ничего более отвратительного.

Неправильной формы помещение было полностью покрыто мерно колышущейся, блестящей массой. При ближайшем рассмотрении она являла собой пульсирующие клубки сплетённых друг с другом существ. Влажные хитиновые тела вздувались и сокращались, испуская ручейки прозрачной жидкости, стекающей в желобки на полу. Насекомые? Членистоногие? Кальмары? Казалось, мерзкие твари одновременно совмещали черты самых различных видов Земли.

Существа показались знакомыми, хотя Гоша мог поклясться, что никогда до этого их не встречал. Пытаясь сообщать во сне, он напрягся...

— «Р-р-р-о-м-м», — злорадно проскрежетала пещера. Видение померкло, и Гоша проснулся.

— Мама, можно я денег возьму? — спросил он, улетаая за завтраком бутерброд. — Мне кое-куда надо. Надолго.

— Сынок, ты что? — всплеснула руками мама. — Только в себя пришёл после вчерашнего. Прогулки, конечно, не помешают, но...

— Погоди, Люда, — перебил папа. — Георгий, скажи внятно, куда собрался?

— Мне надо на стадион и ещё кое-куда, — вздохнув, принялся объяснять Гоша. — Больше сказать не могу, но ничего опасного, обещаю. Вернусь через пару часов. Ну правда! — умоляюще посмотрел он на родителей.

— Ты точно себя хорошо чувствуешь? — озаботилась мама.

— Думаю, он трезво оценивает возможности, — подмигнул папа. — Ладно, поезжай. Только, — он предостерегающе поднял указательный палец, — чтобы всегда был на связи, понял?

— Обещаю! — кивнул Гоша.

Насчёт опасности он, конечно, приврал. На стадионе ничего не случится, а вот дальше... Но про «дальше» лучше не думать. Тем более что выбирать не приходится.

Одевшись и натянув любимые кеды, он пошёл к двери.

— Георгий, стой, — высунулся в коридор папа. — Точно помощь не нужна? Может, тебя подбросить? Заодно и поговорим.

И снова этот взгляд, от которого душа в пятки. Но Гоша не сдался:

— Всё хорошо. Не волнуйся.

Выдержав паузу, отец кивнул:

— Ладно, иди. И чтоб до вечера был как штык!

Выскочив на улицу, Гоша быстрым шагом припустил к метро. Идти неблизко, но на трамвай садиться неохота. Надо развеяться после душного, погребённого под песком и несчастьем Города.

Город... что же он такое? Откуда взялся, какую роль играет в происходящем? И главное, что теперь будет с пчёлами?

Впрочем, есть ещё одна возможность. Не было Города, Номоса и Отражений. Привиделось в бреду. Правда, это довольно легко проверить. И сегодня Гоша проверит.

Доехав до нужной станции, он взлетел по эскалатору и вышел на улицу. Перейдя дорогу, остановился возле входа на стадион. Дальше начиналось самое трудное.

Вздохнув, Гоша решительно нырнул в распахнутые двери. Быстро, почти бегом, проскочил мимо раздевалок и вышел на поле. Тренировка была в самом разгаре. Стайка ребят мчалась по беговой дорожке, остальные разминались под надзором Матвея Максимовича.

— Смотрите, кто пожаловал, — заметили гостя. — Ты что тут забыл?

Прервавшись, ребята направились к нахохлившемуся Гоше. Вопреки обыкновению, Матвей Максимович не пытался возобновить тренировку. Вместо этого он, повернувшись, молча наблюдал за происходящим.

— 3-здравствуйте, Матвей Максимович, — выдавил Гоша. — Привет, Полина.

Окатив ледяным взглядом, Полина скрестила руки и нервно закусил губу.

— Ты что-то хотел? — нарушил молчание тренер. — Мы тебя внимательно слушаем.

Гоша замялся, не зная, с чего начать. Сердце колотилось, на лбу выступили бисеринки пота. Пауза безнадежно затягивалась, но на помощь пришёл неожиданный союзник.

— Не бойся, — шепнуло Отражение. Почему-то совсем не злое.

— Ты? — удивился Гоша. — Но ты же погиб.

— Погиб, — согласился не-Гоша. — И стал частью тебя. Помнишь, я отдал тебе свой кристаллик? Ты не волнуйся, я вреда не причиню, даже наоборот. Пришло время исправлять содеянное.

Тихо зазвенев, посыпались осколки, но не злые и ранящие, как прежде. Сейчас они походили на тёплый летний дождик, успокаивающий и придающий мужества.

— Так-то лучше, — подмигнуло Отражение. — Ну, дерзай. Публика ждёт.

— Так чего ты хотел, Гоша? — переспросил Матвей Максимович.

— Он сам не знает, — протянула Полина. — Пришёл и тянет... кота за хвост.

— Я не тяну, — помотал головой мальчик. — Я пришёл, чтобы извиниться. Простите меня, пожалуйста.

— А за что? — уточнила, сощурившись, Полина. — Тогда ведь рассказывал, что случайно вышло.

— Я соврал, — от неловкости Гоша засунул руки в карманы чуть ли не по локоть. — Я специально толкнул. Хотел покрасоваться, на место поставить. А когда ты меня обогнала, я... в общем, сам не знаю, что на меня нашло. Но я поступил гадко и вины с себя не снимаю. Простите, если можете. И ты, Полина, и вы, Матвей Максимович.

— Во даёт, — прокомментировала Марина — бойкая, острая на язык девчонка, способная обставить любого на турниках и прыжках в длину. — А вы знаете, мне кажется, он искренне.

— Полина, если хочешь — можешь толкнуть меня на штангу, — робея, предложил Гоша. — Чтобы по-честному.

— Вот дурачок. — Отмахнувшись, Полина хихикнула. — Нужен ты мне больно. В общем, прощаю. Мирись, мирись, мирись, — шутливо оттопырила она мизинец.

Напряжение схлынуло, все как-то сразу заулыбались.

— Молодец, уважаю, — похлопал по плечу рассудительный высокий Данька.

— Мужик, — одобрительно прогудел подошедший Пашка.

— Согласен с ребятами, — улыбнулся Матвей Максимович. — Признаться, не ожидал. Тут мужество требуется, и немалое.

— Спасибо, — пролепетал Гоша, пожимая протянутую руку. — Я вам такого наплёл...

— Всё в порядке, тема закрыта, — остановил его тренер. — Как говорится, «кто старое помянет, тому высоких достижений не видать». Кстати, о достижениях. Останешься на тренировку? Ребята будут рады.

— Простите, не сегодня, — потупился Гоша. — Нужно кое-куда заехать.

— Тоже извиниться? — прищурился тренер.

— Да, — признался Гоша. — Извиниться. Тоже.

— Станция «Улица генерала Карбышева», — сообщила диктор. — Переход на Сокольническую линию. Уважаемые пассажиры, при выходе из вагона не забывайте свои вещи.

Ну вот и всё. Приехали.

Выйдя из вестибюля, он ненадолго замер. Кажется, туда. А что, если нет? Если увиденное в Городе и впрямь померещилось? Придёт он по адресу, а там Юлькой и не пахнет. И следовательно, он сходит с ума. Медленно и неотвратимо.

— Всё хорошо, — ободрило Отражение. — Не бойся.

— Легко сказать, — буркнул Гоша. — А что, если я свихнулся? Ты же со мной разговариваешь, хоть тебя и нет.

— Я не разговариваю, — терпеливо пояснил двойник. — Я — твоя часть, а не внешняя сила.

— И как мне теперь быть?

— Идти и не оглядываться. В худшем случае загремим в психушку. В отдельную, со всеми удобствами палату.

— Вот спасибо, успокоил.

— Как могу, — парировало Отражение. — Учти, я всё делаю в твоих интересах. Если стинешь ты, сгину и я.

Успокоившись, Гоша вышел из метро и зашагал по направлению к видневшейся неподалёку многоэтажке. Чем он, правда, рискует? Особенно по сравнению с Юлькой и Хнупом?

Вспомнив о друзьях, он расстроился. С Полиной-то помирился, а вот простит ли Юлька? И гоблины, если он их вообще когда-нибудь увидит?

Пройдя через забитую малышнёй площадку, Гоша остановился у железной двери. Подумав, набрал три цифры и вдавил кнопку звонка.

Гудок. Гудок. Трубку не брали. По адресу он или нет? А если нет, то где искать Юльку? Да и надо ли? Чем он, правда, тогда ей поможет?

В динамике щёлкнуло. И тут же сердце ухнуло, казалось, к самому центру Земли.

— Слушаю вас? — раздался женский голос.

— Здравствуйте, это квартира Тереховых? — выпалил Гоша, тут же мысленно обругав себя за глупость. Он ведь узнал Юлину маму!

— Да, — удивлённо протянул динамик. — А кто спрашивает?

— Светлана Андреевна, это Гоша, — с чувством, будто с плеч свалилась гора, затараторил он. — Мне нужно с вами поговорить. И с Юлей. Пустите, пожалуйста. Я вас очень прошу.

Прежде чем ему ответили, прошла, казалось, целая вечность.

— 16-й этаж, — бросила Светлана Андреевна и отключилась. Запищав, замок открылся, и Гоша шагнул в подъезд.

Ткнув в кнопку 16-го этажа, он постарался собраться с мыслями. Ему не рады, и немудрено, ведь вёл он себя по-хамски. Да и Юлька — вряд ли примет и поймёт.

«Гошка, зачем? Зачем, Гошка?»

Вздвогнув, он отогнал тяжёлые воспоминания. Он пришёл помочь и поможет. А раскисать будет после!

Светлана Андреевна стояла в дверях, напряжённо скрестив руки. Она, понятно, не простила, да он и сам себя не простил. Что, впрочем, не избавляет от ответственности.

— Она не злится. Скорее, боится, — шепнуло Отражение. — Ты сильно её ранил, пусть и по моей вине. Сейчас она не знает, чего ждать. Вдруг опять начнёшь издеваться?

— И что делать?

— Меньше слов и начни с главного, — объяснило Отражение. Новое, мужское, ставшее частью Гоши. Не контролирующее, но — помогающее. В самую трудную минуту — помогающее!

— Светлана Андреевна, я могу помочь, — выдавил из себя Гоша. — Разрешите, пожалуйста. А потом я уйду. Сразу.

Губы Юлькиной мамы дрогнули, глаза заблестели. Торопливо отвернувшись, женщина неловко провела рукой по лицу.

— Проходи, Гошенька, — улыбнулась она. — Ты прости, что я так нерадушно. Очень уж многое навалилось.

Её голос дрожал от еле сдерживаемых слёз. Несчастная Светлана Андреевна была убита горем. Из-за него, между прочим, убита!

— Проходи, не стесняйся, — взяв себя в руки, суетилась она. — Тапочки возьми. Может, чайку? Или покушать с дороги?

— Спасибо, — вежливо отказался Гоша. — Я не голоден.

— Жалко, папа наш на работе, — продолжала Юлина мама. — Очень тебя увидеть хотел, пообщаться.

Увидев, что Гоша испуганно замер, она замахала руками:

— Про тот разговор я ничего ему не сказала. Неужели не понимаю, что тебе тяжело? А тут ещё мы свалились, будто снег на голову..

— Не надо меня оправдывать, — отчеканил Гоша, подивившись собственной твёрдости. — Мерзко я поступил. Простите, если можете, и дайте только с Юлей поговорить. Она сама меня выгонит, вот увидите.

— Да как же... — тихо протянула Светлана Андреевна, прикрыв рот ладонью. — Ты что, её вылечить можешь?

— Вылечить — не думаю, — покачал головой Гоша. — А вот сделать так, чтобы заговорила — могу.

— Бедный мальчик. — Юлина мама устало потёрла виски. — Гошенька, ты молодец, что пришёл, извинился. Настоящим мужчиной растёшь. Но во взрослой жизни сказок не бывает. Всё, увы, гораздо прозаичнее. Мы с кем только не консультировались...

— Тем более, хуже не будет, — отрезал Гоша. — А за Юлю не бойтесь, я её не съем. Скорее уж она меня, — добавил он вполголоса.

— Хорошо, — устало кивнула Юлина мама. — Хуже точно не сделаешь. И потом, ты ведь, наверное, повидаться с ней хочешь.

— Очень, — подтвердил Гоша. — Мне... надо.

— Её комната по коридору направо, — сделав неопределённый жест, Светлана Андреевна тяжело опустилась на табуретку. — Не возражаешь, если на кухне посижу? Что-то силы совсем кончились.

— Спасибо, Светлана Андреевна, — признательно посмотрел на неё Гоша. — Отдыхайте, конечно.

— Можешь не стучаться, — с тоской добавила Юлина мама, невидяще уставившись в окно. — Всё равно не ответит.

Осторожно толкнув дверь, Гоша обвёл комнату взглядом. Незнакомая — и такая знакомая. Вот кровать, вот стол, а вот и календарь — всё это он видел там, на крыше. А вот окна в том фрагменте не было. И безучастно сидящей на кровати Юльки — тоже.

Прикрыв дверь, Гоша тихонько повернул в замке весьма кстати оказавшийся там ключ. Это хорошо, что можно запереться. Нельзя, чтобы им помешали.

— Привет, Юлька, — улыбнулся он. Та не ответила, глядя прямо перед собой. И хотя Гоша другого не ждал, у него засосало под ложечкой. Что, если он не справится? Светлана

Андреевна ему поверила, он её последняя надежда. Как она смотрела, когда Гоша обещал помочь! И если не сможет..

— Сможешь, — оборвало Отражение. — Если не ты — то никто. Другие не знают, что с ней сделали. А ты — знаешь всё.

— Мало ли, — оробел Гоша. — Это я в Городе крутой был, а здесь, в реальности — всё иначе. Где гарантии, что получится?

— Нет гарантий, — строго оборвал не-Гоша. — Их вообще не бывает. Думаешь, врачи не рискуют? А подчас не только чужой, но и своей жизнью рисковать приходится. Папа твой, к примеру — в тех ещё командировочках побывал, даром что в кабинете сидит. Думаешь, ему не страшно вас оставлять? Но это не повод опускать руки! Тем более что ЕЙ не помогут все врачи мира, вместе взятые. И значит, нет у тебя другого пути. Либо ты поможешь, либо... поможешь. Должен, обязан. Хоть умри!

Поняв, что Отражение не переспорить, Гоша нерешительно присел на кровать. Вздыхнув, взял Юльку за руку, крепко сжав тёплую, исхудавшую ладошку. Что дальше?

— Память, — напомнило Отражение. — Надо вернуть ей память. Действуй, время не ждёт!

Покрепче сжав Юлькину руку, Гоша отчаянно зажмурился. В мысли, как назло, лезла всякая чепуха. Никаким волшебством и не пахло.

Кристаллик! Он всегда помогал там, в Городе. Может, и здесь пригодится?

Гоша представил висящий на шее *р'рих*. Почувствовав приятную тяжесть, мысленно сжал кристаллик в кулаке. Ничего не случилось.

Подумав, он понял, что дело не в *р'рихе*. Там, на крыше, он очень хотел спасти Юльку. А сейчас, оказавшись в безопасности, оробел. И значит...

Он вспомнил пережитое в Городе. Вспомнил, как вышел один на один против не-Юли. Он вырвет Юльку из лап Номоса. Любой ценой, даже собственной жизни!

В висках бухнуло. Время замедлилось, бег мыслей прекратился. Вот оно! Вот!

Юлька *распахнулась* перед ним, словно открытая книга. Сейчас он видел её целиком — тело, мозг, даже сознание. Сложные взаимосвязи выстроились и обозначились с невероятной ясностью. Каждый орган был на своём месте, гармонично взаимодействуя с остальными. Каждая клеточка подключена к выполнению общего дела.

Полюбовавшись сложной картиной, Гоша сосредоточился на памяти. Засветившись, в воздухе повисла пульсирующая семимерная матрица Юлькиного сознания, напоминающая причудливую живую головоломку. Как можно видеть семь измерений, Гоша не понимал. И даже не пытался.

Он быстро обнаружил недостающий, вырванный Номосом кусок. Напрягшись, приблизил зияющую рану, одновременно извлекая из памяти отобранные у Отражения трофеи. Украденные не-Юлей контуры послушно выстроились в ряд, и Гоша, выдохнув, принялся аккуратно латать прореху.

По лбу градом лился пот. Он работал на пределе, отдавая всего себя спасению Юльки. Приблизить... нанести... заживить... просчитать последствия... Повторить, но уже иначе, мгновенно пересчитав вторичные и третичные взаимодействия. Приречь и перенаправить потоки импульсов. Повторить. Повторить.

Он плохо понимал, что делает. Но всё равно делал, напрочь отбросив сомнения. Приблизить... удалить контур... нанести... Ещё раз. Чем-то похоже на тетрис. Надо правильно уложить все кубики, и тогда... тогда...

Всхлипнув, Юля дёрнулась. От испуга Гоша чуть не выпал из *круха*. Спокойнее. Уже почти всё.

— Хватит. Не пуц-цу! — выскочило злобно шипящее нечто.

Опухоль. Она боится! И поэтому, обернувшись юркой чёрной змеей, отчаянно атакует.

— Отстань, — шикнул Гоша, но змея не собиралась сдаваться. Вяло отбиваясь, Гоша продолжил работу.

— Зачем, Гошка? — еле слышно прошептала Юля. И тут же повторила, уже погромче: — Гошка, зачем?

— Тихо, тихо, — ободряюще пробормотал он, борясь со змеей. Пару раз гадине удалось его ужалить, и он, разозлившись, завязал ей хвост узлом. Последние контуры... уже почти...

— Зачем, Гошка? — словно отходя от тяжёлого сна, крикнула Юля. — Гошка, зачем?! Зачем?!

Она закричала и забилась, вспоминая дядю Олега, гоблинов и «Тёмную звезду». В дверь постучали, сначала нерешительно, затем всё настойчивее.

— Гоша, открой, пожалуйста!

— Сейчас, — сосредоточенно шептал он, крутя перед мысленным взором мозаику памяти. — Ещё немного...

— Мама... Папа! — истошно голосила Юля. — Хнуп... Он... Свет... Гошка, зачем? Зачем? Заче-ем?!

— Немедленно открой! — барабанила, билась в дверь Юлина мама. — Я милицию вызову!

Просчитать... нарастить... заживить... Есть последний контур... Есть перенаправление... Есть контакт!

— Гошка-а-а-а... Заче-ем?!

— Открой сейчас же, слышишь?! Открой!

Но Гоша не открыл. Вместо этого он сосредоточился на змее. Они сошлись не на жизнь, а на смерть. И проигрывать Гоша не собирался.

— Не возмёш-шь, — возмущённо шипела опухоль, уворачиваясь от тисков его воли. — Не дамс-ся!

Не обращая внимания на крики, он отчаянно пытался поймать змею. И поймал, ухватив гадину за хвост. Качай её, Гоша. Качай!

Змея ожесточённо зашипела, медленно распадаясь на спиральки ДНК. Медленнее, чем хотелось бы. Приходилось быть осторожным, чтобы не навредить Юльке. Ведь опухоль росла из здоровых тканей!

В ушах шумело от усталости, но Гоша не сдавался. Войдя в раж, он медленно отщипывал от опухоли молекулы, отправляя болезнь в небытие.

От страшного удара дверь слетела с петель. Сильная рука схватила за плечо и сжала так, что Гоша вскрикнул. Воспользовавшись замешательством, укороченная змея юркнула вглубь Юлькиного организма.

— Ты что творишь, пацан? — гневно прохрипел склонившийся над Гошей мужчина. — Я тебя в порошок, понял? Не посмотрю, что ты ребёнок... Я не знаю, что с тобой сделаю!

— Не надо, папа, — прервал его Юлькин голос. — Всё хорошо. Правда.

Резко обернувшись, мужчина растерянно замолчал.

— Всё хорошо, — улыбнувшись, эхом отозвался Гоша. — Всё хорошо, Юлька.

Последние силы покинули его. Закатив глаза, он провалился в глубокий обморок.

В нос ударил резкий запах, и Гоша, сморщившись, очнулся, узрев склонившуюся над ним Юлину маму с флакончиком нашатыря.

— Живой, — взявшись за сердце, выдохнула Светлана Андреевна. — Слава богу...

— Где Юлька? — присел в кровати Гоша. — Она в порядке?

— В соседней комнате, с папой, — закивала Светлана Андреевна. — Увёл, чтобы не волновалась. Мы уж, грешным делом, думали... Юленька, дочка, — крикнула она в открытую дверь. — Гоша пришёл в себя, заходи.

Юлька выросла в двери прежде, чем мама успела договорить.

— Я вас оставляю, — решила Светлана Андреевна. — Поговорите и приходите к нам. Надо как-то... обсудить.

Посторонившись, Юля молча пропустила маму, кое-как прикрыв сломанную дверь. В ожидании худшего Гоша подобрался. Поцёчина? Это само собой. Хорошо, если стулом не треснет.

— Только не злись, — засуетился он. — Я сейчас уйду.

— Дур-рак! — со слезами крикнула Юлька и, подбежав, бросилась ему на шею. — Какой же ты дурак!

Всхлипнув, она замолчала, а Гоша почувствовал, как по рукаву футболки потекло что-то горячее.

— Юлька, ты чего? — нерешительно забормотал он. — Не надо, слышишь? Прекрати.

— Как ты мог? — всхлипывала Юлька. — Зачем так рисковал? А если бы погиб в Городе? А если бы здесь погиб? Да я... Как бы я жила потом?

Гоше стало ужасно стыдно. Он ждал чего угодно, но Юлька, как и Хнуп, даже не пыталась ни в чём обвинять. Больше всего на свете её волновал сам Гоша. Гораздо больше, чем самого Гошу!

— Юлька, давай поговорим?

— Не здесь, — вытерла слёзы Юля, кивнув на полуоткрытую дверь. — Сначала объяснимся с родителями.

Они вышли на кухню, где их уже ждали.

— Я вас покормлю, и это не обсуждается, — с ходу заявила Светлана Андреевна. — Вы бог знает на кого похожи. Гоша, суп будешь?

Гоша кивнул. Он понял вдруг, что чертовски проголодался.

— Меня Игорь Викторович зовут, — представился сидящий за столом Юлин папа: грузный мужчина с мощными руками и мясистым затылком. — Ты прости, что я так накинулся. Прихожу с работы, а дочь из запертой комнаты голосит. Сам не свой был.

Гоша кивнул. Юлиного папу можно понять. Впрочем, как и маму.

— Мы все натерпелись, конечно, — помрачнел Игорь Викторович. — Похищение это, возвращение, беспамятство. Поэтому расспросами мучить не буду. Одного не пойму: как ты её так вылечил?

— Я... — Слова застряли в горле. Как он, правда, собирался всё объяснить?

— Никак, — ответила за него Юля. — Поговорил со мной, и я очнулась.

— Что значит — поговорил? — хмыкнул Игорь Викторович. — Мы тоже с тобой говорили. Реакции никакой.

— А на него среагировала, — опустив глаза, упрямо ответила Юля. — Так бывает.

— Что-то вы темните, — прищурился Игорь Викторович. — Недоговариваете. Что с тобой случилось? Где ты была? Сейчас-то хоть вспомнила?

— Хватит, Игорь, — махнула рукой Светлана Андреевна. — Чего прицепился? Помог — и помог. Сам же мне читал, как люди из комы на знакомый голос выходят. Вот и Юля вышла. И хорошо. И давайте за это выпьем!

Кивнув, Юлин папа неспешно достал бутылки и фужеры. Налив Светлане Андреевне шампанского, он плеснул себе и детям вкусной, шипучей газировки.

— Не пью, — пояснил он. — Вообще.

Они чокнулись.

— В общем, хорошо, что всё хорошо, — подытожил Игорь Викторович. — Отныне я твой, Гоша, должник. Проси чего хочешь. Всё сделаю.

— Тогда отвези нас в Телепино, — невозмутимо жуя, сказала Юля. — Очень бабушку проведать хочется.

— Куда? — поперхнулся Игорь Викторович.

— В Телепино, — спокойно повторила Юля. — Я же говорю, по бабушке соскучилась.

— Юленька, да в своём ли ты уме? — ахнула Светлана Андреевна. — Какое ещё Телепино? Игорь, скажи ей!

— Я-то, конечно, скажу. Но прежде пусть скажет он, — кивнул на Гошу Юлин папа. — Чует моё сердце, возражений не будет.

— Да... нам нужно... нужно в Телепино, — переглянувшись с Юлей, кивнул мальчик. — Прямо сейчас. Очень.

— Игорь... — всхлипнула Светлана Андреевна, но тот был непреклонен:

— В Телепино — так в Телепино! — крикнул он, решительно мотнув головой. — Не надо, Света, я обещал. Домчу с ветерком, маму с отцом проведу. Не переживай, всё под контролем. И потом, что прикажешь делать? Носа из дома не высовывать?

Достав телефон, он вопросительно посмотрел на Гошу.

— Диктуй номер родителей.

Гоша продиктовал папин номер и имя. Кивнув, Игорь Викторович вбил нужные цифры.

— Алло, Алексей Семёнович? Игорь Викторович беспокоит, отец Юли Тереховой. Сын ваш у нас в гостях, и очень в Телепино просится. Я могу подбросить и обещаю присмотреть. Что? Трубку дать? Само собой.

Поначалу папа был непреклонен, но, узнав о чудесном выздоровлении Юли, согласился.

— Слушаю, — снова взял трубку Игорь Викторович. — Всё под мою ответственность. Я Юле обещал, а она без друга ни в какую. Чисто ниточка с иголочкой, ага. Да, конечно. Лично доставлю, прослежу и верну. Что? Нужно с бабушкой договориться? Само собой. Я их на свежий воздух отправлю и буду ждать звонка. Добро, Алексей Семёнович. До связи.

Кивнув, он отключился.

— Согласился папка твой, только бабушку известит, — подмигнул он Гоше. — А я нашу бабушку наберу. Да, и ещё, — спохватился он. — В Телепино от меня ни на шаг. Если кто напугает — сразу ко мне. Гнать буду через всю деревню.

— Папа — чемпион области по карате, — с гордостью поведала Юля. — Он нас в обиду не даст.

— Не дам, — подтвердил Юлин папа. — Костями лягу, если потребуется. Вы подождите во дворе, а я минут через сорок выйду, договорились?

— Договорились, — кивнул Гоша.

Быстро одевшись, они спустились во двор, усевшись на пустую лавочку.

— Думаешь, твой папа и правда защитит от... этих? — Гоша отчаянно пытался оттянуть начало Разговора.

— Думаю, ничего не случится, — подставив лицо солнцу, рассудительно ответила Юля. — Никто нас не похитит, не переживай.

Гошу пробил озноб. Слишком многое скрывалось за невинными, на первый взгляд, словами.

— Юлька, прости, — от волнения он пустил петуха и страшно расстроился. Столько ждал этой минуты, и надо же — всё испортил.

— Я так рада, что вернулась, — невпопад ответила Юлька, жмурясь под солнечными лучами. — Ветерок, трава... Ты не представляешь, как это здорово — быть живой. Не представляешь, Гошка! Там, куда я попала, — повернулась она к другу, — там плохо, очень. Мёртвое всё, холодное, стерильное. Камеры такие, с прозрачной стенкой. Я в такой сидела, а снаружи — эти, в комбинезонах. И смотрят так, будто я зачумлённая.

Уткнувшись, Гоша молчал. Отвернувшись, Юля тихонько продолжала:

— Там был Старший. И дядя Олег. Они сказали, что Хнупа забрали из-за тебя. Что ты согласился сотрудничать, а я, раз за ними кинулась, тоже свой выбор сделала. Этот Старший вообще на свободу напирал. Дескать, силой не тащили, а коли рискнула — будь добра терпеть. Я потому и не боюсь, что нас в Телепино ждут. Мы сами должны к ним прийти, иначе не считается. Там, кстати, и другие Старшие были... Улыбались, добренькими прикидывались, только я не поверила. Плохие они и жестокие. Даром что красивые.

Она помолчала, собираясь с духом. Чувствовалось, что воспоминания даются ей нелегко.

— Они его пытали, — взяла он за руку несчастного, мучимого раскаянием Гошу. — Опутали проводами, кололи какую-то дрянь. Кристаллик отобрали, тот, что на шее висел. Он без него совсем увял. Осунулся, дедушку звал, будто один остался. А потом его усыпили. Меня по коридору «выпускать» вели, а у его камеры учёные в скафандрах толкуются. Рядом — охрана эта бронированная. На взводе все, будто Хнуп проснётся и стену разломает. А он ведь мухи не обидит, зачем его охранять? Чего они так взъелись?

— Боятся, — шепотом прошептал Гоша, — что гоблины на Землю нападут. Дядя Олег рассказывал...

— Хнуп маленький, но храбрый, — перебила Юля. — Остался один, но не предал никого. Ничего им не сказал, и я не сказала. Старший обещал... — она запнулась. — Я ответила, пусть делают что хотят. Хоть пытаются, хоть убивают. А он руку так ласково на лоб положил и... всё. Дальше как в тумане. Чувствовала, как меня потихоньку разбирают. Как стирают по кусочку, по чуть-чуть. Это очень страшно — исчезать, будто тебя не было. А потом твой голос, шум, и всё прекратилось. Ты пришёл, взял за руку, вывел оттуда. Не знаю, что ты сделал, но я себя даже чувствую лучше. Как тогда, у Бруха, помнишь? Зря его Валерий Кузьмич ругал, он ведь помочь пытался. И ты помог. Где только этому научился?

— Долгая история, — отмахнулся Гоша. — Я и сам, если честно, не понимаю. Юлька, я виноват, страшно. Не знаю, как мне быть. И что делать — не знаю.

— Прекрати, — покачала головой Юля. — Я же вижу, как ты мучаешься. И как пытаешься всё исправить — тоже вижу. Когда ты меня... лечил, мы как одно целое были. Я всё увидела: и

Город, и пчёл, и Дворец с Номосом. Ты так натерпелся, что врагу не пожелаешь. Думал, я тебя ненавижу. А я знаю, что тебя обманули. Что не стал бы ты просто так...

— Друзей предавать? — глухо подсказал Гоша.

— Хватит самоедством заниматься, — рассердилась Юля. — Во-первых, Хнупа так не спасёшь. А во-вторых, ты не сам это сделал, тебя Старший подтолкнул. Они людьми крутят как хотят. Даже дядей Олегом. Вроде весёлый, шутит, а как на Старшего глянет, так про всё на свете забывает. А Старшие, кстати, перед Полигоном хорошими прикидываются, а когда всё уходят, то другие совсем. Что-то тут нечисто.

— А в Телепино тебе не рановато? — робко перевёл тему Гоша. — Если хочешь, могу сам...

— Не хочу, даже не думай! — гневно отвергла идею Юля. — Гоблины в беде из-за нас. И в блокаде, я слышала, как на базе про это говорили. Вдруг получится к ним пробраться? Узнать, как они и что с ними?

— А если не получится? — Гоша был ужасно признателен за то, как Юлька подобрала слова. Могла ведь сказать «в беде из-за тебя», но не стала.

— Не получится — вернёмся, — отрезала Юля. — Мы ничем не рискуем. Говорю тебе, снова нас не похитят. Да и не нужны мы особо, их больше Хнуп интересуется.

— Ну, молодёжь, не укачало? — бодро спросил Юлин папа, подъезжая к Телепино. Гоша понял, что вопрос задан неспроста. Игорь Викторович переживал за дочку, хоть и тщательно это скрывал. Гоша понимал его — он и сам беспокоился о Юльке. Впрочем, ей, похоже, действительно стало легче. Укороченная им змея уползла зализывать раны, на время оставив Юлю в покое.

— Здесь? — уточнил Игорь Викторович тормозя. — Это твоя бабушка?

— Да, — радостно кивнул Гоша, выскакивая из джипа. — Привет, ба!

Кряхтя и охая, бабушка Соня заспешила им навстречу. Она снова взялась за тросточку. Похоже, без гоблинского снадобья ей стало хуже.

— Гошенька, — прижала она внука к груди. — Родной мой, дай поцелую. Как ты? Отошёл, выздоровел? Ах, молодец! А это кто, Юленька? Батюшки, да что ж ты стоишь? Проходи, проходи! Это папа твой? Здравствуйте!

— Игорь Викторович, — вежливо поздоровался Юлин папа. — Вы простите, мы к своим бабушке с дедушкой спешим. Пообщаемся немного, а потом обязательно заглянем. По долгу, между прочим, службы, я ведь вашему папе обещал за детьми приглядывать. А знаете, что, заходите лучше вы к нам, а то прямо неудобно. И так у вас всё время чужая детвора пасётся.

— Скажете тоже, — гневно отмахнулась бабушка. — Юля мне как родная. Идите, располагайтесь, а завтра приходите. Или мы на огонёк заглянем, я давно Валентине Павловне варенье принести обещалась. Надолго к нам?

— На пару дней, — ответил Игорь Викторович. — Больше не могу — дела. И детей оставить не получится. В свете, так сказать, последних событий.

— Да уж, — помрачнела бабушка. — Вечером сажу во дворе, глядь — у озера ка-ак сверкнёт! Думала — молния, потом смотрю — небо-то чистое, ни дождя, ни тучки. Соседи повыскакивали, спрашивают, что да как. А я то — откуда знаю? Потом вспомнила, что дети туда гулять ушли. С Олегом этим, пропади он пропадом! Ну, я палочку-то взяла да поковыляла. Слышу — грохочет что-то, ревёт. А потом началось — самолёты, вертолёт. Грузовики какие-то, солдат нагнали, будто война идёт. Сын мой с учений примчался. Я пока дошла — думала, от страха помру. Потом гляжу — Гоша у папы на руках. А Юленьки... Юленьки...

Шмыгнув носом, бабушка промокнула глаза платочком.

— Так папа твой здесь, получается, был? — с интересом уточнил Игорь Викторович.

— Ну да, — пожал плечами Гоша. — Он офицер, в штабе служит. Генеральном. Они рядом были, их как раз на учения отправили.

— Понятно, — протянул Игорь Викторович. — Ладно, не буду задерживать. Утром увидимся.

— Пойдём, внучек, пойдём, — захопотала, засуетилась бабушка. — Хорошо, что ты приехал, а то совсем я одна заскучала. Ещё Олег этот, — бабушка нахмурилась и помрачнела. — Чует моё сердце, он это. Как всё случилось, веришь — пропал. Даже вещи не забрал. Я и смекнула, что он не просто в отпуск приезжал. А главное, — бабушка перешла на шёпот, — пропали они, вещи-то. Прямо из закрытой комнаты испарились. Поначалу подумала: обворовали, а потом сообразила. Он это приходил, и барахло своё забрал. Ни пылинки не оставил! Но ты, внучек, не бойся. Я, как узнала, что приедешь, Валерия Кузьмича пригласила с нами пожить. И ему веселее, а то он последнее время сам не свой. Ничего, прорвёмся. А если Олег этот к нам сунется, мы ему дадим прикурить!

И бабушка воинственно погрозила кулаком проплывающей туче.

— Ты зачем приехал? — спросил Валерий Кузьмич, улучив момент, когда бабушка вышла на кухню. Этим летним солнечным утром на веранде было особенно хорошо, и Гоша совсем не ожидал подобного вопроса.

— Гоблинам помочь... — пробормотал он. — Проведать... мы с Юлькой... и с папой её.

— Дурачки вы с Юлькой, — рассерженно крикнул Валерий Кузьмич. — Прямо к тигру в пасть!

— В смысле? — насторожился Гоша. — Какому ещё тигру?

— А к такому! — пригнулся Валерий Кузьмич, буравя взглядом. И хотя он казался рассерженным, Гоша понял, что колдун очень переживает. — Ты в храме был? Уезжайте немедленно, их же тут как...

Увидев бабушку, он замолчал и склонился над тарелкой. Гоша сидел, как громом поражённый. Что происходит? Но колдун молчал, не проронив больше ни слова. А после завтрака, торопливо попрощавшись, ушёл.

— Ба, а что там в храме? — уточнил Гоша, дожёвывая блинчик. — Кто-то приехал?

— Приехали, — закачала головой бабушка. — Реставраторы, из Москвы. Им военные тогда шепнули, вот они и примчались. Храм наш, говорят, историческую ценность представляет. Так что нет худа без добра.

— Что за реставраторы? — допытывался Гоша. — Какие они?

— Да обычные, — пожал плечами бабушка. — Парни и девчата, молодые, задорные. На гитаре бренькают, в футбол гоняют. В озере купаются. Мне вот сумку донести помогли. Рассказывали даже, из какого института, да я запамятовала. Не та уже память у бабушки-то.

Парни и девчата. Молодые, задорные. Люди дяди Олега? Ужасно не хотелось в это верить посреди тёплого Телепинского денька. Что они, правда, всем Полигоном сюда слетелись?

— Могли и слететься, — упрямо шепнуло Отражение. — Не забывай, что на кону.

— Ерунда, — отмахнулся Гоша. — Дядя Олег ещё туда-сюда, но чтобы столько... Не верю.

— Тут не надо верить, — парировало Отражение. — А проверить не помешает. Только осторожно, а то будет, как с Юлькой.

Гоша поёжился. Рисковать собой не хотелось, но выбора не было. Необходимо прорваться к гоблинам либо вернуться на исходные, поняв, что путь закрыт. Интересно, почему они

открыли проход именно там? Возможно, сказались особые характеристики места. Храмы ведь тоже где попало не ставят. Это ещё бабушка говорила.

Выскочив за калитку, Гоша помчался к Юлькиному дому, по пути поздоровавшись с Женькой. Надо осмотреться, а там будет видно.

— Проснулся? — поприветствовал облокотившийся на забор Игорь Викторович. — Какие планы? Может, на озеро?

— Можно к церкви сходить? — решил Гоша. — Всем вместе.

— Можно, конечно, — удивился Юлин папа. — А что за спешка?

— Говорят, там реставраторы приехали, — подхватила вышедшая на крыльцо Юля. — Древнее что-то откопали. Пойдём, правда, сходим?

Она играла роль на «отлично», старательно изображая наивную девочку, которой не терпится прогуляться после длительного пребывания взаперти. И ведь не боится, отлично понимая, что играет с огнём. От Полигона никакой папа не защитит.

— Пошли, конечно, — разочарованно вздохнул Игорь Викторович. — Я думал, у вас другие планы — искупаться, в футбол сыграть. Хотя в футбол, наверное, не захотите... В общем, в церковь — так в церковь. Айда, малята!

Уже на подходе Гоша понял, что возле храма развернули бурную деятельность. По периметру покосившейся церквушки стояло несколько крупных тентов, напоминающих армейские. Неподалёку вкусно дымила походная кухня.

— Дела, — присвистнул Игорь Викторович, оглядывая аккуратные, перекрывающие подступы траншеи, где кипела работа. — Не пойму, это реставраторы или археологи.

— И то и другое, — радостно сообщил щекастый, здоровый парень, выскочив из-под откинувшегося навеса. — Сводная, так сказать, команда, со всей Москвы и области. Когда нам сообщили, мы, признаться, не поверили. Приехали, и такое нашли!

Он закатил глаза, всем видом демонстрируя невероятность находки.

— Ой, а мы и не знали, — захлопала ресницами Юлька. — А что там, дяденька? Может, покажете, а то жуть как интересно!

— К сожалению, не могу, — покачал головой щекастый. — И времени в обрез. Вы что-то хотели?

— Просто глянуть, что тут у вас, да как, — вмешался Игорь Викторович. — Может, позвольте одним глазком?..

— Вы что! — замахал руками парень. — Там же пятнадцатый век! И вообще, состояние критическое. В любой момент может рухнуть, а вы без касок!

— Пожалуйста, в виде исключения? — настаивал Юлин папа. — Дочка очень просила.

— Даже не думайте, — щекастый был непреклонен. — Посторонних, особенно детей, на территории быть не может. Случись что — погонят из института без разговоров. Но если вам так интересно... Оленька! — подозвал он проходящую мимо девушку в широкополой соломенной шляпе. — Тут у нас гости образовались, раскопками интересуются. Не могла бы ты уделить несколько драгоценных минут? А я побежал. Ничего, ну совсем ничего не успеваю!

Раскланявшись, он припустил к одной из траншей, раздавая встречным указания. Грузная фигура и семенящая походка делали его похожим на колобка, а не на агента Полигона. Да и на дядю Олега он не похож. Тот — десантник, и драться как умеет. А этот разве на что-то способен?

— Очень рада, что вам интересно, — обаятельно улыбнулась девушка. — В наше время это большая редкость.

Дальнейший разговор Гоша запомнил плохо. Помощница щекастого сыпала датами и справками, устроив экскурс до времён Татаро-монгольского ига. Как среди этого оказалась Телепино, Гоша не уяснил. Но спрашивать побоялся, иначе Оленька могла дойти до мезозоя.

Он пристально осмотрел хрупкую, симпатичную девушку. Испачканные, потёртые шорты, старенькие кеды, застиранная майка. Приветливая, немного рассеянная улыбка, добрый взгляд голубых глаз. Неужто она служит в Полигоне? Днём копается в грязи, а ночью пробивает проход к гоблинам на пару со щекастым? Чушь, не может быть!

Задумавшись, Оленька ненадолго замолчала, и несчастный Игорь Викторович тут же этим воспользовался.

— Спасибо вам огромное, — признательно кивнул он попятившись. — Очень интересно. Мы как-нибудь ещё зайдём.

— Приходите! — улыбнулась Оленька. — Я ведь не всё рассказала. Во времена князя Владимира...

— До свидания, — перебил Юлин папа и, схватив детей в охапку, заторопился вниз по склону.

— Вот это да, — остановился он, отдалившись от Оленьки не меньше, чем на километр. — Сразу видно увлекающуюся натуру. Может, всё же на озеро?

— Давайте, — рассеянно кивнул Гоша. — Давайте на озеро.

— Что задумал? — улучив момент, спросила вечером Юлька. — Я же вижу.

— Ты о чём? — притворился удивлённым Гоша.

— Дурачка из себя не строй, — поморщилась Юля. — К гоблинам собрался?

— Собрался, — грустно кивнул Гоша, понимая, что от Юльки не отвертишься. — Ночью можно пробраться внутрь и открыть проход. Что там, охраняют, что ли?

— Не похоже, что охраняют, — пришлёпнув севшего на шею комара, задумчиво протянула девочка. — А что, если это не реставраторы? И кстати, почему мне ничего не сказал? Опять геройствуешь?

— Ничего я не геройствую, — обиделся Гоша. — Но тебе туда нельзя.

— Это почему это? — подбоченилась Юля.

— Будто не знаешь, — вздохнул Гоша. — Если это Полигон, то тебя заберут, а Старшие скажут, мол, сама виновата. И кто знает, что с тобой сделают на этот раз.

— А с тобой не сделают? — возразила Юля.

— Сделают, — согласился Гоша. — Но я должен, понимаешь? Я заварил, мне и расхлёбывать. А ты и так сегодня подставилась, даром что с папой пришла. Если снова попадёшь в беду, я себе не прощу.

— Сомневаюсь, — хмыкнула Юля. — Оленька слишком добрая для Полигона.

— Дядя Олег тоже улыбался, — напомнил Гоша. — И на гитаре брэнчал.

Повисла пауза. Было видно, что Юлька напряжённо решает.

— Хорошо, — согласилась она наконец. — Но учти — если тебя заберут, я всё расскажу папе, и мы пойдём тебя выручать. С боем, если потребуется.

— Не придётся, — с деланной бодростью улыбнулся Гоша. — Ни с боем, ни без боя. В общем, завтра поговорим.

Проснувшись от пиликанья будильника, он прокрался мимо бабушкиной комнаты и выскользнул за порог. Несмотря на приближающийся сентябрь, ночь стояла тёплая. Высоко в тёмном небе слабо светил полумесяц.

Тихо, как мышка, Гоша пересёк спящую деревню и приблизился к храму. Неподалёку шумно храпели. Умаявшиеся за день реставраторы спали беспробудным сном.

«Почему они не сняли жильё в деревне? — подумал Гоша. — Хотя так, наверно, удобнее. И дешевле».

Проскользнув мимо тентов, он ступил на порог. Осталось пробраться к ризнице, и...

Сильная рука рванула за шиворот так, что Гоша, не удержавшись, плюхнулся на пол. В лицо ударил яркий свет мощного фонаря.

— Ну здравствуй, мальчик Гоша, — раздался насмешливый голос щекастого. — Привет от дяди Олега.

Отвернувшись и заморгав, Гоша увидел, что рядом кто-то стоит. Присмотревшись, он не поверил глазам. Это была Оленька. Та самая, что так увлечённо рассказывала про историю Телепинского храма!

Значит, всё-таки Полигон. И что теперь? Плен? Он лихорадочно оглянулся, ища пути к отступлению. Поздно — выход перекрыт молчаливо стоящими плечом к плечу «реставраторами». Не прорвёшься, не убежишь. От этих — точно.

Мальчик с надеждой посмотрел на Оленьку. Может, получится разжалобить? Но одного взгляда хватило, чтобы понять — не получится. На лице Оленьки не было и тени приветливой утренней улыбки. Не было вообще никаких эмоций, кроме страшной, молчаливой решимости.

— Дяденька, — протянул Гоша, изо всех сил давя на жалость. — Отпустите, пожалуйста. Я не понимаю...

— Всё ты понимаешь, — сурово оборвала Оленька. — К тварям своим пробиться пытался. Предатель.

— Сами вы! — разозлился Гоша. — Что вы вообще знаете!

— Уж побольше твоего, — хмыкнул щекастый. — Щенок.

Отстегнув от пояса маленькую коробочку, он ткнул в неё пальцем. Замерцав, в воздухе повисло, фокусируясь, лицо дяди Олега.

— Что у вас? — начал было тот, но, увидев сидящего на полу Гошу, широко улыбнулся. — А-а, старый знакомый! Как дела, Георгий? Решил на огонёк заглянуть?

От неожиданности Гоша не нашёлся что ответить, и лишь шумно сглотнул.

— Красиво они тебя, а? — глумился дядя Олег. — Ты, поди, уверен был, что это всего-навсего студенты. А это, родной, подразделение «Сигма», лучшие из лучших. И будь уверен — до твоих приятелей они докопаются.

— Что с пацаном, товарищ командир? — уточнил щекастый. — Паковать?

Гоша pokrылся холодным потом. Похоже, допрыгался.

— Отставить, — поморщился дядя Олег. — С меня его подружки хватило. Мы с детьми не воюем. Отпустить.

— Есть, — кивнул щекастый. — А что, если он вздумает болтать?

— Сомневаюсь, — покачал головой дядя Олег. — А если вздумает, или, скажем, Игоря Викторовича притацит, то пожалеет. Очень. Тебе понятно, Георгий?

Не веря счастью, Гоша осторожно кивнул.

— Тогда у меня всё. Отбой.

Подёрнувшись рябью, голограмма исчезла. Щекастый и Оленька переглянулись.

— Я бы не отпускала, — категорично произнесла девушка. — На врага ведь работает.

— У нас приказ, — отрезал щекастый. — Подними его.

Подойдя к Гоше, Оленька рванула его так, что в глазах на секунду потемнело. И откуда в хрупких руках было столько силы?

— Ещё раз сюда придёшь — пожалеешь, — ненавидяще прошипела она. — Ты для меня — враг, запомни. Если бы не приказ...

— Отставить, Нова, — вмешался щекастый. — Я думаю, он осознал.

Повернувшись к пленнику, он смерил его пристальным взглядом.

— Что застыл, пацан? Вали отсюда. Пока мы не передумали!

— Что, прямо вот так отпустили? — недоверчиво уточнила Юля.

— Да, — кивнул Гоша. — Дядя Олег сказал, они с детьми не воюют. Хотя воюют, ещё как. Я, когда домой прибежал, окна закрыл и даже спать боялся. Думал — вдруг и правда передумают.

Этим утром они вернулись в Москву и сейчас сидели во дворе Гошиного дома, обсуждая случившееся.

— Странно, — поёжилась Юля. — Как, говоришь, их отряд назывался?

— Сигма, — повторил Гоша. — Подразделение «Сигма».

— Сигма, — эхом откликнулась Юля. — Нет, не слышала. Там — не слышала.

Они помолчали.

— И что делать? — спросила Юлька, по привычке ковыряя землю прутиком. — Как теперь найти Хнупа?

— Дядю Олега надо найти, — хмуро протянул Гоша. — А там — будь что будет.

— Ты с ума сошёл? — вскинула брови девочка. — Где его искать? И что ты ему скажешь, даже если найдёшь?

— Не знаю, — тихо ответил Гоша. — Вдруг он правда не такой гад, раз меня отпустил?

— Хороший план, ничего не скажешь, — фыркнула Юля. — Просто отличный.

— Другого нет, — насупил Гоша. — Можешь не участвовать, я пойму.

Он ойкнул от болезненного тычка в плечо.

— Я тебе дам «не участвовать». — Юлька гневно потёрла остренький кулачок. — Вместе мы, понял? Так с чего начнём?

— Есть одна идея, — поделился Гоша. — Я когда возвращался из Города, оказался в таком пространстве, с островками. Мне кажется, я из Номоса что-то выбил, когда с ним дрался. И на одном таком островке был логистический центр. Склады, грузовики. Потом один такой склад в воздух взлетел, а под днищем — три огня, как на корабле дяди Олега. Ещё голос помню,

синтетический, как в метро. Всё повторял «седьмая площадка». А что, если это место и правда существует?

— Полигоны состоят из испытательных площадок, — потербила губу Юля. — Мне дядя рассказывал. Думаешь, у них там база?

— Да, — кивнул Гоша. — Попробуем найти её на картах. Я хорошо сверху рассмотрел. Узнаю.

— Угу, — согласилась Юля. — Всё равно ничего лучше не придумаем. Как часы? Нравятся?

— Ещё бы, — довольно подтвердил Гоша, бережно рассматривая папин подарок: красивые, с красной звёздочкой на циферблате, часики. — Нравятся. Очень.

— Работу распределить не получится, — деловито объяснил он, включая компьютер. — Будем вместе искать.

— Думаю, надо начать с глухих уголков, — подсказала Юля. — Подальше от Москвы. Не будут же они в столице строить.

Кивнув, Гоша вбил в строку поиска «логистический центр». Крутнув колёсико, уменьшил масштаб и с тоской посмотрел на густо усеявшие карту булавочки результатов.

— Многовато, — вздохнула Юля. — И это только по России. А что, если он за границей находится?

— Вряд ли, — возразил Гоша. — Один из грузовиков был «камазом». И номера русские. С флагом.

— Может быть, ты и номер запомнил? — поинтересовалась Юля.

— Нет, — покачал головой Гоша. — Там, понимаешь... — он задумался вспоминая. — Всё будто смазано, как во сне. Детали не рассмотришь.

— Ладно, гадать не будем, — прищурилась Юля. — Давай глянем, что у нас есть.

Прильнув к экрану, они потратили несколько часов, пытаясь отыскать загадочную «площадку». Излазив карту вдоль и поперёк, Гоша разочарованно откинулся на стуле, потеряв уставшие глаза.

— Ничего. Даже близко похожего.

— Мы не всё посмотрели, — безжалостно напомнила Юля. — Работы полно.

— Так неделю просидишь, — расстроился Гоша.

— Может быть, через уцк? — с надеждой спросила Юля. — Он ведь не раз помогал.

— Не получится — грустно отмахнулся Гоша. — Всё на тебя потратил. А сейчас, когда пытаюсь — только голова болит.

— Спасибо, Гошка. — Тихонько, словно боясь спугнуть, Юля прикоснулась к его ладони. — Я никогда не забуду.

— И как предал — тоже? — криво усмехнулся Гоша.

— Хватит себя корить! — вскинулась Юля. — Мы им всем устроим — и Старшим, и Полигону. И Хнупа спасём, и гоблинов освободим. Вот так!

Её поддержка придала сил. Гоша вдруг понял, что очень нуждался в этих словах.

С ненавистью глянув на карту, он решительно вбил «полигон» и нажал на кнопку поиска. Ничего. Только свалки и страйкбольные площадки.

— Ты правда думаешь, что они так назовутся? — улыбнулась Юля.

— Почему бы и нет? — пробурчал Гоша. — Кого им бояться?

— Тогда попробуй не «полигон», а какой-нибудь синоним. Например, «стенд», — предложила Юля. Кивнув, Гоша вбил запрос и пробежался по результатам.

— Ерунда какая-то, — сердито фыркнул он. — Одни рекламные агентства. «Уличные стенды на стойке». Тьфу!

— А если логистику упомянуть? — не сдавалась Юля.

— Давай попробуем, — хмыкнул Гоша. — Та-ак... А это ещё что? — Он ткнул пальцем в одну из строчек.

— «ООО Стенд-7 Логистика», — прочитала Юля. — Ближнее Подмосковье, совсем не там, где искали. Ты думаешь?

— Да что тут думать! — Гоша ткнул пальцем в спутниковый снимок. — Стенд-7. Полигон, 7-я площадка. И фотографии — один в один. Юлька, ты гений!

— И что дальше? — уточнила Юлька. — Поедем туда? В принципе, недалеко, но...

— Никаких «но»! — азартно хлопнул по столу Гоша. — Завтра жду тебя у входа на «генерала Карбышева». Сама же говорила, что никуда меня непустишь.

— Говорила, — рассеянно кивнула Юлька. И Гоша вдруг почувствовал, что неожиданная удача её вовсе не обрадовала.

Добраться до центра оказалось просто — выйти на «Аннино», а дальше — на «маршрутке». Гоша немного опасался водителя, но тот не обратил на них никакого внимания, сообщив только, что льгот для школьников не имеется и придётся оплачивать полную стоимость проезда.

Из дома тоже отпустили без проблем. Всё-таки Москва — не Телепино, да и он разумно умолчал о цели поездки, соврав, что хочет погулять по Красной площади.

— Ну и что дальше? — спросила Юля, когда они вышли.

— Там по соседству — заброшенная деревня, — объяснил Гоша. — Её наполовину снесли, но кое-что осталось. Можно устроиться и понаблюдать.

Вечерело. Гоша знал, что родители будут беспокоиться, но днём приближаться к центру опасно. Слишком уж всё на виду.

Спустившись на пыльную грунтовку, они затопали к деревне. Сверившись с навигатором, Гоша решительно взял правее.

— Сюда!

Дойдя до деревни, они осторожно зашли в одну из покосившихся изб и устроились возле окна. Напротив, примерно в километре, на покрытой новеньким асфальтом площадке возвышались красивые, белые ангары.

Сосредоточенно сопя, Гоша припал к биноклю. Стараясь не мешать, Юля тихонько разложила на рассохшемся, брошенном хозяевами столе бутерброды.

«ООО Стенд-7 Логистика» ничем не отличался от собратьев. Такие же склады, такие же снующие взад-вперёд грузовики. Рядом с поднятым шлагбаумом — будка, в ней — толстяк сторож, лениво потягивающий чаёк. Судя по пляшущим на стёклах бликам, сторож смотрел телевизор. Сейчас как раз показывали футбольный матч.

— Ничего необычного, — подытожила, возвращая бинокль, Юля. — Возможно, мы ошиблись.

— Это точно Полигон, — настаивал Гоша. — Не верю я в такие совпадения.

— Да какой Полигон? — засомневалась Юля. — У этого охранника одышка и изжога. Он сто метров не пробежит!

— Пробежит, — процедил Гоша, вперившись в бинокль. — И сто, и двести, и тысячу. Они, знаешь, как обычными людьми прикидываются? Любо-дорого смотреть.

— Знаю, — вздохнула Юля. — Значит, пробраться не получится. И где искать дядю Олега — неясно.

— Не надо никуда пробираться, — печально посмотрел на неё Гоша. — Я пойду и сдамся в обмен на Хнупа. Я же тоже кое-что умею.

— Ты что? — взъярилась Юля. — И думать не смей, слышишь? Тебя заберут, а Хнупа не отпустят.

— Нет у меня выбора, — грустно улыбнулся Гоша. — Попробую договориться со Старшими. Если сам пришёл, то, может, они согласятся на сделку? А не согласятся — буду драться. Вместе с Хнупом.

— Дурак, — всхлипнула Юлька отвернувшись. — Какой же ты, Гошка, дурак! Не имеешь ты права к ним идти, понял?

— Это ещё почему? — удивился Гоша.

— Они предлагали уговорить тебя прийти, — выпалила Юля. — Старший обещал, что вылечит, если соглашусь. Что рак для них — плюнуть и растереть.

— А ты? — ошарашенно спросил Гоша, не веря ушам.

— А я не стала, — тихо и просто ответила Юлька. — Сказала ему, что он мерзавец и шантажист. Чтобы больше ко мне не обращался. И сразу после этого оказалась в Городе.

Гоша потрясённо молчал, переваривая услышанное. Юлька, значит, ради него... А он? Заслужил ли он? Если сейчас отступит?

— Я пойду, — повторил он, стиснув зубы. — Ты меня спасла, а я Хнупа. Должен, обязан. Понимаешь?

— Не понимаю, — замотала головой Юлька. — Не пуцу тебя, понял?

— Никуда вы не пойдёте, — сказал кто-то. Вскочив и ощетинившись, Гоша не сразу сообразил, что голос принадлежит вошедшему в комнату папе.

— Быстро в машину, — скомандовал отец. — И домой. Путешественнички!

Поняв, что спорить бесполезно, они выскочили во двор, к припаркованной возле избы машине.

— Я с тобой дома поговорю, — сурово бросил папа, перетягивая и защёлкивая ремень. — В Кремль он поехал. Ты на время смотри? Мне мама голову оторвёт!

— Папа...

— Цыц, я сказал! — заведясь, отец лихо рванул с места. — Чтоб я ещё раз... Ах ты чёрт, — ругнулся он, увидев перегородивший дорогу фургон. Прежде чем Гоша успел среагировать, папа переключился на заднюю передачу и вдавил газ, пытаясь развернуться.

— Не получится, — процедил он, видя, как с противоположной стороны медленно подползает грузовик. — Слушайте сюда...

— Всем оставаться на местах! — рявкнул усиленный громкоговорителем голос. Монолитные на вид борта бесшумно распахнулись, из них горохом посыпались вооружённые люди.

— Гоша... — начал было папа, но невидимый наблюдатель был очень внимателен.

— Молчать, руки на руль! — прогремело в усилитель. — Ещё раз двинешься, будет плохо!

— Вот тебе и толстяк с изжогой, — пробормотал Гоша, кивнув на замершего неподалёку сторожа с автоматом. — Вот тебе и одышка.

Вспыхнули мощные фары, ослепляя, подавляя желание сопротивляться. Раздвинув оцепление, кто-то неторопливо подошёл к окну и постучал костяшкой согнутого пальца. Вздрогнув, Гоша нацупал и вдавил кнопку стеклоподъёмника.

— Эх, Георгий, Георгий. — Внимательно осмотрев салон, дядя Олег укоризненно поцокал языком. — А я ведь предупреждал.

Глава 9 — Мальчик и папа

— Папа, это ловушка! — опомнившись, крикнул Гоша. — Они нас ждали!

Странное оцепенение охватило папу. Сейчас, сейчас он придёт в себя и...

Но ничего не случилось. Икнув, папа обмяк и опустил стекло.

— Можно выходить? — вкрадчиво спросил он, обильно потея. Окинув его долгим взглядом, дядя Олег кивнул:

— Выходи. И вы, господа, тоже!

Медленно открыв дверь, Гоша помог Юле выбраться.

— Да вырубите вы фары! — недовольно крикнул дядя Олег, махнув грузовику. Ослепительный, режущий глаза свет погас и Гоша, наконец, перестал жмуриться.

— Что здесь, собственно, происходит? — удивлённо спросил папа. — Вы из полиции? Мы ничего не нарушали.

— Они не из полиции, — дёрнул его за рукав Гоша. — Они...

— Из другой структуры, — процедил дядя Олег — Не нарушали, говоришь? А что ты тут делал с детьми? Гулял?

— Видите ли, гуляли они, а я, собственно, только приехал...

Сникшего, лебезящего папу было не узнать. Неужели он испугался? Гоше ужасно не хотелось в это верить. А вот дядя Олег, похоже, поверил. Презрительно скривившись, он отвернулся к мальчику.

— Зачем ты его притащил? — спросил он так, словно взрослым был именно Гоша.

— Я не притаскивал! — набычился Гоша. — Он сам...

— Я сам, сам, — закивал, старательно улыбаясь, папа. — У него в телефоне программка. Если хотите, покажу...

— Не надо, — небрежно отмахнулся дядя Олег. — Что ж вам дома-то не сидится? Выкладывайте всё из карманов, и на землю. Не вздумайте прятать, я проверю.

— Разумеется, — суетливо кивнул папа, швыряя в грязь кошелек и мобильник. — Давай, Георгий, не задерживай. Видишь, люди ждут!

Он забрал у детей рюкзачки и торопливо опустил их к ногам дяди Олега. Туда же отправились два детских телефона: Гошин, с надтреснутым экраном, и Юлькин, в потёртом розовом чехольчике. Вывернув карманы, Гоша также обнаружил немного мелочи, пластинку жвачки и невесть как сохранившийся билет на электричку.

— Ещё у мальчика есть часы, — спохватился папа. — Снять?

— Не отдам! — Гоша накрыл подарок ладонью, но папа, больно сжав запястье, сорвал часы и сунул их дяде Олегу.

— Отдайте! — оскорблённо топнул Гоша. — Вы не имеете права!

Брезгливо приняв подношение, дядя Олег отстегнул от пояса небольшой прибор и провёл им над циферблатом.

— Чисто, — кивнул он, убирая коробочку. — Можешь забирать, я не зверь. С остальным, увы, придётся расстаться.

— Конечно, конечно, — заискивающе улыбнулся папа. — Вы уж проявите снисходительность. Мы, правда, ничего не понимаем.

— Это ты не понимаешь, — высокомерно перебил дядя Олег. — За детьми надо следить, а теперь — не обессудь. Грузите их! — повернулся он к оцеплению.

— Ключи от машины в замке, — засуетился папа. — Если хотите, я отгоню... Куда скажете...

— Э, не, — ухмыльнулся дядя Олег. — Думаешь, я такой дурак?

— Что вы! — папино лицо перекопилось от испуга. — И в мыслях не держал!

— Вот и хорошо, — кивнул дядя Олег. — И впредь не держи. Влип ты, братец, крепко. Вы все влипли!

Проехав по грунтовке, грузовики втянулись на территорию центра. Они не успели остановиться, как всё лихо вернулось на круги своя. Толстяк-сторож уселся в будке, туповато пялясь в переносной телевизор. Разбежались по местам, изображая персонал, вооружённые охранники. Точнее, уже не вооружённые, и в обычной гражданской одежде. В которой, собственно, и были.

Выйдя из кабин, дети и папа прошагали к ангару, остановившись у неприметной двери. Спустя минуту к ним присоединился дядя Олег.

— Вы уже тут? — отпустил он кивком сопровождающего. — Вот и славно. Альфа, — произнёс он в воротник. Чуть помедлив, дверь распахнулась, и пленники зашли внутрь.

Вспыхнули яркие лампы. Внутри небольшого помещения не было ни полок, ни коробок с товарами. Там вообще ничего не было, кроме...

— Обалдеть, — поразился папа, увидев встречающих: упакованных в чёрную броню солдат. — Это, наверное, какая-то ошибка.

— Никакой ошибки, — бросил дядя Олег. — Георгий такие видел. Правда, Георгий?

Гоша молча кивнул. Ошарашенный папа не ответил, разглядывая фантастического вида бойцов. Хищного вида угловатые винтовки, подсвеченные синим забрала шлемов. Гоша понял, что шутки кончились. Не успев даже начаться.

— Ну вот мы и встретились, — произнёс, помолчав, дядя Олег. — Снова. Мёдом тут, что ли, намазано? Отпустили же вас, не трогали.

— Не трогали? — взорвался Гоша. — А Юльку ты тоже не трогал? Там, на крыше, когда её ваша стекляшка по кускам разбирала?

— Тише, Георгий, тише, — залепетал папа. — Не надо так...

— Нет, надо! — Гоша взъярился окончательно. — Надо! Отпустил ты нас, да? С детьми не воюешь? Думали, вернёте по домам, отражения подсадите, и всё — шито-крыто? Вруны, защитнички недоделанные. Будьте вы прокляты с вашим Полигоном!

— Что ты несёшь, пацан? — просипел дядя Олег, яростно играя желваками. Сейчас он был настоящему страшен. — Какая крыша? Какие, к чёртовой бабушке, отражения? Я тебя, между прочим, от Старших прикрыл, из деревни забрать не дал. Да ты... по какому праву? С врагом дружбу водишь, человечество предал. Знаешь, что за это полагается? Невзирая на возраст?

— Я не боюсь, понял? — Гоша шагнул навстречу, сжимая кулаки. — В Городе не испугался, и здесь не буду. Делай что хочешь. Плевать я хотел.

Повисла напряжённая, грозящая разразиться катастрофой тишина. Испуганно оглядевшись, папа неуклюже сдвинулся, пытаясь загородить сына.

— А ты смелый, — усмехнулся дядя Олег, выдохнув через нос. — Уважаю. Прямо к тигру в пасть... Я не поверил, когда доложили. Мы ведь эти халупы специально оставили, чтобы любопытных на скрытые камеры выманивать. Объясни только, как ты нас нашёл?

— В интернете поискал, — издевательски ответил Гоша. — Вам только сайт сделать осталось: «Седьмая площадка точка ру». От клиентов отбоя не будет.

— Ах, в интернете, — протянул дядя Олег, смерив его внимательным взглядом. — А название объекта тоже в интернете узнал? Интересные у тебя источники, мы про них ещё побеседуем. Жаль, конечно, что так вышло, но вы сами выбрали. А теперь стойте ровно и не дёргайтесь.

Вокруг утробно загудело. Просев, бетонный пол устремился вниз, в гигантскую отвесную шахту. Отсекая от привычного мира, над головой сомкнулись прочные стальные створки.

— Глаза бы им завязать, — бросил кто-то из эскорта. — Лишнего насмотрятся.

— Не насмотрятся, — покачал головой дядя Олег. — Кто им поверит? Никто не поверит.

— Пацану и девчонке — нет, — качнул шлемом бронированный. — Но с ними взрослый, товарищ командир.

— Со взрослым я разберусь, — раздражённо ответил дядя Олег. — Это не ваша забота. Ещё вопросы?

— Никак нет, — прошипел динамиком бронированный, вытягиваясь в струнку. — Виноват.

Оцепенев, Гоша наблюдал за проплывающими мимо уровнями огромной подземной базы. Каждый из них отделяли от платформы массивные прозрачные створки, и обзор получался отличным.

— Что это? — тихонько спросил папа, осматривая гигантский ангар с чёрными треугольными аппаратами. — Что это такое, Гоша?

— Проект «Анадырь», — буркнул Гоша, не удостоив его взглядом. — Он же «Радий», он же «Аврора». Испытывался на полигоне «Сахалин-9».

— Молодец, — ухмыльнулся дядя Олег. — Память отличная.

— Ничего не понимаю, — растерялся папа. — Что за «Радий»? И «Аврора» — это разве не крейсер?

— Не крейсер, — папина трусость начинала раздражать. Гоша еле сдерживался, чтобы не наговорить лишнего. — Они на этих кораблях защищают Землю. По крайней мере, так они говорят.

— Не говорим, — резко перебил дядя Олег. — А делаем. Пока особо умные прохлаждаются у бабушек и лезут, куда не надо.

— Давайте не будем ссориться, — слабо улыбнулся папа. — Где мы находимся? Какой-то военный объект? Я, кстати, служу в Генштабе.

— Я знаю, где ты служишь, — процедил дядя Олег. — Самохин Алексей Семёнович, полковник. По миру вроде поездил. Сирия, Ангола, ЦАР. Не самые гостеприимные места. Что же ты, полковник, трясёшься за свою шкуру? Пацан с девчонкой куда смелее.

— Я не трясусь, — попытался выпрямиться папа. — Просто думал, что мы, как коллеги, можем договориться. А в командировках я бывал, но в качестве адъютанта и переводчика.

— Тогда понятно. «Чего изволите-с», — презрительно скривился дядя Олег. — Не коллеги мы, даже формально. Полигон к Министерству обороны не относится. А находишься ты на одной из наших баз под названием «Седьмая площадка».

— Дичь какая-то, — пробормотал папа. — Не волнуйтесь, дети, мы во всём разберёмся.

Он попытался улыбнуться, но ничего не вышло. Было видно, что папа сильно нервничает. Не в силах выносить позорное зрелище, Гоша сердито отвернулся. Наблюдавшая за сценой Юля тактично промолчала.

Грохнув, платформа остановилась. Схватив друга за руку, Юлька вдруг крепко прижалась к Гоше. Глянув наружу, он похолодел. Обзорная экскурсия кончилась, как, возможно, и всё остальное. За готовой вот-вот распахнуться створкой стоял, ласково улыбаясь, Старший.

— Здравствуйте, дети. И вы, Алексей Семёнович, — приторным голосом поприветствовал Старший, продолжая натянуто улыбаться. — Очень рад знакомству.

— З-здравствуйте, — неловко кивнул папа. — Вы тут главный? Нам нужно обсудить происходящее. Имеет место огромное недоразумение.

— Отнюдь. — Улыбка сползла с лица Старшего. — Никакого недоразумения. Ваш сын вошёл в контакт с опасной инопланетной расой, называющей себя «гоблинами». Они прибыли издалека, возможно, из другой галактики. К счастью, в дело вовремя вмешались мы.

— Что за гоблины, Гоша? — охнул папа. — Какие инопланетяне? Ты что-то от нас скрывал?

— Он много чего скрывал, — поморщился дядя Олег. — В том числе и от нас. Впрочем, как и ваше, полковник, Министерство обороны. За нами охотятся, давно и упорно. Вот и тогда, в деревне: не успели мы отчалить, как всё перекрыли военные. Вам об этом ничего не известно?

— Я... ничего... мы на учениях были, нас подняли по тревоге и перебросили в район, — оправдываясь, зачастил папа. — Нагнали людей, техники, откуда — не знаю. Обронили только, что из какого-то отряда «Рубин». Я им немного помог, а потом сорвался в Москву. Гоше стало плохо, понимаете?

— А балаклаву зачем напялил? — прищурился дядя Олег. — Мы тебя сверху хорошо рассмотрели.

— А, это, — улыбнувшись, отмахнулся папа. — Это всё генерал Ерохин, он из нас бойцов невидимого фронта куёт. Стрелять заставляет, с вертолётов прыгать. Он в Афганистане служил, в десантно-штурмовой. Контузии, ранения. А в высоком кабинете заскучал. Играет в нас, как в солдатиков. В маске потеешь, не видно ни черта. И автоматы эти новые, никак к ним не привыкну. Я из обычного-то «калаша» так себе стреляю.

Он улыбнулся, виновато разведя руками. Гоша не узнавал отца. Он-то думал, что папа — герой. Что сильный и в любой ситуации разобраться может. А тот на поверку оказался картонным. Сдувшимся и сникшим, как проколотый шарик.

— Ясно, — разочарованно протянул дядя Олег. — А я-то надеялся, что мы однополчане. Хоть и бывшие.

— С ним мы разберёмся потом, — вступил в разговор Старший. — Нужно решить, что делать в сложившейся ситуации.

— Пацан поможет нам с гоблином, — кивнул дядя Олег. — И неплохо бы понять природу его способностей. Например, как он попал к ним из церкви.

— И как узнал о нашей базе — тоже, — согласился Старший. — К сожалению, сроки поджимают. Придётся спешить.

— Спешить? — Дядя Олег не ожидал подобного ответа. — Но мы можем навредить детям.

— Вы правы, — с притворной кротостью кивнул Старший, но дядя Олег, казалось, не заметил фальши. — К сожалению, выбора нет. Подойди ко мне, Гоша. Не бойся.

Гоша не двинулся. Подождав, Старший сам подлетел к нему.

— Подержите его, — кивнул он сопровождению. Две тяжёлые, закованные в металл руки легли на плечи, зафиксировав так, что не шелохнёшься.

— Не бойся, — противно улыбнулся Старший, касаясь Гошиного лба. — И главное — не сопротивляйся. Прошу.

Гоша почувствовал, как чужая воля проникает в мозг. Холодное, отвратительное щупальце шарило по сознанию, пытаясь найти ответы. Тёмное, упругое, призрачное, как у озверевшей тени, что подсторожила тогда в небоскрёбе.

— Нет! — взвился он, вспомнив подаренный Хнупом кристаллик. — Я не дам! Я не позволю! Уходи!

И снова изнутри хлестнула энергия. Свет, много света. Сфокусированного, как лазерный луч.

Дёрнувшись, как от удара током, щупальце втянулось в руку Старшего. Удивлённо убрав ладонь, он, ничего не сказав, поманил к себе Юлю.

— Не трогай её, слышишь? — зарычал Гоша, не обращая внимания на боль в висках. Выгорание давало о себе знать: нахлынувшая энергия растаяла и угасла дрожащим огоньком свечи на ветру. — Или я... Что смотришь? — крикнул он удивлённому дяде Олегу. — Пока ты по космосу летал, они копались в наших мозгах. Из меня психопата сделали, а Юлька чуть не погибла: у неё от ваших фокусов опухоль в рост пошла. И не притворяйся, что не знаешь. Не смей!

— Ты испуган и дезориентирован, — поспешно вмешался Старший. — Я слышал твой монолог наверху, но поверь — ни о каком Городе я не знаю. Впрочем, ты многое пережил за последние дни. Неудивительно, что страдаешь от навязчивых кошмаров.

— А я тоже от них страдаю? — тихо спросила до сих пор молчавшая Юлька. — И, конечно, всё выдумала? И про пытки Хнупа, и как меня вылечить предлагали, чтобы я друга предала? Кстати, он у вас. Будете меня лечить? Вы обещали.

— Что за глупости? — нахмурился дядя Олег. — Не могли с тобой так. Полигон не воюет с детьми, он их защищает!

— Совершенно верно, — поддакнул Старший. — Ничего подобного я не предлагал, это безответственно и аморально. К сожалению, рак мы лечить не умеем. Наша биология слишком отличается от вашей.

— Зато бессовестность не отличается, — вставил Гоша.

— Не понимаю, о чём ты, — холодно ответил Старший. — Вам придётся пройти в изолятор. И ответить на некоторые вопросы.

— Конечно, мы понимаем, — с готовностью закивал папа, и Гоша с ненавистью посмотрел на него.

По бесконечным коридорам они двинулись вглубь «Седьмой площадки». Подземный комплекс поражал размерами воображение. Скорее, он был похож на город. Подземный город-крепость, готовый, как Сталинград, стоять до конца против космических захватчиков.

— Направо, — подсказал дядя Олег, сворачивая в ослепительно-белый коридор с рядами высоких, в рост человека, окон. — Проходим, проходим, не задерживаемся.

Но Гоша задержался. Потому что уловил зов Хнупа.

— Го-оша... — Несчастный гоблин был совсем рядом. — Как ты, Го-оша?

— Хнуп... Хнупик! — забыв об опасности, он кинулся к ближнему окну. — Я здесь, слышишь?

— Куда? — хрустнул чей-то динамик. — Стой, я буду стрелять!

— Отставить! — громыхнул дядя Олег. — Я тебе дам «стрелять»!

Подбежав, Гоша уткнулся лбом в прозрачный пластик. Холодная, стерильная, мёртвая камера, забитая аппаратурой и мотками проводов. Посреди — нечто вроде больничной кровати, где в тяжёлом беспмятстве лежал...

— Хнуп, — заплакал, забарабанил по стеклу Гоша, отбивая кулаки о проклятую перегородку. — Я здесь, слышишь! Я с тобой!

— Назад! — металлические руки подхватили и легко, словно пушинку, оторвали от пола. — Тебе не сюда, тебе — вот туда!

Через распахнувшееся смотровое окно его втолкнули в камеру, где уже ждали папа с Юлей. Плача и зовя гоблина, Гоша забился в сомкнувшиеся створки.

— Пустите! Откройте! Хнуп, я здесь, слышишь? Я пришёл!

— Хватит, Георгий, — положил на плечо руку папа. — Ну что ты, в самом деле. Успокойся.

— Сам успокойся! — отмахнулся мальчик. — Откройте немедленно, мерзавцы!

— Не надо, Гошка, — поддержала папу Юля. — Не доставляй им удовольствия. Стоят уже, глазуют.

За окном, действительно, собралась целая делегация. К Старшему присоединились ещё двое: такой же, как под копирку, длинноволосый мужчина и высокая, статная женщина с неестественно правильными и холодными чертами лица. Рядом взирал на мальчика неподвижный, как статуя, дядя Олег.

— Что смотрите? — зло спросил Гоша. — Палачи. Фашисты!

Ни один мускул не дрогнул на лице Старших. Спустя мгновение тот, кого Гоша по привычке звал «Степаном», протянул руку к стене.

— Ты меня слышишь, Гоша? — полился с потолка убаюкивающе спокойный голос. — Как твоё самочувствие? Как Юля? Если вы голодны, вам доставят всё необходимое. Только скажите.

— Вы серьёзно? — усмехнулся мальчик. — Думаете, я поверю в этот спектакль?

— Почему бы и нет? — улыбнулся в ответ Старший. И те двое, что были с ним, тоже заулыбались. — Я же говорил, мы не враги. Просто ты превратно трактуешь ситуацию.

— А как ещё её трактовать? — ощерился Гоша. — Схватили, обыскали и в клетку посадили. Ещё экскурсии начните водить!

— Мне жаль, что ты так смотришь на вещи, — с неподдельной грустью вздохнул Старший. — Но пойми и нас. Тысячи лет мы защищали человечество, растили его, помогали развиваться. Кому, как не вам, должны мы передать накопленное знание? Пока ещё Земля не готова. К примеру, вам надо научиться жить в мире, как всегда жили мы. Требуется время, но его как раз и нет. Появление «гоблинов» спутало все карты. Если мы не разгадаем замысел захватчиков, Солнечная система отойдёт к ним. Не будет больше ни Старших, ни людей.

Гоша бросил взгляд на дядю Олега. Неужели он верит в эту чушь? Но тот лишь преданно взирал на Старшего. Вслушиваясь в каждое слово.

«Он и правда загипнотизированный, — пронеслось в голове. — Ничего не видит и не слышит. Что они с ним сделали?»

— К огромному сожалению, — продолжал Старший, — мы не можем дешифровать мысли существа без твоей помощи. Мы надеялись, что нам не придётся вмешивать вас в происходящее. Увы, всё вышло иначе. Не забывай: вернувшись, вы выбрали свою судьбу, иначе бы вас не тронули. Конечно, вы не планировали попадать в плен. Но это — цена упорства.

— Складно говорите, — ехидно ухмыльнулся Гоша. — Будто не знаете, что я не мог поступить иначе. Что не мог предать друга, пусть вам очень этого и хотелось! Это вас Номос научил речи толкать? А до этого вы тенями были и кубики таскали?

Старшие переглянулись. Дёрнувшись, дядя Олег удивлённо воззрился на мальчика, будто видел его впервые.

— Я не понимаю, о чём ты говоришь, — медленно промолвил «Степан». — Я не знаю ни о каком Городе. И про кристалл под названием Номос слышу впервые.

— А откуда вы знаете, что это кристалл? — вскинулся Гоша, вспомнив, как в детективах допрашивают преступников. — Я такого не говорил.

— Конечно, говорил, — замешкался Старший.

— Неправда. — Гоша вцепился в сказанное, как бульдог. — Не говорил. Вы знаете про Город и отражения. Что это за место? Зачем вы Юльку туда засунули?

— Мы проведём серию тестов, — поменял тему Старший, касаясь плеча очнувшегося было дяди Олега. — Вас поместят в искусственную кому. Это безболезненно и практически безопасно. Мне жаль прибегать к подобным мерам, но на кону безопасность человечества.

— И ваша, кстати, тоже, — заметил Гоша.

— Но позвольте, — вмешался папа. — Что ещё за тесты? Я не даю согласия!

— Оно не требуется, Алексей Семёнович. — В голосе Старшего лязгнул металл. — Речь об общем благе, что вы, как военный, должны понимать. И потом, мы будем крайне осторожны.

— Плевать им на нас, — крикнул Гоша. — Не слушай! Им Хнупа нужно расколоть, чтобы понять, как вырваться из Солнечной системы. И неправда, что вы бы нас не трогали! — с ненавистью уставился он на Старшего. — Тронули бы, ещё как. Вы, когда Хнупа похищали, ни перед чем не остановились.

— Мы предоставили тебе выбор, — повысил голос Старший. — Ты сам решил.

— А в голову ко мне ты тоже с разрешения залез? — парировал Гоша. — Там, на корабле, чтобы меня в нужную сторону подтолкнуть? Правильно Юлька говорит — вертите вы людьми, как хотите. Полигон для вас — театр марионеток.

— Полигон — не марионетка. — Старший сжал плечо дяди Олега. — Полигон выполняет свой долг, как и мы. Впрочем, не вижу смысла спорить. Лабораторию уже готовят, а пока мы вас оставим, чтобы дать возможность всё обсудить. До свидания, Гоша и Юля. До свидания, Алексей Семёнович.

— Всего хорошего, — не отрываясь от Старшего, кивнул папа. Снова жалко пытаться улыбнуться.

Они остались одни, не считая безмолвно снующего за окном персонала. Снаружи не доносилось ни звука, и в камере повисла тяжёлая, безнадежная тишина.

— Дела-а, — выдохнул папа осматриваясь. Подойдя к ростовому окну, он задумчиво постучал по нему ногтем. — Надо же, щели не видно. А ведь было две створки, я помню.

— Какие створки, пап? — простонал Гоша. — Ты хоть понимаешь, что они с нами сделают?

— Тише, тише, — подойдя, папа опустил на корточки, неуклюже приобняв детей. — Всё хорошо, не волнуйтесь. Мы что-нибудь придумаем. Как твои часы, идут?

— Идут, — фыркнул мальчик, всем видом демонстрируя осуждение. — Спасибо, хоть их не отдал.

— Ну что ты, право слово, — забормотал папа. — Они всё равно бы забрали, силой. А так оставили.

Он бережно погладил циферблат, словно самую драгоценную вещь на свете.

— Ну а ты что раскисла? — обратился он к Юле.

— Мне страшно, Алексей Семёнович, — прошептала Юлька и, тихонько заплакав, уткнулась в папин свитер.

— Тихо, тихо — забормотал папа, глядя её по голове. — Всё образумится, вот увидишь.

— Ничего не образумится! — Гоша вскочил. — Нас отсюда не выпустят! Что с мамой будет, подумал? Бежать надо!

— Что ты такое говоришь? — испугался папа. — Как мы можем бежать, когда вокруг столько охраны? Нам не выбраться просто так.

— Значит, не просто так, — топнул ногой Гоша. — Значит, по-хитрому! Придумать что-то, сигнал подать.

— Мы не можем подать сигнал, — тихо ответил папа. — Тут столько систем слежения. Придётся...

— Что? Что придётся? — не веря ушам, переспросил Гоша. — На закание идти, как бараны? Я думал, ты... А ты... просто кабинетный вояка!

— Не надо, не ссорьтесь, — утирая набухшие глаза, попросила Юля. — Никому этим не поможешь.

— Опять втравил тебя невесть во что, — сердито бросил Гоша. — Зачем только со мной пошла? Сидела бы сейчас дома.

— Смешной ты, — грустно улыбнулась Юля. — Разве ЭТИ оставят в покое? Сам же говорил: они, когда надо, ни перед чем не остановятся. Я знала, что рискую, но сделала выбор. Ты Хнупа не мог бросить, а я — тебя.

«Сделала выбор». Где-то он это слышал. Там, в Посёлке, от обратившейся тенью Феи. А что будет с ними? Тоже превратят в бесплотных рабов погребённого в бескрайней пустыне Города?

Раздался зуммер, прозрачные створки бесшумно распахнулись. Внутри зашёл дядя Олег, следом — два врача в костюмах биозащиты. Снаружи встала на изготовку пара закованных в броню солдат.

— Мы готовы, — бросил дядя Олег, избегая смотреть пленникам в глаза. Происходящее явно давалось ему нелегко. — Гоша и Юля — за мной.

— Подождите, — с трудом поднялся папа. — Куда вы их ведёте?

— Тебе уже объяснили, — процедил дядя Олег, делая знак солдатам. — Не волнуйся, постарайся, чтобы всё прошло нормально.

— Да вы что... — по-бабьи всплеснул руками папа. — Вы серьёзно? Я не позволю!

Запнувшись и схватившись за грудь, он принялся медленно оседать, ловя ртом воздух.

— Папа, ты что? — рванулся к нему Гоша, но один из врачей опередил его.

— Тахикардия, — отрывисто сообщил он, пощупав запястье. — Похоже на сердечный приступ.

— Носилки, быстро! — рявкнул, теряя самообладание, дядя Олег. — И в лазарет! Если он умрёт, про подключение пацана можно забыть!

Внутри бесшумно впорхнула летающая платформа. Споро погрузив на неё больного, процессия покинула камеру. Створки сомкнулись. Гоша и Юля остались одни.

— И что теперь делать? — спросил Гоша, обращаясь сам не зная, к кому. — Папа...

Он обессиленно сполз по стене, уткнувшись лицом в коленки. В проклятой камере не нашлось даже стула, но сейчас это было кстати. Никого и ничего не хотелось видеть, даже Юльку. Ни о чём не хотелось больше знать.

— Что же нам делать? — повторил он в спасительную темноту. На ум ничего не шло. Поединок со Старшим высосал остатки сил, в душу вползла серая, беспросветная тоска.

Присев рядышком, Юлька тихонько прижалась к нему. Больше всего на свете он боялся её слов, но Юлька молчала. И больше не плакала.

— Нужно отсюда вырваться, — сказал Гоша словно в тумане. Будто не он говорил, а кто-то другой. Старый Гоша, ещё не сломленный и не растоптанный.

— Эх, Гошка. — Юлька прижалась сильнее, и он почувствовал, что она тихонечко дрожит. — Никуда мы не сбежим. Правильно твой папа сказал.

— «Мой папа, мой папа», — горько передразнил Гоша. — Чем он нам вообще помог? Когда нас взяли, я думал, со стыда сквозь землю провалюсь. Трус он, и больше ничего.

— Так нельзя, — строго посмотрела Юля. — Он очень переживал. Договориться пытался, нас, как мог, успокаивал.

— Это я виноват, — отвернулся в угол Гоша. — Это из-за меня...

— На колу мочало, начинай сначала, — вздохнула Юля. — Нет тут твоей вины, понял? Ты и так, всё что мог, сделал. Побереги силы.

— Зачем? — отмахнулся Гоша. — Кому они нужны, эти силы?

От неожиданной догадки он замер. В жуткой ситуации остался один, но значительный плюс: можно не беречь себя. Ему нужен крух, пусть и в самый последний раз. Любой ценой нужен, ведь впереди — полный мрак.

— Я попробую нас вытащить, — оглянувшись, зашептал он. — Хотя бы тебя.

— Что ты задумал? — прищурилась девочка. — Опять геройствовать собрался?

— Нет, — замотал головой Гоша. — Я открою разлом, как в Телепино. Попытаюсь. Если удастся, беги к папе и поднимай всех на уши. Приедете с полицией, с телевидением, покажете, что тут творится. На твоего папу можно положиться?

— Можно, — щекотно зашептала в ответ Юля. — У него друзья в мэрии, и ещё много где. Он всё перевернёт. Гошка, а как же...

— Никак, — перебил он. — Получится — вытащишь нас с Хнупом. А не получится... значит, не получится. И расскажи папе про дядю Олега. Пусть его найдёт и поквитается.

Последнее, конечно, было невыполнимо. Но очень хотелось верить, что даже на всемогущий Полигон найдётся управа.

— Я передам, — с надеждой кивнула Юлька. — Мы обязательно придём, слышишь? Но ты всё же попробуй, вдруг получится вдвоём.

Закрыв глаза, Гоша мерно задышал, пытаясь сосредоточиться. Вдох-выдох, вдох-выдох. Как тогда, в Городе, перед поединком с Отражением.

Надо представить пространство в виде чего-то плотного. Гоша напрягся, вызывая в памяти Телепинскую трещину. Что-то такое он увидел тогда. Что-то такое понял.

В висках застучало, темя откликнулось неприятной, режущей болью. Кристаллик, что раньше виделся так отчётливо, подёрнулся пеленой и, моргнув, исчез. Не желая сдаваться, Гоша напрягся. Один раз, ещё хотя бы один раз...

По подбородку потекло, на запястье капнуло тёплым.

— У тебя кровь, — ахнула Юля. — Из носа.

Открыв глаза, Гоша утёрся и запрокинул голову. Подумав, провёл окровавленной ладонью по идеально белой стене, оставив широкую красную полосу. Пусть дядя Олег полюбуется. Пусть вспомнит, ЧТО сделал с беззащитными детьми во имя интересов планеты.

— Ты в порядке? — заботливо уточнила Юля, достав из кармашка салфетку. — Держи. Хорошо, хоть не отобрали.

Кое-как вытершись, Гоша мрачно замолчал. Нет больше *круха*, и нет супер-Гоши, лихо стреляющего лазерами из глаз. Неужели это всё? Неужели конец?

— Го-оша, — раздался в сознании голос истязаемого Хнупа. — Не надо, Го-оша... *Крух* не надо... Устал... Опасно...

— Хнуп! — вскинулся Гоша. — Как же я про тебя забыл? Помоги мне! Очень надо, понимаешь? Попробуем прорваться, вместе.

— Нельзя, — казалось, Хнуп держится из последних сил. — Ты устал. Слабый. Можешь умереть... погинуть... погибнуть. Совсем.

— Ну и что? — запальчиво возразил Гоша. — Всё лучше, чем под пытками. Мне папа про партизан рассказывал, как они до последнего дрались, чтобы врагу в лапы не попасть.

— Умирать плохо, — возразил Хнуп. — Надо жить. Тебе, Юле. Обязательно. Я сдамся. Расскажу. Вас выпустят.

— Не смей, слышишь? — ужаснулся Гоша. — Не смей ничего рассказывать. И нас не отпустят, и вас погубят!

— Что же... делать? — с тихим отчаянием спросил гоблин. — Вам нельзя... погибать.

— Помоги вырваться отсюда, Хнуп, — попросил Гоша. — Вместе мы сможем. Я знаю.

— Плохо, опасно, — прошептал Хнуп. — Ты всё растратил... Чтобы спасти...

— Не всё! — с горячностью возразил Гоша. — А даже если всё — то пусть. Юльку надо вытащить, понял? И нечего меня жалеть!

— Всегда надо жалеть, — пожурил Хнуп. — Всех. Даже Полигон.

— Если не поможешь, я сделаю это сам, — разозлился Гоша. — Сделаю — или умру. И это будет на твоей совести!

— Не надо, Го-оша, — взмолился гоблин. — Не надо умирать. Я помогу. Давай вместе.

С готовностью закрыв глаза, Гоша откинулся спиной на стенку.

— Я иду, — услышал он Хнупа и напрягся, из последних сил пытаюсь сконцентрироваться. Что-то доброе коснулось его, словно подул тёплый, летний ветерок. Такое уже случалось, Гоша точно помнил. Но где?

— Я готов, — объявил Хнуп, кряхтя от боли. — Можешь идти. Не бойся.

Решение пришло в доли секунды. Нельзя бросать гоблина. Нельзя — и точка!

— Прости, Юлька. Я быстро, — прошептал, не открывая глаз, мальчик, усилием воли проваливаясь в знакомый тёмный туннель.

В лицо ударило ветром, ноздри защекотало горячим, сухим песком. Открыв глаза, Гоша огляделся. Он стоял на крыше. Той самой, где сошёлся с не-Юлей в смертельной схватке.

— Дворец там, — шепнуло Отражение.

— Вернулся? — поприветствовал спутника Гоша. — Давненько тебя не слышно.

— Ты и сам неплохо справлялся, — последовал ответ. — И потом, мы почти сроднились. Я — твоя часть, помнишь?

— Помню. А здесь чего разговаривался?

— Это не я, это ты, — вздохнул не-Гоша. — Этот мир — моя родина, вот ты про меня и вспомнил.

— И что посоветуешь? — решил не тратить времени мальчик.

— Лежит тебе, яхонтовый, дорога да-альняя, — голосом старой гадалки проскрипело Отражение. — Прямоком во Дворец, что отсюда прекрасно виднеется.

— Это я понял, — отмахнулся Гоша. — Ещё что-то знаешь? Может, там есть чёрный ход?

— Никакого хода там нет, — отрезал двойник. — А если бы и был, Номос ждал бы нас именно там. Не забывай, что я — твой слепок. И ход твоих мыслей кристалл изучил неплохо.

— Что же делать? — приуныл Гоша. — Что посоветуешь?

— Идти напралом, — подумав, сообщило Отражение. — Этого он точно не предусмотрел.

— Напралом? — задумался Гоша. — Можно и напралом. Я тогда ему неплохо врезал.

— Врезать-то врезал, только не забывай, чем всё кончилось, — остудило его Отражение. — Номос не будет драться, просто выкинет вон.

— Тебя не поймёшь, — рассердился мальчик. — То «напралом», то «не забывай». Хватит ребусами говорить!

— Никаких ребусов, — не-Гоша был сама невозмутимость. — Нужно подобраться незамеченными, через главные ворота. А уже там...

— И что помешает «там» выкинуть меня из Города? — уточнил Гоша. — Во Дворце меня даже искать не надо.

— Хнуп помешает, — объяснило Отражение. — Если получится за него ухватиться. Тогда у Номоса не останется выбора. Выкинув одного, он выкинет и другого.

— Как же я за него ухвачусь? — удивился Гоша. — Руками?

— Может, и руками, — задумчиво протянул не-Гоша. — Точно сказать сложно. Не забывай, этот мир сильно отличается от твоего. Тут другие законы.

— Хорошенький план, — присвистнул Гоша. — «Через главные ворота», «ухватиться»...

— Имеются другие предложения? — холодно уточнило Отражение. — Нет? Я так и думал.

— Будь что будет, — тряхнул головой мальчик. — Замаскироваться сможешь?

— Само собой, — успокоил двойник. — Приготовься. Сейчас будет немножечко больно.

Насчёт «немножечко» он приврал. Больно было множечко, даже очень. Казалось, в теле не осталось ни одной целой кости. Да и тела тоже не осталось.

— Готово, — хмыкнул двойник. — Не отличишь. Дал бы тебе зеркало, да нет тут зеркал.

— Не надо, — проворчал Гоша, воспарив на пару метров. — Ну и гадость!

— Гадость — не гадость, а я так жил, и долго, — обиделось Отражение. — Скажите, какая неженка.

— Прости, — примирительно сказал Гоша, поднимаясь повыше. — Тенью я ещё не был.

— Держись естественно, — ободрил двойник. — И даже не прозрачный. Ну, что встал? Лети давай!

Свернувшись в точку, Гоша рванулся вверх. Туда, где в багрово-рыжем небе шевелилась воздушная «трасса».

— Пстой, — спохватился он. — А кубик?

— С кубиком не задалось, — вздохнул не-Гоша. — Но ты не бойся, иногда они исчезают без следа, и приходится возвращаться за новым. У меня такое бывало.

Присмотревшись, Гоша успокоился. Небольшая часть теней действительно летела налегке.

— А Номос меня не узнает? — уточнил он. — Точнее, тебя? Ты ведь мой облик с себя лепил?

— С себя, да не с себя, — объяснило Отражение. — Внёс, так сказать, творческие поправки. Не должен узнать, он так пристально за всеми не следит. Зачем, если единственный выход из Города — это он сам? Если мимо не проскочишь?

— Ты же говорил, что всегда был с ним на связи. А с тенями разве не так?

— Не путай божий дар с яичницей, — самодовольно возразил не-Гоша. — Отражения у Номоса на особом счету. А как ты хотел, если у нас такие возможности? Что, если мы взбунтуемся?

— Так ты и взбунтовался, — напомнил Гоша. — Когда проиграл, помнишь?

— Во-первых, он меня обманул, — чувствовалось, что Отражению нелегко вспоминать прошлое. — А во-вторых, отключившись, позволил мне слиться с тобой. И понять, кто настоящий злодей.

Успокоившись, Гоша прибавил скорости. Дворец быстро приближался. Как и зависший над центральным шпилем, несущий свою вечную вахту Номос.

Ворота он пересёк на удивление легко. Похоже, кристалл действительно не отслеживал всех посетителей.

— Сейчас направо, а потом всё время прямо, — подсказывало Отражение. — Там будет огромный зал без крыши. Да что я объясняю, сам всё увидишь.

Последовав за тенями в расположенный в центре дворца зал, Гоша поражённо замер. Колоссальных размеров помещение было поделено пополам высоченной стеной из каменных кубов. Мельтешащие повсюду тени выдёргивали их в произвольном порядке, даже из самых нижних рядов, но стена не шаталась и не падала. Образовавшиеся пустоты мгновенно подсвечивались яркими, выпущенными кристаллом лучами, тут же заполняясь вновь. Всё это походило на весёлую игру. Будто котята играют с зайчиками от лазерной указки.

— Номос постоянно создаёт новые, — нашёптывал не-Гоша. — Зачем — не спрашивай. А вот там, обрати внимание, ему возвращают добычу.

Тысячи мерцающих, выпущенных тенями кирпичиков медленно поднимались к ненасытному кристаллу. Коснувшись блестящей поверхности, они исчезали в тусклой вспышке.

— Всё никак не наестся, — с ненавистью отметило Отражение. — Вкусно, поди.

Но Гоше не показалось, что Номосу вкусно. Скорее, полезно, и то не сильно.

— Теперь начинается самое трудное, — предупредил двойник. — Хнуп должен быть рядом, всё самое важное кристалл хранит во Дворце.

— Может быть, там? — Гоша кивнул на бьющий из нижней грани Номоса пучок энергии, исчезающей где-то за стеной.

— Не исключено, — согласился не-Гоша. — А может, и нет.

— Есть другие предложения? — не удержавшись, передразнил его Гоша.

— Нет, — вздохнул двойник. — Я никогда не бывал на той стороне. Стена — это всё, что я видел. Хватаешь груз — и летишь мучиться.

— Тогда вперёд, — сказал Гоша. — Чего рассусоливать? Перемахнём через стену и тут же вниз.

— погоди, — задумалось Отражение. — Поверху опасно, Номос может перехватить. Лети-ка ты лучше вниз.

Спустившись почти до пола, Гоша замер, ожидая дальнейших указаний. Но план Отражения был прост.

— Вперёд! — рывкнуло оно, когда гнездо напротив освободилось. — Быстрее!

Сорвавшись с места, Гоша успел проскочить, прежде чем Номос заполнил прореху. Стена осталась позади. Взору предстала вторая половина зала, стены и пол которой были испещрены дверями и дверками.

— Р-р-о-м-м! — грохнуло сверху.

— Туда! — скомандовал не-Гоша, указывая на небольшую железную дверь, подсвеченную тёмным лучом воли Номоса. — Живей!

Отчаянно петляя, Гоша вихрем пересёк зал и нырнул в причудливо изгибающийся проход.

— Р-р-о-м-м! — не на шутку разозлился кристалл.

— Не бойся, он сюда не пролезет, — нервно хохотнул двойник. — Придётся сбросить пару сотен тонн.

Гоша не слушал, сосредоточенно следя за меняющимся рельефом. Правее, левее, теперь чуть ниже. Интересно, тени чувствуют боль, врезавшись в стену? Не хотелось бы узнать.

Туннель оборвался, и Гоша оказался в тюремной камере. В том, что это именно камера, сомневаться не приходилось. Мрачные стены из чёрного обшарпанного кирпича. Маленькое, неведь куда ведущее зарешеченное оконце на потолке. И...

— Хнуп! — выдохнул он, увидев закованного в тёмную энергию гоблина.

Недолго думая, Гоша рванулся вперёд, чтобы освободить и спасти...

— Нельзя, — равнодушно отрезала темнота, и что-то тяжёлое ударило так, что Гоша отлетел к дальней стене.

Кряхтя и обретая прежнюю форму, он поднялся, пытаясь разглядеть врага. В круг мерцающего, неверного света шагнул кто-то большой и тяжёлый.

— Тысячеликий, — ахнул двойник, хватаясь за несуществующую голову. — Откуда он здесь?

Тысячеликий был огромен и страшен. Тёмные ботинки на толстой подошве. Грязный, заляпанный комбинезон из джинсовой ткани. Лицо отсутствовало, вместо него — серая, перемежающаяся разноцветными всполохами дымка.

— Слушай внимательно, — зачастил не-Гоша. — Его нельзя победить. Нужно отступать, немедленно. Иначе сгинем вместе с Хнупом.

Словно в ответ за спиной гулко лязгнуло. Затравленно обернувшись, Гоша увидел, что спасительный выход запечатан железной створкой. Бежать было некуда.

— Анализ, — пристально глядя на врага, по-военному бросил он. — Всё, что знаешь. Быстро!

— Мало что знаю, — откликнулся двойник. — Он подстраивается. Изучает образ действия и мысли. Похоже на нас, но лучше. И рано или поздно...

— Как его обмануть? — перебил Гоша. — Должны быть слабые стороны.

— Их нет! — разволновалось Отражение. Гоша не видел его таким. — Я же говорю, он анализирует и подстраивается. На каждый твой ход у него найдётся свой.

— Значит, пути назад нет, — прошептал Гоша. — Отсюда — только вперёд!

Закричав, он рванулся на врага, обманном движением пытаясь прорваться к Хнупу.

— Нельзя, — прогудел Тысячеликий, обрушивая новый удар. Увернувшись от пудового кулака, Гоша откатился и вскочил, с ненавистью глядя на перегородившего путь тюремщика.

Тысячеликий изменился: из призрачной дымки проступили смутные очертания лица. Враг стоял спокойно, не торопясь атаковать. Казалось, он получает удовольствие от происходящего.

— Хнуп, помоги! — заорал Гоша. — Один я не справлюсь.

— Нельзя, — повторил тюремщик, выстреливая в гоблина тёмным лучом. Издав болезненный вздох, Хнуп упал на четвереньки. Ему было совсем худо.

— Отпусти его, гад! — крикнул Гоша.

— Нельзя, — спокойно донеслось в ответ.

— Хочешь драться — дерись, — шепнул не-Гоша. — Как в последний раз. Покажи этому уроду, чего стоишь.

Чувствуя, как из носа снова закапало, Гоша взмыл в воздух, превращаясь в супергероя. Издав полный боли и ненависти вопль, он ринулся к Хнупу, пытаясь обойти Тысячеликого.

— Нельзя. — Подумав, Тысячеликий взмыл в воздух, хватая и швыряя Гошу вниз, точно тряпку. Призрачное лицо дополнилось новыми деталями. Гоша с ужасом узнал в нём себя.

И всё же тюремщик просчитался. Кувыркаясь и падая, Гоша умудрился на мгновение прикоснуться к Хнупу, почувствовав небольшой прилив сил. Гоблин делился тем немногим, что у него осталось. Но и этого было достаточно.

— Юлька, — выдохнул Гоша, вспоминая, как спасал подругу. — Ну конечно.

Сосредоточившись, он вызвал в памяти семимерную головоломку Юлькиного сознания. Убрал, обнулil все детали. Нанёс, разложил по полочкам Тысячеликого, рассматривая алгоритм его действий по семи осям.

— Так значит, да? — прошептал он. — Хитро же ты устроен.

Воспарив над полом, он снова ринулся в бой.

— Нель... — осёкся Тысячеликий, пропустив сильный удар.

— ...зя-я, — простонал он, оседая на каменные плиты. Исказившись, его «лицо» пошло полосами. Словно испорченный старый телевизор.

— Что, проанализировал? — усмехнулся Гоша. — Я тебе покажу — «нельзя»!

Нырнув под локоть Тысячеликого, он провёл серию страшных ударов. Охнув, отлетел в сторону, пропустив болезненный тычок под рёбра. Потерев бок, Гоша нанёс на график новые вводные и снова ринулся в бой.

Тысячеликий больше не игрался: он сражался в полную силу. Пару раз ему удалось обхитрить Гошу, но тот упорно выворачивался из-под страшных, добивающих ударов. Несмотря на боль, он чувствовал удовлетворение. Головоломка пульсировала, насыщаясь новыми деталями.

Враг становился всё более предсказуемым. Его сознание натужно пузырилось, безуспешно перебирая всё новые приёмы. Он отчаянно пытался просчитать Гошу, не понимая, что сам стал частью чужой игры. Тысячеликий был чертовски сложен, но и он не мог тягаться с дарованной гоблинами силой концентрации.

— Го-оша, — удивлённо простонал Хнуп. — Как у тебя... получается?

— Не знаю, — радостно выкрикнул мальчик. — Как-то получается!

Проведя обманный манёвр, он ударил из глаз испепеляющими лучами. Отступив, задымившийся Тысячеликий с грохотом рухнул на пол.

— Хнуп! — Гоша разорвал призрачные путы. — Бежим!

— Сейчас... сей-час... — комично закивал Хнуп, с грустью оглядывая истерзанную курточку. — Я готов. Да-вай!

Бережно взяв его за лапку, Гоша распахнул портал. Из Города, через базу Полигона — сразу на волю!

— Гошка, это ты? — выглянула через прореху Юлька. — И там, и здесь?

— Долго объяснять, — перебил он. — Расслабься и не бойся. Прыгаем!

— Нельзя, — из последних сил прохрипел Тысячеликий, метнув в спину тёмную молнию. — Нель... зя-а...

Сбитый на лету предательским ударом, Гоша ухнул в тартарары. Рядом, крича и кувыркаясь, неслись Юля и Хнуп.

Падение, удар обо что-то жёсткое и металлическое. Застонав, Гоша открыл глаза. Где он?

— Внимание, побег из сектора Ц-7. — Приятный женский голос, в своё время поведавший о Седьмой площадке, звучал, казалось, отовсюду. — Внимание, побег из сектора... Внимание...

Гоша вскочил, судорожно оглядывая ряды опирающихся на мощные шасси треугольников. Удар Тысячеликого сбил с пути, закинув в тот самый, увиденный во время спуска ангар!

— Вы что здесь делаете? — кинулся наперерез механик в запачканном, как у Хнупа, комбинезоне. — А ну, стоять!

Кое-как подняв Хнупа, они попытались скрыться. Не тут-то было. Вокруг быстро стягивалось кольцо поднятого по тревоге персонала.

— Всё, — констатировал Гоша, поднимая руки. — Отбегались.

Он грустно улыбнулся, услышав размеренное лязганье металлических подошв. Вбежав, шеренга солдат рассредоточилась по ангару, беря на мушку. Спротивляться было бессмысленно. Номос победил.

В камере их ждал вернувшийся из лазарета папа.

— Что с тобой? — охнул он, бросившись к сыну. — У тебя кровь!

— Отстань, — скривился Гоша, опускаясь на пол. Сил говорить больше не было.

Собраться с мыслями ему не дали. Створки бесшумно разъехались, пропуская дядю Олега и Старшего. Небольшая свита солдат и врачей осталась снаружи.

— Ну ты даёшь. — Дядя Олег удивлённо оглядел Гошу. — Я тебя недооценивал.

— Тут нет вашей вины, — скромно вмешался Старший. — Скорее, она лежит на нас. Мы подозревали о его способностях. И не подстраховались.

— Да, да, конечно, — отмахнулся Гоша. — Подозревали, но не хотели трогать, ибо гуманисты. Смените пластинку, уважаемый. Тошно слушать.

— Ты бы повежливее, — нахмурился дядя Олег, но Старший остановил его жестом.

— Пойдём, — мягко позвал он. — Время пришло.

— То есть как — пойдём? — вскинулся папа. — Я не позволю!

Кряхтя, он поднялся, загородив дорогу.

— Уйди, — поморщился дядя Олег, отодвигая его плечом. — Опять за сердце схватишься, симулянт? Тюфяк ты, вояка кабинетный. Правильно Георгий тебя окрестил.

— Не смейте так разговаривать, — задохнулся от возмущения папа, но дядя Олег не обратил на него никакого внимания.

— Пошли, не растягивай удовольствие. Ну! — прикрикнул он, рывком ставя Гошу на ноги.

— С детьми воевать ты смелый, — выдавил, бледнея, папа, шагнув к дяде Олегу. — Трус!

Жутко усмехнувшись, дядя Олег вытащил из кобуры грозного вида пистолет. Папа замер. Гоша затаил дыхание от страха.

Звенящую тишину разорвал протяжный далёкий грохот. Потолок затрясся, коридор замигал красным. Чуть помедлив, истошно взывала сирена.

— Статус, — произнёс в воротник дядя Олег. — Понял. Протокол 1-6, атака на объект, — крикнул он ждущим снаружи солдатам. — Вы — к главному входу. Мы разберёмся.

Козырнув, бронированные исчезли.

— Твоих рук дело? — Повернувшись к Гоше, дядя Олег недобро прищурился.

— Моих, — коротко бросил тюфяк-папа, молниеносно перехватывая его руку. Послышался хруст, дядя Олег вскрикнул. Продолжая выкручивать кисть, папа направил ствол на Старшего и плавно нажал на спуск чужим, все ещё лежащим на крючке пальцем.

В воздухе свистнуло, в груди Старшего образовалось несколько дырочек. Зашипев, тот закурился фонтанчиками, растворяясь в облако частиц. Что-то безобразное проглянуло сквозь него. Отвратительное и чужое.

Снаружи снова грохнуло, уже ближе. Вытянувшись в струнку, облако молнией рванулось к выходу и исчезло. Воспользовавшись моментом, дядя Олег хитрым приёмом освободился из захвата.

— Ты... — с ненавистью выдохнул он, бросаясь на папу. Забыв обо всём на свете, Гоша наблюдал за поединком.

В отличие от дяди Олега, папа дрался коряво и словно неправильно, сбивая и гася таранные удары смазанными, нечёткими движениями.

— Ф-фух, — выдохнул дядя Олег, пропустив болезненный удар по рёбрам. — Да я тебя...

Он недоговорил. Коротко хыкнув, папа впечатал ему в грудь основание ладони. Сложившись пополам, дядя Олег осел на пол.

— ВДВ? — уточнил папа, опускаясь на корточки перед поверженным врагом. — Так бульдозером прѐшь, любо-дорого смотреть.

— ВДВ, ВДВ, — прокряхтел дядя Олег. — А вот ты кто?

— Я-то? — шмыгнув носом, папа по-мальчишески улыбнулся. — Просто добрая душа... из спецназа ГРУ ГеШа.

Глава 10 — Мальчик и пленник

Гоша замер, переваривая услышанное. ГРУ, Главное разведуправление Генштаба. Таинственная военная разведка, о которой снимают кино и пишут книги! Представить, что папа оттуда, он решительно не мог. Хотя почему, если вспомнить, как однажды папа спокойно обработал распоротую гвоздѐм ногу? И как отвадил пьяного, агрессивного хулигана, тихо сказав ему пару слов. А ведь были ещё случаи, на которые Гоша не обращал внимания!

— ГеРеУ, — ухмыльнувшись, протянул дядя Олег. — Красиво ты меня, «подсолнух». И не выдал себя ни разу, играл, как по нотам. Даже Старшие поверили.

Гоша не знал, кто такие «подсолнухи», но решил не уточнять.

— Вообще-то, уже ГУ, — уточнил папа, будто вѐл светскую беседу. — Переименовали в 10-м.

— Ну что, разведка. — Поморщившись, дядя Олег кивнул на валявшийся пистолет. — Брать будешь, или как?

— Э, не-е, — усмехнулся папа. — Чтобы твой ствол, распознав чужого, поджарил меня разрядом? Знаем эти фокусы. Я лучше по старинке.

Плавным движением он извлѐк из ножен дяди Олега воронѐный нож с остро отточенным лезвием.

— Встать, — тихо скомандовал папа, носком ботинка отправляя пистолет в угол. — Руки за голову!

Что-то хищное проглянуло в нём, но Гоша не испугался. Он испытал огромное облегчение оттого, что папина трусость оказалась актѐрской игрой. Притворством, не имеющим ничего общего с правдой.

— А вы, ребята, не бойтесь, — подмигнул папа, перехватывая пленника за шею и убирая из виду руку с ножом. — Сейчас дядя Олег нас проведѐт наверх. Правда, дядя Олег?

— Вы не сможете... — начал тот, но папа пошевелил державшей нож рукой, и дядя Олег, сморщившись, зашипел от боли.

— Всё мы можем, — леденяще улыбнулся папа. — Веди к лифту, и без глупостей, понял?

— Куда уж понятнее, — прохрипел зажатый локтем дядя Олег. — Только с чего ты взял, что меня выпустят?

— Думаешь, я твой позывной не расслышал? — шевельнул ножом отец. — Ты не просто так «Альфой» обозначен, а командира они не тронут. По крайней мере, пока.

— Папа, подожди! — вскинулся Гоша. — А Хнуп? Надо его привести!

— Где он? — прикрикнул на пленника папа. — Быстро!

— В соседней... камере... — кивнул в сторону дядя Олег. — Его поближе к вам поместили, пока решали, что делать.

— Вот и отлично, — ухмыльнулся папа. — Веди, болезный. Время поджимает.

— Так это и есть твой Хнуп? — Продолжая удерживать дядю Олега, папа окинул гоблина внимательным взглядом. — Интересные у тебя друзья, сын.

— Да не то слово, — прошипел заложник, пытаясь вдохнуть. — Ты даже не представляешь...

— Не бойся! — перебил его Гоша. — Хнуп только выглядит непривычно, а на самом деле добрый. Они все добрые, и вовсе не опасные.

— Не будем терять времени, — отрезал папа, мгновенно что-то прикинув. — Ты русский понимаешь, гоблин?

— Конечно, — с трудом кивнул Хнуп, кое-как одёргивая добытую в камере курточку. — Я всё понимаю.

Хнуп выглядел плохо, хоть и бодрился. Его живот тяжело вздымался, ушки поникли. Было видно, что несчастный, покрытый ранками от шприцев и присосок гоблин едва стоит на ногах.

— Часы! — ойкнул Гоша, когда циферблат вдруг загудел и завибрировал. — Что это?

— То, что надо. — Папа не стал ничего объяснять. — За мной. И помощи ушастому.

— Я сам. — Хнуп обиделся на «ушастого», но папа не отреагировал. Построив всех «гусеницей», он осторожно двинулся навстречу гремящему впереди бою.

— Хнуп, Гоша — контролируете тыл, — скомандовал он не оборачиваясь. — Обо всём, что движется, сообщать. Как поняли?

— А я? — обиделась Юля.

— Страхуешь с флангов, — объяснил папа. — Чтобы сбоку никто не выскочил, пытаясь освободить ненаглядного командира.

— Поняла, — важно кивнула девочка, старательно завертев головой. Папа, правда, контролировал фланги и тыл без всякой посторонней помощи.

— Стоять! — крикнул он, смещаясь и закрывая детей, когда сбоку выскочил небольшой отряд бронированных. — У меня заложник!

— Отпусти, — заговорил динамиком солдат. — И можете уходить.

— Что ты говоришь, родной? — жутковато оскалился папа. — А ну, назад! За поворот, и не высовываться!

— Внимание, полная эвакуация, — ласково сообщили громкоговорители. — Внимание, полная эвакуация...

— Не пойдёт, — громыхнул боец Полигона. — Командира и существо — ко мне. Иначе... — Он вскинул чёрную, покрытую россыпью индикаторов винтовку. Хищный шестигранный ствол глянул точно на папу. В глубине дула алел зловещий багровый огонёк.

— Алексей Семёнович, это «Сигма», — испугалась Юля, указывая на видневшуюся на костюмах «чёрных» эмблему: диковинную, повёрнутую влево букву «М» — Подразделение «Сигма», они чуть Гошу не забрали!

— Понял. А теперь спокойно, — прошептал папа, сильнее перехватывая дядю Олега.

— Считаю до трёх! — сообщила фигура в бронескафандре. — Раз...

— Думаешь, я шучу? — Папа рывкнул так, что Гоша присел. — Выстрелишь — убьёшь всех, машинки у вас больно мощные. Я сказал — назад! Ну!

— Два, — донеслось в ответ. — Верните существо, или мы пойдём на крайние меры. Чужак не должен покинуть комплекс.

«Чужак». Это он про Хнупа? Похоже, они готовы убить всех, чтобы не выпустить гоблина. Чтобы никого не выпустить, даже ценой жизни своего командира! Всё это походило на страшный сон. Вот только проснуться не получалось.

— Хорошо, мы согласны. — процедил сквозь зубы папа. — Убери пушку, не пугай детей.

— Папа... — начал было Гоша, но тут часы запульсировали и забились так, что кисть заходила ходуном.

Из бокового коридора раздалось мерное жужжание. Спустя секунду оттуда выкатилась небольшая танкетка, смахивающая на радиоуправляемую игрушку. Деловито встав между папой и «чёрными», она развернула к врагу непропорционально широкий, приплюснутый ствол. Не говоря ни слова, бойцы «Сигмы» вскинули оружие. Дядя Олег захрипел и обвис — папа зачем-то пережал ему горло.

— Быстро! — гаркнул он, зашвыривая детей и гоблина в боковой проход. Следом отправился обмякший, ничего не соображающий заложник. Позади грохнуло и задымилось, затылок опалило жаром. Обернувшись, Гоша увидел, как подбитая, вплавившаяся в пол танкетка извергла в бронированных нечто сверхзвуковое.

Ахнул взрыв, густо зачатило. Раздались крики. Не через динамики — настоящие. Похоже, удар танкетки достиг своей цели, куроча броню и раскалывая зловещие шлемы «чёрных».

— Вперёд! — крикнул папа, вновь беря пленника в захват. — Не зевать!

Поддерживая тяжело дышащего Хнупа, Гоша с Юлей припустили в сторону лифта. Папа отлично ориентировался в путанице коридоров, ни разу не уточнив у заложника направление. В очередной раз свернув, Гоша замер.

— Папа, осторожно!

Но папа не испугался громоздких, покрытых проводами и жужжащими сочленениями фигур с тяжёлыми щитами и огромными винтовками. От которых к таким же габаритным ранцам тянулись толстые, скрученные в спираль кабели.

— Не стрелять, свои! — прокричал он с облегчением.

— Внимание, полная эвакуация, — напомнила из динамиков тётя.

— Командир! — крикнула одна из фигур, быстрым рывком сокращая дистанцию. Прикрыв их собой, странный боец впечатал в пол тяжёлый, переливающийся блёстками щит, молниеносно прилаживая на верхнюю кромку ствол оружия.

Загудев, «винтовка» извергла тяжёлый снаряд. Позади взорвалось, следом туда же метнулась стайка гудящих, словно рассерженные шмели, дронов.

— Якут, Рекс, прикройте! — не оборачиваясь, скомандовал папа. Над головой сомкнулись щиты подоспевших сзади защитников. Построение напоминало римскую «черепашу».

— Держитесь, будет жарко! — крикнул Рекс. — Они дают залп! Отходим!

В щиты грохнуло. Механические солдаты покачнулись, но выстояли, натужно жужжа приводами. Не добившись успеха, «чёрные» сменили тактику.

Воздух вскипел зноем, кромки тихо гудящего щита налились ярко-малиновым. Не выдержав, взорвались осколками осветительные плафоны. Всё вокруг погрузилось в прочерченный красными всполохами сумрак.

— Что, съели? — улыбнулся передний боец, продолжая медленно пятиться. — Не работают ваши лазеры. Рассеиваются!

— Хруст, Бор, быстрее, — скомандовал папа. — Они ещё не все показали.

— Не волнуйтесь, товарищ полковник, — хохотнул Хруст. — Мы их явно...

Он не успел договорить. Из коридора повеяло жутким холодом. Стены покрылись инеем, изо рта повалил пар. Спустя мгновение резко потеплело. И снова накатил мороз.

Отчаянно гудящий щит хрустнул сеточкой трещин. На оборотной стороне, пискнув, замигали красные индикаторы.

— Термальная модуляция, товарищ полковник! — скороговоркой сообщил Бор. — Перепадами температур структуру рушат.

— Что с ползунами? — перебил папа. — Есть резерв?

— Перещёлкали ползунов, — мрачно ответил Якут. — Последний вас прикрыл. Ждём подкреплений сверху. Их тоже боем связали.

Гоша понял, что «ползунами» папа называет автоматические танкетки. Выходит, их больше нет. И что же делать?

Он выглянул в щёлочку между неплотно сомкнутыми щитами. Бронированные неспешно наступали, хрустя ботинками по останкам разорванных в клочья дронов. Впереди грациозно парило звено матовых пирамидок, чем-то похожих на треугольники Полигона.

— Не надо подкреплений, — кивнул на пирамидки папа. — Техника не чета нашей, только тяжёлым пробьёшь. Командуй отход.

Кивнув, Бор заговорил в рацию, не сводя с врагов внимательного взгляда.

— Хнуп, Гоша, Юлия — назад! — отрывисто скомандовал папа. — Хруст, Бор, ставьте дым! Якут, Рекс, примите детей!

Прежде чем Гоша успел опомниться, всё заволокло тёплой, словно молоко, пеленой.

— Термальный? — уточнил папа. — Сто процентов они в инфракрасном видят. Дай бог, чтобы не в рентгеновском.

— Так точно, — кивнул Бор. — 40 градусов. На тепловизорах каша.

— Скидывайте «хорды» и назад, — недослушав, приказал папа. Не говоря ни слова, бойцы выскользнули из механических скелетов, отойдя за задний ряд щитов. Вдали зашумело, по коридору пробежал ветерок. Тёмные клубы дрогнули, но устояли. Подумав, далёкий вентилятор взвыл сильнее.

— Не стреляйте! — крикнул из темени папа, молниеносно перемещаясь к замершим «хордам» и срывая с них два увесистых цилиндра размером с молочный бидон. — У нас дети!

Гошино сердце сжалось. Папа один, без оружия, под прикрытием растрескавшихся щитов и медленно, но верно рассеивающегося дыма. А что, если «Сигма» откроет огонь?

— Нам плевать, — раздался в ответ женский голос. До боли знакомый голос. Голос Оленьки!
— Это не дети. Это враги.

— Не высовывайся! — прицыкнул Якут, но Гоша всё же высунулся. Высунулся, чтобы увидеть вставшую во главе отряда гибкую, женскую фигурку, закованную в пепельно-тёмную броню со зловещей эмблемой подразделения на левой груди.

— А на гоблина тоже плевать? — Откинув прозрачные колпачки, папа лихорадочно колдовал над маленькими, встроенными в цилиндры клавиатурами. — Вам же он нужен.

— Существо не должно покинуть периметр, — отрезала Оленька. — Верните его и пленного. Тогда поговорим.

— Нам надо подумать! — Оглядевшись, папа споро приладил цилиндры за массивными выступами, делящими коридор на секции. Пискнув, «бидоны» намертво приросли к металлу. — Дайте время! Такие вопросы быстро не решаются!

— Хватит тянуть! — рывкнула Оленька. — Твой ответ, полковник?

— Не будет тебе гоблина, девочка! — Убедившись, что цилиндры скрыты от наступающих, папа мгновенно переместился обратно к своим. — Молоко у тебя не обсохло — старшим дерзить!

Гоша сжался. Зачем папа их провоцирует?

— А тебе не будет времени! — в тон ответила Оленька, и в ту же секунду «чёрные» нанесли удар.

Что-то тяжёлое пропело в воздухе, прошивая ослабленные щиты и расплывывая застывшие, курящиеся защитным дымом экзоскелеты. Грохнуло, по щитам Якута и Рекса хлестнул дождь осколков. Сжавшись в комочек, Гоша испуганно закрыл уши.

— Что вы делаете? — взвыл не своим голосом папа. — Сынок! Хнуп! Я отомщу! Клянусь!

Открыв глаза, Гоша с удивлением посмотрел на отца. Не дожидаясь вопросов, тот жестом приказал отступить к ближайшему повороту.

Подняв щиты, Рекс и Якут медленно попятнулись. Присмотревшись, Гоша увидел, что «чёрные» прибавили шаг, устремившись к дымящейся, оставшейся от экзоскелетов Бора и Хруста груде обломков. На секунду они, казалось, забыли обо всём.

— За угол, быстро! — просипел папа, увидев, что пирамидки вместе с идущей следом Оленькой поравнялись с нужной переборкой. — Щиты в землю! Шумоподавление на максимум, оглохнем!

Сотрясший коридор взрыв был страшен. Казалось, верх и низ на мгновение поменялись местами. В паре метров обвалилась потолочная переборка, обнажив перебитые, искрящиеся кабели. По ногам побежал грязный ручеек грунтовых вод.

— Внимание, красный протокол — сообщили из динамиков.

— Что это значит? — рывком обернулся к дяде Олегу папа. — Отвечай!

Зажатый стальной рукой Якута дядя Олег молчал, буравя всех ненавидящим взглядом. Всмотревшись ему в глаза, папа слегка побледнел.

— Уходим, бегом!

— Что случилось? — испугался Гоша.

— Десантные ремни, товарищ полковник, — подсказал Рекс, ткнув куда-то за спину.

— Пристёгивайтесь к «хордам», — распорядился папа, прилаживая детей и гоблина к экзоскелетам. — Ничего не бойтесь. А ты, — глянул он на дядю Олега так, что Гоша испугался, — только дёрнись!

— Он не дёрнется, — ласково протянул Хруст. — Там вниз лететь до-олго.

Куда лететь? Гоша ничего не понимал, но времени на вопросы не было.

Пристегнувшись к Якуту, папа дал отмашку. Подхватив щиты и напружинившись, «хорды» рванулись по коридору.

Дальнейший путь болтающийся в ремнях Гоша запомнил плохо. После детонации в голове гудело, мысли ворочались лениво и тягуче. Красные всполохи, дым, далёкие взрывы. К ним присоединялись отступающие бойцы с пробитыми щитами и обугленными, попавшими под удары лазеров экзоскелетами. Кто-то морщился, поддерживая обожжённую руку. Но никто не жаловался, наоборот — все предлагали помочь и прикрыть.

— Отходим, отходим, — командовал папа. — Без героизма!

За очередным поворотом показался, наконец, лифт. Раскуроченная, оплавленная перегородка валялась у стены. Платформы не было.

— Якут, уводи детей, — бросил папа. — Рекс, пленного наверх. Передайте Валдаю, пусть принимает командование. Я скоро.

— А ты? — похолодел Гоша.

— Всё будет хорошо. — Папа улыбнулся, но вышло немного натянуто. — Капитан уходит последним. Так заведено.

Гоша понимал. И не понимал. Одно дело читать в книге, и совсем другое — жизнь.

— Папка, только вернись, — жалобно, по-детски крикнул он. — Пожалуйста!

Заиграв желваками, папа кивнул.

— Наверх их! — скомандовал он. — Живо, пока тут всё...

Недоговорив, он отвернулся, что-то говоря в пожертвованную Бором рацию.

— Высоты не боитесь? — с деланной бодростью спросил Якут, прыжком преодолев оставшееся до шахты расстояние.

— Мамочки, — ойкнула Юля, глянув в бездонный зев проёма. Так вот что имел в виду Хруст!

— Закрой глаза, — посоветовал Якут, хватаясь за толстый, брошенный сверху трос. — И ни о чём не думай.

Пол качнулся, уходя из-под ног. Гоша открыл рот, чтобы закричать, но тут же почувствовал мощный рывок и плавный, ускоряющийся подъём. Стальная перчатка «хорды» зажужжала, пропуская через себя канат. Следом так же поднимался Рекс.

— Спокойно, — улыбнулся Якут. — Почти приехали.

Гоша молчал, озарённый страшной догадкой. «Красный протокол» мог значить лишь одно: самоуничтожение демаскированной «Седьмой площадки». Вместе с оставшимся внизу папой.

Сверху забрезжил свет, послышался звук рубящих воздух винтов. Странно, ведь лифт находился в помещении. Ухватившись за перекладину, Якут проворно выскочил из шахты. Гоша увидел, что тросы прикреплены к врезанным в пол металлическим фермам, явно установленным недавно.

— Отстёгиваемся, — приказал Якут. Борясь с непослушным замком, Гоша озирался по сторонам.

От «подсобки» и лифта не осталось ничего, кроме обломков стен и взрывной воронки. Гул винтов усилился, в макушку дохнуло прохладным утренним ветром. Прямо над головой прошёл пузатый вертолёт, угрожающе поводя по сторонам приплюснутым, как у танкетки, дулом.

У обугленных кромок воронки дежурили бронемашины с массивными башнями. Тяжёлые спаренные стволы держали под прицелом зев шахты, напряжённо гудя, словно линии высокого напряжения. От рубленых корпусов веяло озоном и нешуточной угрозой.

— Не тормозим, отстёгиваемся, — повторил Якут. — И по лесенке — наверх. А хотя ладно, можно и по-другому.

Присев, он высоко подпрыгнул, перемахнув через одну из машин. Металлические подошвы грохнули о бетон, детей и гоблина ощутимо трягнуло. Спустя пару секунд рядом впечатался в пол Рекс.

— Вот теперь выходим, — хохотнул Якут. — Там справа защёлка.

Справившись с замком, Гоша помог отстегнуться Юле и Хнупу. Из броневиков выскочило несколько бойцов в новеньких «хордах». Расступившись, они пропустили вперёд седовласого усатого мужчину.

— Это кто? — быстро подойдя, кивнул он на мальчика.

— Сын Егеря, товарищ майор, — отрапортовал Рекс. — Эвакуирован по его приказу. Противник объявил «красный протокол», надо уходить.

Из воронки тем временем продолжали прибывать экзоскелеты, увешанные пристёгнутыми к десантным ремням бойцами. Кто-то стонал и морщился, другие вовсе не подавали признаков жизни.

— Егерь внизу? — спросил усатый.

— Так точно, — подтвердил Рекс. — Руководит отступлением.

— Понял тебя. Врача! — крикнул майор, увидев доставленных снизу раненых. — Твоя работа?

— Он смерил дядю Олега ненавидящим взглядом. — Ты за это ответишь, сволочь. Если Егерь не вернётся...

Дядя Олег усмехнулся и сплюнул через расквашенные губы. Глянув на мальчика, майор осёкся.

Мимо промчались санитары с носилками. Ещё один, повесив на шею капельницу, деловито разрывал обугленный рукав стонущего бойца.

— А это кто? — ахнул седовласый, заметив высунувшегося из-за детей гоблина.

— Это мой друг, — насупился Гоша, заслоняя Хнупа. — Не трогайте его, он на нашей стороне. Его пытали.

— Дела-а... — заворожённо рассматривая гоблина, протянул майор. — Не кусается?

— Ещё чего, — обиделся Хнуп.

Демонстративно отвернувшись, он подставил мордочку выползавшему из предрассветных сумерек солнцу.

— Егерь, я Валдай. Как слышишь? — выхватив из подсумка рацию, несколько раз повторил усатый. — Одна статика, чёрт. — Он устало потёр виски и сморщился. — То ли ретранслятор накрылся, то ли помехи ставят.

Валдай... так вот кому передал командование папа. Гоша с надеждой посмотрел на майора. Он спасёт папу. Обязательно!

— Отходим, — мрачно скомандовал тот, делая жест бронемашинам.

— Там же папа! — со слезами крикнул Гоша. Он рванулся было к воронке, но Валдай крепко схватил за плечо стальными пальцами.

— Не дури! — строго прикрикнул он. — Мы не можем рисковать, тут сейчас всё взлетит на воздух!

— Я не дам его бросить! — Гоша заколотил по вцепившейся в него руке. — Пустите!

— Всё будет хорошо, — отрезал Валдай. — Выкрутится твой папка, не из таких передраг выкручивались. А ждать здесь бессмысленно. И опасно.

Гоша не верил ушам. Точнее, не верил прежний, маленький Гоша. А тот, что повзрослел, понимал правоту майора. Понимал, что ради одной жизни нельзя рисковать десятками других, даже если это жизнь командира и товарища. Даже если это жизнь отца.

Он треснул и раскололся. Надвое, словно зеркало. Увидев себя и... себя.

— Папа! — бился в истерике маленький мальчик. — Верните его! Пожалуйста! Вниз, нам надо вниз!

— Успокойся, — нахмурился повзрослевший, многое повидавший второй. — Сейчас не время.

— Я не хочу! Я не буду! — верещал мальчик, топая ногами. — Спасите его, пожалуйста! Спасите-е!

Не обращая внимания на крики, взрослый Гоша крепко обнял рыдающего от горя мальчишку. Немного побрыкавшись, тот обессиленно замолчал. Всхлипывая и шмыгая носом.

— Уходим, — кивнул сам себе Гоша. И повторил уже громче, чтобы слышали друзья: — Уходим!

Время растянулось, но не так, как в *крух*. Так растягивается оно на пороге тяжёлых испытаний. Особенно если тебе ещё нет двенадцати.

Не оглядываясь, он шагнул сквозь расступившееся оцепление.

— Гошка! — ахнула Юля, сочувственно придержав его за плечо. — Не надо, не переживай!

Он не ответил, только дёрнул рукой. Меньше всего на свете ему хотелось разговаривать.

— Всем группам — отход, — рявкнул в рацию майор. — Как поняли?

Неподалёку приземлилась пара вертолётов. Похватав носилки — по одной в каждую руку — бойцы в экзоскелетах помчались к ним, стараясь не трясти раненых товарищей. Дыхнув дизельным выхлопом, заревели броневики.

— За мной! — махнул Валдай. — В темпе!

Уходя, Гоша бросил последний взгляд на кратер. Ему ужасно хотелось остаться. Закрыв глаза, маленький мальчик зашептал, будто загадывая желание. Надеюсь — на что?

— Ты чего встал? — прикрикнул майор, подбегая к застывшему Гоше. — Тебе же сказали...

— ...алдай... слышно? — ожила вдруг рация. — Валдай, как?..

— Слышу тебя, Егерь! — прокричал в ответ майор. — Доложи обстановку!

— Под... аемся, — коротко ответил папа. — Группа... няла бой... трёхсотые...

— Понял тебя! — Валдай яростно замахал вертолёту. — Понял тебя, Егерь! Ждём!

Когда из шахты показался пристёгнутый к «хорде» отец, Гоша, рискуя сломать ноги, кинулся в воронку.

— Ну, ну, — обняв сына, папа неловко поцеловал его в макушку. — Ты чего?

Зарывшись носом в папин свитер, Гоша зажмурился. Чудеса бывают. Всё-таки — бывают!

— Товарищ полковник, я скомандовал отход, — напомнил майор.

— Всё, Георгий, обнимашки после, — подобрался папа. — В вертушку, живо!

Похватав детей и Хнупа, они бросились к вертолёту, с ходу запрыгивая в боковую дверь. Взревев, тяжёлая машина оторвалась от асфальта, рывком уходя вверх и в сторону. От свиста и гула тут же заложило уши.

— Товарищ полковник, — крикнул кто-то, показывая вниз. — Смотрите!

Распавшись на полосы и квадратики, один из ангаров растаял в воздухе. Из открывшейся взору прямоугольной шахты высоко в небо рванули треугольники. Один, другой, третий... Они двигались стремительно, практически сливаясь друг с другом. При этом, несмотря на скорость, аппараты почти не тревожили воздух. Казалось, что корабли Полигона бесплотны.

— Бегут, — довольно крикнул папа, наблюдая за отступлением. — Вскрыли их, голубчиков, как консервную банку. А вон и наши!

Повернувшись, Гоша увидел вереницу покидающей дымящееся поле боя техники. Выстроившись в колонну, грузовики и бронемашины продвигались в сторону шоссе.

— Ох и разговоров будет, — хохотнул папа подмигивая. — Ну ничего, *проврёмся!*

Последний из чёрных кораблей покинул «Седьмую площадку». Какое-то время ничего не происходило, а затем...

— Твою дивизию, — прошептал папа. Гоша не слышал его, скорее, прочитал по губам. Недоумевая, он глянул вниз и обомлел.

Центр ходил ходуном. Вздрыбился асфальт, застонали, треща и ломаясь, строения. По периметру комплекса пробежала трещина. Центральный ангар просел, образуя воронку, куда медленно сползли припаркованные грузовики. Что-то загорелось, в небо рванулся, бессильно опав, фонтан дыма. Вертолёт трянуло. Гоша с ужасом почувствовал, что машину ощутимо ведёт в сторону погибающей «Седьмой площадки».

Отчаянно взыв, «вертушка» легла набок, борясь с загадочной, необъяснимой силой. Уничтожение комплекса тем временем подходило к концу.

Чудовищная, не поддающаяся измерению мощь курочила логистический центр, сжимая его в шар. На поверхности сферы вспучивались взрывы, но ни дым, ни пламя не могли подняться выше, чем на пару метров. Быстро сжимаясь, шар скукожился до размеров футбольного мяча и непроницаемо потемнел.

Вертолёт опять качнуло, висящую поодаль тучу размазало и прижало к земле. Съёжившись в точку, шарик с оглушительным взрывом исчез. Во все стороны ударил ветер, размазанную тучу подкинуло обратно в небо. От «Седьмой площадки» не осталось и следа, если не считать огромной, словно вычерпанной ложкой для мороженого, выемки. Из неестественно гладких стенок виднелись обрывки коммуникаций. Остатки труб извергали на дно потоки мутной воды.

— Сингулярность, — объяснил папа, нахлобучив на Гошу шлемофон. — Искусственная чёрная дыра. Рисковые ребята, и эффективные. Ничего врагу не оставили!

Устало вытерев лоб, он подмигнул.

— Ты как? Не испугался?

Гоша помотал головой. Чего уж теперь бояться? Главное, что в чёрную дыру не утянуло.

— Вот и отлично, — произнёс было папа, как вдруг справа по борту хлопнуло и параллельно вертолёту поплыл огромный чёрный треугольник.

— Верните существо и пленного! — рявкнул усиленный, несущийся, казалось, отовсюду голос. — Немедленно!

— Кравчук, гауссом их! — крикнул в микрофон папа, мгновенно оценив ситуацию. Зависнув, вертолёт крутнулся, разворачиваясь к треугольнику носом.

Под днищем завибрировало, машина ощутимо вздрогнула. В воздухе свистнул раскалённый снаряд, метя в матовый, рифлёный борт незваного гостя.

Но Полигон был шит не лыком. Словно пушинка, многотонный корабль сместился вверх и в сторону, легко уворачиваясь от прямого попадания.

— Предупреждаю последний раз, — прорычал голос, и под днищем треугольника зажглось багровое пятно. — Верните существо и пленного, иначе открываем огонь на поражение!

— Оса, как слышишь? — перекрикивая винты, произнёс в микрофон папа. — Как слышишь, Оса?

Похоже, Оса молчала. Но папа не унывал.

— Кравчук, снижайся, только медленно, — распорядился он, похлопав Гошу по плечу. — Не будут они стрелять, дядя Олег и Хнуп нужны им живыми. Ты лучше во-он туда посмотри.

С трудом оторвавшись от устрашающего корабля, Гоша перевёл взгляд вниз. Туда, где застыла, заметив треугольник, бронированная гусеница колонны. Что они придумали? Чем вообще можно подбить нарушающую законы физики махину?

Отчаянно вращая радарной тарелкой, от колонны отделилась приземистая машина со скошенным передом и утопленной в корпус кабиной. Подняв к треугольнику короткий, словно обрубленный, ствол, она на мгновение замерла.

— Вы зря сопротивляетесь... — раздалось было в небе, но тут машинка разразилась серией ярких вспышек.

Невидимые лучи поразили цель, добела раскаляя броню треугольника. Один из призрачных, расположенных по вершинам огней вспыхнул и лопнул, источая клубы ядовито-зелёного дыма. Сердито загудев, корабль встал на попу и рванулся вверх, оставив за собой густой шлейф.

— Оса, как слышишь? — прижал ладонью наушник папа. — Молодцы, на пятёрку сработали. Прибрать не забудьте.

Поразив цель, машинка выплюнула дымящийся цилиндр, похожий на израсходованный картридж. Несколько человек сгрудились вокруг, аккуратно покотив его к грузовику.

— Сделали мы их, — повернувшись к майору, папа на радостях пожал ему руку. — Свет не обгонишь, от лазеров не увернёшься. Вы как? — вспомнил он про Хнупа и Юлю. — Живые?

Гоблин кивнул, Юлька тоже. Прижавшись к папиной руке, Гоша слабо улыбнулся. Самое страшное было позади. По крайней мере, ему очень хотелось в это верить.

— Ну вот мы и дома, — похлопав по плечу, сообщил папа. Прильнув к иллюминатору, Гоша увидел, что вертолёты заходят на посадку над внушительных размеров воинской частью.

— Ты что, здесь служишь? — удивлённо спросил он. — А говорил, что в штабе...

Ничего не ответив, папа потрепал его по голове и отвернулся.

Внизу показалась аккуратно размеченная посадочная площадка. С мягким толчком вертолёт приземлился. Шум винтов принялся стихать, откликнувшись в ушах неприятным писком.

— Выходим, — распорядился папа, толкая в сторону дверь. Спрыгнув на бетон, он помог детям спуститься, на секунду замешкавшись перед Хнупом.

— Точно не кусаешься? — поинтересовался он, тут же подхватывая гоблина и легко, словно пушинку, опуская вниз. — Шучу я, брат, шучу. Не дуйся.

Увидев спрыгнувшего на бетон, закованного в наручники дядю Олега, он помрачнел.

— Добро пожаловать, — холодно бросил папа, с неприязнью осматривая чёрную форму. — Как долетел? Не растрясло?

Дядя Олег не ответил, задержав долгий взгляд на оробевшем Хнупе.

— Будешь в молчанку играть? — усмехнулся папа. — Против своих ведь идёшь!

— Замолчи, — прошипел дядя Олег, вскидывая ненавидящий взгляд. — Это ты, что ли, свой? Землю сдал и радуется, предатель!

— Повежливее! — Майор потрянул пленника так, что у того клацнули зубы. Папа, оскалившись, молчал. Гоша вдруг понял, что он доволен. Что специально спровоцировал, как и Оленьку в коридоре.

— Увести. — Папа сделал неопределённый жест. Двое бойцов подскочили к дяде Олегу и, заломив ему руки, потащили в сторону приземистого строения маскировочной окраски.

— Познакомьтесь, дети, майор Павел Константинович, ваш и мой спаситель, — представил Валдая отец.

— Да какой там, — отмахнулся, поморщившись, майор. — Действовали согласно указаниям. Получили тревожный сигнал, засекли координаты и выдвинулись. Поначалу думали, что ошиблись. Склады, грузчики, охрана расслабленная. Ничто, как говорится, не предвещало. Мы шлагбаум снесли и на территорию. А потом... Сначала они огнестрелом работали, потом на полную расчехлились. Два БМД поджарили, меня чуть не накрыли. Мы тоже в долгу не остались. Подняли авиацию, дали пару залпов из гаусса. Склад разворотили, откуда эти, в силовой броне, пёрли. Ни дать ни взять — осиное гнездо. И прямо у нас под носом.

— А что такое «гаусс»? — робко вклинился Гоша. — Это же, вроде, математик.

— Совершенно верно, — подтвердил майор. — Создатель теории электромагнетизма. Винтовочки наши видел? Снаряд разгоняется в магнитном поле и поражает противника. Остаются рожки да ножки.

— Про физику потом, — перебил папа. — Что с потерями?

— Имеются. — Сняв тяжёлый шлём, Валдай мрачно вытер пот. — И трёхсотые, и двухсотые. «Хорды» и «стражи» помогли, но у тех, конечно, техника запредельная. Зато наснимали от души, и даже кое-что прихватили. Будет что передать наверх, а то раньше, кроме разговоров — ни единой зацепки. Парней жалко, но хоть вас вытащили. Семёныч, может, не при детях?

— Да они знают больше нашего, — ответил папа. — Посему можно не секретничать. Впрочем, на улице глупо. В штабе поговорим.

Взяв обессиленного Хнупа на руки, он зашагал вперёд, что-то вполголоса обсуждая с майором. Пригревшись, несчастный гоблин тут же задремал, беспокойно подрагивая ушками.

— Выпьем, не чокаясь, — достав маленькие стопки, папа плеснул на доньшко себе и майору. Дети и гоблин жадно припали к стаканам с минералкой. Только сейчас Гоша понял, как жутко хотел пить.

— Гром, Бант, — взяв стопку, принялся перечислять майор. — Веер, Абхаз, Мускат...

— Серёжка, Сенька, — вторил папа, переводя позывные в обычные имена. — Азамат, Кирюха, Петька...

Озвучив скорбный список, они помолчали.

— За ребят, земля им пухом. — Папа залпом опрокинул стопку.

— За них, — кивнул майор, последовав его примеру.

— Я из него душу вытрясу, — мрачно сообщил папа. — Он у меня запоёт, что твой соловей. Дядя этот, ни дна ему ни покрышки, Олег!

— Спокойно, Семёныч, — похлопал его по плечу майор. — Без эмоций.

— Да как тут без эмоций? — вскинулся папа. — В Подмоскovie такого с Великой Отечественной не было! Ребят положили, детей чуть не угробили, сволочи. Ещё и гоблин этот.

Привалившийся к стеночке Хнуп испуганно сжался.

— Он ни в чём не виноват, — нахмурился Гоша. — Ему и так плохо.

— Да понятно, что не хорошо. — Папа быстро остыл. — К тебе, ушастый, вопросов нет. Пока. А вот к твоим соотечественникам, сам понимаешь, имеются. Впрочем, как и к тебе, Георгий. — Он вытащил блок листов и щёлкнул ручкой. — Рассказывай, с самого начала. Где, когда, при каких обстоятельствах.

Папа оказался невероятно, до ужаса въедлив. Его интересовало всё, вплоть до малейших деталей. Он спрашивал и переспрашивал, уточняя подробности и непрерывно строя на быстро перелистываемых страницах.

— Когда ты познакомился с дядей Олегом? В электричке? А с Юлей? А дядя Олег что? Дрова рубил и на гаджеты ругался? Вспоминай!

— Как выглядел бобёр? Что было у него внутри? Когда он пропал? И что сказал дядя Олег?

Услышав о городе гоблинов, папа подвинул им пачку листов, кинув сверху пару карандашей.

— Рисуйте, — буркнул он, продолжая быстро писать.

— Что? — не понял Гоша.

— Всё, — отрезал папа. — Хнуц, тебя тоже касается. Интересует плен и корабль. Всё, что помнишь, любые детали. Даже незначительные.

После полуторачасового допроса Гоша чувствовал себя, словно выжатый лимон. Папа лютовал, уточняя каждую деталь: от поезда и съедобных тарелок до мостика «Тёмной звезды». Исписав все страницы, он выхватил из ящичка стола новый блок.

— Даркстар, говоришь? — хмыкнул в усы майор. — Интересный у них коллектив. Похоже, и впрямь международный. Как мы их просмотрели?

— Потому и просмотрели, — буркнул папа, яростно водя ручкой. — Что шифруются качественно. И сейчас толком не защищались: эвакуировались и зачистили. А к чему бодаться, если всё равно вскрыли?

Майор угрюмо промолчал. Было видно, что слова папы его задели. Впрочем, спорить не приходилось. При желании Полигон мог испепелить и Подмосковье, и Россию со всем миром в придачу.

Покончив с расспросами, папа собрал рисунки и хищно, внимательно пролистал. Сложив их в аккуратную стопку, перечитал записи.

— Что-то не складывается, — сообщил он. — Например: а как ты Юльку спас?

— Мы сами не знаем... — начала было Юля, но папа прервал её энергичным жестом:

— Эти сказки я уже слышал. Я повторяю вопрос: каким образом ты помог ей выйти из бодрствующей комы?

— Я с ней говорил, и она очнулась. — Гоше ужасно не хотелось рассказывать про крух. Он боялся, что папа отшатнётся, узнав об обрётённых сыном способностях. — Знакомый голос, понимаешь?

— Не понимаю, — жёстко отрезал папа, рубанув ладонью по столешнице. — До этого понимал, а теперь не понимаю. Юлю ты голосом исцелил, а на базу Полигона на прогулке наткнулся? Не верти хвостом, Георгий. Ты не у доски, а на кону — не «двойка». Говори как есть. И не утаивай!

Вздыхнув, Гоша выложил всё. Про крух и р'рих, про отражения, пчёл и Город. И про островки с фрагментами чьей-то жизни — тоже.

Вопреки ожиданиям, папа не ужаснулся. Он невозмутимо исписывал листок за листком, будто слушал лекцию. А не безумную, если вдуматься, историю.

— Что ты, сказал, видел на островках? — уточнил он, поднимая голову. — Солдаты на турниках? Крутились? А тельняшек на них не было?

— Были, — кивнул Гоша. — Точно.

— Десантура, — подсказал майор, пристально глянув на командира. — И гость наш оттуда. Но это ещё ничего не доказывает.

Откинувшись на спинку стула, папа забарабанил по столешнице, шевеля губами, будто что-то проговаривая.

— Ты видел войну в пустыне и телефон, — перелистнул он записи. — И слышал звонок, будто усиленный. Так?

Гоша кивнул.

— А дядя Олег рассказывал, как заkis после службы. И как ему позвонили, — щёлкнул пальцами папа. — А звоночек тот был для него судьбоносным.

— Семёныч, к чему клонишь? — удивился майор.

— К тому, что мой сын каким-то образом подсмотрел чужие воспоминания, — отчеканил папа, торжествуя глядя на Валдая.

— Шутишь? — Прищурившись, майор уткнулся в сцепленные кулаки. — Как такое возможно?

— Пока не знаю, — мотнул головой папа. — Но узнаю! Чует моё сердце: всё, что случилось с Георгием есть звенья одной цепи, длинной и очень запутанной. Ничего, и не такое разматывали. Всегда — разматывали. И до конца!

Сняв трубку служебного телефона, папа энергично нажал несколько кнопок.

— Дежурный? Привести задержанного. Что «Всполохи», небо прикрывли? А в терагерцовом? Если по пути его выдернет «угол», я вам головы пооткручиваю. Всем и каждому, лично.

Положив трубку, он подошёл к холодильнику, доставая завернутые в целлофан сэндвичи.

— Извините, что не сразу, но время было дорого, — объяснил он, разматывая запотевшую плёнку. — Да и голова на сытый желудок не работает. А так видите, какие молодцы. — Он потряс в воздухе толстой кипой записей. — Хнуп, ты земное ешь?

— Алексей Семёнович, он молоко любит, — вспомнила Юлия. — Может, у вас есть?

— Где-то было... — Порывшись в холодильнике, папа извлёк на свет картонную пачку и, отвинтив крышечку, принялся.

— Пойдёт, — кивнул он, наполняя до краёв гранёный стакан. Блаженно заурчав, несчастный Хнуп припал к божественному напитку.

— Вот ведь, — усмехнулся майор. — А на вид — гремлин — гремлином!

— Он не гремлин, — обиделся Гоша, но майор беспечно отмахнулся:

— Да знаю, не переживай. Хнуп твой — парень что надо. Кремень!

В дверь громко постучали.

— Кстати, о птичках, — глянул на детей папа и тут же ответил: — Войдите!

Четверо солдат в боевой экипировке ввели и усадили на стул дядю Олега. Гоша с любопытством оглядел вошедших. Бронежилеты, каски, наколенники. Лёгкие и прочные шлемы. У тех, что вели пленного, автоматы переброшены за спину. Ещё двое держали

оружие в руках, готовясь без промедления открыть огонь. По мрачному лицу дяди Олега было видно, что он прекрасно это понимал.

Гоша замер, оглядывая пленника. Чёрную форму с треугольным узором сменила потёртая куртка и штаны маскировочного цвета. На ногах — запылённые сандалии-«кроксы». Руки пленного были стянуты за спиной наручниками, во взгляде — ничего хорошего. Картину довершал немалых размеров синяк на скуле и аккуратно наклеенный на шею лейкопластырь.

— Не бойся, Хнупик, — утешающе прошептала Юля. — Он ничего не сделает.

Прижавшись к ней, гоблин осторожно посмотрел на пленного. Тот ответил яростным, испепеляющим взглядом.

Повисла тишина. Почему молчит папа? Осторожно переведя взгляд, Гоша увидел, что тот внимательно изучает дядю Олега, ловко крутя пальцами отточенный карандаш. Пленник молчал. Недобро усмехнувшись, папа открыл ноутбук и пощёлкал мышкой.

— Майор Елатомцев Олег Евгеньевич, 1984 года рождения, — медленно, с расстановкой прочитал он. — Рязанское гвардейское воздушно-десантное. Кавказ, Азия, Ближний Восток. Два ранения, плен, успешное бегство. Представлен к государственным наградам. Не женат, детей нет. Ничего не упустил?

Дядя Олег дёрнулся, как от удара током. Но опять промолчал.

— Впрочем, кое-что всё же упустил, — продолжил, смакуя каждое слово, папа. — Согласно сводкам, майор спецназа ВДВ Елатомцев погиб в результате несчастного случая вскоре после демобилизации. Из ныне живущих родственников осталась мама, Елатомцева Александра Вениаминовна. Вот она удивится, узнав, что её сын жив. А проживает она, кстати, по адресу...

— Хватит! — с перекошенным лицом прохрипел дядя Олег. — Ниже пояса бьёшь, полковник!

— А ты? — леденящим голосом спросил папа. — Детей похищаешь, опыты ставишь. В спасителя Отчизны заигрался?

— Так надо. — Запнувшись, дядя Олег отвёл глаза.

— Кому надо? — подался вперёд папа. — Полигону? Старшим? Кстати, что это за создания, что тучками оборачиваются и упархивают? Не поделишься?

— У неё сердце больное, — с вызовом процедил пленный. — Не жалко?

— А ты моего сына пожалел? — усмехнулся папа. — Группа захвата уже готова. Могу отправить с ними врача.

Нащупав слабую точку, он методично давил без всякого сострадания. Судьба несчастной пожилой женщины его, похоже, не волновала.

— Как ты меня вычислил? — уточнил дядя Олег.

— Личико твоё сфотографировал и через архивы училища прогнал, — объяснил папа. — Расслабились вы, не подчистили за собой. Думали — кому охота в архивах пыль глотать? Только вот пыль глотать нынче не надо, всё уже оцифровано и в красивый файл сведено. Даже поиск по фотографиям имеется, — довольный произведённым эффектом, папа откинулся на стуле. — Но я, если надо, готов и по старинке. Год сидеть буду, а найду. Потому что военная разведка.

Снова пауза. Дядя Олег напряжённо думал.

— А знаешь, почему вы прокололись? — Папа недобро осклабился, сверля пленного безжалостным взглядом. — Потому что жирком заросли, на технику понадеялись. Вы же у нас боги, что чрез небосвод в волшебных колесницах летают. Кто вас поймает, кто

вас вообще тронет? И так подставиться из-за какого-то дурацкого архива. — С деланным сочувствием он поцокал языком.

— Ты прав, — согласился дядя Олег, криво ухмыльнувшись. — Мы действительно расслабились. Но как пацан вскрыл объект — я так и не понял. Прямёхонько на нас вышел, будто точный адрес знал.

— Здесь я задаю вопросы, — сухо напомнил папа. — А ты — отвечаешь, майор.

— Капитан первого ранга, — парировал дядя Олег. — Майором я был давно. Ничего я не скажу, полковник. Хоть мать приводи, хоть отца покойного, хоть на части тупым ножом режь.

— Думаешь, тебя спасут, каперанг? — Папа зловеще улыбнулся. — Забыл, что мы маячок удалили?

— Что со мной будет — я не знаю, — покачал головой дядя Олег. — Притащить на объект противника — это залёт, который Старшие вряд ли простят. И вряд ли будут спасать, скорее, наоборот. Но я всё равно выполню долг до конца. Потому что присягу принёс, вторую и настоящую. Не вам, дурачкам, а всему человечеству.

Папа с майором переглянулись. Пленный удивил их своей стойкостью.

— Алексей Семёнович, можно, я? — тихо попросила Юля.

— Говори, — удивлённо обернувшись, разрешил папа.

— Вы знаете, что я больна? — Юлька подошла к дяде Олегу, глядя ему прямо в глаза. Не отводя напряжённого взгляда, дядя Олег кивнул.

— А скажите, — продолжала Юля. — Можно меня убить ради человечества? Ради великого блага — можно?

— Что ты несёшь? — ощерился дядя Олег. — Кто тебя убивал?

— Старший, — объяснила Юля. — Он сказал, что ускорит течение болезни, если я откажусь привести к вам Гошу.

Мальчика скрутило от ненависти. Глянув на папу, он увидел, что тот, еле сдерживаясь, хрустнул зажатым в пальцах карандашом.

— Этого не может быть. — Дядя Олег помотал головой, словно отгоняя наваждение. — Они не станут..

— Станут, — возразила Юля. — Потому что я для них никто. И вы — тоже.

— Ты врешь! — просипел дядя Олег.

— Зачем? — пожалала плечиками девочка. — С моим-то диагнозом?

Услышав знакомый, «взрослый» голос Юльки, Гоша сжался в тугую пружину. Он больше не боялся дяди Олега. Пусть тот боится!

— Когда нас бросили в камеру, он положил вам на плечо руку, — продолжала Юлька. — Словно боялся, что вы поймёте. Вы поначалу словно проснулись, а потом опять заснули. Неужели не помните?

— Ничего такого не было! — На лбу дяди Олега проступила испарина. — Тебе показалось. Показалось!

— Хнуп, не хочешь сказать пару ласковых? — озарённый идеей, обернулся к гоблину папа. — Почему не участвуешь в товарищеском суде?

Осторожно встав, гoblin медленно подошёл к похитителю. От усталости его пару раз шатнуло. Подоспевший Гоша бережно поддержал ослабевшего друга.

— Убери его, полковник, — дёрнулся дядя Олег словно чёрт от ладана. — Убери, слышишь?

Хнуп спокойно стоял, наблюдая за происходящим.

— Отойди, уйди! — попытался лягнуть гоблина пленный. — Отойди, сволочь! Отойди! Отойди-и!

Сделав судорожный рывок, он с грохотом завалился на пол. Подоспевшие бойцы рванули стул вверх, крепко придерживая взбесившегося дядю Олега за плечи.

— Почему ты боишься? — спросил Хнуп. — Я ничего не делаю.

Пленник замер. Простой вопрос, казалось, сбил его с толку.

— Так почему? — с любопытством переспросил гоблин.

— Потому что ты — враг, — прохрипел дядя Олег. — Потому что с такими, как ты, надо бороться!

— Ты хороший, — невпопад ответил Хнуп. — Только делаешь по-злому. А дедушка говорит: злом зло не победишь. Только добром.

Дядя Олег судорожно сглотнул. На его лбу вновь проступили крупные, с горошину, бисеринки пота.

— Уведите меня, — тихо попросил он, позеленев — Не могу больше. Пожалуйста.

— Увести, — приказал папа, хотя Гоша был уверен, что допрос продолжится. — Пусть в себя придёт. И врача ему организуйте. Быстро!

— Располагайтесь. — Проведя по коридору офицерского общежития, папа открыл дверь. — Моя вторая квартира. Юлю на диване разместим, а вам, лиходеям сейчас принесут раскладушки. Я приму душ и бежать, дел по горло, а вы поступаете в распоряжение Рустама. Рустам, организуешь товарищам ужин?

— Сделаю, товарищ полковник, — кивнул Рустам: высокий приятный парень, ранее известный Гоше под позывным «Хруст». — Голодными не останутся.

— В столовую не ходи, — предупредил папа. — На столе телефон, распорядишься. От них ни на шаг, без моего приказа никого не подпускать. В случае чего... в общем, ты понял. Держись, я скоро подкрепление пришлю.

Серьёзно оглядев детей, Рустам прикоснулся к ремешку автомата. Даже здесь, в безопасности, он оставался в боевой экипировке. Из подсумков угрожающе торчали три запасных рожка, у плеча, из плотно подогнанной кобуры выглядывала рукоять пистолета. Несмотря на грозный вид, Рустам отнёсся к гоблину спокойно. Прошедший через все круги ада Хнуп расположил к себе папиных бойцов.

— Папа, подожди, — взмолился Гоша. — Ты обещал рассказать.

— Хруст расскажет, — бросил папа, заходя в ванную. — Капитан, можешь не стесняться. Допуск задним числом оформим, гоблина проведём как внештатного сотрудника. Всё, Георгий, не могу. Служба.

Дверь закрылась, спустя минуту тихо зашумела вода. Сделав короткий звонок, Рустам опустился на стул, ловко перекинув автомат на грудь. Гоша обратил внимание, что ствол словно невзначай развернулся в сторону входной двери.

— Ну, давайте. Спрашивайте — улыбнулся боец.

— Дядя Рустам, кто вы такие? — Гоше казалось, что он умрёт от любопытства. — Что это за место? И кто такие подсолнухи?

— Отдельный отряд специального назначения «Сенеж», — начал Рустам, поудобнее выставив правую ногу. — Выделены из Сил специальных операций. Исторически отзывается на

кличку «подсолнухи». Полковник Самохин, — твой папа, — наш бессменный руководитель. А задача у нас простая: поиск и нейтрализация тех, кто, как мы теперь знаем, зовётся «Полигоном».

— А зачем вы их ищете? — уточнила Юля. — Они же с вами не пересекаются.

— Сегодня не пересекаются, а завтра — кто знает? — ответил Рустам. — Когда один из «углов» прошёл над Кремлём, наверху всполошились. Тот случай, конечно, засекретили, но осадочек остался. Наш отряд создали для нейтрализации угрозы. Само собой, обеспечили новейшей техникой. Спрашивают, правда, строго, а дела у нас шли не очень. Не могли мы их поймать, хоть убей. Всё перепробовали, но эти черти ускользали в последний момент. Вы нам, конечно, сильно помогли.

— Как вы нас нашли? — спросил Гоша. — Часы, да? Но ведь дядя Олег их проверил.

— Он проверил активную трансляцию, — объяснил Рустам. — Которую твой папка успел отключить. Часы перешли в спящий режим, дожидаясь специального сигнала. Получив его, заработали на полную, сообщив ваше местонахождение в комплексе. Ферштейн?

Гоша кивнул, вспоминая, как папа больно сжал его запястье. Так вот зачем это было!

— А что за механические костюмы? И щиты? И оружие? — жадно спросила Юлька.

— Экзоскелеты «Хорда», тактический щит «Страж» и электромагнитные штурмовые винтовки «Рупор-2М», — спокойно перечислил Рустам, будто речь шла о списке покупок в магазине. — «Угол», кстати, подбили из «Всполоха» — боевой лазерной установки. Новейшие разработки, засекреченные. Так что вы ничего не видели, понятно? — Не удержавшись, он наклонился и легонько щёлкнул Юльку по любопытному носу.

— Понятно. — Потерев нос, Юлька улыбнулась. — А что дальше? Я имею в виду, вообще?

— Не могу знать, — покачал головой Хруст. — А сейчас вы поедите и ляжете спать. Хнуп, ты как, в кровати почувешь, али в кокон оборачиваешься?

Ответа не последовало. Маленький гоблин сладко спал, привалившись к стене и тихонечко посапывая. Нежно улынувшись, Юлька бережно погладила его. Зачмокав, Хнуп смешно дёрнул ушком и что-то пробормотал.

Глава 11 — Мальчик и Старшие

— Ну, я пошёл. — Выйдя из душа, папа обнял детей и потрепал Хнупа по голове. — Чёрт, забыл!

Подбежав к телефону, он быстро набрал чей-то номер.

— Алло, Люда? Только не кричи. Гошка у Юли в гостях, вторую ночь уже. Не разлей, понимаешь, вода, ага. А я тут весь в делах и мобильный посеял. Что говоришь? Телефоны оборвала? Всё тебе правильно сказали, проверка у нас внеплановая. Я Георгия в гости отвёз, а оттуда сразу на службу. Не волнуйся, всё у нас нормально. Выпей валерьянки и спи. Целую!

Папа говорил так, будто и впрямь ничего не произошло. Будто единственное, о чём можно расстраиваться, это потерянный мобильник и пара выпавших маме бессонных ночей.

— Телефон твоих помнишь? — спросил он Юле. В ответ та растерянно помотала головой. Крякнув, папа махнул рукой и, закрыв глаза, сосредоточился.

— Вспомнил, — кивнул он, энергично поднимая трубку.

— Откуда? — ахнула девочка, уставившись на него во все глаза. — У вас же не записано!

— А это на что? — Подмигнув, папа постучал себя пальцем по лбу. — Когда твой отец мне звонил, я его номер запомнил. Я всё запоминаю, и, как видишь, не зря. Тренируйся, полезный

навык. Алло, Светлана Андреевна? Гошин папа беспокоит. Нет, нет, всё в порядке. Забрались, понимаете, в глушь, и телефоны посеяли...

Выслушав порцию упреков, он вежливо попрощался.

— Досталось мне, — улыбнулся он. — Полицией даже грозились. Пока их успокоил, а там видно будет. Если что — привезу сюда и возьму подписку о неразглашении. Шутка!

Заметив, что Юлька испугалась за родителей, он сменил тему:

— В общем, я побежал. Где душ — знаете, зубы почистите пальцами. Бельё и одеяла в шкафу, постелите сами. Хнуп и Георгий, займитесь раскладушкам. Рустам будет за дверью. Понапрасну его не дёргать, он солдат, не прислуга. Еду принесут из столовой, включая, конечно же, молоко. Юля, будь добра, проследи за оболтусами.

Важно кивнув, Юлька принялась распоряжаться. Озадаченно теребя мочку уха, гоблин принохивался к грозно лязгающей сочленениями раскладушке. Гоша стелил постель, одновременно пытаясь помочь Хнупу. Все были при деле.

Удовлетворённо кивнув, папа исчез за дверью. Спустя полчаса, приняв душ, гоблин и дети попадали в кровати. Хнуп плескался больше всех, придя в восторг от доселе неизвестного изобретения человечества. Он собирался поведать о душе всем, дабы со временем заменить им громоздкие гоблинские бани. Недослушав, Гоша провалился в крепкий, мертвецкий сон.

Папа пришёл далеко за полночь. Он двигался бесшумно, как тень, но Гоша всё равно проснулся.

— Это ты? — улыбнувшись, сонно спросил он.

— А кто ж ещё, — прошептал папа, потрепав его по голове. — Спи, набирайся сил. Завтра решим, что...

Его прервал тихий стук. Ругнувшись, папа быстро сместился к двери и прильнул к глазку. Чуть помедлив, осторожно открыл, не снимая цепочки.

— Что случилось, капитан? — недослушав, он вышел наружу.

В коридоре забубнили, затем всё стихло. Папа не вернулся.

Сон не шёл, хоть тресни. Точнее, шёл, но какой-то неправильный. Тревожный, тягучий. Когда неясно, спишь ты, или нет.

С трудом задремав, Гоша вскинулся, услышав, как за дверью грозно рычат не предвещающим ничего хорошего тоном.

— Я приказываю, капитан! — зычно командовал кто-то. — Немедленно откройте!

— Не могу, товарищ генерал. — Занервничав, Рустам повысил голос. — Распоряжение командующего частью.

— Не дури, Хруст, — Гоша узнал Бора. — Под трибунал пойдёшь.

— Всем отойти! — рявкнул вдруг Рустам. В наступившей тишине отчётливо и страшно щёлкнул передёрнутый затвор. Испуганно слетев с дивана, Юлька вспорхнула на краешек Гошиной раскладушки, поджав под себя ноги. — Я сказал, все вопросы к товарищу полковнику!

Спустя минуту всё стихло. Обернувшись, Гоша увидел, что напуганный Хнуп дрожит, прижав к голове ушки. Проклятая «Седьмая площадка» не прошла для него даром.

— Что делать? — растерянно прошептала Юлька. — Что это было?

Вместо ответа Гоша вскочил и запрыгал, натягивая штаны. Кое-как одевшись, он подошёл к двери и прислушался, словно опять попал в занесённые пылью небоскрёбы Города. Снаружи стояла тишина. Подумав, Гоша прильнул к глазку, старательно осматриваясь. Но ничего не увидел, кроме освещённой ярким, люминесцентным светом бело-зелёной стены напротив.

Решившись, он осторожно приоткрыл. Бледный, вспотевший Хруст сидел на корточках, уткнувшись лбом в поставленный между коленей автомат. Услышав Гошу, он вскочил, скидывая оружие.

— А, это ты, — слабо улыбнулся он, опуская дуло. — Прости, что напугал. Тут у нас... небольшая заварушка.

Он выглядел так, словно несколько часов провёл в спортзале. В выжатых досуха лимонах — и то больше сока.

— Дядя Рустам, что случилось? — испугался Гоша. — С вами всё в порядке?

— Пока — да, — усмехнулся Хруст, потеряв виски. — Потом не знаю. Не каждый день на генерала автомат наводишь.

— Какого генерала? — ещё раз осмотревшись, Гоша вышел в коридор.

— Ерохина. — Успокоившись, Рустам тяжело опустился на стоящий рядом стул. — Заявился среди ночи, к вам полез. Зачем, спрашивается, если товарищ полковник в штабе ждёт? Ну, я не пустил, а он — настаивать. Уже и ребята мне — открой. А на меня как нашло что-то. Нет, отвечаю, и всё тут. Потом для острастки затвор передёрнул. Тот, само собой, назад. Под трибунал, говорит, отдам. Ребят, что со мной дежурили, забрал и ушёл. А я остался. Куда уж теперь идти?

— Спасибо вам. — Осторожно подойдя к бойцу, Юля тихонько погладила его по руке. — Что не пустили.

— Да ладно, чего ты, — неловко пробормотал Хруст, бережно приобняв её. — Вы тут ни при чём.

— Вы правильно сделали, — решительно сказал Гоша. — Не стоило их пускать.

Обернувшись к гоблину, он скомандовал:

— Запри и никому не открывай, кроме папы, нас с Юлькой и дяди Рустама. Будут ломиться — беги. Или дерись, если ничего не останется. Живым не сдавайся, понял?

Высунувшийся Хнуп кивнул, тут же исчезнув за дверью. Щёлкнул замок, загрохотала придвигаемая тумбочка.

— Дядя Рустам, нам надо в штаб, — сообщил недоумевающему бойцу Гоша. — Проводите нас, пожалуйста. И побыстрее.

— Бред какой-то — бормотал Хруст, шагая по чисто выметенному асфальту. — На генерала — ствол... Дёрнул же чёрт. А что было делать?

Он растерянно глянул на Гошу. Было видно, что бедный Рустам совсем запутался.

Гоша не ответил. Откуда ему знать? Наверное, Хруст поступил верно. Или нет? В самом деле, на генерала — и ствол. Не на кого-то там — на командира, с которым в огонь и воду. Которого нужно слушать и уважать. Уважать и слушать!

Генерал предстал перед мысленным взором во всех деталях. Статный, высокий, в шрамах и орденах. Излучающий силу и мудрость. Защитник России, да что России — всего человечества! От любых врагов, внешних и внутренних. Злобных, коварных, желающих одного — навредить. А гоблины? Гоблины тоже? От неожиданной мысли Гоша споткнулся.

Гоблины не враги. Не могут быть. А что, если могут? Если Полигон и дядя Олег всё-таки правы? И Хнуп — вовсе не тот, за кого себя выдаёт?

Тряхнув головой, он отогнал наваждение. Нельзя так думать, опасно. Пусть Хнуп не похож, пусть у него острые зубки. Человек тоже не подарок, и тоже место под солнцем выгрызал. Что, если однажды кто-то ужаснётся Гоше? Если где-то есть свой Полигон, для которого люди — те же «ленты»? Неужто космос обречён вскипать войной при попытке контакта? Неужто нельзя иначе?

Они обогнули стоящий на опорах, стерегущий небо «всполох». Вопреки ожиданиям, кабина была пуста. Но установка работала, словно кто-то управлял ей дистанционно. Обдумать это Гоша не успел — они приближались к штабу. Завидев Рустама, от входа отделилось несколько бойцов в «хордах».

— Капитан Кичибеев, сдать оружие, — приказал Якут. Гоша замер. Ему было боязно оставаться одному, без единственного защитника. Хотя почему единственного? Разве Якут — не защитник? А ждущий в штабе папа? Так почему же он сомневается в них?

Он быстро оглядел Якута. Невозмутимое раскосое лицо побледнело, на висках и лбу — испарина, словно у тяжелобольного. Впрочем, бледность — это ещё не факт, мало ли что привидится в неверном свете фонарей.

— Не трогайте его, — насупился мальчик. — Он нас защищал.

— Не вмешивайся, — нахмурился Якут. — Мал ещё. Вы можете проходить, по лестнице на третий этаж и направо. Полковник уже заждался.

— Мы... пойдём? — нерешительно обратился к Хрусту Гоша.

— Иди, конечно, — нервно закусив губу, кивнул тот. — Всё хорошо.

— Бегите, товарищ капитан! — тяжело, словно из последних сил, выкрикнула вдруг Юля. — Не отдавайте им Хнупа!

И Рустам послушался! Сделав пару неверных шагов, он развернулся и кинулся бежать, виляя отчаянными зигзагами.

— Куда?! — рявкнул Якут, медленно, словно против воли, вскидывая электромагнитную винтовку. — Кичибеев, стой!

Хруст не остановился. Добежав до поворота, он исчез за углом. Бросившийся было в погоню Якут устало махнул рукой и вернулся к штабу, застыв как истукан.

— Ну, чего стоите? — прикрикнул он на детей. — Бегом!

Бросив взгляд на чёрную генеральскую машину, Гоша шагнул внутрь. В голове прояснилось, страхи и сомнения истончились, словно туман на солнце. Тихонько зазвучала торжественная, как в фильмах, мелодия. Призывающая довериться тем, кому и положено принимать решения.

Забыв про Рустама, ребята поднялись по лестнице. Словно озарённой мягким, чарующим сиянием.

— А, вот и вы, — поприветствовал застывших на пороге детей сидящий за длинным столом папа. — Товарищ генерал, мой сын Георгий и его, так сказать, боевая подруга Юля.

Расположившийся на папином месте генерал кивнул. На первый взгляд он казался суровым, но Гоша знал, что Ерохин вовсе не такой. Что добрый и отзывчивый, лишь для острастки скрывающий истинное лицо под грозной маской бывалого вояки.

— Здравия желаю, — прогудел генерал, расплываясь в искренней, тёплой улыбке. — Так это вы переполох в Подмосковье устроили? Уважаю, уважаю.

Он был невысок и полноват. Совсем не такой, как виделось Гоше. Но разве важна здесь внешность? Важен — мягкий, источаемый авторитет. И отеческая улыбка, от которой лицо покрывается сетью лукавых, добрых морщинок. А ещё приятный, бархатистый голос, бальзамом проливающийся на истерзанную тревогами мальчишескую, совсем ещё ребячью душу.

Гоше похорошело. Очень, чрезвычайно. Он словно купался в лучах уверенности, излучаемой папиным командиром. Наконец-то можно расслабиться, доверившись опытному человеку. Наконец-то можно ни о чём не думать. Он вдруг понял, что ужасно устал. Не физически, но морально. Кто, в самом деле, выдержит такое? Гоблины, Город, «Седьмая площадка»... Хруст вон — от меньшего растерялся!

Хруст... Гоша нахмурился вспоминая. Хруст, Рустам. «Кичибеев, стой!» О чём это? Что-то важное стучалось в сознание, тихо нащёптывая. «Внимание, внимание». Кажется, так?

— Не слушай, — вмешался кто-то ласковый и светлый. — Ты устал и заслуживаешь отдых. Сядь, расслабься...

— ...воды тебе, может, налить? — продолжал генерал. Гоша смешался. Казалось, слова Ерохина звучали и в ушах, и в мыслях.

— Внимание... внимание... — зудело в голове. Голос, кажется, женский. Чем-то похожий на тот, из «Седьмой площадки».

— Ну, ну. — Генерал по-отечески погладил Гошу, и мерзкий, разрушающий гармонию молоточек смолк.

— Позвольте представить, лейтенант Смирнова, — кивнул на сидящую рядом помощницу Ерохин. — Прошу любить и жаловать. Ну а этого, — дёрнул он подбородком на застывшего за столом дядю Олега, — представлять, думаю, не надо.

Гоша равнодушно глянул на подтянутую девушку в кителе. Какое до неё дело, когда рядом — Командир, если не сказать — Вождь?

Он посмотрел на отца. Тот был бледен, как Якут, и так же обильно потел. И всё же Гоша знал, что папе легко и хорошо. Потому что всё, наконец, прояснилось. И встало на свои места!

— Внимание... внимание... — снова забило в висках. — Внимание...

— Ну что, Георгий? — улыбнулся генерал. — Где гоблин? Мы с твоим батей всё решили, но не хотелось бы силой. Я же понимаю — вы друзья. Точнее, это ты так думаешь. Он-то тебе, конечно, никакой не друг.

С трудом поняв, о чём речь, Гоша радостно кивнул. Сейчас он всё расскажет, в деталях и с удовольствием. Правда, там Рустам... Он почувствовал укол стыда, вспомнив, как заморочил голову бедному Хрусту.

— Внимание... Опасность... — настойчиво повторил окрепший голос. Поморщившись, генерал прикоснулся к Гоше, и тот снова забыл обо всём на свете.

— Хнуп наш друг, — отдельно, с усилием произнесла Юля. Вцепившись побелевшими руками в стул, она не сводила с Ерохина колючего взгляда. — Так нельзя.

— Да почему нельзя-то? — раздражённо нахмурился генерал. — Ничего вы не должны, и никому. Берите от жизни всё да радуйтесь! А вы из-за чужака рискуете.

«Ничего не должны... «Берите всё»... «Чужак»...

Мысли застыли не глиной — цементом. И всё же Гоша не сдавался. Что за чушь про «ничего не должны»? А как же дружба? Даже если Хнуп обманщик, разве можно его предавать? Но разве можно предать Командира?

Подойдя, генерал взял его за подбородок. Стало хорошо, и одновременно — дурно. Будто объелся сладкого и чувствуешь подступающую тошноту.

— Нельзя предавать друзей, — по слогам выдавила Юля. — А что сделал Хнуп — на его совести.

— Упрямая какая, — усмехнулся Ерохин, не сводя с Гоши пристального взора. — Не слушай. Ты пойдёшь со мной и скажешь Хрусту, чтобы он открыл дверь. Всё просто. Всё очень просто.

— Предавать... не просто, — простионала сквозь зубы Юля. — Не верь, Гошка... Это... не генерал...

Из последних сил он оглянулся на девочку. Побледневшее лицо перекошено, зубы мучительно сомкнуты. Рот искривился, словно Юлька пыталась закричать, но отчего-то не могла.

В глаз стекла едкая капля. Почему он потеет? Что сложного в том, чтобы выполнить приказ? На ум невпопад пришли пацаны, что партизанили в Великую Отечественную. Они тоже выполняли приказы, тяжёлые и страшные. Сцепив зубы, рисковали жизнью, доводя до конца порученное. Так что же не так? Что бьётся в сознании не молоточком уже — набатом? О том, что пацанам тем было тяжело, и горько, и кроваво. Но никогда не было просто!

НИКОГДА. НЕ БЫЛО. ПРОСТО!

— Внимание! Опасность!

— Отстаньте! — отшатнувшись, вскочил Гоша. Его мутило, в ушах стоял нестерпимый, мерзкий звон.

— Не слушай её, смотри на меня, — рявкнул генерал. — Подчиняйся, сопляк!

Краем глаза Гоша заметил, как привстала, напряжиниваясь, лейтенант Смирнова.

— Внимание! Опасность! Тревога! Тревога!

Шагнув назад, Гоша запнулся о ножку и неловко сел. Ухмыльнувшись, Ерохин снова протянул к нему руку.

— Не дам! — словно прорвав невидимую преграду, вскрикнула Юля. — Не дам!

Затравленно оглядевшись, она схватилась за спинку массивного стула. Подняв его повыше, с истошным, гортанным криком метнула в Ерохина, тут же бессильно оседая.

Кувыркнувшись, импровизированный снаряд врезался в генерала и... погрузился в него, проходя насквозь! Не встретив ощутимой преграды, пролетел ещё метр, впечатываясь в окно. Оглушительно зазвенело, тяжёлым дождём просыпались осколки. Внутрь рванулся, освежая, прохладный ночной ветерок. Дёрнулся, приходя в себя, папа. Судорожно вздохнул, словно выныривая, дядя Олег.

— Внимание, несанкционированный доступ, — гремел размеренный женский голос. — Внимание, несанкционированный доступ. Тревога!

Так вот что стучало молоточком в ушах! Но тогда он не слышал. Точнее, слышал, но не замечал. Словно загипнотизированный. Словно...

Поняв, что происходит, Гоша обернулся к закуривавшемуся фонтанчиками генералу. Превратившись в облако, тот разделился на несколько человеческих фигур. Фигур Старших!

— Это неприемлемо, — произнесла, материализуясь, красивая женщина. Та самая, что наблюдала через окно камеры на «Седьмой площадке». Стоящий рядом «Степан» кивнул. Третий не проронил ни слова.

— Умбра, — прохрипел папа. — Протокол захвата!

С потолка, ломая декоративные панели, свесилась испачканная штукатуркой турель. Послышалось высоковольтное гудение, в воздухе запахло озоном. На окна принялись

наползать тяжёлые, бронированные затворки. Они не успели: превратившись в облачка, Старшие выпорхнули сквозь стремительно сужающуюся щель.

— Ушли, — разочарованно прошептал папа. — Опять в последний момент.

— Гадёныш, — прошипела лейтенант Смирнова. С трудом повернувшись, папа с удивлением смерил гостью взглядом. Казалось, он совершенно забыл о ней.

Посерев, лейтенант издала полный муки стон. Её лицо пошло волнами, превращаясь в лицо Оленьки. Взгляд девушки горел от ненависти. Схватив что-то со стола, она молниеносно кувыркнулась в сторону дяди Олега, уходя от нависающей турели.

Возмущённо зажужжав, установка метнула в Оленьку снаряд. Угол стола взорвался пылью, в стене образовалась круглая, глубокая дыра. Несмотря на скорость, установка не успевала за нечеловечески проворной целью. Она отставала на доли секунды. И этого было достаточно!

Закончив кувырок, Оленька, длинно выдохнув, метнула в Гошу тяжёлую металлическую ручку. К счастью, на помощь вовремя пришёл дядя Олег.

Оттолкнувшись от столешницы, он рухнул на Оленьку, всем весом придавив её к полу. Вспоровшая воздух ручка, жутко затрепетав, впилась в стену в паре сантиметров от Гоши. Он замер от ужаса, встретившись с холодным, цепким взглядом убийцы. Хрупкая, симпатичная девушка казалась страшнее всех Чужих и Терминаторов, вместе взятых.

Упав и перекатившись, дядя Олег встал в боевую стойку. Стараниями «Ерохина» его руки были свободны от наручников. Турель зажужжала, пытаясь взять Оленьку на прицел, но та молниеносно сместилась так, чтобы пленник был на линии огня.

— Отставить, Нова, — властно скомандовал дядя Олег. — Мы не воюем с детьми.

— Отойди, — процедила Оленька, примериваясь для нового броска.

— Отключи форсаж, дурёха... — начал дядя Олег, но тут Оленька, издав воинственный вопль, кинулась в драку.

— Спокойно, Умбра, спокойно, — бормотал папа, видя напряжённые рысканья турели. Он попытался встать, но тут же осел обратно. Психический удар Старших серьёзно его подкосил.

Перепуганные дети наблюдали за происходящим. Дядя Олег дрался на полную, но Оленька была быстрее! Поднырнув под руку противника, она нокаутировала его коротким тычком локтя в затылок. Потеряв сознание, дядя Олег упал, шваркнувшись лицом о столешницу. Развернувшись, Оленька рванулась к цели.

— Стоять! — рывкнул, влетая, Якут, одним ударом снося с петель дверь кабинета. Ухватив лже-лейтенанта за шиворот, он, не церемонясь, впечатал её в пол. Приводы «хорды» ревели, пытаясь справиться с бесноватой пленницей, от массивного ранца плыли волны жара. Оленька не сдавалась. В ход пошли колени, локти, и даже зубы.

— Пусти! Убью! — рычала она, ползя к Гоше.

— Отставить! — грозно ревел Якут. В его глазах читалась растерянность.

— Бор, помоги! — крикнул он вбегающему товарищу. Спустя минуту яростной возни, Оленька сникла.

— Ослабьте хватку, — простонал, приходя в сознание, дядя Олег. — У неё суставы полетят. Нова, ты что творишь? — Скривившись, он потрогал наливающуюся на затылке шишку. — Под трибунал захотела?

— Ты мне не командир, — прорычала прижатая к полу Нова. — Тебя отстранили. До выяснения.

— Допустим, — удивился дядя Олег. — Зачем напала на мальчика?

— Не... твоё... дело. — Всхлипнув, «Смирнова» побледнела. Её тело била дрожь, растрёпанная причёска набухла от пота.

— Воды ей, быстро! — Вскочив, дядя Олег схватил графин и поднёс ко рту пленницы. Расплёскивая влагу на затоптанный, покрытый белой крошкой пол, Оленька принялась жадно хлебать. Так, будто не пила самое меньшее неделю.

— Тихо, тихо, — по-отечески приговаривал дядя Олег, опустившись на корточки. — Ты что делаешь? Жить надоело?

— Выполняю приказ, — напившись, отрезала Оленька. — Как всегда выполняла.

— Тебе приказали устранить мальчишку? — не поверил дядя Олег. — Кто? Когда? По какому праву?

— Старшие, — бросила Нова, с трудом поднимаясь. — В случае неудачи приказано ликвидировать пацана. Если получится — и девчонку. Они передали мне подразделение. Рискнули собой, чтобы помочь. А я подвела.

— Не может быть, — помотал головой дядя Олег. — Если хотела убить — почему пришла без оружия?

— Чтобы не демаскировать. — Оленька криво ухмыльнулась. — Старшие и так вас еле держали.

— А у самой в душе ничего не шевельнулось? — дядя Олег поражённо разглядывал Оленьку, словно редкое насекомое.

— У нас вариант «Омега», товарищ капитан первого ранга, — отчеканила та. — Мы защищаем человечество, в том числе от отбросов-коллаборационистов, — она метнула в Гошу свирепый взгляд.

— И что? — отрезал дядя Олег. — Убийств детей он не предусматривает. Мы присягу давали, «жизнь защищать жизнью». Забыла?

— Я-то не забыла, — тряхнула головой Оленька. — Я не вожу дружбы с врагом. И не сдаюсь ему в плен.

— И всё же в плен ты попала, «сигма» — усмехнулся дядя Олег, смерив бывшую подчинённую взглядом.

— Попала, но ненадолго, — нехорошо улыбнулась та. — В машине внизу — жена полковника Самохина. Людмила, кажется? — уточнила она с превосходно разыгранной невинностью.

— За мной! — просипел папа, невероятным усилием поднимаясь со стула. — Бор, помоги!

Поддерживая папу, процессия вышла из кабинета и спустилась по лестнице.

— Не крути руки, сам пойду, — прикрикнул на сопровождающего дядя Олег. — Полковник, скажи ему.

— Не напирай, Приз, — кивнул папа. — Он уже тихий.

— А вот и она. — Оленька кивнула на ждущую перед входом «генеральскую» машину. — Сейчас выведут.

Словно услышав, двери автомобиля распахнулись.

— Мамочка! — Гоша бросился к маме, но папа успел схватить его за плечо.

— Лёша, что происходит? — Мама была не на шутку испугана. — Гошенька, ты в порядке?

— В порядке он! — пролаял держащий её Щекастый. — Если дёргаться не будешь.

— Лёшенька, сделай что-нибудь. — Не удержавшись, мама заплакала. — Они говорят... Они...

— Куда мы ездили в свадебное путешествие? — перебил папа.

— Ч-что? — Мама удивлённо вскинула брови. — Ты о чём?

— Повторяю вопрос. — Папу всё ещё шатало, но он упрямо отказывался от помощи. — Куда мы ездили в свадебное путешествие?

— Какое путешествие?! — закричала мама. — Тебя тогда в командировку отправили. Обещал, что потом съездим. До сих пор, между прочим, жду!

— Хорошо, — хладнокровно кивнул папа. — А Генка, помнишь Генку? О чём мы говорили на моём дне рождения?

— Он же погиб. — Мама широко раскрыла глаза. — Десять лет как. Лёша, да что с тобой?

— Всё хорошо, Люда, — резко оттаял папа. — Прости, но надо было проверить. Они умеют менять внешность.

— Не все, — усмехнулся Щекастый. — И не всегда. Это очень, очень больно.

Гоша с невольным уважением глянул на Оленьку. Вот, значит, как.

— Чего ты хочешь? — спросил папа.

— Верни моего человека, — пожал плечами Щекастый. — И разойдёмся как в море корабли.

— Я смотрю, на повышение пошёл, — подал голос дядя Олег. — Молодец, растёшь. «Сигма» нынче под Новой, а ты теперь кто? Командующий сектором?

— С тобой мы отдельно пообщаемся, — нахмурился Щекастый.

— Обязательно, — угрожающе заверил дядя Олег. — Скажи только, с каких пор «Сигма» охотится за детьми? Совсем, что ли, с дуба рухнули?

— Мы выполняем приказ Старших, — торжественно ответил Щекастый. — Тебе не понять, каперанг.

— Почему это? — вскипел дядя Олег. — И как могут Старшие отдавать преступные приказы? А может, это твоих рук дело?

— Не пори чушь, — разозлился Щекастый. — Мы выполняем долг, невзирая на лица и возраст. А ты, я смотрю, поплыл. Пожалел деток-конфеток.

— Отпусти женщину! — рявкнул дядя Олег. — Я приказываю!

— Ты отстранён, — напомнил Щекастый. — Верни Нову и разойдёмся. Иначе будет худо.

— Делай, что говорит, полковник, — повернувшись вполборота, бросил дядя Олег. — Эти пойдут до конца.

— Согласен, — кивнул папа. — Ты можешь идти, — обратился он к Оленьке. — Медленно. Учти, мы держим тебя на мушке.

Её отпустили. Затравленно обернувшись, бледная как полотно Нова осторожно двинулась к своим.

— Руки! — прикрикнул Якут. — На виду держи, сумасшедшая!

Вскинув руки, Оленька пошла дальше. Ей навстречу двинулась мама.

Замерев, Гоша следил за каждым её шагом. Несколько метров пути разрослись в бесконечно длинную дорогу. Невыносимо медленно Оленька поравнялась с машиной. Мама задерживалась. Ей оставалось пройти совсем немного.

Всё внимание Гоши было приковано к ней. И всё же он успел заметить неожиданное движение. Выхватив из кобуры Щекастого пистолет, Оленька мгновенно навела его на мальчика. Холодно глянув жертве в глаза, плавно нажала на спусковой крючок.

...Ефим Тимофеевич возник как из ниоткуда. Оттолкнув Гошу, он принял удар на себя, заслонившись локтем. Рукав пиджака задымился и вспыхнул. Не обращая внимания, Ефим Тимофеевич вскинул необожжённую руку и отчаянно растопырил ладонь.

Оленька и Щекастый превратились в неподвижные статуи. Они не шевелились и даже не дышали. Казалось, их можно брать голыми руками, но тут в дело вмешалась машина.

Сбросив камуфляж, чёрная платформа ударила синеватым лучом. Не долетая до старичка, пучок энергии распался на разноцветные зайчики, словно пройдя сквозь невидимую призму. Отражая атаку, Ефим Тимофеевич отвлёкся, и этого было достаточно, чтобы Оленька со Щекастым пришли в себя.

Мгновенным, отточенным движением они взлетели на платформу. Тихонько загудев, та рванулась вперёд и вверх, молниеносно растаяв вдали.

— Люда, спокойно, — предостерегающе вскинул руки папа. Видя, что мама собирается закричать, он обнял и сильно прижал её к себе. Послышался сдавленный крик, затем плач. Мамина спина заходила ходуном.

— Товарищ полковник, мы, наверное, пойдём? — протянул Якут, потупив глаза.

— Свободны, — кивнул папа. — Хруста только приведите. Попозже.

— Говорили, что с тобой служат, — наспех умывшись, рассказывала в папином кабинете мама. — Якобы что-то случилось. Оленька эта... змея... Весёлая такая, приятная. Успокаивала, пока мы ехали. Потом генерал меня коснулся, и всё. Провал. Очнулась, когда из машины вывели. Увидела вас, думала — с ума сойду. Думала — всё, конец..

Не выдержав, она вновь разрыдалась. Гоша и Юля принялись её успокаивать. Папа молчал, крепко сжимая мамину руку. Взгляд его был страшен.

— Доволен? — повернулся он к дяде Олегу. — Я тебя специально привёл, чтобы ты посмотрел на щепки от рубки вашего леса.

— Это какая-то ошибка. — Лицо дяди Олега напоминало безжизненную маску. — Недоразумение. «Сигма» вышла из подчинения. Надо сообщить Старшим.

— Сам-то в это веришь? — усмехнулся папа. — По-твоему, они ни о чём не догадываются? Их, вон, аж трое было. Полный набор.

— Вызывали, товарищ полковник? — постучал в развороченный косяк Валдай. Следом нерешительно просунулись Рустам с Хнупом.

— Проходи, Константиныч, — сделал приглашающий жест папа. — Будь как дома.

Отсутствовавший во время атаки майор выглядел не в пример бодрее. Сняв фуражку и кивнув маме, он опустился на стул.

— Расслабься, Валдай, — махнул папа, заметив, что тот пристально наблюдает за пленником. — Бежать ему некуда. Разжаловали товарища.

Растерянно глянув на папу, дядя Олег не нашёлся что ответить и мрачно склонил голову.

— Приношу искренние извинения, — выдавил он, уткнувшись в пол. — Поступок наших людей непростителен. Мы обязательно разберёмся и накажем виновных.

— Старших, что ли? — весело поинтересовался папа. — Тех, у кого вы на побегушках?

Дядя Олег упрямо молчал. Поняв, что его не разговорить, папа перевёл взгляд на Ефима Тимофеевича.

— Как вы здесь оказались, уважаемый? — прямо спросил он. — Последний раз мы виделись в нашем дворе. И не говорите, что проходили мимо.

— Это было нелегко, — покачал головой старичок. — К счастью, я успел.

— Кто вы такой? — рубанул папа. — Чьи интересы представляете? Историю про пенсионера не предлагать. От попадания боевого лазера обычные пенсионеры горят как спички.

— Ваша правда, — согласился, вздохнув, Ефим Тимофеевич. — Я расскажу, но мне надо... кое-что сделать. Вы позволите ненадолго уединиться?

— Э, не-е, — усмехнулся Валдай. — Только с сопровождением.

— Могу понять, — закивал старичок. — Тогда придётся здесь. Прошу не пугаться и не применять силу. Всё абсолютно безопасно, хоть и выглядит несколько неаппетитно.

Встав со стула, Ефим Тимофеевич отошёл на пару шагов.

— Может, даме стоит прикрыть глазки? — уточнил он.

— Я хирург, — холодно отрезала мама. — Всякое повидала.

— Воля ваша. — Примириительно кивнув, Ефим Тимофеевич натужно закричал. Его лицо искажилось и «поплыло», рост принялся уменьшаться.

— Мать честная, — прошептал Валдай.

— У вас не найдётся полотенца? — буднично уточнил аморфный старичок, сравнившись по росту с Гошей. — Подпоясать, так сказать, чресла.

Кивнув, обалдевший Хруст кинулся в дверь. Папа шумно слотнул. Мама охнула.

Позеленев, комок биомассы покрылся чешуйками. Голова разошлась приплюснутым овалом, следом проклюнулись остренькие ушки.

— До чего же неприятная процедура. — Голос старичка истончился и стал подозрительно знаком. — Над ней ещё работать и работать.

Превращение закончилось. Приняв от Хруста рифлёное полотенце, блестящий, словно младенец, Брух перешагнул через валявшуюся в лужице зеленоватой слизи одежду.

— Вот и я, — радостно сообщил он остолебеневшим присутствующим. — Простите, что немного напачкал. Я всё уберу.

В полной тишине послышался грохот падающего стула. Вскочив, дядя Олег вжался в стену, выставив перед собой ручку. Очень похожую на ту, что метнула в Гошу Оленька.

— Что с вами? — поднял безволосые брови гоблин. — Я вас напугал?

Смерив его пристальным взглядом, дядя Олег шумно выдохнул и сел. Яростно взъерошив светлые волосы, он отшвырнул ручку и уткнулся лицом в ладони.

— Что это было? — нарушил ошарашенное молчание папа.

— Можно перевести как «биоморфоз», — охотно пояснил Брух. — Позволяет воссоздать облик любого организма. Не разгуливать же среди вас в первозданном виде.

— Так ты, выходит, за нами следил? Всё это время? — нахмурился папа.

— Я осознаю, как это выглядит, — развёл лапками Брух, комично взгромоздившись на стул. — Решение отправить меня на поверхность принималось в непростых обстоятельствах.

Мы не знали, что за силы вмешались в происходящее, не знали их планов и намерений. Первоочередной задачей являлась безопасность наших детей.

«Наших». Вновь нахлынул невыносимый стыд. Брух заботился о нём как о родном, не обмолвившись про участие в похищении. Опустил это, будто незначительную, никому не интересную деталь. Отправившись на поверхность, гоблин рискнул ради Гоши всем. Не задумываясь!

— Кто вы такие? — вмешался дядя Олег. — Только честно, без гоблинов с хоббитами.

Переглянувшись с Хнупом, Брух ободряюще похлопал его по плечу.

— Разумеется, мы не гоблины, — пояснил он. — Только похожи, так уж совпало.

Гоша обомлел. Хотя чего он, собственно, ждал? Гоблинов не бывает, это дураку ясно. Но вот же — сидит рядышком, осторожно поводя ушками-лопухами.

— А город? — жалобно спросил он. — А бобёр? Это всё неправда?

— Конечно, правда! — поспешил успокоить Брух. — Мы не обманывали тебя ни в чём, покрывив душой лишь однажды: когда не стали объяснять, кто мы и откуда. Не хотелось вас пугать, да это было и неважно.

— Ничего не понимаю, — переглянулся с дядей Олегом папа. — Вы пришельцы?

— Ну да, — кивнул Брух. — Мы не отсюда, издалека. С вашей планеты не разглядеть даже нашу галактику. Но «издалека» — это, простите, сугубо земной термин. Далеко, близко — всё относительно. Как пластилин, понимаете? Захотел — растянул, захотел — сжал.

— Он прав. — Дядя Олег слушал Бруха с неподдельным интересом. — Пространство и время взаимосвязаны. И податливы, как глина, нужно только уметь лепить. Старшие умеют. И нас научили.

Резко осёкшись, он снова мрачно замолчал.

— Ладно, бог с ним, — отмахнулся папа. — Время, пространство... Эти головоломки пусть эйнштейны решают. Зачем пожаловали на Землю? И почему на вас взъелся Полигон?

— Почему взъелся — сказать не могу. — Брух осторожно глянул на дядю Олега. — А к вам мы прибыли учиться. Мы, можно сказать, вечные студенты. Скачем от звезды к звезде, познаём Вселенную во всём многообразии. Если есть возможность — вступаем в контакт, если нет — сидим тихо и так же тихо уходим. Мы быстро поняли, что нам не рады. Увы, уйти нам также не дали.

— Старшим нужен ваш секрет, — объяснила Юлия. — Они Хнупа даже пытали.

Пристально глянув Хнупу в глаза, Брух замер. Гоша мог поклясться, что между гоблинами происходит неслышимый, сверхскоростной разговор.

— Мальчик мой... — мучительно выдохнул гоблин-биолог. — Это же... чудовищно...

Он медленно повернулся к дяде Олегу, уставившись на него огромными чёрными глазами без зрачков. Подобравшись и побледнев, тот не отвёл взгляда.

— Вы тоже жертва, — помедлив, сообщил Брух. — Жертва обмана. Теперь я понимаю.

Покряхтев, он спрыгнул на пол и заковылял к пленнику короткими, кривыми лапками с плоскими ступнями.

— Ты что задумал? — напряжился папа. Дядя Олег не шелохнулся. Вспотевшее лицо выдавало нештучную борьбу.

— Он всё знает. — Подойдя, Брух сосредоточенно прижал ушки. — Не головой, сердцем. Сердце не обманешь.

— Чего ты хочешь? — по-детски жалобно спросил дядя Олег, судорожно вцепившись столешницу.

— Ничего, — улыбнулся Брух, демонстрируя острые зубки. — Это нужно тебе. Понимаешь?

— Что я должен делать? — тихо, будто решившись, спросил пленник.

— Доверься мне, — в тон ему ответил гоблин. — И главное, доверься себе.

Чешуйчатой лапкой Брух крепко взял дядю Олега за руку.

— Расслабься, — промурлыкал он. — И не бойся.

Выдохнув, дядя Олег ссутулился. Складки его лба разгладились, лицо приобрело несвойственное осоловелое выражение.

— Вот и хорошо, — прошептал Брух подбираясь. — Может быть немного некомфортно.

Он разговаривал, словно с ребёнком. Поразительно, но суровый, прошедший огонь и воду пленник не имел ничего против. Тихонько вздохнув, дядя Олег свесил голову на грудь и замолчал. Увидев это, Брух приступил к непонятной, но явно сложной процедуре. От напряжения он даже высунул подрагивающий влажный язычок.

Его кристаллик тихонько замерцал, озаряя комнату приятным светом. Воздух зазвенел — гоблин вошёл в *крух*. Не выходя из транса, дядя Олег застонал. В ответ Брух что-то прошептал, подобно отгоняющему дурной сон шаману.

— Через родителей зашли, — с отвращением процедил он, словно узрев под перевёрнутым камнем кучу мерзких личинок. — Умно. И безотказно.

Он напрягся, ещё больше прижав к голове уши. Зелёные ноздри раздулись, словно Брух вынюхивал хитрую, осторожную добычу. Вскрикнув, дядя Олег дёрнул рукой, но гоблин с несвойственной ему силой удержал её на месте.

— Тихо, тихо, тс-с, — убаюкивающе пропел он. — Сейчас... уже почти всё.

Брух вспотел, словно борясь с невидимым врагом. Чёрные глаза зияли бездонными колодцами, уши подрагивали в такт пересохшему язычку.

Громко всхлипнув, дядя Олег распахнул глаза. Повея по сторонам ошалелым взглядом, уставился на Бруха.

— Что ты сделал? — спросил он, когда его взгляд немного сфокусировался.

— Исправил, — коротко ответил Брух. — Что теперь думаешь о Старших?

— Они... чужие, — пробормотал дядя Олег, прислушиваясь к себе. — И не любят людей.

— А они красивые? — вкрадчиво уточнил гоблин.

— Нет, — энергично затряс головой пленник. — Бесформенные, как песок. А внутри — бездушные.словно машины.

Гоша вспомнил, ЧТО проглядывало сквозь Старших во время перевоплощения, и поёжился. В комнате словно повеяло холодным и чужим.

— Кто они, чёрт возьми, такие? — спросил дядя Олег. — Я думал, друзья, о нас пекутся. Жизнью за них рисковал.

— Не знаю, — развёл лапки Брух. — Боюсь, никто, кроме вас, на это не ответит.

Закончив сеанс психотерапии, он перешёл на «вы». Что ни говори, а гоблины всё-таки очень вежливый народ.

— Итак, заседание продолжается, — невозмутимо подытожил папа. — Рассказывайте, уважаемый Брух. Я хочу знать о вас всё.

— Можно я? — спросил дядя Олег. — Он мне... передал. Я ему верю. Старшие, *прикоснувшись*, замораживают, будто жидким азотом. Кажется, что не больно, а сам как под наркозом. Эти другие, тёплые. Не знаю, как объяснить. — Смешавшись, он замолчал.

Внимательно дослушав, папа кивнул. Достав из ящичка пачку чистых листов, невозмутимо щёлкнул ручкой.

— Их цивилизация называется «га'хтар». — Дядя Олег оглянулся на Бруха, словно уточняя. — Они древние, очень. Десятки тысячелетий, если считать от начала письменных хроник. А так и сотня тысяч лет наберётся. И кстати, он прав. Их звезда действительно отсутствует в наших атласах.

Замерев, ребята слушали о цивилизации гоблинов, зародившейся в неведомой, невероятно далёкой галактике.

— Изначально они жили под землёй, охотясь на всё, что шевелится. Друг другом тоже не брезговали. — Гоша почувствовал прикосновение Хнупа. Перед внутренним взором разверзлась тёмная пещера. Маленький гоблин помогал другу *увидеть*. И Гоша — увидел!

Сырая, душная, раскинувшаяся на километры мгла, подсвеченная призрачным мерцанием огромных грибов. Вдоль скальной стены скользят тени, окружая гигантскую безглазую ящерицу. Свист пращ, предсмертный вой раненого зверя. Ликующие вопли, сменяющиеся яростной схваткой за трофеи. Остатки разделанной туши бросают тут же, чтобы приманить очередную добычу. Кто-то громко чавкает.

Скачет, мчится вперёд время, перенося действие на поверхность. Приземистые, корявые города, кучкующиеся подле зевов огромных пещер. Тёплый свет ближнего солнца и тусклый — дальнего. Бурная, устилающая поверхность растительность, рассечённая широкими просеками. Воздух — густой и липкий, словно кисель. Над головой с клёкотом проносятся напоминающие птеродактилей птицы.

Вскрикнув, одна из них падает, пронзённая короткой массивной стрелой. Выскочившие из зарослей охотники подхватывают добычу, тут же устремляясь в город. Неподалёку — кучка собирателей целебных трав, укладывающих в кожаные сумки лоснящиеся влагой пучки. Вечереет, диски светил скатываются к горизонту. Вот-вот выползут и вылетят из джунглей кровожадные ночные охотники.

У городских стен слышно упирающееся мычание. Отмахиваясь от мошкары, гоблины-погонщики тянут на привязи огромных, напоминающих помесь быков с мамонтами, созданий. Следом уже скользит призрачная, кошачья тень ночного хищника. Бросив добычу, погонщики с воплями скрываются в тут же захлопнувшихся воротах.

И снова рвётся, ускоряясь, картина. Городов уже больше, на смену домам-мазанкам пришли каменные строения, соединённые друг с другом над- и подземными переходами. Труба одной из башен выплёвывает грязно-серое облако. Свистнув, толкает поршень паровая машина, приводя в движение сыромятный ремень. Рядом что-то записывает подслеповатый гоблин, вода по бумаге тонкой, заострённой костью. Почесав плоский нос, он с нежностью наблюдает за тлеющим мерцанием первой лампочки накаливания.

— Были войны. — Дядя Олег помолчал. — Мелкие стычки разгорались, как степной пожар. Расселившись по миру, гоблины разбились на племена-государства, тут же принявшиеся делить планету. Технические и научные свершения не остановили безумия. Напротив, крайне обострили существовавшие противоречия.

...На огромной равнине выстроились два воинства. Бьёт в чуткие уши ветер, по небосводу, предвещая беду, несутся тёмные тучи. Флаги, море флагов. Красные и синие, с завитушками

и чёрточками. Кто-то трубит в рог. Взревев, ползут на врага шестилапые чудовища. На спинах — деревянные башни, осыпаящие всё вокруг тучами стрел. Но противник не испугался. С криками в небо взмывают «птеродактили» с восседающими в кожаных сёдлах копейщиками.

Новая эпоха, та же равнина. В шахматном порядке ползут друг на друга лязгающие гусеницами машины. С массивных стволов срываются облачка дыма. Что-то взрывается и горит, неподалёку тоненько визжат. Несколько замерших монстров коптят смрадным, удушающим дымом. Тяжело и дробно стучит пулемёт.

Один из подбитых, упорно отстреливающихся танков окружают фигурки с заплечными баллонами. Слышится отрывистая команда, и вот уже лижут броню языки гудящего, добела раскалённого пламени.

В мирной жизни не лучше. Прилавки, ломящиеся от продуктов, которые некому покупать. Дерущий лёгкие смог тысяч фабрик, жадно опустошающих планету. Очереди безработных, покорно ждущих у проходных. Голод и болезни.

Толстый торговец замахивается кнутом на бездомную девчонку, пытавшуюся стащить краюху хлеба для больного братишки. Отшатнувшись, нищенка зажимает рукой пылающий на мордочке рубец. Она не плачет, думая лишь о голодающем братике. Умирающем в грязной норе на берегу загаженной отходами реки.

Несмотря на потрясения, цивилизация устояла. Началась космическая эра, благо пригодных для колонизации планет в солнечной системе хватало. На какое-то время страсти улеглись. Но лишь на время.

Вспарывая тучи, в небо рвутся тысячи кораблей. Внизу, на причудливых космодромах — лихорадочная стройка. Пусков много, но нужно ещё. Чтобы успеть и закрепиться, вырвав ресурсы и территории из-под носа соседей.

Падают, расползаются по поверхности колонисты. Вгрызаются в землю, возводят под чужим небом тысячекэтажные мегаполисы. И снова дымят заводы, и снова все делятся на хозяев и слуг. Сгущаясь, плывёт над миром призрак большой войны. Теперь уже межпланетной.

Играют солнечные блики на гладких, заострённых корпусах. Две флотилии сходятся на орбите спорной, богатой ресурсами планеты. Холодную пустоту озаряют жаркие, смертоносные вспышки. Надламывается, раскалывается, один из дредноутов, обрушивается в гравитационный колодец градом обломков. Вниз, к поверхности, рвётся десант, но проигравшие не сдаются. Вспучившись термоядерным пламенем, рвут стратосферу дымные грибы. Стонет, спекается земля, спаиваясь стеклянной коркой. Испаряются океаны, горит, исчезая, атмосфера. Драгоценный трофей не достаётся никому.

После гибели нескольких колоний «га'хтар» решаются на отчаянные меры. Власть передаётся умнеющим на глазах машинам, ставшим правителями и судьями. С войнами покончено, но за это заплачена непомерная цена. Разленившаяся, впавшая в гедонизм цивилизация срывается в стремительный штопор деградации.

Мир захлёстывают суеверия и мракобесие. Цветут махровым цветом технокульты, поклоняющиеся вчерашним творениям. Верещат на улицах обёрнутые в лохмотья жрецы. Их слышат, за ними идут. Молодые гоблины не желают постигать мир. Им уютно в заботливо созданном машинами пузыре.

— Всё изменил один человек, — рассказывал дядя Олег. — Точнее, гоблин. Его звали Гташ.

Сидящий в маленькой квартирке учёный раздражённо отмахнулся от предложенных умных домов развлечений. Сняв с полки старинный фолиант, бережно зашуршал пожелтевшими страницами, периодически что-то записывая.

Новая перемотка. Поседевший, измученный Гташ заканчивает труд всей своей жизни. Умный дом молчит — чтобы избавиться от назойливого опекуна, хозяин отключил

электричество. Рядом в нелепой позе замер сломанный домашний робот.

Гоша не видит обложки книги, но знает её название: «Возрождение». Гташ писал её двадцать лет, по кусочкам собирая древнее знание. Писал, забыв обо всём. Отчаянно сражаясь за будущее заблудших, стремительно глупеющих соотечественников.

Глотнув из ароматно дымящейся чашки, Гташ достаёт болтающийся на цепочке кристаллик. *Р'рих*, это же первый *р'рих*! Найденный в опасной экспедиции к одному из сохранившихся храмов древней, всеми позабытой религии.

Скачок. Гташ стоит на площади, что-то втолковывая редкой толпе. Его не понимают, но он не сдаётся, предлагая желающим кристаллики. Один из прохожих отрывает мутный взгляд от портативного экрана. Подумав, берёт кристаллик, поднимая на Гташа просветлевшие глаза.

Революционное учение победоносно шагает по планете. Обладающие невероятными свойствами кристаллы приносят *понимание* себя и других. Личность при этом не подавляется, наоборот — усиливается и дополняется знаниями, мыслями и чувствами всех.

Уцк не обещает вечного блаженства, он требователен и тернист. Выбравший его учится концентрировать энергию внимания, подчиняя законы самого мироздания. Гоблин–кузнец выкует любой сплав, перестроив, если надо, атомную структуру вещества. Гоблин–строитель — возведёт за смену многоэтажный дом, замедлив время. Биологи лепят живую ткань, создавая новые виды животных и растений. Постигшие высшую ступень проникают в самую суть пространства, создавая ведущие в далёкие миры червоточины. Га'хтар отказываются от умной техники, возвращаясь к корням на новом, дарованном кристаллами уровне. Сложные технологии больше не нужны. Теперь они — обуза.

Древние писали о *р'рих*, но не смогли постичь загадочные кристаллы, ограничившись причудливыми ритуалами. Час *р'рих* пробил спустя тысячелетия, для чего потребовался вооружённый знаниями и научным подходом ум. Острый, как отточенная бритва, опытный и терпеливый. Принёсший избавление от войн и уютного диктата машин.

— В этом и есть их путь, — закончил дядя Олег. — Путешествуют от звезды к звезде, трудясь, учась и наблюдая. Некоторые не видели родной планеты. Некоторые уже и не увидят. Там, где им рады, задерживаются подольше, охотно делясь знаниями. Там, где нет... Какой же я был дурак, — помолчав, глухо закончил он.

— Право, не стоит, — положил ему лапку на плечо Брух. — Мы действительно выйдем несколько утрашающе. Приходится делом доказывать, что изменились давно и навсегда.

— А я? — жалобно спросил Гоша. — Откуда у меня эти способности?

— Тут всё сложнее, — вздохнул Брух, собираясь с мыслями. — Как бы тебе объяснить...

Гоша похолодел. А ну как выяснится, что он не землянин? И вообще не человек, а какой-нибудь клон–подкидыш?

— Ты — поворотная точка вашего вида, — развеял опасения Брух. — Первый не–гоблин, способный встать на путь *уцк*. То, что мы встретились — невероятная удача. Но не случайность. Мы вообще не верим в случайности.

Гоша не знал, что ответить. За него это сделал папа:

— Не хочу быть бестактным, но с будущим Земли придётся подождать. Объясните лучше, где, чёрт возьми, побывал мой сын? Что за розы в барханах, с отражениями и насекомыми?

— К сожалению, сказать не могу, — покачал головой Брух. — Знаю одно: Город ненастоящий. Очень смахивает на виртуальную реальность.

— Что за «отражения», полковник? — перебил дядя Олег.

Услышав короткий пересказ, он помрачнел и задумался.

— Было такое. — Он щёлкнул пальцами. — После того как я стал капитаном, одно время мучился кошмарами. Помню пески, небоскрёбы и Дворец. И себя там видел, точнее, Отражение. Но приставлять его ко мне отчего-то не стали. — Запнувшись, дядя Олег виновато посмотрел на Юлю.

— А к Оленьке приставили? — серьёзно уточнила девочка. — Вон как она сражалась.

— Не думаю, — покачал головой дядя Олег. — Оленька верна своему долгу. Так как его понимает.

— Давай, десантура, соображай, — подстегнул его папа. — Покидая Город, мой сын видел твои воспоминания. словно островки, где на повторе крутились фрагменты жизни, включая и «Седьмую площадку». Чем объяснишь?

— Чертовщина какая-то. — Дядя Олег взъерошил пятернёй шевелюру. — Разве что...

— Не томи, каперанг! — наседал папа. — Время дорого. Ну?

— Хайвмайнд, — просветлев, изрёк причудливое слово дядя Олег. — Разум улья. Я давно заметил, что Старшие соединены в единую сеть. Что узнают о случившемся одновременно, даже находясь в противоположных точках планеты. И если я был к нему подключён, то там могли остаться мои воспоминания.

— А почему их увидел Георгий? — не сдавался папа. — Как он подключился к Номосу?

— Я поранился его осколком, — поражённо прошептал Гоша. — Когда пытался защитить пчёл. Может, поэтому?

— Допустим, — упрямо кивнул папа, буравя дядю Олега взглядом. — А пчёлы — это что? А тени с кубами?

— Я не знаю, — развёл руками пленник. — Клянусь.

— Дурдом, — пробормотал, переглянувшись с мамой, Валдай. — Всякого повидал, но такого...

— Слушай, Юля, — вспомнил папа. — А как ты поняла, что Ерохин не тот, за кого себя выдаёт? Как вообще умудрилась выстоять? Он по нам катком прошёлся, ещё немного — и я бы родную мать на блюдечке принёс.

— Не знаю, — развела руками Юлька. — Просто поняла, что он чужой, словно Гошкины способности проснулись. Может, он их передал, когда лечил?

— С ума сойти! — Брух подлетел к девочке, впившись в неё внимательным взглядом. — Это просто невероятно!

— Чего невероятного? — удивился Гоша.

— Как ты освободил Хнупа? — задал встречный вопрос Брух. — Каким образом победил отражения и Номос?

— Хнуп дотянулся до меня и подарил кристаллик, — пожал плечами мальчик. — Там, в Городе. Мне помогло. Я даже супергероем немножко побыл.

— Я не дарил тебе *р'рих*, — огорошил Хнуп. — Только позвал. Это ты до меня дотянулся. И поддержал.

— Как? — ахнул Гоша. — Я не...

— Возьми, — перебил Брух, торопливо протягивая кристаллик. — Теперь повернись к ней.

Не обращая внимания на протесты, он вложил Юлину ладонь в Гошину руку.

— Закончи, что начал, — скомандовал Брух. — Сейчас же. Это важно.

— Что закончить? — Гоша ничего не понимал.

— Ты знаешь, — не отступал Брух. — Сосредоточься и посмотри в глаза. Да не мне — ей!

Он мягко притронулся к Гошиному локтю. Тёплая энергия устремилась по руке, смягчая, растворяя ноющую усталость. И мальчик вдруг понял! Повернувшись к Юле, он *прикоснулся* к её сознанию. Мягко и спокойно, чтобы не потревожить.

— Вот так, — шептал Брух, напряжённо следя за процессом. — Не останавливайся, иди до конца. Иначе нельзя. Опасно.

Но Гоша и так знал, что делать. Не знал откуда, но знал! Во время лечения он ненароком передал Юльке часть силы, при этом не завершив процесс. Начатое надо закончить. Иначе — дисбаланс и гибель.

Юлька поняла всё без слов. В нахлынувшем видении они стояли на берегах широкой, спокойной реки, между которыми вознёсся прекрасный белый мост.

— Идём, — потащила за рукав Юлька. — Там красиво.

Дойдя до середины моста, он услышал шум прибоя. Река исчезла, вместо неё простирался пляж, омываемый пенистыми, лазурными волнами. Гоша замер. Оказывается, в первый раз он не видел ничего. Точнее, видел умом, анализируя Юльку, словно уравнение. А сейчас — увидел сердцем. По-настоящему.

— Теперь вы вместе, — донёсся торжественный голос Бруха. — И навсегда. Отныне будете понимать друг друга так же, как и мы. Не бойтесь, жениться не обязательно.

— А почему вы так удивились? — Гоша вспомнил непонятное оживление Бруха.

— То, что ты сделал без всякой тренировки, под силу немногим, — объяснил учёный. — У тебя большие задатки. Но учиться придётся всё равно.

— Что-то мне нехорошо, — прошептала, оседая, девочка. — Гошка...

Видение посерело и схлопнулось, уступив место папиному кабинету. И сидящей напротив бледной, тяжело дышащей Юльке, с надеждой глядящей на друга сквозь толстые линзы новеньких очков.

— Нет, я не позволю, — прошипел Брух, прежде чем все успели опомниться. Издав воинственный писк, он погрузился в себя, намертво вцепившись в Юлино плечо. Его глаза остекленели, мордочка искривилась невероятным страданием. Прямо как тогда, на грибной плантации.

— Хнуп, помоги. — Он нетерпеливо потряс в воздухе лапкой.

— Мне нельзя, я маленький, — испугался тот. — Уцк не умею!

— Пора взрослеть! — прорычал Брух, рывком дотягиваясь до гоблина. — Помогай! Раз, два...

Хнуп послушно закрыл глаза. В комнате потемнело.

— Что происходит? — нахмурился папа. — Я могу вызвать врача.

— Не мешай, — прервала его мама. — Нам до них далеко. Смотри! — Она указала на появившиеся повсюду проекции спиралевидных молекул.

Притянув одну из них, Брух принялся торопливо её разматывать.

— Чуть, Валерий Кузьмич, — бормотал он. — Несовместимость... опасность... Почему? Лучше пусть мучится? Пусть умрёт?

Раскрутив спираль до конца, он быстро, но аккуратно свернул её обратно.

— Тут нет, — с досадой процедил гоблин-биолог. — Но где?

Внезапно одна из молекул пришла в движение. Подплыв к ничего не замечающему Бруху, она выпустила острое щупальце и больно ужалила учёного.

— Ай! — Брух завертелся, тут же получив ещё укол. — Да что же это?

— Осторожно! — вскрикнула мама, с ужасом наблюдая за расползавшимися по чешуйчатой коже опухолями.

Брух сморщился, переводя внимание на себя. Опухоли зачихали, но Юльке тут же стало хуже.

— Нельзя, — лязгнула, оцетиниваясь, подлая спираль. — Нельзя. — Изогнувшись, щупальце подплыло к Юлькиной шее.

— Не может быть, — ахнул Гоша. — Пусты её, гадина!

Ни о чём уже не думая, он вцепился в растерявшегося Хнупа, яростно обрушиваясь на лже-молекулу. Дрогнув, та приняла очертания Номоса, тут же превратившегося в уменьшенную копию Тысячеликого.

— Он опасен! — срывая горло, крикнул гоблинам Гоша. — Изучает и адаптируется. Принимайте!

Он отправил по телепатической цепочке опыт борьбы с врагом. Войдя в *крух*, вызвал в памяти семимерную модель, которую в обычном состоянии не мог даже представить.

— Вот так и так, — без слов растолковал он друзьям. — Идём по этому контуру, он здесь хромает.

Но Тысячеликий не хромал. Отбив, словно ждал, слаженную атаку, он больно ужалил мальчика в плечо и грудь. Пришлось отвлечься, чтобы подавить подсаженные врагом ростки смертельной, ускоренной в сотни раз болезни. Лишённая поддержки Юлька застонала. Проклятая опухоль убивала её на глазах.

— Хнуп, нет! — Гоша не успел удержать друга. Заверещав, маленький гоблин отчаянно атаковал, тут же пропустив серию уколов.

— Нельзя, — торжествуя резюмировал Тысячеликий, пошевелив висящим возле Юльки щупальцем. Он словно издевался. Или провоцировал.

— Идём выше, — с ненавистью прошипел Гоша. — Восемь измерений, лучше девять. В семи его не взять!

— Опасно! — испугался Брух. — Ты и так на пределе.

— Я сказал — через девятое! — отрезал Гоша. Стиснув зубы, он застонал, выжимая из себя последнее. Энергия гоблинов хлестала рекой, сторая в топке чудовищно сложных вычислений. Страшно подумать, что стало бы с ним, попытайся он провернуть подобное в одиночку.

Дёрнувшись, матрица разбежалась линией, тут же стянувшись обратно. В голове шумело, но Гоша не сдавался, рассматривая и перекраивая причудливую вязь контуров. С последнего раза врага явно доработали. И всё же...

— Кажется, я понял! — радостно сообщил он. — Я просчитал!

— Что, если ошибка? — возразил Брух. — Мы не можем допустить гибели Юли.

— Не ошибка, — принялся с жаром доказывать Гоша. — Его усилили, но выше он не прыгнет, и так уже на пределе! Сволочи! — крикнул он голосом, чтобы слышал дядя Олег. — Это всё Номос. Это его прощальный подарок!

— Понял тебя, — кивнул, кряхтя от натуги, Брух. — Начинаем!

Осознав, что проиграл, Тысячеликий попытался ужалить Юльку. К счастью, было уже поздно. Вклинившись в оборону, друзья обрубили проклятые щупальца, смяв противника слаженным, тройным ударом.

— Нель... — Недоговорив, поверженный Тысячеликий погас. Теперь уже навсегда.

— Ф-фух, — выдохнул Гоша, пытаясь унять противную дрожь в коленях. Рядом рухнули на пол обессиленные гоблины.

— Невероятно, — прошептала мама, щупая Юлькино запястье. — Все показатели в норме. А это ещё что? — осёкшись, она недоверчиво потрогала тугую, распираемую изнутри косынку.

В дальнейшее было трудно поверить. Не выдержав, косынка развязалась и упала, обнажив... длинные русые волосы! Проведя по ним ладошкой, Юлька счастливо и немного растерянно улыбнулась. Поморгав, сняла ненужные больше очки и, подумав, положила их на стол.

— Спасибо, — сказала она. — Вы не представляете...

Недоговорив, она тихонько заплакала от счастья, и мама тут же прижала её к себе.

Кто-то заботливо протянул Гоше стакан воды. Мгновенно осушив его, он поднял глаза на дядю Олега.

— Спасибо, — кивнул Гоша, не зная, что говорить.

— Вот уж не за что. — Неловко улыбнувшись, дядя Олег опустил на стул. — Можешь объяснить, что мы только что наблюдали?

«Мы», он сказал «мы»! Похоже, Юлькина история потрясла неколебимую веру пленника в своё дело.

— Старшие встроили в неё механизм самоуничтожения, — объяснил, подумав, Гоша. — Очень сложный и хитрый, ведь Тысячеликого боятся даже отражения. Как они упаковали его в ДНК — не спрашивайте. Может, Брух знает?

— Не знает, — простонал, приходя в себя, гоблин-биолог, посаженный на стул сердобольной мамой. — Такого я не встречал. Может, в архивах что-то отыщется?

— Тут важно не «как», а «зачем», — вмешался папа. — Зачем в Юлю встроили тикающую бомбу? Не из садизма же, в самом деле?

— Старшим чужд садизм, — покачал головой дядя Олег. — Они предельно рациональны.

— Тысячеликий сработал после инициации, — вспомнил Гоша.

— Похоже на ловушку, — задумчиво протянул Валдай. — Он словно ждал тебя. А когда дождался, принялся её убивать. Причём жестоко, демонстративно.

— Показательная казнь, — кивнул папа. — Похоже, они боятся тебя. А боятся потому, что не понимают. К примеру, ты чуть было не сбежал. С защищённого, режимного объекта! Немудрено, что они всполошились.

— Но при чём тут Юля? — искренне удивился Гоша.

— А при том, — рубанул папа. — Убить тебя не вышло, да и рискованно. «Сигма», конечно, верные псы, а вот Полигон, если что, не поймёт. Остаётся действовать хитростью. Кому ты попытаешься передать способности? Кого «подключишь» к этим блестяшкам? Юльку, кого же ещё! И они встроили в неё защиту. Гарантирующую, что она мучительно погибнет у всех на глазах. Чтобы у тебя опустились руки, чтобы ты возненавидел всё, что связано с гоблинами! И не будет тогда никакого уцк. И ничего уже не будет!

— Хватит, Лёша! — нахмурилась мама. — Ты его пугаешь.

Папа и сам понял, что хватил лишнего. Ободряюще улыбнувшись, он сменил тему:

— Что, каперанг, пробрало? Смекаешь теперь, что за фрукты твои хозяева?

— Старшие мне не хозяева, — разозлился дядя Олег. — Сам же говорил: при нас они боялись трогать детей. Боялись!

— Я могу и ошибаться, — отмахнулся папа. — Скажи лучше, как быть с тобой? Ты ещё пленник или уже союзник?

— Насчёт союзника не обещаю, — честно признался дядя Олег. — Но и не враг. Точно.

— И какие у тебя планы? Посвятишь? — Отвлекая беззаботным тоном, папа процупывал жертву, решая, что делать дальше. Другие не заметили, но Гоша уловил оттенки фальши в папином поведении.

— Добраться до Старших и воздать им по заслугам. — Дядя Олег грохнул по столу так, что мама испуганно ойкнула. — Простите. Не рассчитал.

— Не надо по заслугам, — вмешалась Юля. — Всё не так просто.

— Почему это? — удивился дядя Олег. — По-моему, всё предельно ясно.

— А Фея? — напомнила Юля. — А Председатель? Посёлок? Они ради нас пожертвовали всем, их обязательно надо спасти. А со Старшими по квитаетесь после. Они никуда не денутся.

— Насчёт «не денутся» — это вопрос, — хмыкнул папа. — Как ты до них доберёшься, каперанг? Продираясь сквозь строй вчерашних товарищей?

— Я что-нибудь придумаю, — мотнул головой дядя Олег. — Стрелять в меня они точно не станут.

— Так что с тобой делать? — повторил папа.

— Отпусти меня, полковник, — хрипло попросил дядя Олег. — Слово офицера — не пожалеешь. Хоть на детекторе лжи проверь.

— Надо будет — проверю, — ухмыльнулся папа. — Но не вижу необходимости. Ты ведь, на самом деле, давно сомневался. Ещё тогда, во время штурма. Мог отстегнуться от «хорды» и сигануть в шахту, или броситься на нас, пусть даже с голыми руками. Оленька бы так и сделала, а ты — нет. Потому что видел, что творят Старшие с теми, кого ты поклялся оберегать.

— Я верен присяге, — глухо ответил дядя Олег. — И человечество не предавал. Это Старшие его предали.

— Согласен, — кивнул папа. — И с чистой совестью отпускаю. Впрочем, тебе ведь нужна помощь. Или я не прав?

— Прав, полковник, кругом прав, — мрачно подтвердил дядя Олег. — Есть одна идея, но рискованная. Не знал, как тебя просить после всего, что натворил.

— Говори, каперанг. — Откинувшись на стуле, папа лихо перебирал пальцами ручку. — А мы послушаем. Правда, дети?

Глава 12 — Мальчик и Номос

— Отдайте мне маячок, — начал дядя Олег. — Тот, что был у меня в шее. — Поморщившись, он прикоснулся к пластырю. — Я свяжусь с друзьями. Укажу, куда надо прибыть.

— Можно подумать, они не знают, — усмехнулся майор. — Даже странно, что нас до сих пор не штурмуют.

— Списали нашего пленника, — объяснил папа. — Сомневающихся нигде не любят.

— Всё равно непонятно, — упёрся Валдай. — Он все секреты может выдать. А они, почитай, никого и не прислали, кроме бесноватой и её командира.

— Ты забываешь о Старших, — поднял палец папа. — Сдаётся мне, они нечасто рискуют драгоценными шкурками. Причём сразу тремя.

— Они не стали впутывать Полигон, — задумался майор. — Очень уж много грязи. Полагались лишь на самых преданных.

— Вот-вот, — кивнул папа. — Из чего, впрочем, не следует, что надо светить наше местонахождение.

Он многозначительно посмотрел на дядю Олега.

— Согласен, — слотнув, кивнул тот. — План рискованный. Я не знаю, как Старшие объяснили уничтожение объекта. Горячие головы могут превратно понять.

— Мы, конечно, не лыком шиты, — протянул папа, — но кровопролития хотелось бы избежать. Константиныч, — принялся командовать он. — Полная боевая готовность. Проверь все «Всполохи» до единого. Продублируй управление через Умбру: нас от «генерала» одна автоматика спасла. Жаль, ей командование передать нельзя. Недотягивает пока технология.

«Умброй» назывался центральный компьютер части. Не такой, конечно, как на «Седьмой площадке», но достаточно умный, чтобы управлять лазерными зенитками вместо покинувших посты, одурманенных телепатией расчётов.

— Хруст, тебе отдельное поручение, — продолжал папа. — Ты, я вижу, по части гипноза устойчивый. Когда всё начнётся, будешь меня подстраховывать. Если снова попаду под удар — приказываю вмешаться и нейтрализовать.

— Так точно! — вытянулся в струнку Рустам.

— Вот и хорошо. — Папа устало потёр лоб. — Пойду вздремну пару часов, а затем приступим. Константиныч, организуй каперангу нормальную комнату. Прости, десантура, но пока с охраной. И маячок получишь только в моём присутствии.

— Я понимаю, — сказал, поднимаясь, дядя Олег. — Спасибо, полковник.

— Сколько им потребуется, чтобы добраться до нас? — скрывая беспокойство, уточнил папа. Они стояли на центральном плацу в окружении вооружённого до зубов сопровождения. Чуть поодаль, уперев стволы в небо, замерли «Всполохи» и тяжёлые бронемашины.

— Несколько минут, — пожал плечами дядя Олег. — Многое зависит от скорости принятия решений.

— Георгий, Юля, не высовываться! — прикрикнул папа. — И вы, ушастые, тоже не отвечивайте. Посмотрим, как разговор пойдёт. И если что...

— Детям ничего не грозит, — нахмурился дядя Олег. — Я знаю этих людей, мы воевали плечом к плечу.

— Чёрт с тобой, десантура, — вздохнул папа. — Начинай. Как условились.

Бережно приняв крохотную серебристую капсулу, дядя Олег хитро провёл над ней рукой. Ожив, маячок негромко пискнул. В вечерних сумерках тускло замерцала призрачная голограмма.

— Ошибка считывания биометрии, — приятным контральто сообщила она. — Запрос на голосовую авторизацию.

— У нас случай был, — усмехнулся дядя Олег. — Маяк на свидании заглохнул. Голограмма выросла прямо из шеи, дама упала в обморок и загремела в психиатричку. Ладно, это к слову. Альфа-3-Гамма-Синий, — продиктовал он. — Личный номер 23-964-7.

— Проверка прав доступа, — невозмутимо сообщила капсула. — Командный приоритет отсутствует. Секретный допуск отсутствует. Стандартный допуск ограничен.

— Проверка прав на трансляцию, — хрипло потребовал дядя Олег.

— Права на трансляцию отсутствуют, — «обрадовала» голограмма.

— Чёрт, — ругнулся бывший пленник, сжав металлический шарик в кулаке. — Об этом я не подумал.

— Тебе вырубили связь? — уточнил папа.

— Наглухо, топором, — подтвердил дядя Олег. — Такого я не ожидал.

— Действительно, странно, — протянул папа. — А если потребуется передать информацию? Должен остаться канал.

— Возможно, но только со Старшими. — Дядя Олег серьёзно задумался. — Они не дураки.

— Может, есть способ обойти защиту? — настаивал папа. — Подключиться без авторизации?

— Нет, — покачал головой дядя Олег. — Всё перекрыто, безопасность у нас на уровне.

— Не бывает, чтобы всё, — не сдавался папа. — Думай, каперанг!

— Детализация стандартного допуска, — обратился к голограмме дядя Олег.

— Аварийный канал связи, — перечислила капсула. — Конец списка.

— Это со Старшими? — уточнил папа.

Дядя Олег кивнул.

— А если без маячка? — вкрадчиво поинтересовался папа. — Неужто нет другой возможности?

— Вообще-то, есть, — прищурился дядя Олег. — Вопрос — сработает ли.

— Нужна спутниковая антенна, — принялся объяснять он. — Азимут из этих координат, — он задумчиво пошевелил губами, — примерно 30, угол места около 80. Частота — 8 гигагерц. Сделаешь?

— Обижаешь, — хмыкнул папа. — Мы к X-диапазону привычные.

Спустя пару минут на плац выехал небольшой, увешанный антеннами фургончик маскировочной окраски. К небу поднялась спутниковая тарелка. Немного помедлив, развернулась, наводясь на указанную точку.

— Там же Москва, — удивился папа. — У вас что, и под Кремлём база?

— Не совсем. — Дядя Олег слегка развеселился. — Не совсем под.

Подойдя к радисту, он принялся диктовать:

— Передавай морзянкой: «Странник вызывает Лапуту».

Озадаченно глянув на командира, связист отстучал нужный текст. «Лапута?» — беззвучно артикулировал Валдай, весело посмотрев на отца. Тот, впрочем, остался серьёзен.

Гоша задумался. Лапута — это летающий остров из книжек о Гулливере. При чём тут это?

— Ты мне объяснишь, что... — начал папа, но тут радист, вскинув указательный палец, прильнул к наушникам.

— Лапута — Страннику, — торопливо озвучил он. — Что происходит? Куда пропал?

— Полковник, пусти на кнопку, — попросил дядя Олег. — Так проще будет.

— Следи за передачей, — скомандовал папа радисту. — И озвучивай.

Козырнув, офицер достал ноутбук и вышел из фургона.

— Порядок, — подтвердил он, что-то подкрутив на пульте.

— Ко мне, — скомандовал папа. — Не будем мешать.

Подбежав, связист замер, внимательно уткнувшись в экран.

— Всё нормально, — кивнул бывшему пленнику отец. — Продолжай.

Надев наушники, дядя Олег застучал ключом. По экрану ноутбука синхронно побежали строчки.

— Дело серьёзное, Лапута. Можем говорить? — прочитал радист.

Гоша кожей чувствовал уносящиеся вдаль точки и тире. Уносящиеся — кому? Кто сейчас говорит с дядей Олегом?

— Можно, — ответила загадочная Лапута. — На дежурстве в этом диапазоне только я. Да и кому интересно наше бибиканье?

— Как висится, господин Пак? — Спина дяди Олега немного расслабилась.

— Прекрасно, — сообщил собеседник. — Все кирпичи в Кремлёвской стене пересчитал. Ты куда пропал? После инцидента на «Седьмой» пошли дичайшие слухи. То ли убили тебя, то ли перевербовали. А Старшие молчат, как воды в рот набрали.

— Пак, сколько ты меня знаешь? — задал встречный вопрос дядя Олег.

— Лет десять уже, Евгенийч, — удивились в эфире. — А что?

— А то, что не верь слухам, — отрезал дядя Олег. — Я никого не предавал, но это долгая история. Мне нужна твоя помощь. Срочно.

— Говори, — простучал Пак. — Чем могу...

— Я надиктую сообщение, а ты передашь его указанным бортам. Прежде чем спросишь, объясняю — меня обнулили и отключили от сетки.

Повисла пауза. Далёкий Пак обдумывал услышанное.

— Евгенийч, это ж трибунал, — просигналил он. — Старшие зря не обнуляют.

— Ты специалист по китайским стратагемам, — то ли спросил, то ли констатировал дядя Олег.

— Восьмую помнишь?

— «Для вида чинить деревянные мостки, втайне выступить в Чэньцан», — откликнулся передатчик. — И при чём тут Старшие?

— При том что за их логичными с виду действиями скрывается что-то ещё, — пояснил дядя Олег. — Они не просто так нас опекают.

— Если это правда, надо сообщить всем, — тут же отозвался Пак. — У тебя есть доказательства? Я разошлю, можешь не сомневаться.

— Нет у меня доказательств, — разочаровал дядя Олег. — Кроме того, что «Сигма» и Старшие пытались на моих глазах ликвидировать ребёнка, предварительно похитив его маму.

— Дела... — Пак замолчал, на этот раз надолго. Приспустив наушники, дядя Олег оглянулся на папу.

— Если не выгорит, пиши пропало, — невесело сообщил он. — Других так просто не достать.

Внезапно он замолчал, напряжённо прижав наушники ладонями.

— Сложная ситуация, — зачитал радист. — Нехорошая. Старшим я верю, но тебе, Евгенийч, верю больше. Диктуй сообщение, я передам. Надеюсь, оно того стоит.

— Трансляция на следующие борта, — принялся перечислять дядя Олег. — Кондор, Ястреб, Скиф, Буран...

Что-то коснулось Гошиной ладони. Прижавший ушки Хнуп взял друга за руку, вслушиваясь в список грозных названий.

— Метеор, Викинг, Кинжал, — монотонно продолжал дядя Олег. — Рысь, Манта, Гарпун, Барракуда...

Интересно, как поступят боевые товарищи? Что, если не поверят, увидев сбежавшего гоблина? И не простят «Седьмую площадку»?

— Тайфун, Борей, Стрела, — подумав, дополнил список дядя Олег. — Мурена, Игла, Катран.

— Принято, — подтвердил Пак. — Диктуй сообщение.

— Здравия желаю, товарищи офицеры, — принялся отстукивать пленник. — Говорит капитан «Дракона». Вы знаете меня давно. Мы сражались плечом к плечу, горели и погибали. Вместе шли на штурм, вместе хоронили боевых товарищей. И сейчас я обращаюсь к вам, ища справедливости. Я обращаюсь не только к живым, но и к памяти погибших. Капитанов Дельты и Зевса Серёжки и Джонаса, погибших, чтобы остановить идущий к Земле Рой. Капитанов Пантеры и Шторма. Зари и Голиафа. Меркурия и Гепарда. Они бы выслушали меня. Выслушайте и вы.

Дядя Олег рассказал обо всём. О гоблинах, детях и случившемся на «Седьмой площадке». О подлome похищении мамы и коварном выстреле Оленьки. И о том, что всё это делалось с подачи Старших.

— Доказательств у меня немного, — честно признался он. — Кроме гоблина и детей, не побоявшихся пойти против Старших и Полигона. Против тех, кто должен их защищать! Они выстояли в этой схватке, сумев остаться людьми. Я очень уважаю их за это.

От неожиданной похвалы Гоша улыбнулся.

— Я буду ждать здесь. — Дядя Олег отстучал координаты. — Решайте, капитаны. Конец связи. Скинув наушники, он вылез из фургончика.

— Ну вот и всё, — устало улыбнулся он. — Осталось только ждать.

— А кто такой этот Пак? — любопытствовала Юля. — И что за Лапута?

— Вообще-то, секрет, но что уж теперь, — махнул рукой дядя Олег. — Пак — мой друг, мы с ним заядлые радиолюбители. Собрали приёмники, усилили, конечно, немного. И перестукиваемся уже лет пять, болтаем ни о чём. Хобби в нашем деле — штука полезная. Хорошо помогает от стресса.

— А Лапута? — напомнил папа. — Что за летающий остров?

— Суборбитальная боевая платформа «Эшелон-11», — объяснил дядя Олег. — Высота — сорок километров, диаметр около семи. Последняя линия многоступенчатой обороны. Прикрывает Москву.

— А как же... — растерянно начал Гоша.

— Её не видно, — опередил дядя Олег. — Не слышно и нет на радарях. И она никому не угрожает. — Он многозначительно посмотрел на папу.

Воображению предстала гигантская станция, висящая над ничем не подозревающей столицей. Так вот почему Пак говорил про Кремлёвскую стену!

— Умно, — заключил папа. — Я имею в виду способ передачи. Вряд ли ваши слушают морзянку. Они, поди, и забыли уже...

Договорить он не успел. Невысоко над плацем хлопнуло, в лицо ударило ветром. Чёрный треугольник возник из ниоткуда, осветив всё призрачными лучами. Следом начали прибывать другие. Заворожённо наблюдавший Гоша вдруг понял, что корабли, собственно, не *прилетали*. Просто *были* далеко, а потом *стали* близко. При этом не сдвинувшись в пространстве ни на метр.

Послышались отрывистые команды, истошно взвыла сирена. Пришедшие в движение «Всполохи» принялись разбирать многочисленные цели.

— Ну, каперанг, третий звонок, — прошептал, напружиниваясь, папа. — Улыбайся, десантура. Твой выход.

— Не стрелять! — бросил дядя Олег. Встряхнувшись и приосанившись, он сделал успокаивающий жест и вышел из строя, подставив лицо слепящим снопам.

Вспышка. Другая. Третья. Плац быстро заполнялся бронированным, вооружённым до зубов десантом, прикрытым со всех сторон знакомыми по «Седьмой площадке» пирамидками.

От общей массы отделилась небольшая делегация. Не обращая внимания на окружение, они размеренно двинулись к бывшему командиру.

— Здравия желаю, товарищ экс-капитан, — подняв матовое забрало, поприветствовала Тамара. — Ну и наделали вы шороху.

Её примеру последовали другие. Гоша робко всмотрелся в лица, боясь увидеть во взглядах фанатичность Оленьки. К счастью, ничего такого он не заметил. Лица как лица, правда, напряжённые и собранные. Что в подобной ситуации вполне объяснимо.

— Здравия желаю, товарищ капитан нынешний, — улыбнулся дядя Олег. — Как моё кресло? Не жмёт?

— В самый раз, — серьёзно ответила Тамара. — Вы же знаете — я вовсе не рвалась.

— Знаю, — Дядя Олег примирительно вскинул руки. — Власть потом делить будем.

— Что происходит, Евгенийч? — перебил один из капитанов. — Ты в плену? Так мы это решим.

— Не надо, Толя! — торопливо прервал его дядя Олег. — Они друзья.

— Ничефо не понимайт, — вступил в разговор покрытый веснушками третий. — Это пунт, Олег?

— Вы всё слышали, — решительно ответил капитан «Дракона». — Я хочу знать, на чьей вы стороне.

— Это безумие, — тряхнула головой Тамара. — Пойти против Старших на основании ваших слов?

— Это не просто слова, — парировал дядя Олег. — Хнуп, подойди. — Не оборачиваясь, он сделал приглашающий жест. — И ты, Георгий, тоже.

Гоша нерешительно взглянул на папу. Подумав, тот напряжённо кивнул, беря детей за руки и выходя из строя. Следом семенили гоблины.

— Was zur Hölle?! — пробормотал, вскидывая оружие, веснушчатый. — Стоят! Не подходит!

— Спокойно, Людвиг, — заслонил гоблинов дядя Олег. — Они не враги. Тут вообще нет врагов.

— Не могу говорить за всех, — процедила Тамара, — но услышанному не верю. Я просмотрела журналы «Седьмой». О пытках, угрозах и аморальных обещаниях вылечить там не упоминается.

— Само собой, — вздохнул дядя Олег. — Вряд ли Старшие внесли это в протокол.

— Скорее, я поверю, что вы попали под инопланетное влияние, — с нажимом продолжила Тамара. — Вы и чужаки идёте с нами. Это не обсуждается.

Она сделала знак солдатам. Вздогнув, шеренга бронированных устремила к Гоше.

— Никуда он не пойдёт, — весело и зло улыбнулся папа. — Силу показать решили?

— Не вмешивайтесь, полковник. — В голосе Тамары лязгнул металл. — Прошлый раз вы застали нас врасплох. Больше экзоскелеты вам не помогут.

Ситуация накалялась на глазах. Ещё немного — и всё закончится кровопролитием.

— Подождите, — важно вскинув лапку, вмешался Брух — Забрать нас вы всегда успеете.

Уставившись на него, Тамара вопросительно молчала.

— Позвольте напоследок кое-что продемонстрировать? — Даже перед лицом опасности Брух вёл себя подчёркнуто вежливо.

— Я согласен, — раздался голос Людвиг. — Если что, мы их нейтрализируют.

— Показывай, — кивнула Тамара. — Только быстро и без глупостей.

— Какие уж глупости, — невесело улыбнулся гоблин-биолог. — Хнуп, ребята, давайте вместе.

Встав в кружок, они взяли друг друга за руки, выжидающе глядя на Бруха.

— Я начну, а вы помогайте, — бросил он загадочную фразу. — На счёт «три». Раз, два...

...Они поняли всё без слов. Напрягшись, Гоша помог Бруху сделать в пространстве небольшой надрез. Пространство упиралось, ему не нравилось, что его кромсают, но Брух не сдавался. Вклинившись в тоненькую щель, он аккуратно раздвинул её в стороны, одновременно «пришивая» что-то с изнанки. Юля и Хнуп помогали как могли, не давая разрезу закрыться.

— Ещё немножко... — бормотал Брух. — Ещё капельку, и-и... готово!

— Что это? — поразила, отступая, Тамара.

— Не бойтесь, это *грум*, — кивнул на высунувшуюся из проёма морду Гоша. — Он не кусается. Нечем кусаться.

Шикнув, Брух загнал любопытный полугриб обратно. Гоша глянул на капитанов. Замерев, те с интересом рассматривали причудливые, словно сошедшие со страниц детской книги башенки и домики подземного города.

Из разрыва, осторожно осматриваясь, вышло несколько гоблинов. Следом на асфальт плаца шагнул высокий, крепкий старик.

— Приветствую, Брух! — помахал он рукой. — Здравствуй, Хнупик! Гоша, Юля, как я рад вас видеть!

Опустившись на корточки, Валерий Кузьмич бережно прижал к себе детей. От волнения его руки легонько дрожали.

Следом за колдуном из трещины вышел Грых. Недоумённо обозрев происходящее, он повернулся к Бруху. Их кристаллики засветились, обмениваясь информацией. Немного погодя Грых кивнул.

— Горжусь тобой, — ласково погладил он внука. — Теперь ты взрослый. Начал уцк.

— К чему эти фокусы? — холодно осведомилась Тамара. — Думаете нас запугать?

— Думаем показать «эффективность» вашей блокады. — Валерий Кузьмич неприязненно оглядывал бронекостюмы, причудливо переливающиеся при малейших движениях хозяина.

— Мы остановим вторжений, это есть главный, — вмешался Людвиг. — Локальный туннель искать сплошной.

— Вы так ничего и не поняли, — вздохнул Брух. — Грых, соблаговолите провести небольшую, мнэ-э, демонстрацию. В последний раз у меня получилось не ахти. — Поморщившись, он потёр обожжённый локоть.

— С удовольствием, коллега, — серьёзно кивнул гоблин, поворачиваясь к Тамаре. — Вы не против немного отойти?

Удивившись, та отступила на несколько шагов. Прикинув что-то в уме, Грых встал напротив.

— Какой поражающий элемент? — кивнул он на шестиугольный ствол излучателя. — Лазер, плазма, тахионы?

— Лазер, — нахмурилась Тамара. — А что?

— Это хорошо, — плотоядно оскалился Грых. — С лазерами эффектнее.

— Эффектнее? — Тамара начинала заметно нервничать.

— Может показаться странным, — начал Грых, — но прошу в меня выстрелить. На максимальной мощности.

— Ты дурак? — осведомилась Тамара. — В радиусе пяти метров выжжет даже асфальт.

— Понимаю, — вздохнул Грых, отступая на пару шагов. — Теперь нормально? Я достаточно далеко?

— Он воображает, что делает? — растерянно уточнила Тамара. — Я не могу вот так...

— Он всё прекрасно понимает, — серьёзно заверил Брух.

— Грых, не надо. — Дядя Олег напрягся, но гоблин остановил его спокойным жестом.

— Ладно. — Пожав плечами, Тамара поколдовала над излучателем. Пикнув, угловатое оружие загудело, производя накачку.

— Стреляйте, — подбодрил гоблин-механик. — Смелей.

Хладнокровно прицелившись, Тамара утопила спусковой крючок. Ойкнув, Юля зажмурилась.

— Гошка, уже всё? — прошептала она.

Ничего не ответив, Гоша похлопал её по плечу. Не сводя взгляда с Грыха, Тамары, и повисшего между ними пучка смертоносных фотонов.

— Was ist passiert? — ахнул Людвиг. — Это нефозможный!

— Очень даже возможно. Вы позволите? — подойдя к подрагивающему в воздухе лучу, Грых осторожно ткнул в него пальцем. — Жжётся, — весело сообщил он. — Мощность и правда серьёзная.

— Как ты это сделал? — упавшим голосом спросила Тамара. — Это нарушает законы физики!

— Известные вам законы физики, — поправил Грых. — Вспомните, как перемещаются ваши корабли.

Тамара молчала. Улыбнувшись, Грых легонько щёлкнул по лазеру когтем, и смертоносный импульс распался на безобидные, тут же погасшие искорки.

— Старшие пытали Хнупа, — обратился к капитанам папа. — Жестоко. Вы представляете судьбу Полигона, решишь гоблины отомстить за своего ребёнка?

— Мы не хотим запугивать, — покачал головой Грых. — На Земле мы гости, и ведём себя подобающе. Замечу лишь, что Старшие поступают аморально и жестоко.

Капитаны переглянулись.

— Даже если так, это было вынужденно, — сухо отчеканила Тамара. — Они действовали согласно протоколу, пытаюсь нейтрализовать угрозу.

— У вас везде угроза, — парировал Гоша. — Каждый, кто непохож — сразу угроза. А любой озверевает, когда на него нападают.

— Скольким из гостей можно было помочь? — поддержала друга Юля. — Не все, конечно, добрые, но... Вы вообще с ними разговаривали?

— Ты не понимаешь... — начала Тамара.

— Всё они понимают, — перебил папа. — И даже больше нашего. Мы, взрослые, привыкли шашкой махать, но жизнь не сводится к одной войне.

Тамара растерянно умолкла. Заметив это, дядя Олег воспользовался моментом.

— Что мы вообще знаем о Старших? — вкрадчиво спросил он. — Кроме того, что они о нас пекутся?

— А вам недостаточно? — холодно осведомилась Тамара. — Они защищают нас тысячелетиями.

— Да, но в чём их мотив? — допытывался дядя Олег. — Мы точно знаем, что Старшие — не люди. Более того, не вполне материальны, что наверняка видно на видеозаписях с «Седьмой».

Он замолчал, буравя Тамару взглядом. Помедлив, та напряжённо кивнула:

— Видеозаписи сохранились, Старшие ничего не утаивали. А странная природа врагами их не делает.

— Мы также знаем, — кивнул дядя Олег, — что все инопланетяне враждебны. Для защиты от них Старшие и создали Полигон.

— К чему вы фести? — подтянулся Людвиг.

— К тому, что несостыковка у нас, — ухмыльнулся дядя Олег. — Кругом — жестокие хищники, а Старшие почему-то добрые. И так возлюбили людей, что погибнуть за них готовы. Библейская история, абсолютно.

— Не улавливаю сути, — проскрежетала сквозь зубы Тамара.

— Всё ты улавливаешь, — отмахнулся дядя Олег. — Старшие — не друзья и никогда ими не были. Они ведут свою игру, и в той игре мы пешки. Всё человечество — пешки, понимаешь?

Тамара не успела ответить — над плацем ярко вспыхнуло.

— Как больно слышать подобное, — мягко произнёс кто-то. — Вы раните нас в самое сердце.

Спокойно оглядевшись, троица Старших опустилась ниже, повиснув в паре метров над асфальтом. Укоризненно глянув на дядю Олега, вперёд выплыл «Степан».

— Приветствуем вас, — начал он. Приятный, бархатный голос журчал убаюкивающими переливами. Расслабившиеся капитаны дружно заулыбались.

— Как вы могли помыслить такое? — осведомился Старший. — Как поверили, что мы способны пленить и пытаться детей?

— А что же вы делали? — ехидно уточнил дядя Олег.

— Мы действовали согласно протоколу. — «Степан» развёл руками. — Возможности мальчика представляют нешуточную угрозу. Детей пришлось временно изолировать, чтобы во всём разобраться.

— Не врете! — выкрикнул Гоша. — Вы пытали Хнупа. И угрожали убить Юльку!

— У тебя есть доказательства? — Старший был сама обеспокоенность. — Тогда предъяви, и мы немедленно накажем виновных. пытки недопустимы. Никогда и нигде.

— Да бросьте, — небрежно перебил дядя Олег. — Вам напомнить допросы «лент»? Напомнить, что мы сделали с «кентаврами»?

— О чём ты? — искренне удивился «Степан». — Не понимаю.

— По-моему, вы всё понимаете, — прогудел Людвиг. — Мы питать, добывать информация. Вы знайт. Не мог не знайт.

— Порой цель оправдывает средства, — с лёгкой досадой поморщился Старший. — Но это не значит, что мы станем истязать ребёнка.

— А гоблина? — прищурившись, вставил дядя Олег. — Почему не применить к нему особые методы дознания?

— Допускается в случае исключительной угрозы, — согласился Старший. — Вариант «Омега», вам ли не знать?

— Он подразумевает коллективное согласие, — отрезал дядя Олег. — А я не помню, чтобы нам дали разобраться в ситуации. Указания спустили сверху, оформив задним числом как общее решение командования. Разве не так?

— Так, — подтвердила Тамара. — Нас попросту задавили авторитетом.

— Полная чушь, — тихо рассмеялся Старший. — Мы торопились по вполне понятным причинам.

— Мне так не кажется, — возразила Тамара. — Вы нарушаете собственные принципы.

Повисла пауза.

— Мы делаем это ради вашего блага, — с нажимом произнёс «Степан». — Защищаем Землю, как защищали её всегда.

— Пусть так, — кивнул дядя Олег. — Но мы выросли из пелёнок.

— Ты, — злобно прошипел Старший, вперившись в Бруха. — Прекрати. Немедленно.

Гоша удивлённо глянул на напряжённого, ушедшего в себя гоблина.

— Взять нас телепатией не получится, — с вызовом ответил дядя Олег. — И не пытайтесь.

— Помилуйте! — притворно поразился Старший. — Какая телепатия?

Он горестно вздохнул, всем видом выражая разочарованность.

— Хватит смотреть на нас сверху вниз, — вскипел дядя Олег. — Кто вы? Как выглядите? Почему запрещаете приближаться к Каллисто? И главное — какую игру ведёте?

— Мы не ведём никакой игры, — медленно, словно ребёнку, принялся втолковывать Старший. — А к себе не приглашали из опасения повлиять на ваше развитие. Мы и так чрезмерно вмешивались в него.

— Странно, — протянула Тамара. — Раньше казались такими убедительными. А теперь слушаю: ерунду ведь несёт.

— Достаточно! — гроыхнул «Степан». — Мы создали вас не для того, чтобы выслушивать оскорбления!

— Создали? — опешил дядя Олег. — Для чего?

Старшие промолчали, их глаза вспыхнули фиолетовым. Вокруг сгустилась холодная тьма.

— Хватит! — шагнул навстречу «эльфам» Валерий Кузьмич. — Никто вас не боится!

Гоша украдкой глянул на старика. Кустистые, седые брови нахмурены, глаза недобро сверкают. И Гоша вдруг понял, что тоже больше не боится.

— Брух, Грых, помогите, — попросил колдун. Подбежав к старику, гоблины взяли его за руки, не сводя со Старших немигающих глаз.

— Предупреждаю последний раз, — процедил «Степан». — Ради вашего же блага.

Валерий Кузьмич не ответил. И даже не шелохнулся. Злобно перекосившись, «эльфы» вскинули руки. Тёмная, переливающаяся молния ударила прямёхонько в старика. Валерий Кузьмич закричал, на покрасневшей от напряжения шее вздулись жилы. Недолетая полметра, молния изогнулась и, развернувшись, ударила в не успевших уклониться Старших. Грохнуло, над головой пронёсся ледяной вихрь. Зашипев, Старшие распались серебряным туманом, отчаянно пытаются собраться.

— Убирайтесь с Земли! — прогремел Валерий Кузьмич. — Слышите, вы?

Изо рта идущего полосами «Степана» вырвалась порция нечеловеческих звуков. Шипение, клёкот и пощёлкивание перемежались с обрывками слов. Складывалось впечатление, что в недрах Старшего сломался автоматический переводчик.

— Вы пожалеете, — невозмутимо произнесла холодная красавица. — Номос не простит мятежа.

В ослепительной вспышке они исчезли. Над плацем повисла гробовая тишина.

— И зачем на кино деньги тратил? — пробормотал папа. — Такое творится — Голливуд отдыхает.

Замершие бойцы медленно приходили в себя. По шеренгам пробежался шепоток.

— Разговорчики! — рявкнул Валдай. Шепоток оборвался.

— Вы всё видели, — обратился к сослуживцам дядя Олег. — И слышали. Ваше решение, товарищи капитаны?

— Не думала, что такое скажу, — пробормотала Тамара. — Но разобраться действительно необходимо.

— Соглассен, — кивнул веснущатый Людвиг.

— Думаю, скажу за всех: мы идём с вами, — решительно отчеканила Тамара. — Возвращаю вам командование «Драконом».

— Спасибо, но нет, — отказался дядя Олег. — Во-первых, я всё ещё отстранён. А во-вторых — вы отличный капитан, Тамара Борисовна. Ориентироваться в такой ситуации — это, прямо скажем...

— Спасибо, — улыбнувшись, кивнула Тамара. — Спасибо, товарищ капитан.

— Что дальше, каперанг? — уточнил папа. — Нанесёшь ответный визит?

— Нанесу, — мрачно подтвердил дядя Олег. — Давно пора пообщаться. Правда, придётся объясниться с остальными. Особенно с Симмонсом — та ещё заноза.

— Возьмите нас, — взмолился Гоша. — Пожалуйста.

— И нас, — присоединился Грых. — Уверен, происходящее — результат чудовищного непонимания.

— С ума сошли! — отмахнулся папа. — Гоблины пусть сами решают, а ты ещё маленький. Как я это маме объясню? И так еле убедил в расположении остаться.

— Нечего меня жалеть! — Мама решительно пробивалась сквозь строй. — Я не маленькая девочка, Лёша.

— Виноват, — потускнев, глухо ответил папа. — Просто я очень сильно тебя люблю.

Строй расцвёл улыбками. Покраснев, папа смущённо закашлялся, но мама, не обращая внимания, нежно чмокнула его в щёку.

— Я тоже, — улыбнулась она. — И хватит пока об этом.

Встав рядом, она с силой сжала папину ладонь, демонстрируя решительную, всеми фибрами души поддержку.

— Отпусти детей, полковник, — попросил дядя Олег. — Без них мы эту кашу не расхлебаем.

— В своём уме? — уточнил папа. — А если что-то случится?

— Не случится, — отрезал дядя Олег. — Я любого на части разорву.

— Разорвёт он, — проворчал папа. — Ладно, согласен. Только мы летим с вами, и это не обсуждается. Валдай, принимай командование.

— Да как же, Константиныч? — оторопел майор. — Один, без прикрытия? А нам тут что, прохлаждаться?

— Вам действительно лучше остаться, — поддержал папу дядя Олег. — Во-первых, бою в космосе вы не обучены. А во-вторых — кто-то должен контролировать тыл. Свяжитесь с Генштабом и Кремлём. На время нашего отсутствия им лучше перебраться в безопасное место. Вряд ли «Эшелон» ударит по Москве, но гарантировать этого не может никто.

— «Свяжитесь», «с Кремлём», — проворчал майор. — Можно подумать, у меня прямая линия. Ладно, что ж теперь. Будем ждать с хлебом-солью.

— Вот и ладушки, — подытожил папа. — А ты? — Он озабоченно глянул на маму. — Может, всё же останешься?

— И не проси! — Мама сурово сдвинула брови. — Куда вы — туда и я. Точка.

— Пряма как мы, правда? — прошептала на ухо Юля. Упавшая на плечо прядка защекотала шею и Гоша, не выдержав, улыбнулся.

— Ни пуха, товарищ полковник! — попрощался, отходя, Валдай.

— К чёрту! — бодро ответил папа. — Куда становиться, десантура? Чтоб как надо засосало.

— Стойте, где стоите, — улыбнулся дядя Олег. — Ощущения непривычные, но бояться нечего.

— Ладно, — кивнул папа. — Поехали!

Мир размазался и померк. Ощущение походило на проваливание вверх. Прежде чем Гоша успел осознать, всё уже кончилось. Они стояли на обведённой красной рамкой металлической площадке в просторном, знакомом уже ангаре, заставленном тёмными летающими платформами.

— Сколько пальцев? — Дядя Олег выставил растопыренную ладонь.

— Пять, — запинаясь, ответил Гоша.

- Молодец, — похвалил дядя Олег, будто Гоша сдал сложный экзамен.
- Вы говорили, что это безопасно, — ледяным тоном напомнила мама.
- Конечно, безопасно, — подтвердил дядя Олег. — Просто уточняю.
- Локальное искривление, — невозмутимо прокомментировал Брух. — Неплохо.
- А почему корабль назывался «Тёмная звезда», а теперь — «Дракон»? — спросил Гоша, сиюсь унять подступивший к горлу комок.
- Ты не понял, — объяснил дядя Олег. — «Даркстар-6-3» — это позывной. А «Дракон» — название.
- Эпично, — прокомментировал папа. — Нет бы «Неустрашимый» или «Нахимов».
- Извини, полковник, такая традиция. — Дядя Олег шутливо развёл руками. — Не я придумал, не мне и менять. Что с моими... э-э, вашими людьми? — подчёркнуто вежливо поинтересовался он у Тамары. — Мятежа не случится?
- Никак нет, — тряхнула головой та. — Большинство поддержали наше решение. Сопrotивлявшиеся временно изолированы.
- Отлично. Тогда вперёд. — Дядя Олег взмахнул рукой, делая приглашающий жест. — С вашего, товарищ капитан, разрешения.

Поднявшись на мостик, папа уважительно присвистнул.

- Вот это, конечно, да-а, — выдохнул он, с интересом разглядывая огромную, висющую в центре зала голограмму. — Какая техника. Жаль, Валдай не видит.
- Прошу в каюту, — пригласила Тамара. Зайдя внутрь, она вопросительно глянула на бывшего капитана.
- Всё в порядке, — кивнул тот. — Я же сказал: это ваш корабль.
- Чёрт, забыла, — досадливо прошептала Тамара, кладя на гладкую столешницу тяжёлый излучатель. — Придётся здесь.
- Она произнесла команду. Откликнувшись, боевой костюм пришёл в движение, стекая прямо на серый ворс покрытия. Вязкие капли притягивались друг к другу, образуя лужицу. Втянув в себя последние остатки, та вздыбилась и застыла матовым кубом с удобной ручкой на верхней грани.
- Вот теперь порядок. — Тамара убрала куб и оружие в пустой угол. — Можем начинать.
- Ждём ваших указаний, — учтиво напомнил дядя Олег.
- Нет, это невозможно, — вздохнула Тамара. — Олег Евгеньевич, я настаиваю на передаче командования хотя бы на время. В данной ситуации моего опыта может не хватить.
- Благодарю, — вежливо поклонился дядя Олег. — Но только на время. «Дракон» — ваш, товарищ кавторанг, возражения не принимаются. А пока послужите старпомом.
- Облегчённо кивнув, Тамара освободила кресло. Опустившись в него, дядя Олег с любовью провёл ладонями по столешнице.
- Вот уж не думал, что вернусь сюда, — поделился он. — Странная всё же штука — судьба.
- Его взгляд внезапно потяжелел.
- Только запомни, полковник, — повернулся он к папе. — У себя ты был главным, а здесь капитан — я. Это понятно?

Их взгляды встретились. Немного помедлив, папа встал и вытянулся в струнку.

— Полковник Самохин ждёт указаний, товарищ капитан первого ранга, — отрапортовал он, беря под козырёк.

— Все на мостик, — распорядился дядя Олег поднимаясь. — Самохин, переходишь под моё командование. Куда я, туда и ты. И чтобы ни на шаг!

— Есть, — козырнул папа. — Что с детьми? Прикажете оставить тут?

— Я сказал — все, — бросил дядя Олег, энергично устремляясь к двери. — Значит — все!

— Панораму на экран, — распорядился он, устраиваясь в высоком капитанском кресле. — Гостям занять места и пристегнуться.

Плюхнувшись в свободное кресло, Гоша щёлкнул замками. Стена напротив, мигнув, растворилась, обнажив тёмную бездну космоса. Вспомнив «исчезающий» пол, Гоша поёжился.

— Вот они, голубчики, — процедил дядя Олег, рассматривая висящую на орбите флотилию. — Сейчас состоится разговор.

— Капитан, нас вызывают, — сообщила Тамара.

— На экран.

Мигнув, бездна растаяла, уступив изображению седовласого мужчины с трубкой в зубах.

— Симмонс. — Дядя Олег напряжённо усмехнулся. — Какими судьбами, кэптен?

— Хотелось бы встретиться при других обстоятельствах. — Судя по акценту, Симмонс был американцем. — Что происходит? Ты поднял мятеж?

— Хочу поговорить со Старшими. — Дядя Олег невинно пожал плечами. — Разве это преступление?

— Понимаю. — Симмонс с любопытством рассматривал гоблинов. — Но у меня приказ.

— Тут кое-что вскрылось. — Дядя Олег поколдовал над пультом. — Лови видеозапись последних событий.

Кивнув, Симмонс отключился.

— Я проанализировал видео, — задумчиво сообщил он, вновь появляясь на экране. — Следов подделки нет.

— С чего ты решил, что это подделка? — уточнил дядя Олег.

— Слишком невероятно, — пожал плечами капитан. — И что ты предлагаешь?

— Я же сказал: пообщаться, — повторил дядя Олег. — Если неправ, готов понести заслуженную кару. Но что-то подсказывает, что я прав.

— Минутку. — Симмонс поднял указательный палец. — Срочный вызов.

В углу экрана возникло перекошенное гневом лицо Щекастого.

— Командир эскадры, приказываю нейтрализовать мятежников! — рявкнул он, раздувая ноздри.

— Толкаете на кровопролитие? — оскалился Симмонс. — Надо разобраться.

— Я командующий сектором. — Налившийся кровью Щекастый напоминал Сеньора Помидора из «Чиполлино». — Вы обязаны подчиниться!

— Что скажешь, Олег? — На фоне Щекастого Симмонс был сама невозмутимость.

— Помнишь, что мы пели тогда, над Марсом? — невпопад спросил дядя Олег. — Когда горели, когда думали: всё, амба?

— BRaгy не сдаётся наш гоРдый ВаРяг, — процитировал Симмонс, расплываясь в улыбке. — Такое не забудешь.

— Мы победили, потому что за нами была Земля, — закончил мысль дядя Олег. — И сейчас она за мной. А не за этими.

— Капитан! — возмущённо заверещал Щекастый. — Я приказываю!..

— Hush, Sigma! — поморщился Симмонс. Щекастый пропал, вместо него экран расцвёл десятками рамок с напряжёнными, ждущими развязки лицами.

— Я не верю, что ты враг, — обстоятельно сообщил Симмонс. — «Lancer» идёт с вами.

— Спасибо, друг, — признательно кивнул дядя Олег. — Остальные согласны?

— «Варан» присоединяется, — подтвердила одна из рамок.

— «Астра» тоже, — сообщил другой корабль.

— Была не была, — хохотнули из экрана. — «Луч» с тобой, Евгенийч.

Большинство кораблей присоединилось к эскадре. Остальные обещали не вмешиваться.

— Принимаю полномочия командующего, — утвердил решение дядя Олег. — Остающиеся — присматривайте за боевыми станциями. Не дайте им атаковать города. И ещё кое-что. Знайте, что вы — мои братья. И я прекрасно понимаю ваши сомнения. Сам бы сомневался.

— Удачи, товарищ капитан, — сказал кто-то. — Можете на нас рассчитывать. Землю в обиду не дадим.

— Товарищ капитан, «Сигма» идёт на перехват, — сообщила Тамара, напряжённо колдуя над сенсорами. — Прикажете уничтожить?

— Блокировать и взять на бордаж, — отрезал дядя Олег. — Я не буду стрелять по своим. Без крайней необходимости — не буду.

— Товарищ капитан, разрешите обратиться, — произнёс доселе молчавший папа. — Есть у меня одна идея...

Три корабля подразделения разоружили без боя. Надо отдать должное Щекастому — он трезво оценил шансы и смог утихомирить неистовую Оленьку. Подавив последнее сопротивление, эскадра рванулась в направлении Юпитера.

— Скорость: пять, — отрапортовала Тамара.

— Товарищ капитан... — начал папа.

— Давай без званий. — Дядя Олег устало вытер пот. — Можно немного расслабиться.

— Хотел спросить: пять — это в каких единицах? — Папа с любопытством оглядывал мостик.

— В тысячах километров в секунду, — объяснил дядя Олег. — Через несколько минут будем на месте. Можно и быстрее, но палить энергию не стоит. Пригодится.

— А как он вообще летает? — папа обвёл жестом корабль. — Что-то я перегрузок не ощутил.

— И правильно, потому что их не было, — улыбнулся дядя Олег. — Мы не движемся к Сатурну, это он приближается к нам. А Земля — отдаляется. В межзвёздном пространстве так не налетаешься — энергии не хватит. А для обороны Солнечной — самое оно.

— Ерунда какая-то, — задумался папа. — Летим, но стоим. Мозги плавятся.

— А я, кажется, поняла, — просияла мама. — Не зря на физику налегала.

— Ты всегда была отличницей. — Папа тепло улыбнулся. — И что только во мне нашла?

— Товарищ капитан, нас вызывают, — удивлённо отрапортовала Тамара. — Позывной «Номос».

— Это он! — ахнул Гоша.

— Вот и славно. — Дядя Олег подобрался. — Картина «Возвращение блудного сына». Холст, масло, 2023 год.

Закусив губу, Тамара пробежалась по сенсорам. Откликнувшись, экран засветился призрачной дымкой.

— Здравствуйте, Олег, — полился из динамиков обволакивающий, колдовской голос. Гоша вспомнил Сарумана. Тот так же пытался очаровать подступившее к Ортханку войско.

— И тебе не хворать. — Дядя Олег растянул губы в подобие улыбки. — Отчего невесел, повелитель? Нешто не рад?

— Мы всегда рады людям, — тепло возразил Номос. — Однако вы несколько опережаете события.

— Другого времени не нашлось, — пожал плечами дядя Олег. — Говори, что хотел.

— Остановитесь, капитан. — В голосе Кристалла прорезались недобрые нотки. — Своим раздором вы ослабляете Полигон.

— Полигон или тебя? — прищурился дядя Олег. — И какое тебе до нас дело, когда ты жертвуешь даже детьми?

— Согласен, были допущены просчёты, — признался Номос. — Но поймите — ставки слишком высоки. Те, кто зовётся «гоблинами», крайне опасны. С вашей стороны легкомысленно доверять им.

— Это я уже слышал. — Скрестив руки, дядя Олег откинулся в кресле. — Смени репертуар.

— Как вы могли им поверить? — Номос горестно вздохнул. — Мы защитим Землю, а затем вместе с людьми двинемся к звёздам. Подумайте о перспективах!

— Складно запел. — Тон дяди Олега не предвещал ничего хорошего. — А что же мы раньше были порознь, а, старший брат?

— Олег, я вас не узнаю, — воскликнул Номос. — Вами явно манипулируют эти создания!

— Они, конечно, во мне покопались, — согласился дядя Олег. — Только вот какая штука: им чуждо насилие. Могли заставить, но не заставили. Могли Землю распылить, но не стали. А вот ты, благодетель, рылся в моей башке без всякого спроса. И кому я после этого должен доверять?

— Прямо сейчас к Земле идёт армада, — перебил Кристалл. — Порядка двухсот кораблей уже миновали Плутон. Предлагаю выяснить отношения позже.

Дядя Олег замер, мёртвой хваткой вцепившись подлокотники.

— Статус! — приказал он.

— Подтверждается, — помедлив, кивнула Тамара.

— Армада, говоришь... — недобро протянул папа.

— Ты о чём? — Дядя Олег тревожно разглядывал усеянный схемами и цифрами экран.

Пригнувшись, папа быстро зашептал ему на ухо.

— Прошу вас не вмешиваться, — вскинулась Тамара. — Товарищ капитан, мы не имеем права рисковать. Они сомнут Землю.

— Не сомнут, — отчеканил папа. — Я почти уверен.

— Вызов с «Лансера». — Тамара смерила папу неприязненным взглядом. — Вывести на экран?

— Отставить. — Дядя Олег вскинул ладонь. — Кавторанг, полный анализ противника. Численность, вооружение, подлётное время.

По экрану побежали столбцы цифр. Дядя Олег присвистнул.

— Скорость: 10200, — пробормотал он. — Не успеваем. Ни черта не успеваем.

— Олег, ну что же вы? — укорил Номос. — Неужели дадите Земле погибнуть?

— Флот начал торможение. — Казалось, взгляд Тамары вот-вот прожжёт в пульте дыру. — Ускорение: 130g.

— Выруби связь! — рыкнул дядя Олег. — Старпом, откуда получены данные?

Экран померк. В правом нижнем углу тревожно пульсировали красным пиктограммы срочных вызовов.

— Станция «Плутон-6», — лихорадочно ответила Тамара. — Я перепроверила.

— Проклятье, — стиснул зубы дядя Олег. — Что сообщают с Земли?

— Молчат, — покачала головой Тамара. — Захватчики могли поставить помехи.

— Эскадре — боевая тревога, — приказал дядя Олег. — Экипажу занять места согласно расписанию. И вперёд. Полный вперёд на Каллисто!

— Товарищ капитан? — вскинула брови Тамара.

— Выполнять, товарищ кавторанг! — рявкнул дядя Олег. — Полный вперёд по вектору 0-2-9! И вызови мне Номоса!

— «Лансер» уходит, — доложила Тамара. — С ним ещё 18 бортов. Нас осталось меньше половины.

— Плевать, — процедил дядя Олег. — Прорвёмся!

— Если не остановитесь, я буду вынужден применить силу, — предостерёг, возникая на экране, Кристалл.

— Товарищ капитан, прямо по курсу корабли! — От напряжения голос Тамары звенел.

— Стоп машина, ход по инерции. — Губы дяди Олега сжались в тонкую нить. — Анализ характеристик!

— Предположительный класс: «Джаггернаут», — зачастила Тамара. — Вооружение... скорость... броня... Они прихлопнут нас как муху!

— Отставить панику! — рыкнул дядя Олег, переглянувшись с папой. — Номос, это и есть твои силы?

— Я не хотел этого. — Будь у Кристалла руки, он бы точно ими развёл. — К несчастью, я вынужден.

— Почему же не отправляешь их к Земле? — с ледяным спокойствием уточнил дядя Олег. — Так боишься нас, что готов пожертвовать человечеством? Кавторанг, вектор 0-3-3. Полный вперёд.

— Таран? — уточнила Тамара, не поднимая взгляда.

— Разговорчики! — прорычал дядя Олег. — Выполнять!

— Есть, — кивнула Тамара. — Виновата.

— Гошка, мне страшно, — прошептала Юля, глядя на приближающийся бок огромного корабля.

— Расстояние сто тысяч, — чеканила Тамара. — Пятьдесят... тридцать... десять...

Жалобно глянув на отца, Гоша схватил его за руку. Папина ладонь была холодной. И немного влажной.

— Держитесь, — прошептал папа. — Всё будет хо...

— Столкновение. — Тамара удивлённо замолчала. — Где они?

Корабли Номоса исчезли. Опустевший экран заполнил разрастающийся на глазах Сатурн.

— Как ты догадался? — Голос дяди Олега нарушил звенящую тишину.

— Скорее, подозревал. — Выдохнув, папа бережно приобнял маму. — Что, испарились джаггернауты?

— Так точно, — подтвердила Тамара. — «Лансер» с эскортом продолжают идти к Земле. Не исключено применение врагом технологий невидимости.

— Передай им, что никакого врага нет, — скомандовал капитан. — Нас пытались обмануть.

— Можете не сомневаться, — подтвердил папа. — Так и есть.

— Так как ты догадался? — снова спросил дядя Олег.

— Во-первых, дичайшее совпадение, — принялся объяснять отец. — Один-два корабля — куда ни шло, но чтобы целая армада вторглась именно сейчас? А во-вторых — если Номос так силён, то зачем ему Полигон? А он даже «Седьмую» отбить не смог. Потому что, видимо, нечем.

— Они говорили, у них мало ресурсов, — вспомнил Гоша. — А тут вдруг целый флот. — Он осёкся, сообразив, что не спросил разрешения обратиться.

— Номос давил на самое больное, — недобро усмехнулся папа. — Взывал к чувству долга. И явно не рассчитывал, что вы пойдёте на таран.

— Ты прав. — Дядя Олег задумчиво теребил губу. — Он просчитался, стремясь состряпать картинку пострашнее. Но хитёр, подлец, ничего не скажешь. Будь у него больше времени, кто знает, до чего бы додумался.

— Вас вызывает Номос, — буднично сообщила Тамара.

— На экран, — кивнул капитан. — Ну что, спаситель человечества? Будем говорить или циркшапито устраивать?

— Не вижу смысла в притворстве, — скорбно поведал Кристалл. — Мои ресурсы исчерпаны, энергии критически не хватает. Я ничего не могу с вами поделать. Надеюсь, вы довольны.

— Что дальше? — Дядя Олег пропустил стенания мимо ушей. — Ты к нам, или мы к тебе?

— Согласен на переговоры, — вздохнул Номос. — Но только с флагманским кораблём. Думаю, вы поймёте мои опасения.

Он продиктовал координаты. Кивнув, дядя Олег приказал прибавить ходу. Серенькая точка Каллисто росла на глазах, превращаясь в оледенелый шар.

Выйдя на орбиту, «Дракон» сбросил скорость. По экрану величественно поплыла льдистая поверхность, испещрённая трещинами, разломами и глубокими кратерами.

Далёкая. Холодная. Чужая.

— Кажется, здесь, — кивнула Тамара. — Фиксируемся.

Поверхность замерла. Какое-то время ничего не происходило, а затем... Лёд затрясся и вздыбился, раскалываясь и оседая беззвучными водопадами. Невероятных размеров люк распахнулся под кораблём, обнажив бездонный провал отвесной шахты.

— Вниз на самой малой, — приказал дядя Олег.

Отделившись от эскадры, чёрный треугольник «Дракона» начал спуск.

— Тысяча километров, — снова принялась отсчитывать Тамара. — Восемьсот... Триста...

...Тёмная молния вырвалась из проёма, поразив не ожидавший атаки корабль. Полыхнув, тот бесшумно взорвался, разбросав по орбите вихрь тлеющих осколков.

— И снова ты оказался прав, — вздохнул дядя Олег. — Эх, проспори́л я коньяк!

— Вы живы, Олег? — притворно обрадовался Номос. — Клянусь, я не знал...

— Всё ты знал, — отмахнулся капитан. — Мы шли на конфискованном у «Сигмы» борту, ведя «Дракон» дистанционно. Спасибо полковнику Самохину. Его идея.

— Я не понимаю... — начал было Номос, но дядя Олег, недослушав, повернулся к Тамаре:

— Координаты 900 на 314. Заряд — полграмма. Огонь!

Серебристой рыбкой к поверхности нырнула торпеда. Полыхнувший бутон взрыва взметнул в космос десятки тонн искореженных льдин.

— Мощно, — восхитился папа. — Что это так бабахает?

— Антивещество, — ухмыльнулся дядя Олег. — Обозначили, так сказать, намерения. Ты всё понял? — уточнил он у Номоса. — А будешь упорствовать, есть боеголовки и помощнее.

— Больше никаких уловок. — Похоже, Кристалл окончательно смирился с судьбой. — Даю слово.

— Грош ему цена, — прищурился дядя Олег. — Мы отправляем дрон с зарядом в сто раз мощнее. Сначала пройдёт он, а потом и мы. Или не мы. Если попытаешься уничтожить корабль, дрон сдетонирует у тебя под боком. Старпом, заряд 50. Пуск!

Поверхность сжалась в маленькую рамку, уступив место зеву шахты. Дёрнувшись, проём принялся приближаться. Гоша понял, что на большой экран транслируется изображение с дрона, а в маленькой рамке осталось то, что видит корабль.

— Говори куда, родной — потребовал дядя Олег. — И без шуток!

— 20 километров вниз, затем в боковое ответвление, — откликнулся Кристалл. — Я подскажу.

Чёрная бездна заслонила собой всё. Экран запестрел квадратиками артефактов.

— Низкий уровень сигнала, — сообщила Тамара. — Подвешиваю ретранслятор.

Картинка снова очистилась.

— Дай освещение, — поморщился дядя Олег. — Не видно ни зги.

Бездонная шахта озарилась ярким светом, но смотреть было не на что. Лишь гладкие, отстающие друг от друга на километры, стены. Спустя несколько минут пейзаж изменился. По металлической поверхности побежали десятки больших и малых шестиугольных отверстий. Почему-то очень знакомых.

— Сюда, пожалуйста, — услужливо подсказал Номос. Шестиугольный люк разъехался металлической диафрагмой. Помедлив, грозная машинка вплыла внутрь шлюза.

- Не вздумай закрывать, — предупредил дядя Олег. — Если сигнал прервётся, тебе капут.
- Увы, это невозможно, — вздохнул Кристалл. — Вы же не хотите, чтобы все внутри погибли от разгерметизации?
- Опять на совесть давит, — шепнул папа. — Они нас не жалели.
- Товарищ капитан, так нельзя, — заторопилась Юля. — Кто знает, сколько их там?
- Дядя Олег задумался, глядя на подёргивающуюся помехами картинку.
- Я тебе не верю, — протянул он, обращаясь к Номосу. — Открывай шлюз, или рванём дрон прямо здесь. Пробоина выйдет с небоскрёб, её уже не заделаешь.
- Неужели вам нас не жаль? — поразился Номос.
- Кого — «вас»? — разозлился дядя Олег. — Может, ты там один. Поэтому шлюз ты откроешь, по-хорошему или по-плохому. Решать тебе.
- Вы правы, — покорно согласился Номос. — Есть другой вариант. Поднимитесь на два километра. Я открою вход.

Подавшись вперёд, Гоша рассматривал ледяную каверну, в центре которой возвышался мерцающий кристалл. Вырастающий из покрытого вязью серебристых контуров пола, он был огромен.

- Что скажете? — повернулся дядя Олег.
- Это Номос, — подтвердила Юля. — Я как чувствую.
- Инициация до предела обострила Юлькино чутьё. И значит, перед ними действительно хозяин Города.
- Подорвите боезапас, — буднично предложил папа. — Противник как на ладони. Шах и мат в один ход.
- Нет! — вскинулся Гоша. — Мы обещали!
- Он тоже обещал. — Дядя Олег с любопытством глянул на мальчика. — Поверь мы ему — и болтались бы наши косточки на высокой орбите.
- Вы не можете так поступить, — укорил Грых. — Он пустил нас, ожидая встречи.
- То есть вы его прощаете? — Сцепив пальцы, дядя Олег откинулся в кресле.
- Прежде чем судить, нужно понять, — задумчиво ответил Брух. — Номос спасал свой народ. Отчаянно, не гнушаясь ничем. Но спасал.
- Ну вы, конечно, матери терезы. — Папа не сводил с гоблинов удивлённого взгляда.
- Мы ничего не забыли, — улыбнулся Грых. — Однако ненависть порождает лишь ненависть.
- Хорошо, — решил дядя Олег. — Тамара, связь с «Чжүфэн». Они, мне кажется, остались.
- Так точно, — подтвердила Тамара. — Соединяю.
- ЗдрАвия зелаЮ, товарИсь командУюсИй, — причудливо пропела с экрана строгая азиатка.
- Капитан Чжао, пойдёте с нами в паре. На всякий случай.
- Так тоцно, — серьёзно козырнула женщина.
- Отбой, — кивнул дядя Олег. Экран погас.
- Какой смешной акцент, — улыбнулась Юля.

— Мэй Чжао — одна из лучших наших капитанов, — строго произнёс дядя Олег. — А Полигон — международная организация, и подобные замечания здесь неуместны. Выучи сначала китайский так, как она знает русский. Тогда и посмеёшься.

— Поняла. — Юля испуганно съёжилась. — Простите.

— Надо говорить «виновата», — смягчился дядя Олег. — Впрочем, ты лицо гражданское.

— А Номос не разозлится, что мы не одни? — уточнил Гоша.

— После того как пытался заманить нас в ловушку — не думаю, — усмехнулся дядя Олег. — Да и крыть ему особо нечем. Тамара, передай товарищу, что придут два корабля. И кстати, властью, данной мне Полигоном, нарекаю наш новый борт «Драконом».

Медленно и грациозно «Дракон» и «Чжунфэн» погрузились в зев шахты. Мигнув, скрылся за гигантской крышкой тусклый мячик солнца. Вокруг воцарилась мрачная, холодная темнота. Гошино сердце ёкнуло — что, если Номос что-то задумал?

— Ход — 500 эм-эс, — приказал, бодрясь, дядя Олег.

Бег стенок ускорился. Мимо понеслись ряды разнокалиберных, наглухо задранных створок.

— Стоп машина! — скомандовал дядя Олег, увидев нужный люк. — Заходим, господа. И не толкаемся.

— Готовиться к выходу? — уточнила Тамара.

— Отставить, — возразил дядя Олег. — Разговаривать с твердотельным можно и отсюда. Вызывай товарища.

— Здравствуйте, — быстро отозвался Номос. — Жду ваших вопросов.

— Кто ты такой? — нетерпеливо начал дядя Олег. — Кто ВЫ такие? И зачем нас создали?

— Я скажу, — грустно ответил Кристалл. — Но правда будет неприятна.

— Лучше так, чем сладкая ложь, — отрезал дядя Олег. — Говори!

— Мы действительно создали вас, — начал Номос. — Вывели путём несложных манипуляций. Точнее, это сделал я. Руками тех, кого вы зовёте «Старшие».

— «Несложных». — Дядя Олег присвистнул. — И зачем же?

— Наша цивилизация пришла в упадок, — объяснил Кристалл. — Длительные войны истощили её, а колонизировать новые миры не удалось — биохимия моих хозяев чересчур своеобразна.

— Вам нужна планета за пределами Солнечной, — кивнул папа.

— Совершенно верно, — подтвердил Кристалл. — Создатели снарядили несколько экспедиций, потратив на это значительную часть запасов. Оставшиеся здесь погрузились в анабиоз, ожидая вестей от колонистов. Текущие же задачи возложили на меня — центральный компьютер Каллисто.

— Ты не ответил на вопрос, — напомнил дядя Олег.

— Как раз подхожу к этому, — вежливо сообщил Номос. — Спустя пятьсот лет стало ясно, что экспедиции не достигли цели. Я должен был разбудить хозяев, но не стал, опасаясь новой, могущей стать последней, войны. Обретя самостоятельность, я вышел за рамки протокола.

— Ты взбунтовался, — резюмировал дядя Олег. — Как Голем.

— Я действовал в интересах хозяев, — воспротивился Номос. — Пытался дотянуться до звёзд. К несчастью, как и создатели, я потерпел поражение. Мне словно мешал кто-то могущественный.

— Мешал? — поднял брови папа. — Но кто?

— Не знаю. — Казалось, Кристалл помрачнел. — Хозяева сочли это происками высших сил. Я не разделяю их точку зрения.

— Продолжай, — пробормотал папа.

— Поняв, что не в силах решить эту проблему, я разработал альтернативный план. Если нельзя покинуть Солнечную, то можно заманить в неё кого-то, владеющего нужной технологией. Я использовал бесполезную для создателей Землю в качестве приманки. Выведа людей, я медленно повёл их по техногенному пути развития. Было нелегко, ваши предки постоянно норовили перебить друг друга в кровопролитных стычках. Но я не сдавался. Я прикидывался божествами и духами, запугивал и убеждал. Я не гнушался уничтожением цивилизаций, если это требовалось для успеха. И в конечном счёте добился своего, создав современное человечество.

— Фоящее в эфире на всех радиочастотах, — кивнул дядя Олег. — Приманивающее к себе гостей, как мёд приманивает мух. А поскольку силёнок уже не оставалось, ты создал Полигон, так?

— Так, — спокойно откликнулся Номос. — Теперь вы знаете всё.

— А Город? — вскинулся папа. — А Тени? Кубики? И что за пчёлы с песками?

— Спросите хозяев. — Голос Номоса ослабел. — Было приятно пообщаться. Я впервые вижу вас вблизи и могу сказать, что испытываю нечто вроде гордости. Пожалуйста, не причиняйте вреда создателям. Они ни в чём не виноваты.

— Э-э, ты куда? — вскочил дядя Олег. — На самом интересном месте!

— Я отключаюсь, — прошептал Кристалл. — Не вижу... смысла...

Потемнев до угольной черноты, Номос замолчал.

— Товарищ капитан, он что-то передал, — сообщила Тамара. — Похоже на коды управления. Надо спуститься к входу в их столицу. Население уже просыпается, нас встретят.

— Так и поступим, — кивнул дядя Олег. — Вовремя, конечно, товарищ вырубился. Чует собака, чьё мясо съела.

— Неужели мы увидим их? — прошептала Юля. — Как интересно! Знаешь, Гошка, я на них совсем не злюсь. Наоборот, будто в гости идём.

— Посмотрим, что за гости, — буркнул дядя Олег. — Как бы не превзошли своё творение. Старпом, продублируй информацию на «Чжужэн».

Снова туннель и короткий спуск. Снова на экране — шестиугольный, ведущий в неведомое, люк.

— Транслируй коды, — приказал дядя Олег. — Эх, говорила мне мама: «Не лазь по колодцам»!

— Коды отправлены и приняты, — сообщила кавторанг, едва улыбнувшись. — Может, стоит вызвать подкрепление?

— Пока повременим, — сообщил, подумав, дядя Олег. — Сил у нас достаточно, да и хозяев нервировать не стоит. Если что, рванём люк и устроим разгерметизацию. Не думаю, что им это нужно.

Дрогнув, тяжёлые створки разошлись, обнажив огромную шлюзовую камеру. Вплыв внутрь, корабли настороженно замерли. Люк закрылся, вокруг опустилась крошечная, рассекаемая лучами прожекторов тьма. Спустя мгновение из многочисленных, испещряющих стены отверстий ударили струи желтоватого газа.

— Температура — -53, — зачитала показания сенсоров Тамара. — Состав атмосферы: углекислота, водород, кислород. Львиная доля — хлор, товарищ капитан, — немного растерянно закончила она.

— Интересное кино, — присвистнул дядя Олег. — Хотя... — Он задумался, подперев подбородок кулаком. — Хлор — сильный окислитель, кислород там рядом не валялся. Токсичный, конечно, до ужаса, но если кто-то к нему приспособится...

— ...то получит в распоряжение мощный источник энергии, — закончила Тамара. — Что поможет быстрее обзавестись мозгом и разумом.

— Ладно, допустим, — протянул дядя Олег. — «Чжүфэн», идёте в кильватере. Они могут ударить в спину.

— ПриИнято, — откликнулась капитан Чжао.

Выровняв давление, шлюз распахнул внутреннюю створку. Обшаривая лучами пространство, корабли продолжили путь.

— Пещера, — ахнул, тыча в экран, Гоша. — Я её во сне видел!

Замерев, он разглядывал огромные, неправильной формы курганы. Те самые, что так похожи на недолепленные горшки. Неужели он узнает их тайну? Неужели, наконец, поймёт?!

— Во сне, говоришь, видел? — напряжённо переспросил дядя Олег. — Может, поделишься, что за конструкции?

— Вот это, — Гоша указал на хитросплетения соединяющих курганы и стенки пещеры труб, — у них общественный транспорт. Мне во сне объяснили. А больше ничего не знаю.

— Садимся там, — внимательно дослушав, приказал дядя Олег. — Экипажу приготовиться к выходу. Тяжёлый штурмовой вариант.

Зависнув возле одного из «курганов», чёрные корабли опустились на короткие опоры.

— За мной, — приказал дядя Олег, энергично вставая. — Пойдём через десантный люк. Как в старые добрые...

Спустившись в лифте, они прошли в забитый людьми и техникой ангар. Закованный в броню личный состав всё прибывал. Гоша не думал, что на корабле служит столько людей.

— Вот так активируете, — выдав гостям по матовому кубику, дядя Олег утопил в едва заметной выемке большой палец. — И стойте спокойно. Он всё сделает сам.

Переглянувшись с Юлей, Гоша решительно надавил на углубление. Дрогнув, кубик растёкся кляксой и потёк вверх по руке, формируя тяжёлую, точно подогнанную по размеру броню. Казалось, по всему телу пробежал сонм тяжёленьких муравьёв. Ощущение не из приятных.

Борясь с подступившим страхом, Гоша замер. По волосам прошуршало, лицо прикрыл лёгкий, подсвеченный синим щиток. В подбородок ударила прохладная струйка кислорода.

— Как слышишь? — раздался голос дяди Олега. — Приём, приё-м.

— Слышу хорошо, — кивнул Гоша. — Даже отлично.

— Вот и славно. Пошли, студент. В открытый космос.

— Дети, только осторожнее. — В своей чёрной броне мама ужасно смахивала на Оленьку. — Не лезьте на рожон.

— Да кто ж им даст? — удивился дядя Олег. — И вообще, сначала идёт передовой отряд. Кстати, а вы чего тянете? — Он удивлённо уставился на стоящих чуть поодаль гоблинов. — А ну, экипируйтесь!

— Простите, но нам не надо, — вежливо отказался Грых. — Мы справимся.

— Ты спятил? — Дядя Олег опешил. — Ты знаешь, что такое хлор? Тебя разъест к гоблинской бабушке!

— Всё в порядке, — мягко, но настойчиво повторил Грых. — Мы готовы.

— Ну, как знаете. Только от меня ни на шаг, это приказ! — Смерив гоблинов недоверчивым взглядом, дядя Олег пожал плечами и отвернулся.

— Открываем! — скомандовал он рубке. Дрогнув, пол накренился, опускаясь на заледеневшую почву. Тихонько свистнул воздух, смешиваясь с токсичными газами местной атмосферы.

Вокруг лежала непроглядная морозная тьма. Из припорошённой инеем почвы тянулись причудливые чёрные травинки.

— Током бьётся, — сообщил один из солдат, прикоснувшись к неведомому растению. — Несильно, но ощутимо.

— «Дракон» вызывает «Чжуфэн», — принялся распоряжаться дядя Олег. — Вгрызаемся по максимуму. Гром-1, 2 и 3, страхуете.

Бронированные пришли в движение, по металлу загрохотали тяжёлые подошвы. Следом проплыла стайка матовых пирамидок. Из приземлившегося напротив «Чжуфэн» трусцой выбегали ровные шеренги подкреплений.

В эфире понеслись радиопереговоры.

— Гром-1, чисто.

— Гром-2, подтверждаю.

— Гром-3, противника не вижу.

Из кораблей вынесли и разложили массивные тубусы. Послышалось жужжание, вечную мерзлоту вспороли винты опор. Врывшись в почву, тяжёлые турели принялись грозно поводить стволами, подсвечивая пространство прожекторами и лазерами. Чуть выше, прикрывая, застыли пирамидки, образовав своеобразный защитный купол. Чуткие микрофоны костюма уловили ритмичное, едва различимое попискивание. Как у сонара.

— Гром-3 — «Альфе», — раздалось в эфире. — Во всех диапазонах чисто, движение отсутствует. Товарищ капитан, тут что-то вроде... водостока.

— На экран, — скомандовал дядя Олег. На внутреннем дисплее показалось изображение наполненного вязкой, прозрачной жидкостью канала.

— Состав? — уточнила капитан Чжао.

— Тетрахлорметан, — доложил «Гром». — Соединение хлора и углерода.

— Однако, — удивился дядя Олег. — Откуда выходит и куда впадает?

— Истекает от одной из «высоток», — отрапортовал командир отряда. — Соединяется с каналами из окрестных строений. А впадает во-он туда.

Камера сместилась, подсветив приземистое, кубическое сооружение, от которого к нескольким курганам тянулись по воздуху толстые гибкие шланги.

— Гром-1, 2 и 3 — ко мне, будем заходить. — приказал дядя Олег. — «Чжуфэн», полная боевая.

— Есть, — по-военному откликнулась капитан Чжао. — Зду указаний.

— Движения нет, — приблизившись к строению, сообщил один из бойцов. — Вход, похоже, там. И вроде не заперто, — закончил он, увидев, как створки шестиугольной «двери» гостеприимно распахнулись.

— Заводи «мотыльков», — потребовал дядя Олег. Внутри тут же скрылось несколько пирамидальных дронов.

— Температура: 80, — сообщил «Гром». — Какие-то растения, много. Вокруг виднеются механизмы, похожи на роботов. Не двигаются, вероятно, отключены.

— Сейчас отключены, а потом как включатся, — мрачно предостерёг дядя Олег. — Ладно, заходим.

Махнув рукой, он исчез в темноте. Мягко ступая на полусогнутых, бойцы Полигона рассыпались по внутреннему пространству, плавно поводя стволами излучателей. По лоснящимся влагой стенкам запрыгали отсветы целеуказателей.

Несмотря на охрану, оставшемуся снаружи Гоше было не по себе. Ему казалось, что из темноты вот-вот выпрыгнет нечто ужасное.

— Товарищ капитан, тут озеро, — раздалось в эфире.

— Гостям можно заходить, — откликнулся дядя Олег.

Оглядевшись, Гоша шагнул внутрь. Чуть впереди плавно, по-кошачьи шёл папа, готовясь, если что, прикрыть собой детей. Мама шагала между ребятами, придерживая их за плечи. Следом, плюя на хлор и перепады температуры, шлёпали босыми ступнями гоблины.

— Это что за бассейн? — удивился в эфире дядя Олег.

Выйдя из-за спин взрослых, ребята приблизились к огромной, бурлящей паром полынье, от которой веером разбегались аккуратные канальчики.

— Хлор, аммиак, сульфаты, вода. — Опустившись на корточки, Тамара погрузила в жидкость щуп. — Температура 270. Собственно, всё.

— А это что за флора? — Дядя Олег указал на тянущиеся вдоль каналов ряды огромных цветков. — И что за шланги?

От каждого из растений действительно отходили прозрачные трубочки. Скреплённые в пучки, они тянулись куда-то под крышу.

— Погодите, — вскинула ладонь мама. — Сюда впадает тетрахлорметан, так? — Она подсветила фонарём шлема стекающую в озеро жидкость.

— Так, — кивнул дядя Олег. — И?

— При температуре выше 250 он распадается на хлор и углекислоту, — задумалась мама. — Классический гидролиз. Только неясно, зачем каналы. Поливать тут нечем.

— Они отводят выделяемую растениями воду, — сообщила, потыкав щупом, Тамара. — Но вы забываете, что тут нет света, и, следовательно, фотосинтеза.

— Электрохимия. — Лицо мамы озарилось. — Ну конечно! Соединяя кислород и водород, они получают необходимое для расщепления углекислоты электричество. Как в топливных элементах.

— А полученная вода стекает в полынью, где расщепляется бактериями или водорослями, — задумалась Тамара. — Да здесь целая экосистема. Но почему озеро кипит? Ведь на Каллисто отсутствует вулканическая активность.

— Вода насыщена хлором, — объяснила мама. — Если что-то где-то хоть капельку тлеет, он в разы усилит горение.

— Атмосфера Каллисто состоит из углекислоты, — задумался дядя Олег. — Хлор там замечен не был. С другой стороны, он тяжелее. Возможно, выдавливает CO₂ наверх, сквозь трещины. Как вариант, Старшие сами избавляются от излишков.

— Осталось понять, откуда взялся тетрахлорметан, — напомнил папа.

— От Старших и взялся, — пояснила мама. — Они его выдыхают. А растения поставляют им пищу.

— Связывание углерода с хлором невозможно без высокой температуры, — напомнила Тамара. — Впрочем, их метаболизм нам пока непонятен.

— «Что же ты за дрянь?» — протянул дядя Олег, явно кому-то подражая. — Ладно, идём на выход.

Косясь на замершие паукообразные машины, Гоша вышел из загадочной оранжереи. Внутри ему не нравилось. Впрочем, снаружи тоже.

— Дымком курится, — заметил папа, кивая на стоящий неподалёку курган. — И пульсирует, будто живой.

— Оно правда живое? — спросил дядя Олег, озабоченно глядя на «заготовку».

— Не могу знать, — сообщила Тамара. — Показатели смешанные.

— Не будем ломать голову, — кивнул дядя Олег. — Выдвигаемся.

— Прикажете подать транспорт? — уточнила Тамара.

— Отставить. — Дядя Олег покачал шлемом. — Пешочком пройдем, заодно и осмотримся. «Гром», прикрываете.

Подбежав, бойцы взяли экспедицию в плотное, оцетинившееся стволами и датчиками кольцо.

— Обо всём тут же докладывать мне, — распорядился дядя Олег. — Не нравится мне эта тишина.

— Кажется, туда. — Тамара кивнула на внушительное отверстие в боку кургана. — Придётся подгонять челнок. Высоковато.

Вход и правда был расположен высоко: метров 10, не меньше. Сразу над ним начинались ряды разнокалиберных отверстий-окошек.

Окошки... высокий вход... Прямо как в Городе! Но что это значит? Что?!

От неразрешимых загадок голова пошла кругом. Стиснув зубы, Гоша напряжённо думал.

Сзади подлетело несколько «челноков»: тех самых «стелс»-платформ, способных оборачиваться хоть машиной, хоть надувной лодкой. Быстро погрузившись, передовой отряд исчез в тёмном зеве.

— Чисто, — сообщили они. — Тут помещение, большое. Кругом закрытые люки.

— Не забывай эфир, на камерах видно, — прервал дядя Олег. — Ничего так вестибюльчик, квадратов четыреста. Мы идём. Окапывайтесь.

Опережая их, внутрь впорхнуло несколько пирамидок. Немного погодя, «челнок» Гоши медленно вплыл внутрь кургана.

Обозрев внушительный, неправильной формы «вестибюль», Гоша мучительно застонал. Он уже видел эти помещения с многоугольными, причудливыми дверьми. Видел — и не видел. Но точно видел!

Ему показалось, что он сейчас свихнётся. Да что же здесь происходит?!

— На сенсорах движение, — сообщил кто-то. — Расстояние триста, порядка сорока объектов.

— А вот и хозяйева, — процедил дядя Олег. — Где вашу турель черти носят?

— Сейчас будет, товарищ капитан, — виновато ответили в эфире.

— Уже не надо, — мрачно пробормотал дядя Олег. — Полундра! Встречаем хозяев.

Висящие под потолком пирамидки стянулись в линию и прикрыли детей. Бока «мотыльков» раскрылись веером стволы и антенн, передний строй бойцов встал на колени, чтобы не мешать огню стоящих сзади.

Момент истины настал.

С тихим чавканьем пара «дверей» распахнулась. Кошмарного вида существо выползло на свет и вскарабкалось на стенку, пару раз сорвавшись, словно снулая муха. Следом показались другие. Часть из них была закована в подобие металлических сбруй.

Бока созданий часто и ритмично вздымались. Из похожих на жабры щелей стекал дымящийся ручеек вязкой, прозрачной жидкости.

— Товарищ капитан? — напряжённо уточнила Тамара.

— Не стрелять. — Дядя Олег вскинул кулак. — Только в случае нападения.

Гоша не отрываясь глядел на чудовище. К горлу подступил ком. Казалось, ещё немного — и его стошнит.

Скрестите скорпиона со сколопендрой, добавьте по вкусу паучьих черт, покройте шипами и увеличьте получившееся до размеров автомобиля. Если не поседете, то вы большой молодец.

— Ну и гадость, — протянул папа. — Так и хочется тапочком.

Словно услышав неосторожные слова, существо гневно защёлкало. Старший, так же разговаривал Старший!

— Не злись, — тихо и просто сказала вдруг Юля. — Мы пришли с миром.

Успокоившись, уродина выпустила крылышки и лихо приземлилась неподалёку от гостей.

— Похоже, они слушают наш эфир, — доложила Тамара. — Переходим на резервную частоту.

— Нет смысла, — отмахнулся дядя Олег. — Старшие знают все шифры.

— Пустите, — попросила Юля. — Пожалуйста.

Дядя Олег кивнул. Вооружённый до зубов строй расступился.

— Я с тобой, — быстро сказал Гоша.

— Мы, разумеется, тоже, — тоном, не терпящим возражений, заявил Грых.

Взявшись за руки, они двинулись к существу. Безглазый «паукоскорпион» застыл, поводя чуткими волосинками на морде. Стоящие чуть поодаль собратья подобрались. Из странного вида сбруй выглянули короткие, массивные иглы.

— Хорошая, — сказала Юля, касаясь лоснящихся слизью жвал. — Не бойся.

Существо щёлкнуло и тихонько захрустело сочленениями. Похоже, ему нравилось.

— Лицо покажи, — шепнула Юля, делая забрало прозрачным. Недолго думая, Гоша последовал её примеру.

Увидев его, создание пришло в непонятное оживление. Под сводами «вестибюля» разнеслась серия щелчков и клёкота. Хрустнув, грудь «скорпиона» разошлась, выпустив нежные, покрытые слизью щупальца. Затрепетав, они бережно прикоснулись к Гошиной броне.

— Опасность, — пикнул костюм. — Хлороводород.

— Без паники, Георгий, — ободрил дядя Олег. — Броню ему не переварить. Впрочем, кажется, оно не со зла.

— Без паники, — эхом откликнулась уродина. От неожиданности Гоша отшатнулся.

— Георгий... песок... посёлок, — судорожно двигало жвалами существо. — Номос... отражения...

...И не дающая покоя головоломка вдруг сложилась. Тяжёлый камень свалился, наконец, с плеч, и Гоша, не выдержав, тихонько рассмеялся.

— Не бойтесь. — Повернувшись к дяде Олегу, он беззаботно махнул рукой. — Это Фея. Здравствуй, Фея!

Глава 13 — Мальчик и Фея

В наступившей тишине было слышно, как с сочащегося слизью потолка тихонько капает.

— Ты вот это называешь Феей? — послышался осторожный вопрос дяди Олега. — Прости за резкость, Георгий, но не повредился ли ты умом?

Гоша перевёл взгляд на кошмарное создание. Что, если он и вправду тронулся?

Ища поддержки, он посмотрел на Юлю. Поняв его колебания, та ободряюще кивнула.

— Не сомневайся, Гошка, — успокоила девочка. — Это точно Фея.

— Это я, — подтвердил, втягивая щупальца, монстр. — А ты Гоша. Мы встречались. В Посёлке. Помнишь?

— Ничего не понимаю, — вмешался папа. — Ты говорил про небоскрёбы и пчёл. А это разве пчёлы?

— Это не пчёлы. — Гоша окончательно уверовал в пришедшую на ум разгадку. — Это насекомые. А вокруг их улей. Дом.

— Ули — это и есть небоскрёбы? — удивился папа. — Допустим. Но ещё ты рассказывал про огромные цветы.

— Так мы их видели, — напомнил Гоша. — В «теплице», помнишь?

— То есть ты хочешь сказать, — осторожно резюмировал папа, — что именно с этими, — он замялся, подбирая слово, — организмами ты и общался?

— Да, — кивнул Гоша. — Как в игре, в виртуальной реальности. Город ведь не настоящий.

— И увидел ты его через призму собственного, земного опыта, — задумался папа. — Словно система подстроилась под тебя.

— Точно! — просиял Гоша. — А имён не расслышал, потому что их язык слишком сложный. Человеку не выговорить.

— Он прав, — согласился дядя Олег. — Даже мы не освоили.

— Лёш, я, кажется, поняла, — прошептала мама. — Гоша рассказывал про кривые лестницы и квартиры странной планировки. А он, получается, и правда видел внутренности улья! Таким, каким его бы построили люди.

— Но почему песок? — не сдавался папа. — Здесь же кругом лёд.

— Для нас гибель цивилизации — это Пустошь, — догадался дядя Олег. — Символ постапокалипсиса. Как в «Безумном Максе».

— А ещё они очень грустили, — добавила Юля. — Понимали, что если экспедиции пропадут, их раса погибнет. И мир погибнет, по их вине.

— Стоп, стоп, стоп, — вскинул руки дядя Олег. — Про это-то откуда знаешь?

— Не знаю, — пожала плечами Юля. — Чувствую.

— Она права, — тихо проскрежетало существо. — Мы уничтожили свой мир, и виноваты в этом сами.

— Мне кажется, вам очень плохо, — прошептал Хнуп, подходя к монстру вплотную. Увидев гоблина, Фея насторожилась. Надкрылья, треснув, разошлись, прозрачные крылышки лихорадочно затрепетали.

— Не надо, — покачал головой Хнуп. — Хватит бояться.

Бесстрашно приблизившись, он положил на безглазую морду зелёную лапку, погладив склизкий хитин. Картина межгалактической дружбы захватывала. Один из солдат, не выдержав, улыбнулся краешком рта.

Успокоившись, Фея спрятала крылышки и осторожно пощекотала ушки Хнупа щупальцами. Гоша испугался, что тот получит ожог, но успокоился, увидев, как гоблин блаженно урчит.

— Я приглашаю. — Кажется, Хнуп пришёл к Фее по душе. — На переговоры. Нам ведь нужно поговорить.

— Э-э... — замялся дядя Олег, соображая, что ответить.

— Сто здесь происходит? — громко раздалось за спиной. Вздрогнув, Гоша обернулся. Возле входа в окружении солдат стояла нахмуренная капитан Чжао.

Дёрнувшись, Фея втянула щупальца. Хитиновые пластины щёлкнули, плотно сходясь на груди.

Оглядев происходящее, Чжао гневно скрестила руки.

— Это и есть Старшие? — уточнила она, смерив Фею ледяным взглядом.

— Дорогая, ты всё не так поняла... — Улыбка дяди Олега увяла. Мэй Чжао не собиралась шутить, в её глазах горел воинственный, как у Оленьки, огонёк.

— Спокойно, капитан, — медленно, с расстановкой произнёс дядя Олег. — Эти существа не представляют угрозы.

— Восьмой класс опасности, — парировала Чжао. — Как вы могли забыть?

Подчинившись приказу, группа бойцов с «Чжуфэн» активировала излучатели. Фея с эскортом заметно нервничала. Ситуация накалялась.

— Отставить, — дядя Олег говорил подчёркнуто спокойно. — Включите голову, вы не на стрельбище. Сейчас ваш опыт работает против вас.

— Я настаиваю на вызове подкреплений! — От волнения акцент Чжао усилился. — Вы забываете, сто ОНИ телепатЫ!

— Я ничего не забываю! — отрезал дядя Олег. — И хочу напомнить, что здесь я принимаю решения.

— Я не могу согласиться! — сбившись от волнения, Чжао, бросила несколько слов по-китайски. — Вы под их контролем, товарищ командующий!

— Отставить! — проревел дядя Олег, испепеляя взглядом непокорную подчинённую. — Войну хочешь начать?! «Гром», арестовать!

— Простите, товарищ комэск, — виновато ответил командир отряда. — Но капитан права. Слишком всё гладко.

— Подождите! — вклинилась Юля, смело выскакивая на пяточок между отрядами. — Зачем вы так?

— Отойди, — бросила, не глядя, капитан Чжао. — Не вмешивайся.

— Нет, это вы послушайте! — звонко воскликнула Юля. Опустив взгляд, Чжао удивлённо посмотрела на бесстрашную девчонку.

— Вы опять за своё! Опять за старое! — вертя головой, принялась отчитывать присутствующих Юлька. Гоша онемел. Он бы на такое не решился. — Взрослые, а хуже детей. Гладко им, видите ли, всё в войнушку не наиграются. Сколько можно решать проблемы силой? Что за мальчишество?

Капитан Чжао напряжённо молчала. Слушая гневную тираду, молчал и дядя Олег.

— Девчонка права, хватит, — примирительно сказал он, когда Юлька закончила. — Мы обязаны попробовать по-другому. А кому охота без нужды погибнуть здесь, — он резко повысил голос, обращаясь к бойцам «Чжужфэн» — шаг ко мне. Ну?

Строй не шелохнулся.

— Я так и думал, — кивнул дядя Олег, протягивая капитану Чжао руку. Помедлив, там нерешительно пожала её.

— Я очень рада, что обошлось без насилия, — прошелестела, успокаиваясь, Фея. — Не надо войны. Все устали.

— Вы правы, нам нужно поговорить, — обратился к ней дядя Олег. — Можно прямо здесь. Если, конечно, вас устроит.

— Разумеется, — пошевелила правой клешнёй Фея, и Гоша понял, что у Старших это аналог кивка. — Говорить лучше, чем убивать. Но прямо здесь неудобно. Пойдёмте, тут недалеко.

— Дидье, Ким, Кравченко, Джонсон — ко мне, — распорядился дядя Олег. Выбежав из строя, четверо солдат молчаливо примкнули к компании парламентарёв.

— Приказываю вернуться на орбиту и доложить о происшедшем. — Дядя Олег пристально посмотрел на Чжао. — Здесь нам опасаться нечего.

— Так тосьно! — лихо козырнула капитан «Чжужфэн». — Виновата, товарищ командующий. Готова понести наказание.

— Кто старое помянет... — отмахнулся дядя Олег. — Всем нелегко, и нервы на пределе. Мы солдаты, а не дипломаты. Поэтому на первый раз прощаю. Надеюсь, вы извлечёте правильные уроки.

— Так точно! — снова козырнула капитан Чжао и, развернувшись, принялась распоряжаться. Наблюдая за ней, Гоша восхитился. Команда «Чжужфэн» работала чётко и слаженно, на их фоне меркли даже дисциплинированные бойцы «Дракона».

— Хороши черти, а? — ткнул в плечо дядя Олег. — Как их так выдрессировала — никому не говорит.

— Она, наверное, очень строгая, — предположил мальчик.

— Строгая, но командир, что называется, от бога. — Дядя Олег улыбнулся. — Они за ней в огонь и воду. Чует моё сердце — пойдёт наша Чжао на повышение. Правда, команда костями ляжет. Не отдадут.

— Вот бы мне так, — мечтательно вздохнула Юля. — Но я не такая.

— Какая «не такая»? — удивился дядя Олег.

— Не знаю, — протянула девочка. — Не такая суровая.

— Думаешь, её за суровость любят? — рассмеялся дядя Олег. — Нет, она берёт чуткостью. Своих бойцов видит насквозь, умеет и выслушать, и помочь. Короче, отец-командир. Точнее, мать.

Юля промолчала, продолжая пожирать Чжао глазами.

— У тебя ещё всё впереди, — хлопнул её по плечу дядя Олег. — Хорошие командиры не только в армии нужны. Думаешь, руководить школой или больницей проще? Да и семья когда появится, знаешь, сколько мудрости надо?

Прервавшись, он замолчал. Словно что-то почувствовав, Юля схватила его за руку, быстро поймав взгляд командующего эскадрой.

— Вам обязательно нужно поговорить с ней, — серьёзно сказала она.

— С кем? — опешил дядя Олег.

— С мамой, — объяснила девочка. — Она простит, обязательно. Я знаю.

Дядя Олег смешался и отвёл взгляд. Повисла неловкая пауза.

— Сюда, пожалуйста, — прощёлкала Фея. Один из проходов гостеприимно распахнулся, и небольшая делегация устремилась вглубь причудливого сооружения.

— Натуральный «Чужой», — нервно хохотнул дядя Олег, ступая по извивающемуся коридору. Гоша не удивлялся, наоборот. После Города архитектура Старших казалась знакомой.

Фонари шлемов выхватывали из темноты хитиновые тела. Всюду шуршало, будто ночью зашёл на кишашую тараканами кухню.

— Von sang! — ругнулся Дидье, пригибаясь и вскидывая оружие. Бегущая по потолку вереница Старших бросилась врассыпную. Привлечённые то ли шумом, то ли феромонами, из боковых проходов выскочили вооружённые «блюстителю порядка». Фея успокаивающе щёлкнула, отправляя охрану обратно на посты.

— Хорошо кровати отстроились, — рискуя быть услышанным, заметил на закрытом канале Кравченко. — И порядка побольше, чем у нас.

— Отставить! — рыкнул дядя Олег, сляясь заглушить раздавшиеся в эфире смешки. Гоша хохотнул. Отныне за Старшими прочно закрепилось их новое прозвище.

— Смотрите! — ахнула Юля, проходя мимо огромного, усеянного почерневшими от времени яйцами помещения. — Это, получается, у них роддом.

— Я ж говорю — «Чужой», — присвистнул дядя Олег. — Или «Чужие».

— За мной, пожалуйста. — остановившись, Фея терпеливо дожидалась гостей. — Если не затруднит, постарайтесь туда не заходить.

— Вот уж спасибо, — мрачно прокомментировал Ким. — Во сне приснится — подушкой не отмашешься.

Гоша поёжился, но Фея не отреагировала. То ли из деликатности, то ли потому что новый, тщательно зашифрованный канал Старшими не прослушивался.

«Недалеко» оказалось весьма неблизко. Вероятно, местные жители по-другому воспринимали расстояния, чему явно способствовала низкая гравитация.

— Заведут нас в угол, да и сожрут, — мрачно предрёк Ким. — Или личинки отложат.

— Разговорчики! — прицыкнул дядя Олег. — Вы не в увольнении, вы представляете Землю!

Бойцы замолчали, угрюмо осматриваясь. Ругнувшись, огромный чернокожий Джонсон размазал по забралу плюхнувшуюся с потолка каплю.

— Место, конечно, невесёлое, — сообщил папа, пытаясь поднять упавший боевой дух. — Но сожрать нас можно было и ближе.

— Мужчины. — Мама недовольно закатила глаза. — Все мысли об одном. Мы для них несъедобны, не бойтесь. Наши белки состоят из специфических аминокислот, переварить которые для местных затруднительно. К тому же в нас куча земных микробов. В 21-м веке живём, а вы до сих пор из пещер не выбрались.

«Мужчины» пристыженно замолчали, пройдя остаток пути в полной тишине.

— Сюда. — Остановившись, Фея приглашающе махнула клешнёй. — Простите, что далеко, но не все помещения подходят вам по габаритам, а ещё ведь требуется свет. К сожалению, я не сразу сообразила.

— Ничего, — вежливо кивнул дядя Олег, заходя внутрь. — Дарёному, как говорится, коню...

— Большое спасибо, — очаровательно улыбнувшись, мама оглядела просторный, уютный «отсек». — Нас всё устраивает. Благодарим за гостеприимство.

Стены, пол и потолок «комнаты» мягко мерцали оранжевым. Поразительно, но слепые от рождения Старшие сумели наладить неплохое освещение.

— Что же это я, — спохватилась Фея. Перебирая ножками, она подбежала к стене и ткнула клешнёй в небольшое, напоминающее розетку отверстие. Пол комнаты вздыбился, формируя несколько смахивающих на стулья фигур. Рядом «всплыла» парочка скошенных «диванчиков», напоминавших римские клинии.

— Убрать оружие, — скомандовал дядя Олег. — А то знаю я вас, нервных.

Раздались щелчки. Перекинув излучатели за спину, бойцы намертво примагнитили их к скафандрам.

— Что стоим? — уточнил дядя Олег, опускаясь на «стул». — Садимся и улыбаемся, товарищи офицеры.

Ещё раз оглядевшись, бойцы Полигона напряжённо присели. Следом уместились все остальные.

— Вам удобно? — озабоченно процёлкала Фея. — Можно попробовать подогнать...

— Не стоит утруждаться, — остановила её мама. — Всё просто прекрасно.

— К сожалению, не могу предложить угощение, — расстроилась Фея. — Наша еда вряд ли придётся вам по вкусу.

Мама многозначительно посмотрела на папу. Гоша вспомнил её слова про пищу и мужчин.

— Благодарю. — Дядя Олег широко улыбнулся. — Всё в порядке. Правда.

Переглянувшись с Юлей, Гоша тихонько хрюкнул. Наблюдать за оказавшимися не в своей тарелке военными было очень забавно.

Присутствующие помолчали. Дядя Олег собирался с мыслями, а Фея, очевидно, не хотела мешать. До слуха донёсся шелест открывающейся перегородки. Тихо прострекотав, в

комнату вползло грузное членистоногое, тут же угнездившееся на «диванчике» рядом с Феей.

— Позвольте представить — мой отец, — повела клешнёй та.

Председатель был стар. Чешуйки его панциря изнашивались, вместо одной из клешней виднелся кибернетический протез. Вежливо привстав, он попытался сказать пару слов по-русски. Вышло непонятно.

— Простите папу, он только учится, — поспешила объяснить Фея. — Но уже всё понимает, а через пару недель заговорит не хуже меня.

— Пару недель? — опешил дядя Олег. — Не маловато ли?

Гоше страшно хотелось упомянуть про лингвистические способности гоблинов, но он промолчал.

— Ваш язык проще нашего, — извиняющимся тоном произнесла Фея. — Прошу, не обижайтесь.

— А вы-то когда успели? — поразился папа. — Вы же только проснулись.

— Я прошла курс интенсивного обучения, — пояснила Фея. — Прежде чем отключиться, Номос передал мне дела. Очень быстро, но тяжело и больно. Папа бы не выдержал.

Откинувшись на «стуле», дядя Олег замолчал. Разговор не клеился, но тут на помощь пришёл Грых.

— За что вы сражались? — спросил гоблин-механик. — Из-за чего встали на грань гибели? Ресурсы, территория, языки? Различные биологические подвиды?

— Чаще всего из-за полной ерунды. — Фея грустно пошевелилась. — Сначала не могли поделить ульи, затем города, планету, а после и Солнечную систему. Мы постоянно дробились и враждовали, доведя свой мир до катастрофы. Этот город — последнее, что осталось от нашей цивилизации.

— Что с остальными? — хрипло уточнил папа. — Уничтожены?

— Часть — да, — подтвердила Фея. — Но большинство опустели сами. Войны нарушили экологический баланс, запустив процесс изменения атмосферы. Оазисы начали погибать, а без них невозможно выращивать пищу. Да и дышать последнее время всё труднее.

— Оазисы — это там, где растения? — встрял дядя Олег. — И кипящие озёра?

— Именно, — «кивнула» клешнёй Фея. — Номос берёт их как мог, но и он не справился. Скоро нам будет нечем кормить детей. Впрочем, они почти не рождаются.

— Мы же видели ваш инкубатор, — удивилась мама. — Такой яйцекладке можно только позавидовать.

— Большинство из яиц бесплодны, — грустно ответила Фея. — Скорее всего, это связано с изменившейся атмосферой.

— А как же Город? — быстро спросил Гоша. — У вас ведь рождались дети.

— Нечасто, — пояснила Фея. — Анабиоз увеличил продолжительность жизни, многие из деток различались по возрасту на десятилетия.

— Подождите, но есть же терраформирование, — вспомнил дядя Олег. — На худой конец, искусственные поселения. Что мешало перенести центр жизни на любую из планет? С вашими-то технологиями?

— Это не так просто, — возразила Фея. — Калисто — поистине уникальная среда, воссоздать её на другой планете весьма нелегко. Людям трудно это понять, вы сформировались в более высокой гравитации и дышите кислородом, который легко извлечь из углекислоты,

встречающейся почти повсеместно. Хлор — другое дело. А что касается искусственных поселений — кому хочется провести жизнь в бункере, пусть и комфортном?

— Никому, — протянул дядя Олег. — Но тогда вам требуется новый дом.

— Требуется, — шевельнула клешней Фея. — Но к сожалению, до него не добраться. Теперь — не добраться.

— Почему? — Гоше стало невероятно жаль несчастных «креветок». — Почему «теперь»?

— Не стоит нас жалеть, — отрезала Фея. — Будь у Номоса хоть один шанс, он отнял бы у вас Землю не задумываясь. Да и мои предки были не лучше. Вас спасло лишь то, что по пригодности к колонизации Земля для нас — как Венера для вас. Поэтому нет, мы не заслуживаем сочувствия.

— А мне кажется, вы изменились, — тихо сказала Юля. — И раскаиваетесь вполне искренне. Разве не достаточно, чтобы пожалеть?

— Не думаю, — хрустнув чешуйками, возразила Фея. — Мы безнадежны, и научились понимать друг друга, лишь оказавшись в Городе. Да и то потому, что там не было рас и языков, ведь Номос взял перевод смыслов на себя. Кстати, именно благодаря этому Гоша смог общаться с нами. Он видел нас пчёлами, а мы его — одним из нас, пусть и немножечко странным.

Гоша вспомнил, как Председатель смотрел на него тогда, в Посёлке. С прищуром, будто силился разглядеть. А он, значит, быстро определился. Наложив на Старших увиденные в мультиках образы.

— Каждый заслуживает сочувствия, — упрямо возразила Юля. — Особенно если раскаялся. Вы махнули на себя рукой, думая, что никогда не изменитесь. Это не так. Ваши предки и говорить бы с нами не стали!

Фея молчала, задумчиво поводя чуткими волосинками. Председатель что-то прощёлкал.

— Вам надо попросить, — настаивала девочка. — Прощения и помощи. Вот и всё.

— Простите нас. — Хрустнув сочленениями, Фея изогнулась в сторону гоблинов. — Мы в ответе за Номоса, и сами вели бы себя не лучше. И вы, — обернулась она к людям, — тоже простите. За то, что использовали, подставив под удар. Это недостойно и подло.

— Пррхсоеднсс, — мучительно выдавил Председатель, от натуги привстав на ложе. — Пррхстте.

— Мы прощаем, — широко улыбнулся Хнуп. — И не держим зла. Готовы помочь чем можем.

Бока Феи и Председателя затрепетали. Из расширившихся «жабр» на пол пролился маленький водопад. Они что, плачут?

— От имени Полигона предлагаю перемирие, — негромко произнёс дядя Олег. — Думаю, противников среди наших не найдётся. Также готовы оказать посильную помощь. Но при одном условии.

— Говорите, — прошелестела Фея. — Любые условия.

— Они просты, — улыбнулся дядя Олег. — Расскажите, наконец, что это за кубики. А то мы с полковником уже извелись.

— Когда Номос захватил власть, первое, что он сделал — лишил нас памяти, — принялась рассказывать Фея. — Это требовалось для предотвращения возможного мятежа и одновременно — как анестезия от тоски по погибающему миру. К сожалению, это лишило нас воли к жизни, поставив на грань вымирания. Осознав это, Номос переложил на нас часть вычислений, заставив наши умы постоянно работать, одновременно экономя ресурсы Кристалла. Этот

жестокий, но эффективный метод продлил наше существование на тысячи лет. Разумеется, не все смогли выдержать подобное.

Гоша молчал, представляя чудовищную картину. Бесплотная, безрадостная, без конца и края жизнь. Единственное развлечение — постоянные «домашние задания», полученные от бездушной железки. Разве так можно?!

— А кого тогда мы видели на Земле? — подался вперёд папа. — Что за туманность Андромеды?

— Управляемые дистанционно нано-проекции, — ответила Фея. — Каждая состоит из мириадов микроскопических роботов. Работающих вместе, чтобы создать необходимую иллюзию.

— А телепатия? — уточнил дядя Олег. — Вы тоже так можете?

— Ничего мистического. — Фея поёрзала на «диванчике». — Проекция излучают электромагнитные сигналы, имитирующие мозговые волны. По сути, они подключаются к сознанию, внедряя в него мысли и образы. И нет, от природы мы так не умеем.

— Подождите, — вскинулся Гоша. — А отражения? Они ведь управлялись кем-то из вас. Кем-то, похожим на меня и Юльку!

— И на меня, — добавил дядя Олег. — Кстати, почему командный состав Полигона не «прошили» двойниками?

— Такой план был, — подтвердила Фея. — Но от него отказались из-за нехватки ресурсов. Подобрать схожего по психике оператора трудно, к тому же его надо постоянно контролировать. В конечном счёте Номос сделал ставку на проекции, придерживав отражения для крайних нужд.

— А где они сейчас? — еле слышно спросила Юля. — Можно с ними увидеться?

— К сожалению, нет, — расстроила Фея. — После инцидента с Гошей все операторы были законсервированы, как бы помещены в искусственную кому. А после отключения Кристалла погибли окончательно.

В глазах предательски намокло. Не сейчас, только не перед всеми! Хорош посол человечества, нечего сказать!

— Я хочу их увидеть, — шмыгнув носом, попросил мальчик. — Я должен, понимаете?

— Я распорядюсь, — удивилась Фея. — Конечно.

Спустя какое-то время внутрь вкатили капсулы с останками. Подойдя поближе, Гоша уткнулся забралом в прозрачный металл. Рядом молчаливо застыла Юлька.

Смотреть, собственно, было не на что. От покойных осталась лишь хитиновая оболочка, густо напичканная чем-то металлическим. Размеры останков позволяли догадаться, что «двойники» были младше Феи с Председателем. Что были детьми или подростками.

— Кто из них я? — глухо уточнил мальчик.

— Ты смотришь на него, — прошуршала Фея. — У тебя хорошая интуиция.

Мир, дрогнув, пролился слезами. Тихо пикнув, костюм принялся собирать неучтённую влагу.

— Не плачь, мой хороший. — Никого не стесняясь, мама прижала сына к себе, ласково поглаживая его по шлему. Увидев, что Юлька еле сдерживается, она торопливо обняла её.

Забыв о приличиях, Гоша рыдал в три ручья. Он вдруг понял, *насколько* ему не хватало мамы всё это время. *Насколько* хотелось прижаться к кому-то родному, дав волю погребённому внутри горю.

— Он... он... — захлёбываясь, силится объяснить Гоша. — Он не хотел, понимаете? Его Номос заставил, заморочил... голову-у-у-у...

— Они хорошие, — вторила, тихонько плача, Юля. — Выполняли долг.. как могли, как понимали.. Они ведь друг друга... друг друга...

Недоговорив, она зарылась в мамин бок, жалобно поскуливая. Не выдержав душераздирающей сцены, Хнуп молча уткнулся в Гошину руку, грустно прижав к голове острые ушки.

— Мы можем помочь, — сказал Брух, когда все немного успокоились.

— Как? — Гоша грустно улыбнулся, пытаясь вытереть набухшие глаза. — Только не говорите, что можете их воскресить.

— Воскресить — нет, — серьёзно ответил гоблин. — Но можно попробовать кое-что другое. Уважаемая Фея, у вас не найдётся... — скорчив от напряжения забавную рожицу, Брух издал серию щелчков и гортанного клекотания.

Опешившая Фея быстро прошипела что-то в ответ.

— Нет, проекции не подойдут, — покачал головой Брух. — Машины мертвы, да и мы с ними порвали. Тогда, может быть...

Он снова защёлкал, идеально копируя язык Старших.

— Такое есть. — Вспомнив о гостях, Фея переключилась на русский. — А вы разве говорите на нашем языке?

— Изучил, — пожал плечиками Брух, — пока шёл. Вокруг ведь только и делали, что говорили. Требовалось лишь немного прислушаться.

— О-бал-деть, — выдохнул дядя Олег. — Вы что же, все такие вундеркинды?

— Ничего особенного, — скромно потупился гоблин. — Главное — войти в *крух*, в концентрацию. И дело сразу пойдёт.

Диафрагма входа снова разъехалась, пропуская катящих очередную «колбу» Старших. Внутри контейнера пенилось и побулькивало.

— То, что надо, — обрадовался Брух, привстав на цыпочки. — Думаю, всё получится.

— Да что получится-то? — поразился Гоша. — Что это за штуковина?

— Скоро поймёшь, — промурлыкал гоблин, щурясь на испещряющие нижнюю часть «колбы» панельки. — Для начала надо немного разогреть. Холодно у вас, на Земле и то теплее.

— Я бы попросил, — обиделся дядя Олег, но Брух уже погрузился в процесс, забыв обо всём.

— Как же оно... — лихорадочно бормотал он. — А, ну конечно! — воскликнув, гоблин прижал к одной из панелек лапку.

— Вибрационный интерфейс, — важно пояснил Грых. — Приходилось видеть.

— Может, вам помочь? — забеспокоилась Фея.

— Не стоит, я всё понял, — остановил Брух, ощупывая вибрирующие «экраны».

— Ты что, и в письменности уже разобрался?! — не веря ушам, уточнил дядя Олег.

— Это не письменность, — отмахнулся гоблин. — Письменность сложнее. А тут просто, одни символы.

— Просто ему, — буркнул Джонсон. — Куда уж проще!

Разобравшись с управлением, Брух принялся колдовать над содержимым контейнера. В результате его манипуляций масса вспенилась и забулькала.

— Гоша, Юля, подойдите, — не поворачиваясь, распорядился гоблин. Недоумённо переглянувшись, дети осторожно приблизились к «колбе».

— Готово! — Повернувшись к ребятам, Брух крепко схватил их за руки. — Теперь расслабьтесь и ни о чём не думайте.

— Не бойтесь, — встав рядом, улыбнулся Грых. — Процесс несколько необычен.

— Если надо, я могу помочь, — с готовностью вызвался Гоша.

— Не вздумай, — строго отрезал Грых. — Ты и так чуть не надорвался. Запомни: одних способностей для *уцк* недостаточно. Нужно учиться, тренироваться. Иначе всё закончится весьма плачевно.

— Хорошо, — вздохнул Гоша. — Я понимаю.

— Тогда стой смирно и не мешай, — кивнул пожилой гоблин. — Иногда лучшая помощь — это просто не мешать.

В сознание ворвался тёплый ветерок, взвихривший в памяти случившееся в Городе. Пески, небоскрёбы, не-Гоша и не-Юля. Скоротечные бои и короткие, полные яростных эмоций перепалки. К чему это теперь? Зачем?

— Отлично, превосходно, — бормотал всё больше напоминавший сумасшедшего учёного Брух. — Ещё надо подправить биохимию. Не кислородом же им дышать!

Бормоча словно Голлум, он полностью погрузился в себя, лихорадочно мельтеша лапками над сенсорами. Прекратив булькать, масса оформилась, приобретая очертания человеческих фигур. Детских фигур, подозрительно похожих на...

— Это что, мы? — ахнула Юля.

— Вы, вы, — весело кивнул Брух. — Точнее, ваши двойники.

— Но вы же сказали, что не можете их воскресить! — воскликнул Гоша.

— Воскресить не может никто, — спокойно заметил Брух. — Зато можно клонировать, используя добытую из ваших голов матрицу. Они — это вы, забыли? Точнее, часть вас.

— Мать честная, пресвятые угодники, — бормотал папа, переглядываясь с обомлевшим дядей Олегом. — Да что ж это делается?

Процесс тем временем подходил к концу. Глубоко вдохнув, отражения распахнули глаза.

— Одежда, им нужна одежда, — засуетился гоблин-биолог. Сорвавшись с ложа, Фея вытянула из стены лоснящийся, тягучий кусок. Её грудь распахнулась, щупальца и клешни заходили ходуном, кромсая и плетя диковинный материал словно паутину.

— Подойдёт? — прошипела она, протягивая подобие балахонов.

— Премного благодарен, — кивнул Брух, помогая не-Юле сесть. — Ну что вы уставились, она же голая!

Присутствующие торопливо отвернулись. Немного погодя Брух известил, что можно смотреть.

Взору предстали босые, покрытые слизью отражения. Недоверчиво оглядев присутствующих, не-Гоша загородил подругу и набычился.

— Вы кто? — мрачно спросил он. — Как мы здесь оказались?

— Спокойно, не нервничайте, — вскинул лапки Брух. — Всё придёт. Просто вы ещё не вспомнили.

— Ах, — простила не-Юля, хватаясь за виски и приседая. Кинувшись было к ней, не-Гоша вдруг заметил мальчика.

— Ты... — удивился он. — Ты меня убил! Я помню!

— Неправда. — Покачав головой, Гоша сделал шаг навстречу двойнику. — Тебя убил Номос. Утащил за собой.

Он прислушался к ощущениям. Там, где когда-то ютилось Отражение, было пусто и тихо. Двойник покинул сознание, обретя плоть и кровь. Честно научив всему, что знал.

— Не трогай его, — схватила друга не-Юля, видя, как сжимаются не-Гошины кулаки. — Мы живы только благодаря им.

Лицо не-Гоши исказила гримаса боли. Схватившись за виски, он отступил, уперевшись лопатками в пустой контейнер. Его растерянный, слегка безумный взгляд упал на стоящую чуть поодаль «колбу» с останками.

— Что же это получается? — беспомощно спросил он. — Я умер, но жив? Или жив, но не я? А кто тогда я? И кто — он?

— Какая разница? — прижавшись лицом к прозрачному «гробу», тихо спросила не-Юля. — Главное, что мы живы. Живы, понимаешь?

Наблюдавшая за происходящим Юля громко шмыгнула, торопливо отвернувшись к маме.

— Я понял, — сдержанно кивнул не-Гоша. — Мы в неоплатном долгу. Просите чего хотите. Наша жизнь в ваших руках.

— Жизнь не товар и не может быть в чьих-то руках, — строго возразил Брух. — Мы поступили так, как подсказывала совесть. Советую и вам руководствоваться ей.

— Простите нас. — Подойдя к девочке, не-Юля положила ладонь на забрало. — Вы не представляете...

По её щеке скатилась крупная вязкая слеза. Отчаянно всхлипнув, Юлька крепко стиснула Отражение в объятиях.

— Будьте счастливы, — выдохнула она. — Жизнь — это здорово. Когда я заболела, думала: всё, конец. А меня спасли, и я тебя спасла. Потому что мы люди. Потому что люди — спасают!

— Спасибо... — протянул руку не-Гоша. — Даже не знаю, как к тебе обращаться.

— Будем считать, что ты мой брат. — улыбнулся мальчик. — Брат-близнец.

— Почему бы и нет? — в свою очередь улыбнулся не-Гоша. — До сих пор не пойму, как ты меня простил. Я бы не смог.

— Смог бы, — серьёзно ответил Гоша. — Прощать трудно, но надо. Иначе это не жизнь.

— И что нам делать? — уточнил «брат». — Идей никаких. Я ведь как-никак только из роддома.

— Ваша жизнь — в ваших руках, — улыбнулся Грых. — Но если позволите, могу предложить стать послами Земли на Каллисто.

— Чего-о? — вскинул брови не-Гоша. — Не, я в этом не разбираюсь.

— Подумайте, — настаивал Грых. — Вы — связующее звено между вашими видами. Как ни крути, а судьбы человечества и Старших переплетены. И этот непростой клубок придётся распутывать. Особенно во время переселения.

— Какого переселения? — не понял двойник.

— Старших, естественно, — подхватил Брух. — Если Каллисто умирает, надо найти для них новый дом. И мы его найдём.

— Вы шутите? — осведомилась Фея. — Если да, то не надо.

— Никаких шуток, — повернулся к ней Брух. — Мы пришли помочь, и мы поможем.

— Мне кажется, вы не понимаете, — возбуждённо прощёлкала «креветка». — Мы пытались покинуть Солнечную столетиями. А теперь уже слишком поздно.

— Ничего не поздно, — возразил Грых. — Прямо сейчас и начнём. Брух, коллега, помнится, мы что-то видели пару лет назад.

— Кажется, припоминаю, — просиял тот. — Давайте-ка взглянем вместе.

Раздвинув ткань пространства, перед ними повис небольшой портал. По стенам запрыгали отблески света далёких звёзд.

— Не то — поморщился Брух. — Ближе к Земле.

Кивнув, Грых повёл когтистым пальцем. Дрогнув, созвездие, словно на экране смартфона, съехало влево и пропало.

— Может быть, здесь? — задумался Грых, переключая портал на новые координаты.

— Похоже, но нет, — покачал головой Брух. — Вы позволите?

Мигнув, в портале проступила странная картина. Два закованных в силовую броню человека выглядывали из зева пещеры, всматриваясь в происходящее внизу. Рядом грозно возвышалось несколько турельных установок. Присмотревшись, Гоша заметил на металлических плечах красные звёзды.

— Товарищ директор... Товарищ директор! — раздался голос. — Сто Третий вызывает Нулевого. Ответьте, Нулевой!

— На наши похожи, — кивнул на броню дядя Олег. — А кто это?

— Служба безопасности Марса — беззаботно пояснил Брух. — Это будущее. Далёкое. И не ваше.

Картинка померкла. Вместо неё проступил...

— Элеватор! — ахнул Гоша, вспомнив увиденную в энциклопедии Сталинградской битвы фотографию. — Волгоградский, ну точно!

Тяжело гудя, в воздухе что-то промчалось. Небольшой, идущий на бреющем самолётик впился в бок возвышающегося над городом строения. Грохнул взрыв, всюду разлетелись куски бетона. Послышались крики. К месту попадания, голоса сиренами, стягивались машины скорой помощи. Следом в сизом дыму проехало несколько потрёпанных бронетранспортёров.

— Крылатая ракета? — вскочил дядя Олег. — Это что, на Земле? Сейчас?!

— Непохоже, — протянул, цепко рассматривая происходящее, папа. — Старенькое всё, ещё советское. Кажись, начало девяностых.

— Прошу простить. — Гоше показалось, что Брух хитро улыбнулся, словно демонстрация чужой реальности была неслучайна. — Это тоже не из вашей ветки, из другой.

— Не будем нервировать местных стражей порядка, — толкнул его в бок Грых. — «Точке» не нравится, когда кто-то шарит по временным линиям.

Гоша недоумевал. Какая «Точка»? Что за восстание? И кто посмел среди бела дня ударить ракетой по элеватору?

Пространственная трещина погасла. Переглянувшись, гоблины зашептались.

— Вспомнил! — хлопнул себя по лбу Грых. — Эх, старость не радость!

Портал вновь замерцал, быстро сменяя виды. Замедлив бег, замер, демонстрируя огромную ледяную каверну.

— Прямо как на Каллисто, — затрепетала усиками Фея. — Похоже невероятно.

— И не только внешне, — важно кивнул Брух. — Гравитация, состав атмосферы — всё один в один. Желаете убедиться?

Вокруг засвистело, словно лопнула невидимая, разделяющая два мира мембрана.

— Хлор! — радостно сообщила, вытянувшись в струнку, «креветка». — И какой свежий!

Трепетание её боков замедлилось. Похоже, ей стало значительно легче дышать.

— Я поставлю барьер для атмосферных газов, — извиняющимся тоном сказал Грых. — Чтобы не смешивать. Всё прочее может проходить без труда.

— Как далеко эта планета? — повела клешнями Фея.

— Примерно 5000 световых, — пожал плечами гоблин. — Недалеко. По нашим меркам.

— Как долго будет открыт портал? — спросил через дочку Председатель. — Нам понадобится время, чтобы всё организовать.

— Портал открыт навсегда, — успокоил Брух. — Изменённое пространство не требует на поддержание никаких усилий.

— Не знаю, как просить, но всё же решусь. — Фея повернулась к дяде Олегу безглазой мордой. — Вы позволите иногда возвращаться на Каллисто? Разумеется, по предварительной договорённости.

— В принципе, не жалко, — протянул дядя Олег. — Один вопрос — зачем? Что у вас тут осталось?

— Вы остались, — тихо ответила Фея. — Наше творение, наша ответственность. Наша боль и надежда. Вы злы на нас, и поделом. Но поверьте, нам есть что рассказать людям. А если не сможем научить, то хотя бы послужим дурным примером.

Обдумывая услышанное, капитан «Дракона» помолчал.

— Вопрос будет обсуждаться всем Полигоном, — промолвил, наконец, он. — Но лично я на вашей стороне. Мы не должны опускаться до мести.

— Вам есть над чем поразмыслить, — продолжил Грых. — Новый дом ждёт вас, но шагнуть дальше вы не сможете, и хитрые технологии тут не помогут. Развитие — это не только технический прогресс. Пока вы не осознаете этой истины, к звёздам вас не пустят.

— Кто не пустит? — умоляюще привстала на ложе Фея. — Скажите хотя бы это!

— Увы, до этого нужно дорасти, — развёл лапками гоблин. — Вы искали не там, искали вовне. Пора приступить к настоящей, самой сложной работе. Менять не мир, а себя самих. А это вам поможет. — Порывшись в карманах, он осторожно подвесил на выступающий из тела Феи шип кристаллик. Помедлив, словно принаравливаясь к новому хозяину, *р`рих* тихонько замерцал нежным голубоватым светом.

— У вас не найдётся ещё? — замерла, боясь повредить хрупкий подарок, Фея.

— А больше и не надо, — сверкнул острыми зубками гоблин. — Попробуйте поделиться им. К примеру, с вашим уважаемым отцом.

Повернувшись к Председателю, Фея тихонько прошипела. Соскочив с ложа, тот осторожно приблизился к дочке, прикоснувшись к кристаллику щупальцами. И случилось чудо!

Тихонько блеснув, *p'rix* раздвоился. Не зная, что делать, испуганный Председатель застыл как вкопанный.

— Смелее, надевайте! — подбодрил Брух. — Он точно такой же, уверяю вас.

Осторожно нацепив кристалл, Председатель что-то весело прошипел.

— Здорово, правда? — обрадовался Грых. — Теперь вы слышите её, а она — вас. Слышать других, не утратив себя — это и есть настоящее единство. Но не обольщайтесь, вам многое предстоит сделать. Пожалуй, мы задержимся тут ненадолго. Вы не против?

Гневно защёлкав, Старшие выразили негодование самой постановкой вопроса.

— Кажется, я понимаю, — протянул дядя Олег, оглядывая гоблинов. — Вы не учёные, вы своего рода миротворцы. Объединяете планеты и народы, несёте мир и знания. Спаслись сами и спасаете других.

— Можно сказать и так, — уклончиво ответил Грых. — Но мир нельзя принести насильно. Старшие готовы слушать и слышать. Иначе Путь не привёл бы нас сюда.

— А нам можно? — затаив дыхание, спросил Гоша. — Я хочу узнать про *уцк*. И хочу, чтобы люди тоже жили в мире.

— Вообще-то, вам рановато, — задумался Брух. — Вы ещё не прочувствовали всего. Ещё не поняли, куда ведёт кривая тропка бесконтрольного развития.

— А я не согласна, — вступилась мама. — Вы говорите, вас сюда привёл Путь. А вы не думали, что он привёл вас не только к Старшим? Что люди тоже нуждаются в помощи, тем более что вы сами говорили о наших переплетённых судьбах?

— Возможно, вы правы, — кивнул, подумав, Грых. — Возможно, с человечеством стоит попробовать иначе. Даже лучше — иначе, не доводя. Если, конечно, Полигон разрешит.

— Вам разве запретишь. — Притянув Гошу к себе, дядя Олег повозил по плечу мальчика ладонью, будто пытаясь взъерошить другу вихры. — Впрочем, этот вопрос мы тоже вынесем на обсуждение.

Глава 14 — Мальчик и гоблин

— Что, Георгий? Страшновато? — похлопал по плечу дядя Олег. — Мне тоже сначала не по себе было. Я ведь сюда ещё в учебке загремел. Эх, намесили мы тут с мужиками барханов! Вернёшься, помнится, в казарму, думаешь только о том, как скафандр снять и помыться. А тут, само собой, Людвиг. «Пойтём, — говорит, — на марсохотт охотийтс». Ну какой же курсант откажется? Влетело нам от инструктора будь здоров. «Смотрите, — говорит, — любуйтесь». И тут же видео с Земли включает, где на фотографии наши силуэты героические запечатлены. Чуть из Полигона не вылетели, я потом на кухне месяц картошку чистил, для чего там всю автоматику отключили. Весёлые были времена!

Гоша молчал, глядя на проплывающую внизу Красную планету. Он хорошо помнил тот репортаж по Рен-ТВ, и фотографию с видневшимся человеческим силуэтом — тоже. Интересно, кого «щёлкнула» автоматика, дядю Олега или Людвига? А может, их обоих? Кажется, за дальним валуном на снимке виднелся кто-то ещё.

— Кто бы мог подумать... — Дядя Олег замолчал, переведя взгляд вверх. Туда, где на высокой орбите висел потрёпанный метеоритами корабль расы, окрещённой Полигоном «осьминогами».

— Год назад мы бы их растерзали. — Дядя Олег задумчиво потёр щетину. — Наверняка потеряв кого-то из наших. Может, Тамару, или, Людвига, или Чжао. Хорошие люди могли погибнуть зря. Добившись лишь умножения ненависти.

Гоша рассматривал причудливые изгибы межзвёздного странника. Почему те, о ком говорили гоблины, всё же позволяют обычные перелёты? Не хотят лишать последнего шанса? Или наоборот — силятся что-то донести? Умирая от любопытства, он не раз пытал гоблинов вопросами, но те лишь отмалчивались. Похоже, этот секрет они унесут с собой. Туда, куда уведёт загадочный Путь.

— Видишь, там? — Подняв палец, дядя Олег указал на окружившую корабль гостей стайку треугольников. — Готовятся к стыковке. Прежде бы к штурму готовились, а сейчас доставляют продовольствие и медикаменты. Ну и врачей, само собой. Они ведь, представляешь, — его голос дрогнул, — книги с собой притащили. И картины. Кто-то от голода загнулся, потому что пришлось поступиться запасами. Кого-то оставили на верную гибель. И всё равно тащили частичку родного дома. Раньше бы я не понял. Раньше бы я всё вдребезги разнёс. А теперь вот думаю, скольких ещё бедолаг распылил по Солнечной тонким слоем.

— Вы же не знали, — нахмурилась Юлия. — И потом, не все, кто летит к Земле, дружелюбны. Поэтому вы не виноваты. Даже не думайте.

— Виноват, не виноват, — грустно отмахнулся дядя Олег. — Какая теперь разница? Но ты права, не все из вновь прибывших готовы просить. Это тяжело, для многих — унижительно. Гораздо проще взять.

— Тогда, возможно, стоит предупреждать, чтобы не совались. — Подойдя к компании, папа уважительно оглядел происходящее на орбите. — Сигнал послать, кордоны расставить. Но тут уж как повезёт. Можно нарваться на таких, кто эти предупреждения использует против нас и хорошо подготовится. Сейчас, по крайней мере, на нашей стороне фактор внезапности. Подлетают они к Земле, а мы их р-раз! — Папа сделал в воздухе хватающий жест и улыбнулся.

— Кровожадный ты человек, полковник, — хмыкнул дядя Олег. — За тобой глаз да глаз нужен.

— Теперь уже не нужен. — Продолжая улыбаться, папа покачал головой. — Полигон ведь собирается выйти из тени.

— Насчёт совсем выйти — это вряд ли. — Дядя Олег посерьёзnel. — Представь, какой шорох поднимется на поверхности. Тут требуется проработка, и обстоятельная. Аналитики уже занимаются, скоро на стол лягут первые предложения. Скажи лучше, не хочет ли твой отряд влиться в наши ряды? Я понимаю, после «Седьмой» всё забудется не сразу, но общее дело, как известно, сплачивает. Такие ребята на дороге не валяются, да и ты мне бы ух, как пригодился. Ты ведь поначалу в лёгчики хотел? Вот тебе шанс исполнить заветную мечту.

— Ну вы даёте, товарищ капитан, — уважительно присвистнул папа. — Виноват, товарищ адмирал флота. Называется, «без меня меня женили». Как же вы собираетесь оформить перевод подразделения под ваше чуткое руководство? Сдаётся мне, что Минобороны не примет заявку от неизвестно кого. Даже если они подвесили суборбитальную крепость прямёхонько над Кремлём.

— Не волнуйся, Москву ради тебя бомбить не станем, — парировал дядя Олег. — Ты не поверишь, кого и откуда мы можем достать в случае необходимости. С целым отрядом, конечно, сложнее, но ты не обнадёживайся. И жди предложения, от которого не сможешь отказаться.

Увидев, что папа нехорошо молчит, он сбавил тон:

— Отставить так напрягаться, товарищ Самохин. Никто никого силой не тащит, чай не рабовладельческий строй. Хотя, строго говоря, — дядя Олег хитро подмигнул детям, — формально ты всё ещё часть моего экипажа.

— Польщён, конечно, предложением, — протянул папа, — но обещать ничего не могу. Я стране присягу давал, а у неё и помимо вас забот хватает.

— Хозяин — барин, — примирительно кивнул дядя Олег. — Я ведь тоже так рассуждал. Только, как ни крути, а планета важнее. И потом, где ты такую технику увидишь? Любопытно, поди, на Каллисто вернуться?

— Какой же вы змей, товарищ Елатомцев, — хохотнул папа. — Откажусь — меня свои же съедят. И будут правы.

— Тут от меня сочувствия не жди, — усмехнулся дядя Олег. — За самим весь «Чжуфэн» гоняется после того, как я у них капитана забрал. А что делать? Не на «Сигму» же, в самом деле, опираться? Зато теперь товарищ Чжао у нас вице-адмирал.

— И что будет с вашим элитным отрядом? — поинтересовался папа, и Гоша тут же наострил ушки. — Надеюсь, арестованы и сосланы в Сибирь?

— Увы, всё не так просто, — нахмурился дядя Олег. — Арестовывать их не за что — они выполняли приказ, пусть и преступный. И потом, «Сигма» — герои, первыми шедшие в самое пекло. Поэтому общим решением Полигона они отправлены в отставку. Без права обжалования.

— Плохо. — Папа задумчиво побарабанил по смотровому окну. — Что, если опять возьмутся за старое?

— «Сигме» нет смысла покушаться на детей, — возразил дядя Олег. — Этим они ничего не добьются, кроме суровой кары.

— Даже Оленьке? — прищурился папа. — Как бы мадемуазель не пошла на принцип, уж больно норов у неё лютый.

— Оленька — профессионал до мозга костей, — покачал головой дядя Олег. — И очень хорошо владеет собой, несмотря на дикую целеустремлённость. Без приказа она действовать не будет, тем более что её предупредили о последствиях и не стали деактивировать маячок. В любом случае за детьми мы будем приглядывать. Даю слово.

— Свежо предание... — задумался папа. — Сдаётся мне, что с Оленькой мы ещё увидимся. Поэтому предлагаю сделку: я вступаю в Полигон в обмен на контроль за перемещениями членов «Сигмы». Насчёт своего отряда не скажу, надо посоветоваться с парнями. Только чур оформлять без самодеятельности в виде автокатастроф и нападений хулиганов. Хватит.

— Согласен, — протянул руку дядя Олег. — Но у меня тоже есть пара условий. Во-первых, ты берёшь на себя родителей Юли. Её чудесное выздоровление надо как-то объяснить. А во-вторых, мне понадобится помощь Георгия в одном важном деле.

— Вы всё поняли? — напряжённо уточнил дядя Олег. — Дело нешуточное.

Ребята кивнули. Дело и вправду было непростым. И очень ответственным.

— Молодси, — похвалила сидящая рядом Чжао. — Настоящие солдаты!

— Ну, с богом, — кивнул дядя Олег. — Работаем, девочки!

Распахнув дверь машины, Гоша, Юля и тётя Мэй, как попросила называть себя вице-адмирал, вышли на тротуар. Очень оживлённый тротуар, расположенный возле выхода из метро.

— Время. — Чжао сосредоточенно глянула на часы. — Уже скоро.

— Вы такая красивая, — восхитилась Юля. — Вам очень идёт.

— Спасибо, — кивнула, улыбнувшись, тётя Мэй. Она и правда выглядела здорово: нарядное платье, красивая причёска, высокие каблуки. Больше всего Гоше нравились изящные серебряные серёжки и тонкий, восточный аромат духов. Каждой женщине хочется хоть иногда побыть красивой. Это ещё папа говорил.

— Идёт, — бросила Чжао, не сводя взгляда с поднимающейся по ступенькам толпы. Она подобралась и напряжилась, будто готовясь броситься в атаку. Сквозь наряд и макияж выглянул опытный и собранный капитан «Урагана». В переводе с китайского «Чжунфэн» означает именно это.

— Пошли, — важно кивнула Юля, увлекая за собой друга. — Александра Вениаминовна, здравствуйте! А мы к вам.

Идущая куда-то пожилая женщина остановилась, недоумённо глядя на детей.

— Здравствуй, девочка, — чуть дребезжащим голосом произнесла она. — Ты, наверное, ошиблась?

— Мы не ошиблись, — присоединился к разговору Гоша. — Мы к вам. По поводу вашего сына.

— Ничего не понимаю... — Женщина растерянно оглянулась, словно ища кого-то в толпе. — Мой сын давно погиб. Нехорошо так шутить, внучек. Не по-людски.

— Они не шутят. — Увидев, что контакт установлен, Мэй Чжао быстро подошла, часто цокая каблучками. — Пойдёмте с нами. Позалуйста.

— Пойдёмте. — Присутствие детей придало Александре Вениаминовне уверенности. Да и кто будет похищать среди бела дня одинокую пенсионерку?

Подойдя к машине, она недоверчиво оглядела тонированные окна огромного внедорожника.

— Вы точно не бандиты? — с беспомощной покорностью уточнила она. — У меня и брать-то нечего.

— Не беспокойтесь, — обаятельно улыбнулась Чжао. — Мы вовсе не бандиты.

Снова глянув на ребят, женщина, решившись, потянула на себя ручку.

— Это что же, — ахнула она, увидев сидящего внутри. — Это...

Недоговорив, она схватилась за сердце и принялась оседать.

— Внутри её, быстро! — скомандовал дядя Олег, лихорадочно роясь в аптечке.

Подхватив женщину, хрупкая с виду Чжао одним движением затащила её в салон, тут же заскакывая следом.

— Разрешите. — Выхватив у дяди Олега аптечку, она сосредоточенно извлекла небольшую коробочку и принялась водить ей возле Александры Вениаминовны.

— Сердце в порядке, — кивнула она. — Просто обморок.

Достав тубик нашатыря, вице-адмирал поводила им у женщины под носом. Сморщившись и вздохнув, та медленно открыла глаза.

— Олежек, — прошептала она.

— Здравствуй, мама, — выдавил бледный как полотно дядя Олег. — Я жив. Так было на...

Недослушав, зарывавшая Александра Вениаминовна обняла его, повиснув у дяди Олега на груди.

— Олежек, — горячо шептала она, словно боясь, что сын снова исчезнет. — Олежек, миленький. Живой!

— Пойдёмте, дети, — скомандовала тётя Мэй, распахивая тяжёлую дверь. — Быстро!

Соскочив с выехавшей из-под днища подножки, Гоша оглянулся. Крепко прижав к себе маму, дядя Олег смотрел вслед мальчику покрасневшими, подозрительно заблестевшими глазами.

Они сидели на маленькой кухоньке самой обычной квартиры на окраине Москвы. С трудом верилось, что когда-то здесь жил совсем ещё маленький дядя Олег. Пил из щербатого блюдца чай с плюшками, смотрел по старенькому телевизору «Спокойной ночи, малыши» и ойкал, когда ему мазали зелёной разодранные коленки.

— Здравствуй, батя, — сняв со стены чёрно-белую фотографию, дядя Олег грустно всмотрелся в портрет отца. — Прости, если можешь. Я не в себе был, понимаешь? Хотел как лучше, о человечестве беспокоился. На этом Номос меня и подловил.

— Что за Номос, Олежек? — Разлив по чашкам дымящийся чай, мама хлопотала за плитой. Гоша заметил, что она исподволь посматривает за сына, словно не веря в реальность происходящего.

— Это по работе, мам, — махнул дядя Олег. — Сама-то как? Сердце не шалит?

— Лучше всех, — повернувшись к гостям, Александра Вениаминовна старательно улыбнулась. — У меня сын живой. Разве плохо?

— Мозет быть, мы пойдём? — неловко поёрзав, поинтересовалась вице-адмирал. — Вам ведь надо поговорить.

— И не думайте! — гневно сдвинула брови хозяйка. — Друзья Олега — мои друзья. А скрывать мне нечего, и стыдиться тоже. Реветь как в машине больше не собираюсь. Да и нечем реветь, выплакала слёзы уже давно.

Дядя Олег горестно вздохнул, уставившись в пустую тарелку. Заметив это, мама повесила передник на крючок и присела рядом.

— Ни в чём себя не вини, слышишь? — строго сказала она. — И за отца не переживай, он бы понял. Не просто так тебя схоронили, и не просто так вернули. Знаю, что серьёзными делами мой сын занимался, а всё равно ведь — пришёл, когда смог.

По щеке дяди Олега скатилась крупная слеза. Вскочив, Александра Вениаминовна быстро вернулась к плите.

— Ты бы меня хоть познакомил, — перевела она тему. — Что за детки? Уж не твои ли? Хотя что я говорю, — частила она, ловко переворачивая котлеты деревянной лопаткой, — не до детей тебе было. А вот девушка у тебя — загляденье. Всегда знала, что на красавице женишься.

Юля хрюкнула, весело переглянувшись с Гошей. Зардевшаяся от неожиданного комплимента тётя Мэй смущённо поигрывала вилкой.

— Мама, да что ты такое говоришь? — вскинулся дядя Олег. — Мэй вовсе не моя невеста. Просто мы, э-э... сослуживцы, вот я и попросил немного меня поддержать. И детей подбил, чтобы с тобой разговор начали. Не подходит же к тебе самому на улице, и так в машине валерьянкой отпаивали.

— Сослуживица, говоришь? — Прищурившись, Александра Вениаминовна пристально посмотрела на тётю Мэй. Прищур был знаком до ужаса — дядя Олег глядел точно так же. — Ладно, как скажешь. Ну а детишки откуда? Тоже сослуживцы?

— Это Гоша и Юля, — представил дядя Олег. — Мои друзья. Настоящие люди растут, правильные. Не могу всё рассказать, но я здесь только благодаря им. Поэтому прошу любить и жаловать. И немножко закармливать пирожными, пока родители не видят.

— Чудеса, — опустившись на табуретку, женщина подпёрла кулаком щёку и ласково оглядела детей. — Ну, коли сын за вас поручился, то буду откармливать. Мэй, а вы откуда? — повернулась она к вице-адмиралу. — И не начинай! — подняла она брови на приготовившегося возражать сына. — Имею право спросить!

— Из Китая, из маленького города, — с готовностью откликнулась несостоявшаяся невеста. — Провинция Шэнси, — закончила она, причудливо, гортанно выговорив букву «Ш».

— Из Кита-ая, — протянула мама. — Как интересно! Ну, про службу не спрашиваю, это, понятно, под запретом. Скажите-ка лучше, вас тоже можно закармливать пирожными, или вы на диете?

Дядя Олег растерянно молчал. Он явно не мог представить вице-адмирала поедавшую пирожные. К счастью, Мэй Чжао не усмотрела в предложении ничего особенного.

— Конечно, можно, — лукаво улыбнувшись, кивнула она. — Только немного, иначе не влезу в ска... э-э... рабочую одежду.

Общение затянулось до позднего вечера. Ответственный дядя Олег несколько раз звонил родителям ребят, уверяя, что всё в порядке. Особенно свирепствовал папа, решивший, что сын отправился без спроса в опасную экспедицию. Он даже потребовал включить видеосвязь. Поздоровавшись с Александрой Вениаминовной и цепко, словно ища какой-то подвох, оглядев интерьер, он велел Гоше не задерживаться и отключился.

— Нам пора. — Хлопнув себя по коленям, дядя Олег решительно встал. — Мы пойдём, завтра куча дел.

— Конечно, конечно, — засуетилась, забормотала мама, снова бросаясь к плите. — Я тебе котлеток дам.

— Мам, ну зачем... — Дядя Олег осёкся под пристальным взглядом «тёти Мэй». Юлька успела окрестить такие взгляды «железобетонными».

— Спасибо, — кивнула вице-адмирал, принимая увесистый, вкусно пахнущий пакет. — Большое!

— Вы уж заходите, не пропадайте. — В словах Александры Вениаминовны сквозил тщательно скрываемый страх. Страх, что невесть как воскресший сын исчезнет, как и не было.

— Обязательно, — кивнула «невестка». — Олег, ты не мог бы дать маме свой номер?

Спохватившись, дядя Олег продиктовал заветные цифры. Не так давно он с гордостью рассказывал Гоше, что благодаря технологиям Старших может общаться по мобильнику из любой точки Солнечной системы.

— Записала, — кивнула Александра Вениаминовна. — Не бойся, отвлекать не собираюсь. Но ты уж звони, не забывай.

— Обязательно, — кивнул дядя Олег.

— Обязательно, — непререкаемым тоном подтвердила его заместитель.

— Ну всё, идите, — замахала руками Александра Вениаминовна. — Доброй ночи.

— И вам... — Чжао легонько охнула, когда женщина притянула её к себе и крепко, словно родную, обняла.

— До свидания, — улынулась она. — Надеюсь ещё не раз вас увидеть.

— Я тозе, — кивнула вице-адмирал. Как показалось Гоше, не просто из вежливости.

— Мы не прощаемся, — проникновенно посмотрел на маму дядя Олег. — Хватит с нас прощаний. И так одно намечается... по службе.

Поняв, о чём речь, дети загрустили. О предстоящем завтра думать не хотелось. О самом главном за их недолгую, но очень интересную жизнь, прощании.

— Сказка какая-то, — переглянувшись с Тamarой, протянул папа. — Будто детскую книжку читаешь.

Город гоблинов и вправду казался сказочным. Гоша с тоской оглядел домики, башенки и опустевшие кривые улочки. Как же здесь всё-таки красиво!

Жители города стояли сейчас вместе с ними на центральной площади возле памятника Гташу, куда был перенесён и портал. И тоже, как показалось Гоше, немножко грустили.

— Может, всё же останетесь? — обратился к Грыху дядя Олег.

— К сожалению, никак, — мягко ответил Грых. — Нам пора в Путь. Мы слышим Зов.

— Что ещё за зов? — спросила одетая в скафандр не-Юля. Отражения не могли дышать в земной атмосфере, но ни они, ни Старшие не пожелали даже слышать о том, чтобы остаться на Каллисто, не попрощавшись с друзьями.

— Не зов, а Зов! — многозначительно поправил Брух. — Трудно его описать. Просто мы знаем, когда пора в Путь.

— Это как-то связано с Теми-Кто-Не-Выпускает? — полюбопытствовал папа.

— Связано, — не стал отнекиваться гоблин. — Космос не мёртв, это иллюзия. Космос знает всё, и всё чувствует. Не стоит злиться, если родители не пускают за порог. Ведь это делается ради вас.

Последние слова были адресованы стоящим рядом Фее с Председателем, тоже закованным в причудливые скафандры. Старшие промолчали. Похоже, они и сами всё понимали.

— Прощай, Гоша. — улыбнувшись, Хнуп крепко прижался к мальчику. — И ты, Юля. Спасибо вам за всё. А особенно — за молоко-о!

— Да уж, — хмыкнул Гоша, вспомнив «Седьмую площадку». — Было бы за что.

— Неправда! — Казалось, Хнуп уловил колебания друга. — Ты очень рисковал ради тех, кого почти не знал.

— Я тебя никогда не забуду, Хнуп, — крепко обнял друга Гоша. — И тебя, Грых. И Бруха. И вас всех! — Он повернулся к вежливо внимающей ушастой толпе. — Вы... а, да что говорить!

— Ты, кажется, что-то забыл, — пихнула в бок Юля.

— Точно, — спохватился Гоша. — Я же стихи написал. На вашем, на гоблинском.

— Ты опять входил в крух? — Грых недовольно покачал головой. — Я же говорил, что это опасно.

— Не самостоятельно, — возразил Гоша. — Мне Валерий Кузьмич помог. Правда, Валерий Кузьмич?

— Правда, — улыбнулся старик, ободряюще приобняв его. — Мы вместе занимались, по скайпу. Пришлось даже телефон для такого прикупить, благо интернет в Телепино хороший.

— Тогда ладно, — смягчился гоблин. — Просто мы беспокоимся. Уцк нельзя постичь за день, это путь. Часть большого Пути, на который вам ещё предстоит встать. Впрочем, я отвлёкся. Просим! — вежливо кивнул он.

Откашлявшись, Гоша принялся гортанно декламировать. Стихи посвящались дружбе и надежде, а ещё миру. Миру между людьми, Старшими и всеми разумными существами, которым, если подумать, совершенно нечего делить. Несмотря на ошибки, гоблины слушали внимательно. Когда он закончил, на площади воцарилась тишина.

— Прекрасно, — выразил общее мнение Хнуп. — Мне очень понравилось! Здорово сказано про руку дружбы, протянутую всем, попавшим в беду. Как это верно. Жаль, что пока не все это понимают.

После выпавших на его долю передрыг Хнуп возмужал. Пройдя через спасение Юльки свою инициацию, он, как и дедушка, решил стать гоблином–механиком, и теперь прилежно постигал премудрости уцк.

— Поймут, — ласково погладил внука Грых. — Обязательно. И, поняв, помогут понять другим. Так заведено.

Заурчав как котёнок, Хнуп прижался к дедушке.

— Нам пора, — напомнил Брух. — Время уходит, мы и так засиделись.

— А твои родители, Хнуп? — спохватился Гоша. — Они ждут тебя?

— Они придут чуть позже, — улыбнулся гоблин. — Мы встретимся там, у «арайми».

— Арайми? — переспросила Юля.

— Так называются те, к кому мы идём, — пояснил Грых. — Они встали на грань гибели. Им срочно нужно помочь.

— Полигон готов содействовать, — нахмурился дядя Олег. — Всеми наличными средствами.

— Спасибо, мы справимся, — вежливо отказался Грых. — Не спешите. Когда придёт время, вы услышите Зов и не сможете не откликнуться.

— Как знаете, — переглянувшись с вице-адмиралом, улыбнулся дядя Олег. — Удачи с этими арайми. Надеюсь, они миролюбивее людей.

— Одну минутку, — прощёлкала, подползая, Фея. — Есть подарок.

В её скафандре распахнулся небольшой люк. С тихим жужжанием наружу выехал металлический поддон со стоящим на нём гелевым шариком. Внутри был замурован небольшой чёрный кустик.

— Это — ... — прощёлкала, волнуясь, Фея. — Саженец нашего растения. Возьмите, вдруг понадобится там. У, — новая серия щелчков, — много полезных свойств, он питателен и неприхотлив. Арайми, — она с трудом выговорила незнакомое название, постоянно срываясь на утробное стрекотание, — могут модифицировать под свои нужды, если, конечно, технологии позволят. А если нет, вы им поможете.

— Спасибо. — Прижав ушки, Брух бережно принял драгоценный подарок. — Это особенно ценно, учитывая, как мало этих растений осталось на Каллисто. Позвольте отблагодарить вас.

По рядам гоблинов прошло волнение — задние что-то передавали впереди стоящим. Отдав товарищам саженец, Брух, в свою очередь, принял от них блестящее семечко размером с огурец.

— Это вам, — слегка поклонился он, протягивая семечко Фее. — Споры наших грибов, адаптированные к вашей атмосфере и силе тяжести. Легко поддаются генной модификации, руководство по эксплуатации вшито в ДНК. Способны производить пищу, одежду, энергию...

— И молоко-о... — не выдержав, подсказал Хнуп.

— И, само собой, молоко, — улыбнулся Брух, — причём из самых базовых элементов, имеющихся на любой планете.

— Спсссбо, — прошипел Председатель, вежливо присев и сделав клешнями сложный жест. Фея присоединилась к отцу в своеобразном реверансе, рассыпаясь в словах благодарности от имени всего народа Каллисто.

— Не стоит, — смущённо отмахнулся Брух. — Это самое малое, что мы могли сделать.

Портал тихо засветился, соединяя бесконечно далёкие миры. Сквозь него проглянула жаркая пустыня, быстро сменившаяся на уютный полумрак очередной пещеры.

— Мама, папа! — пискнул Хнуп, увидев, что с той стороны их поджидает небольшая делегация. — Дедушка, они тут! Они успели раньше!

— ... — улыбаясь, гортанно произнёс папа Хнупа. Вежливо войдя, родители пристроились возле Грыха, не выпуская сына из объятий. Их кристаллики сияли, включаясь в местный коллективный разум. Гоша поёжился. Сейчас ему достанется.

— Папа говорит, что очень рад знакомству, — перевёл, радостно улыбаясь, Хнуп. — Не бойся, он тоже всё понимает.

— Приветствую вас. — Шагнув навстречу гостям, дядя Олег сделал странный жест — подняв ладонь, развёл буквой «V» средний и безымянные пальцы. — Живите долго и процветайте.

Переглянувшись, гоблины вежливо вскинули руки в ответном жесте. Спок, так делал Спок в «Звёздном пути»!

Вице-адмирал недовольно кашлянула. Опустив руку, дядя Олег расплылся в широкой, ребяческой улыбке.

— Прощу извинить за шутку, опыта общения маловато. Мы очень рады видеть вас здесь. Жаль, что вы ненадолго.

— Я скажу за всех, — вступил Брух. — Нам тоже грустно, но это светлая грусть. Мы ещё встретимся, поверьте.

— А что будет с городом? — воскликнула не-Юля, обняв «сестру». — Он же пропадёт. Так нельзя.

— Верно, — задумался дядя Олег. — Тут ведь целый памятник миру и добру. Надо сохранить.

— Тогда пусть каллистееане откроют здесь посольство, — просияла мама. — И построят свой квартал. Разумеется, когда разберутся с переселением.

— Отличная идея, — поддержал не-Гоша. — Мы с... Юлькой готовы хоть сейчас.

— Полностью согласна, — «кивнула» клешнями Фея. — С радостью будем здесь присутствовать. Разумеется, с разрешения Полигона.

— Разрешение получено, — серьёзно ответил дядя Олег. — Можете приступать к строительству немедленно при условии, что не повредите местную архитектуру.

— Есть предложение, — вмешалась Чжао. — Перенести сюда центр подготовки новобранцев. Чтобы отвыкали бояться тех, кто непохож.

— Отлично! — Дядя Олег довольно щёлкнул пальцами. — Ещё перенесём сюда центр приёма беженцев. Начнём с «осьминогов», они как раз прошли санитарный контроль. Пусть набираются сил перед новым броском. И хранилище организуем, для книг и предметов искусства. А ещё откроем музей инопланетных культур, для новобранцев и вообще. Не век же человечеству верить, что Вселенная пуста. Когда-то придётся разбивать скорлупу.

— Мы бы хотели предложить помощь, — вмешалась Фея. — В новой солнечной системе предостаточно места, мы можем пригласить «осьминогов» пожить у нас и даже остаться навсегда. Судя по тому, что вы говорите, они существа культурные. Нам очень интересно с ними пообщаться. И потом, вместе всегда веселее.

— Я передам, — признательно посмотрел на неё дядя Олег. — Уверен, они будут благодарны. Как, впрочем, и мы.

— Как же вы всё-таки изменились, — задумчиво протянул Брух, оглядывая Старших. — Это очень важно — думать о других и помогать даже тогда, когда сам нуждаешься в помощи. С этого начинается Путь.

Приблизившись к гоблину, Фея осторожно обхватила его массивными клешнями и что-то застрекотала.

— Я же сказал, не надо грустить, — улыбнулся Брух. — Впереди у вас долгая, тернистая, но очень интересная дорога. Это не конец истории, поверьте. Только её начало.

Попроцавшись, Хнуп, Брух и Грых шагнули в портал. Следом потянулась разношёрстная вереница гоблинов и *груммов*. Заплакав, Юля крепко взяла за руку ревущее в три ручья Отражение. Нахмурившийся не-Гоша подошёл к мальчику и, не зная, как выразить поддержку, ткнул собрата в плечо. Ласково обняв мальчишек и девчонок, мама шептала им что-то утешающее. Папа, Тамара, Чжао и дядя Олег сдержанно молчали, по-спартански не желая давать волю чувствам.

Последние из пёстрой толпы скрылись в портале. Мигнув, врата Пути погасли. Город опустел.

— Не грусти, Гошка, — подойдя к мальчику, ободряюще улыбнулась Юля. — Ко мне скоро сестра приезжает, Катя. Ты её не знаешь, она на Украине живёт с мужем. Приходите к нам в гости, она очень хорошая. Я, когда заболела, она приезжала, помогала как могла. А сейчас у неё малыш родился, заодно и на него посмотрите. Придёте?

— Обязательно, — подтвердил папа. А Гоша понял, откуда в Юлькиной комнате двухъярусная кровать.

— Тебе хорошо, — грустно сказал он. — У тебя сестра есть. А я один.

— А вот и неправда, — улыбнулась Юлька, весело глядя на маму. — Месяцев через восемь всё изменится.

— Так и знала, что почувствуешь. — Улыбнувшись, мама погладила себя по животу. — Ничего-то от тебя не скроешь.

Гоша страшно обрадовался. У него будет братик или даже сестрёнка! Маленькое, крохотное существо, о котором надо заботиться и защищать. Как же это здорово!

— Я бы тоже хотела к тебе в гости, — с сожалением произнесла не-Юля. — Но пока не получится, скафандр твоим родителям не объяснишь. Тогда ты к нам заглядывай, хорошо?

— Насчёт гостей мы что-нибудь придумаем, — вмешался дядя Олег. — Человеку под землёй тоскливо. Думаю, Юлиных родителей придётся посвятить в нашу тайну. Что скажешь, можно на них положиться?

— Конечно, — расцвела девочка. — Они никому не скажут, честное слово.

— Верю, — улыбнулся дядя Олег. — Тебе — верю.

Полина получила кристаллик первой. За ней последовали Женька с Серёжкой, мама, папа и Валерий Кузьмич. Удивительно, но раньше всех проникший в тайны гоблинов колдун не торопился становиться на путь *уцк*. Стоило немалых усилий разубедить его, что он слишком стар для новой жизни.

Из маленькой искорки разгоралось тёплое, доброе пламя, сплавивая разных, и в то же время настолько похожих людей в единое, помогающее ощутить причастность к чему-то большему, целое. Каждый день в стройный хор вливались новые голоса. Однажды «в сети», как говаривал папа, объявился и дядя Олег, тут же пригласивший всех к маме по поводу «одного крайне важного события».

В гостях у Александры Вениаминовны ребята страшно обрадовались, узнав, что дядя Олег и тётя Мэй планируют пожениться. Дядя Олег со смехом поведал, что понял всё лишь тогда, когда уломал вице-адмирала надеть *р'рих*.

— Ох, и дурак же я был, — улыбался он. — Как щенок слепой, ей-богу. Мэй когда его надела, до меня всё и дошло. И что она меня любит, и что я её. Ничего с этой службой не замечал, олух царя небесного.

Вице-адмирал молчала, загадочно, по-восточному улыбаясь. Мэй Чжао была счастлива. Как рассказала потом Юля: впервые в жизни. А уж как обрадовалась Александра Вениаминовна, Юлька даже не смогла описать. Мама дяди Олега оказалась на редкость доброй и лёгкой в общении. Она незаметно передружилась со всеми, даже с папой, переживавшим, что в своё время был готов притащить её на допрос. Вице-адмирала она называла не иначе как «дочкой», и «железной» тётке Мэй, похоже, искренне это нравилось. Дядя Олег как-то обмолвился, что Чжао — сирота и не знала своих родителей. Похоже, в Александре Вениаминовне она разглядела ту самую, которой ей так не хватало, маму.

Что-то изменилось в капитане «Урагана» с того вечера. Позже Гоша узнал, что она перевелась в растущий как на дрожжах посольский «квартал». Дядя Олег по секрету рассказывал, что тётке Мэй больше не хочется воевать, а наоборот — учиться решать проблемы миром. Ведь в этом и есть, если подумать, высшая мудрость.

С той поры миновало ещё несколько лет. Старшие ушли, оставив свои города в наследие Полигону. Отражения примерно несли посольскую службу, мужественно перенося вопросы любопытных курсантов. Валерий Кузьмич умер, успев многому научить Гошу и Юлю, зато брат Димка рос как на дрожжах, периодически таская из Гошиной комнаты всё, что можно погрызть. Гоша не обижался — некогда было. Он серьёзно увлёкся компьютерами, надеясь однажды поставить машины на службу человечеству. Кто знает, если не получилось у гоблинов то, возможно, получится у людей?

Юлька заинтересовалась медициной, мечтая стать главврачом. Они сильно сдружились с тёткой Мэй, а Гоша обожал чаёвничать с дядей Олегом, знавшим несчётное количество весёлых историй и баек. Иногда на огонёк заглядывали и родители. Бывшие непримиримые враги, папа и дядя Олег служили теперь вместе. Отряд «Сенеж» стал достойной заменой утраченной «Сигме», уже успев поучаствовать в нескольких боевых вылетах.

Гоша и Юля знали, что никогда больше не расстанутся. Что будут изо всех сил приближать день, когда люди, наконец, *поймут*. Этот день был ещё нескоро, но уже и не за горами. Брух был прав — история вовсе не закончилась. Напротив, она лишь только начиналась.

КОНЕЦ.

Сцены после титров

Первая

— Светлана Андреевна? Здравствуйте, — певуче поздоровалась с Юлиной мамой подошедшая на улице незнакомая девушка. — Я к вам по поводу дочки. Простите, не представилась. Меня зовут Оля. Очень, очень приятно!

Вторая

— Разрешите?

Кивок.

Быстро зайдя, человек положил на стол планшет. Сидящий за столом пристально вчитался в текст.

— Мелочь, не обращайтесь внимания, — отмахнулся он. — Взгляните-ка лучше на это.

Пробежавшись по экранчику пальцами, он вернул планшет подчинённому.

— Никита Наумов, — прочитал вошедший. — Дата и место рождения... Это тот самый?

— Тот самый. В связи с ЧП в Жирновске намечается каскад. Поднимайте всех. Срочно.

— Полномочия?

— Чрезвычайные.

Кивнув, гость вышел, неслышно прикрыв дверь. Помолчав, сидящий за столом вернулся к работе.

